

→ SLAVICA ←

МАКСИМ ДУШКИН

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ИДЕЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО
В РУССКИХ ГРАММАТИКАХ
XVIII-XIX ВЕКОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ
ЧИСЛИТЕЛЬНОГО В РУССКИХ ГРАММАТИКАХ
XVIII–XIX ВЕКОВ

Prace Slawistyczne. Slavica

[Monographs in Slavic Studies. Slavica]

143

Redaktor Naczelna [Editor-in-Chief]

Dr hab. Mariola Jakubowicz, prof. IS PAN,
Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, Warszawa, Polska
[Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland]

Rada Naukowa [Scientific Board]

- Д.ф.н., проф. Елена Березович,
Уральский федеральный университет / Институт славяноведения,
Российская академия наук, Екатеринбург / Москва, Российская Федерация
[D.f.n., prof. Elena Berezovich, Ural Federal University / Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg / Moscow, Russian Federation]
- PhDr., CSc. Libuše Čižmarová,
Ústav pro jazyk český, Akademie věd České republiky, Brno, Česká republika
[Czech Language Institute, Academy of Sciences of the Czech Republic,
Brno, Czech Republic]
- Dr hab. Dorota Filar,
Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin, Polska
[Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland]
- Dr hab. Rafał Górski, prof. IJP PAN,
Instytut Języka Polskiego Polskiej Akademii Nauk / Uniwersytet Jagielloński,
Kraków, Polska [Institute of Polish Language, Polish Academy of Sciences /
Jagiellonian University, Cracow, Poland]
- Dr hab. Aleksandra Janowska, prof. UŚ,
Uniwersytet Śląski w Katowicach, Katowice, Polska
[University of Silesia in Katowice, Katowice, Poland]
- Prof. Igors Koškins,
Latvijas Universitāte, Rīga, Latvija [University of Latvia, Riga, Latvia]
- Dr hab. Agnieszka Libura, prof. UWrocław,
Uniwersytet Wrocławski, Wrocław, Polska [University of Wrocław, Wrocław, Poland]
- PD Dr. Thomas Menzel,
Serbski Institut / Sorbisches Institut, Bautzen / Budyšin, Deutschland
[Sorbian Institute, Bautzen, Germany]

Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk

Максим Душкин

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ
ЧИСЛИТЕЛЬНОГО
В РУССКИХ ГРАММАТИКАХ
XVIII–XIX ВЕКОВ**

Warszawa 2018

Recenzje wydawnicze [Editorial Reviews]

dr hab. Elżbieta Janus, prof. UKSW,
Uniwersytet Kardynała Stefana Wyszyńskiego, Warszawa, Polska
[The Cardinal Wyszyński University, Warsaw, Poland]

dr hab. Jolanta Chojak,
Uniwersytet Warszawski, Warszawa, Polska
[University of Warsaw, Warsaw, Poland]

**Publikacja finansowana ze środków Instytutu Sławistyki
Polskiej Akademii Nauk.**

**[This work was financed by the Institute of Slavic Studies,
Polish Academy of Sciences.]**

Redakcja i korekta [Copy-editing and proofreading]
Birutė Sinochkina

Skład i łamanie [Typesetting and page makeup]
Andrzej Cedro

© Copyright by Maksim Duszkin, 2018
This is an Open Access book distributed under the terms
of the Creative Commons Attribution 3.0 PL License
(creativecommons.org/licenses/by/3.0/pl/), which permits
redistribution, commercial and noncommercial,
provided that the book is properly cited.

ISBN: 978-83-64031-81-6
e-ISBN: 978-83-64031-82-3
ISSN: 0208-4058 (Prace Sławistyczne. Slavica)

Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk
[Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences]
ul. Bartoszewicza 1b/17, 00-337 Warszawa
tel. 22 826 76 88, sow@ispan.waw.pl, www.ispan.waw.pl

СОДЕРЖАНИЕ

I. Вводные замечания	7
1. Цели и объект исследования	7
2. Исследуемый материал	10
3. Принципы цитирования исследуемых текстов	14
4. Структура работы	15
II. Числительное и теория частей речи	17
III. Числительное в русских грамматических текстах XX в. и в работах последних лет	21
1. Числительное в традиционной школьной частеречной классификации (учебники и учебные пособия)	21
2. Числительное в научной частеречной классификации (грамматические труды, академические грамматики, учебные пособия для студентов высших учебных заведений).	27
2.1. Формальная школа (Филипп Федорович Фортунатов, Дмитрий Николаевич Ушаков, Михаил Николаевич Петерсон, Александр Матвеевич Пешковский)	28
2.2. Алексей Александрович Шахматов	32
2.3. Василий Алексеевич Богородицкий	40
2.4. Виктор Владимирович Виноградов	42
2.5. После Виноградова	53
IV. Как определять числительное? Основные теоретические положения . .	81
V. Из истории формирования числительного как части речи в русском языке	113
1. Числовые существительные и прилагательные в древнерусском языке	113
2. Развитие именных числовых слов в отдельную русскую часть речи .	122

VI. Понятие числительного в грамматиках церковнославянского языка Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого	129
VII. Числительное в русских грамматических работах XVIII–XIX вв.	143
1. «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» В. Е. Адогурова (1731)	143
2. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова (1755).	146
3. Грамматика А. Барсова (1783–1788)	153
4. Учебная грамматика Е. Б. Сырейщикова (1787)	174
5. Учебники П. Соколова (1788, 1792)	177
6. Академическая грамматика 1802 г.	185
7. Школа «универсальной грамматики» в России первого десятилетия XIX в. Работы ученых Харьковского университета	190
7.1. «Введение в круг словесности» И. С. Рижского (1806).	193
7.2. «Новейшее начертание правил российской грамматики» И. Орнатовского (1810)	195
7.3. «Начертание всеобщей грамматики» Л. Г. Якоба (1812).	208
8. «Пространная русская грамматика» Н. Греча (1827)	212
9. «Русская грамматика» А. Востокова (1831)	221
10. «Основания русской грамматики» В. Белинского (1837)	229
11. «Филологические наблюдения над составом русского языка» Г. П. Павского (1841–1842; 1850).	236
12. «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» И. И. Давыдова (1852)	251
VIII. Заключение	261
IX. Библиография	271
X. Bibliography (Transliteration)	283
XI. About the volume	295

I. Вводные замечания

1. Цели и объект исследования

Вопрос, рассмотрению которого посвящена эта книга, – история идеи числительного в русских грамматических работах XVIII–XIX вв. Материалом для данного исследования послужили грамматики, написанные в период зарождения русского языкознания в XVIII в. или позднее, в течение нескольких последующих десятилетий развития этой науки в России.

Первые грамматики русского языка, написанные по-русски, были опубликованы в XVIII столетии. В 50-е годы XVIII в. увидел свет знаменитый труд М. Ломоносова «Российская грамматика», который можно считать началом русской грамматической традиции. Однако работа Ломоносова не являлась первой русской грамматикой в прямом смысле этого слова. Во второй половине XX в. и позднее был обнаружен ряд более ранних грамматик русского языка. Большинство из них было составлено в конце XVII – начале XVIII в. иностранцами, на иностранных языках: латыни, английском, французском, немецком. Эти грамматики предназначались для иноязычных читателей, интересующихся русским языком, и носили скорее учебный, справочный, а не научный характер. Б. Успенский перечисляет следующие работы такого рода: краткое введение с описанием русского языка в работе Марка Ридлея (Ридли) «A Dictionarie of the vulgar Russe tongue» (рукопись 1594–1599 гг.); составленная на латинском языке грамматика Генриха Вильгельма Лудольфа (издана в 1696 г.); рукописная грамматика Эрнста Глюка, написанная в 1703–1705 гг. на немецком языке; датированная 1724 г. рукопись авторства Жана Сойе (метаязык – французский) и др. (Успенский 1997). Эти работы не оставили такого следа в русской лингвистической науке, какой оставили труды Адодурова, Ломоносова,

Соколова и т. д., и мы их не будем включать в список исследуемого материала, а ограничимся лишь их упоминанием¹.

В книге будут анализироваться работы, которые были написаны до середины XIX в. Тем не менее, в одном из разделов будет представлена история описания числительного и в более поздний период – с начала XX в. по сегодняшний день.

Данная работа не является описанием состояния исследований по предмету «русское числительное». Описание состояния исследований в научных монографиях призвано показать конечный (на момент создания такой монографии) этап научной разработки исследуемой проблемы. Целью его является демонстрация того, что по данному вопросу уже сделано и не требует дальнейшего рассмотрения, а что еще не изучено. Здесь же будут анализироваться работы, написанные в период, от которого нас отделяет более чем столетие разработки русской грамматики вообще и вопроса числительного – в частности. Многие мысли о языке либо тех или иных его аспектах, высказывавшиеся в XVIII–XIX вв., современному лингвисту могут показаться архаичными, методологически неверными, а возможно – не имеющими научной ценности. Однако при исследовании истории научной идеи принимаются во внимание иные соображения и оценка научных работ дается с совершенно иной точки зрения. Исторические научные представления о том или ином предмете (распространенные в тот или иной период, предложенные в той или иной работе) могут обладать недочетами, которые на данный момент (в XXI в.) в науке давно уже устранены. Тем не менее, проблемы, лингвистикой уже решенные, с точки зрения истории науки так же существенны, как и проблемы, не решенные до сих пор. Работы XVIII–XIX вв., которые будут рассмотрены мной, в появляющихся сегодня синхронических описаниях современного числительного уже, как правило, непосредственно не цитируются. С точки зрения сегодняшней науки их можно рассматривать скорее не как научные труды, а как исторические источники, как памятники русской лингвистической мысли.

¹ Шире об этих грамматиках см. Успенский 1997. Следует отметить, что составленная на русском языке рукописная грамматика Ивана Афанасьева 1725 г., которую анализирует в своей статье Успенский, была мне недоступна, и поэтому она также не будет здесь описываться. Шире о ней см.: Успенский 1997: 475–487. Успенский, в частности, указывает, что Афанасьев попытался «уложить русский языковой материал в немецкую грамматическую схему» (Успенский 1997: 476). Интересно, что количественные числительные у Афанасьева калькируют немецкие по форме начиная с третьего десятка, что проявлялось в порядке слов (напр., *четыре двадцать* – *vier und zwanzig* и т. д.) (484–485).

Таким образом, основным объектом работы является не языковой (и в частности – лексический) материал как таковой, а лингвистические тексты, ему посвященные. Слова, характеризовавшиеся как *числительное*, в русских грамматических работах интересующего нас периода были в общих чертах одни и те же. Точнее говоря, существовало некое ядро, т. е. основная часть интересующей нас группы слов, которая встречается под названием числительного во всех анализируемых в книге грамматиках. В состав числительного всегда включались соответствия сегодняшних определенно-количественных (*один, два* и т. д.) и порядковых. Однако содержание понятия «числительное» (то, как мыслились слова, им объединенные) в работах интересующего нас периода неодинаково. В первых русских грамматиках числительное не считалось отдельной частью речи². Оно, как правило, рассматривалось как выделенная по общему смыслу числа группа имен. Статус же этой группы по отношению к основным типам имени – существительному, прилагательному – ученые определяли по-разному. Например, в работе М. Ломоносова положение числительного среди имен (здесь прямо выделены только два типа: существительные и прилагательные) фактически обходится молчанием, у А. Барсова и А. Востокова числительное считается подвидом прилагательных, а Н. Греч считает, что числительное (группа, выделенная по смыслу) в грамматическом отношении – это или существительное, или прилагательное имя. Идея о числительном как о части речи, причем части речи неименной, объединяющей в себе и слова именного типа, и наречия со значением числа, появляется в работе И. Орнатовского (1810), а именное числительное было названо отдельной частью речи в работе протоиерея Г. Павского (1850). И лишь затем понимание числительного в качестве части речи закрепляется в русских лингвистических работах.

Целью представленного в настоящей монографии анализа является определение основных этапов развития лингвистической идеи о русском числительном в разных ее аспектах. Нас будут интересовать следующие связанные с идеей числительного вопросы: (1) какое понятие – по объему и по содержанию – обозначалось термином «числительное» в той или иной работе; (2) как данное понятие соотносилось с понятиями существительного, прилагательного и т. д.; (3) по каким критериям слова включались в состав числительного (критерии выделения числительных среди прочих слов); (4) какие выделялись

² Основания рассматривать числительное как часть речи в русском языке интересующего нас периода уже существовали. Вопрос о том, какие слова следует относить к этой части речи, будет подробно рассмотрен далее.

подвиды (разряды) числительного и каковы характеристики, на основании которых они выделяются (семантические, словоизменительные, словообразовательные и т. д.).

Таким образом, мы рассмотрим историю развития русской лингвистической науки в одном из ее аспектов.

Подводя итоги вышесказанного, следует еще раз отметить, что история русского языка как такового или же история отдельных языковых явлений (развитие лексической, морфологической системы и т. д.)³ не является темой этой книги. Работа посвящена вопросам иного рода. В ней рассматривается история лингвистической идеи числительного и ряда сопряженных с ней лингвистических понятий (понятия части речи вообще, имени, понятия разновидностей числительного и т. д.).

Кроме того, книга затрагивает и вопросы истории лингвистической терминологии, связанной с числительным (прежде всего – терминологии, используемой для обозначения его разрядов). Необходимо, однако, подчеркнуть, что описание истории терминологии не является первостепенной задачей нашего исследования.

2. Исследуемый материал

В книге будут рассмотрены следующие грамматические тексты XVIII–XIX вв.:

Автор / авторы	Год написания или год выхода первого издания работы ⁴	Название работы
В. Е. Адогуров (1709–1780) ⁵	1731	Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache

³ Об истории русского числительного в морфологическом аспекте в период с XVI в. вплоть до середины XX см., напр., монографию А. Богуславского «Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim» (Bogusławski 1966). Об истории числительного в русском литературном языке XVIII в. в разных аспектах (морфологическом, синтаксическом, стилистическом и т. д.) см. монографию И. Дьячковой «Числительные в русском литературном языке XVIII века» (Дьячкова 2010).

М. В. Ломоносов (1711–1765)	1755 (1757)	Российская грамматика
А. А. Барсов (1730–1791)	1783–1788	Обстоятельная российская грамматика
Е. Б. Сырейщиков (1757–1790)	1787	Краткая российская грамматика, изданная для народных училищ Российской империи
П. И. Соколов (1764/1766 – 1835/1836)	1788	Начальные основания российской грамматики
[П. И. Соколов, Д. М. Соколов, И. И. Красовский]	1802	Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою академиею
И. С. Рижский (1759/1761 – 1811)	1806	Введение в круг словесности, сочиненное в Императорском Харьковском университете и служившее руководством бывших в оном 1805-го года публичных чтений, предшествовавших науке красноречия
И. Орнатовский (? — ?) ⁶	1810	Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных
Л. Г. Якоб (1759–1827)	1812	Курс философии для гимназий Российской империи, сочиненный доктором Лудвигом Генрихом Якобом... Ч. 2. Начертание всеобщей грамматики

⁴ Год написания приведен лишь в случае труда А. А. Барсова. Первая полная публикация этой работы, основанная на сохранившихся рукописных экземплярах, увидела свет лишь в 1981 г. Ранее выдержки из этой грамматики публиковал Ф. И. Буслаев (1855).

⁵ Годы жизни Адодурова и других ученых из этого списка приводятся по данным биобиблиографического словаря «Востонославянские языковеды» авторства М. Булахова (1976).

⁶ Точные данные по годам жизни Ивана Орнатовского неизвестны. См., напр., статью об Орнатовском в: Булахов 1976: 178–179.

Н. И. Греч (1787–1867)	1827	Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем
	1827	Пространная грамматика русского языка. Т. 1.
	1828	Начальные правила русской грамматики ⁷
А. Х. Востоков (1781–1864)	1831	Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях.
	1831	Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная.
В. Г. Белинский (1811–1848)	1837	Основания русской грамматики...
Г. П. Павский (1787–1863)	1850 ⁵	Филологические наблюдения над составом русского языка (4 тома)
И. И. Давыдов (1794–1863)	1852	Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Императорской академии наук

Список состоит преимущественно из научных грамматик русского языка, написанных в период с XVIII до второй половины XIX в. Кроме того, в нем содержится несколько текстов, выходящих за эти рамки и требующих дополнительного комментария касательно причин их включения в исследуемый материал:

- Грамматики, которые будут предметом анализа, представленного в книге, написаны по-русски о русском языке. Исключение составляет грамматика В. Адодурова «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache». Она была написана по-немецки и напечатана в 1731 г. в составе так называемого «Вейсман-

⁷ Начиная с 10-го издания (1845), исправленного и дополненного, эта книга называлась: «Краткая русская грамматика, изданная Николаем Гречем».

⁸ 1850 – год выхода второго издания труда. В состав второго издания вошел том, содержащий, кроме всего прочего, и материалы по числительному. В первом же издании (1841–1842) числительное рассматривается лишь в общих чертах.

нова лексикона» (Волков, Карева, Филиппов 2014: 7)⁹. Перевод этого грамматического очерка на русский был издан лишь в 2014 г.¹⁰ Я посчитал необходимым включить эту грамматику в представленный здесь анализ по следующим причинам. Во-первых, с грамматическими идеями Адодунова был знаком Ломоносов, чей труд вышел спустя более чем 20 лет после публикации работы Адодунова¹¹. Во-вторых, Адодунов был автором обширной грамматики, написанной по-русски в 1738–1740 гг. (Успенский 1997: 447). До нас дошли лишь фрагменты ее рукописи, касающиеся фонетики и правописания, а также введение. Части же, касающиеся числительного, не сохранились. Следует, однако, отметить, что идеи, представленные в кратком немецкоязычном тексте Адодунова 1731 г., который мы будем рассматривать, могли во многом повторяться и в более поздней работе¹².

- Основной упор при выборе материала делался на грамматики, которые можно считать научными¹³. Однако в первоначальный период грамма-

⁹ Речь идет об одном из первых русских трехязычных словарей — «Немецко-латинском и русском Лексиконе купно с первыми началами русского языка к общей пользе при Императорской Академии наук печатую изданного = *Deutsch-Lateinisch-und Russisches Lexicon, samt denen Anfangs-Gründen der Rußischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften zum Druck befördert*» (Санкт-Петербург, 1731). Об этом лексиконе и участии в его создании Адодунова см., напр.: Волков, Карева, Филиппов 2014: 7–8.

¹⁰ Он был опубликован в книге «Василий Евдокимович Адодунов: „Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache“, или „Первые основания российского языка“. Формирование русской академической грамматической традиции» (Санкт-Петербург, 2014). Редакторы издания – К. А. Филиппов, С. С. Волков, переводчик грамматического трактата Адодунова – Л. Н. Григорьева.

¹¹ Н. В. Карева, опираясь на данные В. Н. Макеевой (Макеева 1961: 47), пишет: «В. Н. Макеева в книге об истории создания „Российской грамматики“ показала, что М. В. Ломоносов хорошо знал текст „Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache“ и обращался к нему в процессе работы над „Российской грамматикой“...» (Карева 2014: 36).

¹² Б. А. Успенский пишет, что грамматика Грёнинга, изданная в Стокгольме в 1750 г. (Groening 1750), с большой долей вероятности является не оригинальным произведением, а переводом на шведский пространной адодуновской грамматики 1738–1740 гг. (Успенский 1997: 448). Во всяком случае, соответствующие части грамматики Грёнинга совпадают с дошедшими до нас фрагментами текста Адодунова. У Грёнинга заметны и сходства с немецкоязычным текстом Адодунова 1731 г. Б. Успенский пишет, что Б. Унбегаун не считал вторую часть грамматики Грёнинга, посвященную морфологии, оригинальной, «поскольку она обнаруживает непосредственную зависимость от очерка Адодунова 1731 г.», часть же о синтаксисе повторяет этот очерк практически дословно (Успенский 1997: 449). Следует отметить, что классы числительного, выделенные в грамматике Грёнинга, совпадают с теми, которые указаны у Адодунова в краткой грамматике 1731 г.: *Numeralia Cardinalia, Numeralia Ordinalia* и *Numeralia Multiplicativa*.

¹³ В первых грамматиках нередок уклон в нормативность, связанный с проходившим в тот период процессом кодификации русского языка. Специально этим вопросом в данной книге мы заниматься не будем.

тического описания русского языка определенную лепту в изучение тех или иных вопросов могли вносить и работы учебного характера. В них могли содержаться интересные и в какой-то степени новаторские (для своего времени) теоретические идеи. Поэтому в список были включены, например, учебники Е. Сырейщикова (1787) и П. Соколова (первое издание – 1788 г.).

- Основным предметом анализа являются грамматики русского языка, однако я посчитал нужным рассмотреть и две работы, написанные в русле школы универсальной грамматики и посвященные скорее не русскому языку, а языку вообще (тому, что, по соображениям авторов, свойственно всем естественным языкам, в том числе и русскому). Это работы И. Рижского (1806) и Л. Якоба (1812). Они содержат интересные и во многом характерные для своего времени теоретические замечания о числительном и поэтому также будут рассмотрены в книге.

3. Принципы цитирования исследуемых текстов

При цитировании исследуемых грамматик мною соблюдался следующий принцип: основной текст лингвистического описания приводится в современной орфографии, устаревшие грамматические формы заменяются соответствующими формами современного русского языка, пунктуация по мере возможности приводится в соответствие с современной; однако иллюстративный языковой материал, рассматриваемый авторами (примеры лексем и т. д.), сохраняется в первоначальном виде.

Приводимые в книге цитаты оформляются в соответствии с оригинальным (цитируемым) текстом¹⁴. Если в цитату вносятся изменения шрифтового представления, это указывается в комментариях к ней. Если по тем или иным причинам один тип выделения заменяется на другой (напр., разряженный

¹⁴ Под оформлением мы имеем здесь в виду различные способы графического выделения тех или иных текстовых фрагментов на фоне остального цитируемого текста: подчеркнутый шрифт, курсив, полужирный/жирный шрифт, шрифт иного размера или рисунка. Необходимо отметить, что шрифтовое оформление старых грамматик иногда заметно отличается от принятого в настоящее время. Напр., примеры анализируемых лексем в некоторых книгах могли печататься тем же шрифтом, что и основной текст (без использования курсива, разряженного шрифта, подчеркивания и т. д.). Как правило, цитируемый текст в таких случаях приводится мной без изменений его шрифтового оформления.

шрифт – на курсив), в цитируемом фрагменте оригинального текста не применявшийся, отдельно в тексте этот факт не оговаривается.

4. Структура работы

Структура последующих частей книги такова:

В следующей главе – «Числительное и теория частей речи» – вводятся основные положения, принятые в работе касательно системы частей речи и числительного как ее элемента, а также уточняется формулировка основных задач работы. На мой взгляд, система частей речи в грамматическом описании имеет смысл лишь тогда, когда она воспринимается как инструмент отражения того разделения лексики на грамматические классы, которое существует в языке, т. е. как отражение объективной реальности – в большей или меньшей степени верное. В главе «Числительное в русских грамматических текстах XX в. и в работах последних лет» представлена история понятия числительного как элемента частеречных классификаций, содержавшихся в работах, опубликованных в период с начала XX в. вплоть до наших дней. За ней идет глава «Как определять числительное?», в которой предпринята моя собственная попытка определить, что же такое русское числительное, основывающаяся на анализе истории понятия в современных лингвистических описаниях и наблюдаемых в них противоречий и теоретических неточностей. Все три вышеперечисленные главы (третья – в особенности) крайне важны для понимания работы в целом.

В главе «Из истории формирования числительного как части речи в русском языке» анализируются некоторые аспекты истории превращения разнообразных грамматически счетных лексем в русское числительное, а кроме того затрагивается вопрос существования этой части речи в русском языке периода появления первых русских грамматик.

Отдельная глава посвящена числительному в грамматических трудах Л. И. Зизания (его «Грамматика словенска» была издана в 1596 г. в Вильне) и М. Г. Смотрицкого («Грамматики Славенския правилное Синтагма», Евье, 1619). Несмотря на то, что это грамматики церковнославянского языка, описание истории идеи числительного в русской лингвистике раннего периода без их учета было бы неполным. Эти грамматики были известны в Российском государстве, в особенности труд Смотрицкого, который выдержал там несколько переизданий. С работой Смотрицкого были, безусловно, знакомы

и создатели первых русских грамматик, в частности Адодуров и Ломоносов¹⁵, и должны были на нее в какой-то мере опираться. Следует отметить, что в церковнославянских грамматиках Зизания и Смотрицкого рождается и термин *числительное*. В метаязык русских грамматик он перешел, по всей видимости, именно из них.

Затем следует основная часть книги – «Числительное в русских грамматических работах XVIII–XIX вв.». В ней представлен последовательный анализ лингвистических текстов с точки зрения содержащегося в них понятия числительного. Тексты анализируются в хронологическом порядке. Хронологическая последовательность описания работ отражает возможные взаимосвязи между ними, а в частности – между представленными в них вариантами понятий числительного, порядкового числительного, прилагательного и т. д.

¹⁵ Один из фрагментов, в котором М. Ломоносов обращается к грамматике Смотрицкого, в советском издании труда (1952) отмечен в сноске 41 (Ломоносов 1952: 412, 867). Грамматику Смотрицкого Ломоносов упоминает, например, и на страницах 7 тома «Материалов к „Российской грамматике“» (см.: Макеева 1961: 46–47).

II. Числительное и теория частей речи

(Постановка основных вопросов, рассматриваемых в работе)

Частями речи мы назовем крупные классы слов, каждый из которых выделяется из лексики языка по некоему набору общих для этих слов грамматических черт. Эти классы отличаются друг от друга набором возможных синтаксических функций, которые могут нести входящие в них слова, различными характеризующими их морфологическими категориями и т. д. Слова одной части речи обладают и общими смысловыми чертами¹⁶.

Понятие частей речи зарождается в древности. Например, в грамматике Панини (V в. до н. э.) применительно к санскриту выделены имя, глагол, префикс-предлог, союзы и частицы. У Аристотеля же (IV в. до н. э.) – имя, глагол, член, союз (или связка).

Языки могут различаться как по составу частей речи (например, во французском, английском и немецком есть артикль, а в русском эта часть речи отсутствует), так и по тем грамматическим характеристикам, которые свойственны данной части речи в том или ином языке (например, прилагательное, которое в русском изменяется по падежам, родам и числам, является неизменяемым в английском).

Грамматические модели языков могут быть разными, но – теоретически – возможна выработка некоего универсального, единообразного подхода к их описанию, не предполагающего тождественности полученных частеречных классификаций (т. е. одинаковости полученного для разных языков набора частей речи). Однако на данный момент в лингвистике, по существу, нет единого мнения, как определять части речи и по каким критериям устанавливать их

¹⁶ Однако давно замечено, что общий смысл, усматриваемый у слов той или иной части речи, не всегда характерен только и исключительно для них, поэтому не может являться основным критерием при выделении частей речи. Этот вопрос будет рассмотрен подробнее в следующих разделах книги.

границы – даже по отношению к отдельно взятым естественным языкам. Существуют классификации, опирающиеся на традиционные семантические (онтологические) критерии, или, как минимум, считающие их основными (напр., «школьные» классификации), морфологические, синтаксические и смешанные (предполагающие, что при разделении лексики на части речи может применяться комплекс критериев трех вышеперечисленных уровней). В русском языкознании на данный момент преобладает смешанная классификация, а, например, в польском предпринимаются серьезные попытки построить классификации, основанные на синтаксических (или морфосинтаксических) критериях¹⁷. Теоретическим базисом для нашей книги послужила работа В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове». В ней указываются существенные грамматические черты числительных, являющиеся подтверждением их отдельного частеречного статуса в русском языке. В целом же частеречная теория Виноградова принимается нами в качестве гипотезы касательно фактического устройства русской частеречной системы (в вопросах частеречной классификации, выходящих за рамки проблемы числительного).

Следует ли рассматривать части речи как объективное языковое явление? По моему мнению – да. Понятие частей речи описывает классы слов с обобщенными, присущими этим словам свойствами, реально наблюдаемыми в языке. Например, слово *падать* по своим грамматическим характеристикам много ближе к словам *строить*, *считать*, *приходить*, *состояться*, *подумать* (глагол близок другим глаголам), чем к словам прочих частей речи (*ты*, *приход*, *сосна*, *скоро*, *и*, *даже*, *семь* и т. д.). У него сходный с прочими глаголами набор возможных синтаксических ролей, сходные общие морфологические черты (морфологические категории, связанные со спрягаемыми словами). Слово *и* грамматически, по синтаксическим функциям, морфологическим свойствам, близко к словам ряда *а*, *что* и т. д., отличаясь от слов других классов (типа *делать*, *красный* и т. д.).

Можно сказать, что разбиение лексики на грамматические классы дано нам самим языком, а частеречные классификации в грамматических работах лишь отражают его (с возможными искажениями по отношению к реальности). В этой книге мы принимаем выраженную А. Супруном точку зрения на

¹⁷ Например, одна из таких классификаций – построенная на иерархическом принципе, при котором крупные классы постепенно, на основе той или иной синтаксической черты, разбиваются на все меньшие классы, до получения собственно частей речи, – была представлена Романом Ласковским в польской академической грамматике 1998 г. (Laskowski 1998: 52–65, особенно 56–59). Автор упоминает также ряд других классификаций польской лексики, основанных на синтаксических принципах (в частности, классификацию М. Гроховского).

части речи: «... задача лингвистов состоит не в том, чтобы найти удобную и непротиворечивую классификацию слов по частям речи, а в том, чтобы обнаружить именно ту классификацию, которая существует в данном языке, и описать ее» (Супрун 1971: 108). При таком понимании возможны частеречные классификации, более близкие к реально существующему в языке делению лексики на части речи, отражающие ее точнее, и более далекие от нее.

История лингвистической идеи числительного в русских грамматических работах – это, по сути, история осознания определенных слов в качестве отдельной части речи («числительное»). Именно с этой точки зрения мы и будем проводить анализ ранних русских грамматических работ. Этот анализ – не определение особенностей использования термина «числительное» у того или иного автора, и не поиск реестра слов, по отношению к которому автор хотел бы использовать этот термин (по тем или иным, субъективным или объективным, причинам). Основное внимание будет уделено иному вопросу: насколько верное отражение получала в грамматическом описании существующая в языке часть речи, называемая сегодня числительным (причем теоретически она могла быть названа любым образом: «количественное», «исчислительное» и т. д.). Рассматриваться будет история поиска этой части речи в ранних русских грамматических работах, история постепенного осознания ее существования в языке, попыток определения ее состава и объема.

Верное разделение лексики по частям речи подразумевает выделение всех частей речи, существующих в языке, и невыделение частей речи, лишних по отношению к языку, в нем на самом деле отсутствующих (случай, когда слова, ей приписываемые, на самом деле принадлежат другим, реально существующим, частям речи). Поэтому первую проблему, связанную с числительным в ранних грамматических работах, можно сформулировать так: осознавали ли ученые существование его как части речи? Если в предложенной данным ученым грамматической системе числительное не выделялось в отдельную часть речи, то как тогда описывалась частеречная принадлежность соответствующих слов?

Границы между частями речи должны быть проведены адекватно реальным границам между ними в языке (т. е. в данную часть речи должны попадать все слова, к ней относящиеся, и не попадать лишние слова, на самом деле принадлежащие другим частям речи).

Возможны случаи, когда в предложенной ученым грамматической системе оказываются выделены все существующие в данном языке части речи (при этом ученый не создает в своем описании никаких лишних частей речи по отношению

к реальной ситуации в данном языке), однако границы между частями речи определены неправильно. Адекватность определения границ зависит, во многом, от применяемых ученым критериев разделения лексики на части речи (обычно применяются семантические, морфологические, синтаксические, либо их смешение – речь об этом пойдет в последующих главах работы). В связи с этим вторую теоретическую проблему, важную с точки зрения книги, можно сформулировать следующим образом: верно ли были определены границы числительного в тех работах интересующего нас периода, в которых оно считалось частью речи? Позволяли ли используемые тем или иным автором критерии частеречной классификации выделить числительное в правильном объеме, т. е. так, чтобы в него не попадали лишние слова (принадлежащие другим частям речи), а слова, являющиеся числительными в языке, не попадали в грамматическом описании в другие части речи?

III. Числительное в русских грамматических текстах XX в. и в работах последних лет

В этом разделе мы рассмотрим историю понятия числительного в русских лингвистических работах двадцатого столетия и основные результаты его развития, наблюдаемые в современной русской лингвистике (преимущественно – в различных учебных и научных грамматиках русского языка).

1. Числительное в традиционной школьной частеречной классификации (учебники и учебные пособия)

Термином «числительное» в лингвистической литературе традиционно называется одна из русских частей речи. Можно выделить несколько основных вариантов понимания числительного, существующих на сегодняшний день.

«Школьная» грамматическая традиция в отношении числительного наиболее консервативна и довольно единообразна. В учебниках и справочной литературе для школьников основным критерием при выделении числительных из общей массы русских слов и дальнейшем разбиении их на типы служит, как правило, смысловой критерий. Он же, впрочем, используется и при выделении ряда других частей речи. Существительное «обозначает предмет», прилагательное – «признак предмета», местоимение «замещает имена», «указывает» на предметы, признаки и т. д., не называя их. Числительные же – это слова, которые «обозначают количество чего-либо» или же «указывают порядок предметов при счете»¹⁸. Грамматические характеристики не являются основой разделения лексики на части речи, а лишь приписываются заранее выделенным

¹⁸ Некоторые же части речи выделяются на основе функционально-синтаксического критерия: например, союз «служит для связи» членов простого предложения или частей сложного.

на других, неграмматических, основаниях классов. Например, в учебнике «Этимология», первое издание которого вышло в конце XIX в., П. В. Смирновский определяет части речи следующим образом:

Кроме стороны внешней – *звуковой*, слова имеют и внутреннюю – *смысловую*: одни из них обозначают предметы, другие – признаки, третьи – действия и т. д. Разряды слов, различаемые по значению, называются частями речи. Частей речи девять. 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) глагол, 4) местоимение, 5) имя числительное, 6) наречие, 7) предлог, 8) союз, 9) междометие (Смирновский 1915: 5).

И далее о числительном:

Имя числительное есть часть речи, обозначающая или *количество* предметов счетом (на вопрос: *сколько?*) или их *порядок* по счету (на вопрос: *какой?*).

Числительные, обозначающие *количество* и отвечающие на вопрос: *сколько?* – называются количественными; напр.: *один, два, три* и т. д.

Числительные, обозначающие порядок и отвечающие на вопрос: *какой?* – называются порядковыми; напр.: *первый, второй, третий* и т. д.

К числительным количественным принадлежат также числительные дробные (напр., *полтора, три четверти* и т. п.) и числит. собирательные (напр., *двое, троє, четверо, пятеро* и т. п.) (Смирновский 1915: 43–44).

Таким образом, два основных типа числительного (количественные и порядковые) определены, по сути, семантически. Грамматические характеристики этих типов числительного в той или иной мере описываются в учебнике далее, но не они – основа выделения числительного как части речи. Смирновский, например, отмечает, что порядковые числительные склоняются как прилагательные (иначе, нежели количественные). Характер различий между типами количественного числительного (количественными в узком смысле, дробными и собирательными) не оговаривается. По-видимому, прежде всего подразумевается их различная семантика.

Такое понимание числительного, разбивка его на классы, терминология, использовавшиеся в учебнике конца XIX – начала XX в., в школьной традиции сохранились фактически без изменений до настоящего времени¹⁹. По большому

¹⁹ См., напр., учебник советского периода М. Т. Баранова и др. (1974), а также его современное переиздание 2000 г. (Баранов и др. 2000).

Следует отметить, что определение числительного как обозначающего количество чего-либо при более детальном рассмотрении оказывается слишком неточным, а получаемый класс слов – чрезмерно широким. В частности, «количество чего-либо» обозначают и многие морфологиче-

счета, сохранился и описанный выше подход к выделению частей речи вообще²⁰. Общесмысловая характеристика остается основной характеристикой, отделяющей данную часть речи от прочих. «Именем числительным называется часть речи, которая обозначает количество или порядок предметов при их счете» (Щерба (ред.) 1946: 112). Важное отличие учебника 1946 г. под ред. Щербы (и учебников, написанных в более поздние годы) от учебника Смирновского заключается в том, что кроме простых (состоящих из одного корня: *один, два* и т. д.) и сложных (состоящих из двух корней: *пятьдесят, пятьсот*) числительных в нем выделены так называемые составные, которые «...выражаются двумя или несколькими (простыми или сложными) числительными: *двадцать пять, пятьсот шестьдесят семь, тысяча девятьсот тридцать восьмой* и т. д.» (Щерба (ред.) 1946: 112). К проблеме деления числительных по их строению и к группе сложных числительных мы вернемся позднее.

Вообще говоря, с течением времени больше внимания уделяется дробным и собирательным числительным. Смирновский (1915) лишь упомянул их в качестве количественных, а во многих учебниках советского периода числительные

ские производные от числительных: например, *пятилетие, трехколесный, утроить*. Авторы этого учебника пытаются уточнить семантически выделенное числительное следующим, по моему мнению, не очень удачным, образом: «Числовое значение могут иметь, кроме числительных, и другие части речи. Числительные можно записать словами и цифрами, а другие части речи – только словами» (Баранов и др. 1974: 130). (Цифрами, в частности, выражаются и школьные оценки: «двойка», «тройка» и т. д.).

²⁰ В учебной литературе советского периода части речи обычно группируются по тем или иным признакам, иногда семантическим, иногда грамматическим (морфологическим, синтаксическим): изменяемые/неизменяемые, знаменательные/незнаменательные, самостоятельные/несамостоятельные и т. д. Например, разделение частей речи на самостоятельные (являющиеся членами предложения), служебные (не являющиеся членами предложения) и особую часть речи (междометие) представлена в учебнике Бархударова и Крюčkова (1962: 78). В учебнике под ред. Л. В. Щербы части речи делятся на эти же группы: самостоятельные слова, служебные слова и междометие (1946: 50–51). Подобную картину можно найти и во многих современных учебных пособиях. Так, в справочнике Игнатьевой и Тарасовой (2012) указано, что самостоятельные части речи «имеют обобщенное значение и являются членами предложения» (72), служебные «выражают отношения, существующие между явлениями объективной действительности» (135), а особые – это слова, которые нельзя отнести ни к первому, ни ко второму типу (143). Самостоятельные обычно разделяются на изменяемые и неизменяемые (наречия), изменяемые – на склоняемые и спрягаемые части речи (напр.: Рыбченкова и др. 2014: 5).

При этом принцип выделения конкретных частей речи (из крупных классов изменяемых/неизменяемых, знаменательных/незнаменательных и т. д.) сходен с тем, который был представлен у Смирновского в учебниках конца XIX – начала XX в.: существительные по-прежнему обозначают предмет, глаголы – действие и состояние и т. д., а числительное – это по-прежнему «часть речи, обозначающая количество или порядок предметов при счете» (Игнатьева, Тарасова 2012).

этих разрядов рассматриваются более детально²¹, по крайней мере – в смысловом плане. Например, у Баранова и др. (1974) собирательные числительные, с одной стороны, названы количественными, с другой же – представлены как отличающиеся от прочих количественных в смысловом отношении. По мнению авторов, собирательные обозначают «несколько предметов как одно целое: *двое друзей*»²², а числительные типа *два, сто десять* – «целые числа» как таковые (132). Таким образом, разряды количественных числительных представлены в учебнике по смысловому принципу: обозначение целого числа, дробного и числовой совокупности. В других, более ранних, учебниках, в которых выделяются как количественные в узком смысле, так и собирательные количественные, вопрос семантической разницы между ними (существует ли она в действительности или же проблема сводится к отличиям поверхностно-морфологического характера?) обычно не оговаривается. Впрочем, в этом отношении пока не пришли к согласию и научные грамматики (см. об этом: Дьячкова 2010: 27, 34).

Если же речь идет о дробных числительных, то у Баранова и др. (1974) названы, фактически, два их типа: 1) *полтора (полторы) и полтораства*²³, а также 2) числительные типа *две третьих*: «Дробное числительное обычно состоит из двух частей: первая часть называет числитель дроби и представляет собой количественное числительное, вторая часть называет знаменатель дроби и представляет собой порядковое числительное» (Баранов и др. 1974: 138–139). В приведенном здесь фрагменте речь идет фактически о словосочетаниях определенных лексических единиц, которые сами относятся к определенной части речи, и это словосочетание возводится в разряд лексической единицы (определенной части речи). Обоснован ли такой подход и действительно ли

²¹ Это, однако, лишь тенденция, а не правило. В некоторых учебниках собирательные и дробные числительные не оговариваются вовсе, несмотря на представленный в них функционально-семантический подход к определению частей речи (т. е. среди числительных выделяются только собственно количественные и порядковые, напр., в: Поляков, Чистяков 1950; Рыбченкова и др. 2014). У Бархударова и Крючкова к количественным числительным относятся и собирательные, а дробные здесь также не упоминаются (1962).

²² Подобную характеристику собирательных можно найти и в учебника Бабайцевой и Чесноковой (1993: 123).

²³ В переиздании учебника тех же авторов 2000 г. *полтора* и *полтораства* перенесены в группу числительных, обозначающих целые числа. *Полтораства* обозначает число 150, а *полтора* – число, равное единице и половине единицы (2000: 130). Однако, например, в справочнике Стронской 2009 г. сохранен первоначальный подход к данному вопросу: «Все дробные числительные являются составными, кроме слов *полтора, полтораства*» (Стронская 2009: 64).

есть необходимость возведения таких словосочетаний в ранг числительного? Мы вернемся к этому вопросу позднее.

В ряде описанных здесь учебников (в частности – изданных до 1974 г.) количественные числительные в узком смысле не получили собственного названия, что, по моему мнению, усложняло представляемую картину типологии числительных: дробные и собирательные, с одной стороны, входили в состав количественного, а с другой – были представлены как отличные от него²⁴. В прочих учебниках и справочниках количественные числительные в узком смысле обычно называются «целыми». Так, три разряда количественных – целые, дробные и собирательные числительные – выделяют авторы справочника «Русский язык. Справочник школьника» (О. Галаева (сост.) 1997: 92). Подобным образом вопрос решен и в справочнике Хлебинской (2011: 109)²⁵.

Иной подход к описанию дробных и собирательных в их отношении к количественным числительным в узком смысле (целым), использован в учебнике Бабайцевой и Чесноковой (1993). Собирательные и дробные числительные, как и в других учебниках, выделяются здесь по значению (определения их сходны с теми, которые использовались в учебнике Баранова и др. [1974]). Однако в состав количественных они не включаются, т. е. находятся на том же уровне классификации, что количественные и порядковые числительные. Подобным образом вопрос решен и в справочнике Стронской (2009): собирательные и дробные представлены как два самостоятельных разряда, не включенные автором в состав количественных. В справочнике Игнатьевой и Тарасовой собирательные также даны как отдельный тип числительного (не включаются в состав количественных), а дробные считаются особым случаем количественных составных (не являющиеся дробными количественные числительные –

²⁴ Например: «От простых количественных надо отличать количественные собирательные (*оба, двое, трое, четверо, пятеро* и т. д.) и дробные (*полтора, одна пятая, две седьмых, три сотых* и др.)» (Щерба (ред.) 1946: 112). (Под «простыми» числительными здесь понимаются однословные [с одним корнем], противопоставляемые сложным [с двумя и более корнями] и составным [из двух и более слов]). Бархударов и Крючков пишут: «Среди количественных числительных выделяются числительные собирательные. Их немного: *двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро*» (1962: 153). По-видимому, эти числительные мыслятся авторами как группа количественных числительных с особой, ограниченной сочетаемостью с существительными, своего рода исключения. Прочие же количественные числительные названы «обычными» (1962: 153).

²⁵ Следует отметить, что, кроме целых, дробных и собирательных числительных, у Хлебинской выделяется еще один, четвертый, разряд количественных: неопределенно-количественные (*несколько, немного, много, мало*) (2011: 109).

это «собственно количественные»). Дробные «отличаются от собственно количественных тем, что сочетаются с вещественными и собирательными существительными (одна треть воды; две целых шесть десятых студенчества), и в конце дробных числительных всегда стоит существительное в форме родительного падежа, которым они управляют» (Игнатьева, Тарасова 2012: 109).

Числительное в таком широком понимании разнородно грамматически, и поэтому очень трудно выделить какие-либо **общие** признаки грамматического характера для всей части речи в целом (в том виде, в котором она представлена в школьных грамматиках). Например, можно сказать, что числительные изменяются по падежам (*один, тысяча, пятый, четверо* и т. д.). Однако в некоторых работах (напр., у Хлебинской 2011) среди числительных выделена группа неопределенно-количественных типа *много, немного*, некоторые из которых являются неизменяемыми словами. Многие числительные не изменяются по родам (напр., *пять человек/книг, тысяча человек/книг*), однако есть и изменяющиеся (ср. количественное *один/одна/одно, два/две*, любые порядковые: *четырнадцатый/четырнадцатая/четырнадцатое* и т. д.). Ряд числительных изменяется по числу (напр. порядковые *второй/вторые* и т. д., *тысяча/тысячи* <ср. *пять тысяч*>), а многие другие – нет (большинство количественных и собирательные: напр. *три, пять, двое, трое*). Некоторые числительные, выступающие в именительном падеже в словосочетании с существительным, управляют его падежной формой (*три человека, пять человек; трое депутатов*), другие же всегда согласуются по форме с существительным, как в именительном, так и в любом другом падеже (*один человек, одного человека, одному человеку; пятый человек, пятого человека* и т. д.). В отношении практически любой грамматической категории среди «школьных» числительных найдутся как слова, отличающиеся от существительного или прилагательного, так и слова, которые будут с ними сходны.

Кроме того, есть числительные, сочетающиеся с существительными лишь определенных семантических групп: «Собирательные числительные употребляются с существительными: 1) обозначающими людей мужского пола: *четверо учеников, трое друзей*; 2) обозначающими детенышей: *волк и семеро козлят; трое котят*; 3) имеющими только форму мн. числа или обозначающими парные предметы: *трое ножниц, двое брюк...*» (Бабайцева, Чеснокова 1993: 123). Для сочетаемости других же такие ограничения не характерны.

В вышеописанных учебниках, кроме общего значения той или иной части речи, дается, как правило, и список характеризующих ее грамматических

свойств²⁶, причем отдельные характеристики (черты) у некоторых частей речи могут совпадать. По свойствам, которыми характеризуется числительное в школьном понимании, его трудно было бы отличить от существительного и прилагательного. Так, у Баранова и др. указано, что «числительное изменяется по падежам» (2000: 123), но по ним изменяются и другие именные части речи. Вопрос же изменения по числу и роду на этапе описания основных характеристик числительного здесь опускается. Для столь широкого класса числительных в целом нельзя ни утверждать, ни отрицать возможности такого изменения (некоторые числительные изменяются по данным грамматическим категориям, а некоторые – нет, причем отличие касается крупных разрядов: большинство количественных в этом отношении отличается от порядковых). В случае же, например, прилагательных такую общую характеристику можно привести: «Имена прилагательные изменяются по родам, падежам, числам» (2000: 93). Характеристика возможных синтаксических ролей числительного, указанная в рассматриваемом учебнике, отражает лишь разнообразие включаемых в данную часть речи слов, но отличить числительное от других частей речи вряд ли позволяет: «Имена числительные могут быть разными членами предложения» (2000: 123).

2. Числительное в научной частеречной классификации (грамматические труды, академические грамматики, учебные пособия для студентов высших учебных заведений)

Взгляд на числительное в русской научной грамматической литературе XX в.²⁷ претерпевал значительные изменения, пока примерно в 50–60-х годах не установилась такая классификация частей речи и разбивка числительного на разряды, которая к данному моменту является наиболее известной и распространенной

²⁶ В статье С. Йодловского такой метод классификации частей речи назван «идентифицирующим описательным образом». Этот метод основан на последовательном, исчерпывающем перечислении языковых черт данного типа языковых выражений. Этот метод до сих пор очень популярен в русистике (в частеречных классификациях). Ему противопоставляется метод «дихотомического исключения», благодаря которому на основе какой-либо характерной черты можно отделить друг от друга два близких, равноправных класса языковых выражений (Jodłowski 1960: 88). Второй тип классификации, построенный по принципу ветвящегося дерева, можно найти, в частности, у Фортунатова. См. Супрун 1971: 28–29.

²⁷ Мы будем рассматривать прежде всего учебники для филологов и академические грамматики, а также работы, нашедшие в них свое отражение.

(в значительной своей части). В целом, состав числительного напрямую зависит от критериев, которые кладутся в основу выделения частей речи вообще.

2.1. Формальная школа (Филипп Федорович Фортунатов, Дмитрий Николаевич Ушаков, Михаил Николаевич Петерсон, Александр Матвеевич Пешковский)

В первой половине XX в. развиваются два основных направления в учении о частях речи вообще и о числительном как особом их случае.

Представители так называемой формальной школы либо не отмечают понятия числительного, либо напрямую отрицают существование такой категории, распределяя входящие в нее слова по другим именным частям речи.

Важные общетеоретические замечания о частях речи, включая и числительное, можно найти в «Сравнительном языковедении» (1-е изд.: 1901–1902) Фортунатова (1848–1914). Фортунатов пишет, что «деление на части речи, которое принято в наших грамматиках (и перешло к нам от древних грамматиков), представляет смешение грамматических классов слов с неграмматическими их классами и потому не может иметь научного значения» (1956: 166). К грамматической классификации у Фортунатова относится классификация на основе форм (типов) словоизменения: глаголы – спрягаемые, существительные – склоняемые слова, прилагательные – склоняемые, но, в отличие от существительных, имеющие изменение и по родам, «согласование в роде» с существительным, наречия – слова, не имеющие форм словоизменения (1956: 158). Фортунатов, пользуясь критерием словоизменения, отрицает существование числительного в общеиндоевропейском (праиндоевропейском) языке: «Вообще же названия числа, имена числительные, принадлежали в общеиндоевропейском языке к склоняемым словам (порядковые – к прилагательным, а количественные – по большей части к существительным) и не составляли все вместе какого-либо особого класса слов, хотя многие из количественных числительных имен представляли известные особенности по отношению к употреблению форм слов» (1956: 165–166). Замечание это сделано применительно к «общеиндоевропейскому», а не русскому языку, однако сам подход, основание такого взгляда кажется мне крайне важным²⁸. Взгляд Фортунатова на проблему частей речи

²⁸ Следует отметить, что общая классификация слов у Фортунатова довольно сложна. На различных основаниях Фортунатов выделял слова-местоимения и слова-названия, «полные», «частичные» слова, междометия, «слова-предложения» и т. д. «Частичные» слова у Фортунатова (предлоги, союзы

во многом повторяется у его последователей, Ушакова и Петерсона, а в определенной мере – также у Пешковского.

У Ушакова в работе «Краткое введение в науку о языке» (1929)²⁹ указано, что количественные числительные, однако за исключением *один, два*, попадают в «слова с формами склонения, но без форм изменения в роде» (куда входят и имена существительные в традиционном понимании термина). Числительные же *один, два*, а также порядковые – оказываются среди «слов с формами склонения и формами изменения в роде» (1929: 90). Основанием для отделения *один* и *два* от прочих количественных является то, что они изменяются по роду. Как видим, в отличие от Фортунатова, Ушаков не отождествляет эти классы с существительным или прилагательным (ср. Фортунатов 1956: 158), а дает им иное, описательное название (при этом существительные и прилагательные остаются ядром этих классов). Ушаков, так же, как и Фортунатов, отказывается от семантического критерия как главного критерия выделения числительного, и эти слова у него распределяются по критерию «изменяется по родам / не изменяется по родам» по разным частям речи. Так же, как и Фортунатов, Ушаков критикует традиционное разделение слов по частям речи – за то, что оно смешивает формальные и неформальные классы слов (Ушаков 1929: 91).

В книге «Русский язык. Пособие для преподавателей» Петерсона (1925) вопрос числительного представлен сходным образом. Петерсон предлагает классифицировать слова прежде всего по формам словоизменения: падежу, роду, лицу³⁰. Ученый отказывается от традиционного разделения слов на части речи и выделения существительного, глагола и т. д. Вместо этого он выделяет «падежные», «родовые», «личные» слова, а также слова, не имеющие форм словоизменения. Такое разделение предлагается проводить отдельно для слов самостоятельных и слов несамостоятельных (тех, которые не могут употребляться самостоятельно, так как выражают отношения между словами, служат соединению слов и т. д.). Часть традиционных (школьных) числительных в классификации Петерсона попадает в самостоятельные слова, имеющие форму падежа, а часть – в самостоятельные слова, имеющие форму рода

и т. д.) также выделяются функционально. Фортунатов не смог полностью отказаться от функционального критерия и при разделении на классы «полных» слов. В частности, на основе функции у него отделены друг от друга наречия и инфинитивы. Шире о классификации слов Фортунатова см., напр., Супрун 1971: 28–30.

²⁹ Первое издание книги увидело свет в 1913 г.

³⁰ У Ушакова речь идет фактически о том же: о склонении, «изменении в роде» и спряжении.

и падежа (1925: 29–32)³¹. Петерсон предлагает свою классификацию как альтернативу школьной классификации частей речи, главным недостатком которой он считает то, что в «основание классификации положено несколько принципов деления», более того: «части речи определяются главным образом по значению»³².

Тем не менее, рассматривая падежные слова более детально, Петерсон отмечает за «словами, обозначающими количество» несколько особенностей. Эти количественные слова отличаются от большинства падежных слов, в частности, в отношении категории грамматического рода: «все падежные слова принадлежат к какому-нибудь роду, кроме слов, обозначающих количество (*пять, шесть, но тысяча* – ж. р.), предмет в отношении к речи (*я, ты*) и слов вопросительных и относительных (*кто, что*)» (34; подчеркнуто мной. – М. Д.). При рассмотрении так называемой формы числа³³ Петерсон описывает слова, которые по числу не изменяются («не имеют формы числа», напр., *Москва, молоко, ходьба*), и отмечает еще одну особенность «обозначающих количество» слов: «Не имеют формы числа также слова, обозначающие количество, напр., *пять, сорок, сто*» (34, в сноске)³⁴.

³¹ Еще раз отметим, что отождествлять падежные слова именно с существительными, а родовые – с прилагательными было бы неверно. «Падежные слова» у Петерсона – это прежде всего существительные, но также вышеупомянутые числительные и местоимения (1925: 32). Родовые – это не только прилагательные, некоторые числительные, но и некоторые местоимения, а к родовым словам, не имеющим формы падежа, относятся и некоторые глаголы (прошедшее время глаголов, краткие формы причастий: напр., *ходил, брошен*).

³² К школьной классификации слов Петерсон относится крайне критично: «Сбивчивость классификации часто приводила к путанице: слово „краснота“, напр., легко могло быть отнесено к прилагательным, так как обозначает качество, а „беготня“ – к глаголам, – обозначает действие. В помощь неудовлетворительным определениям приходилось привлекать *вопросы*, за которыми крылись недостающие в определениях – формальные признаки; но и это средство – мало надежное, так как на один и тот же вопрос может быть несколько ответов. В конце концов, приходилось заучивать не только вопросы, но и ответы на них. Из грамматики получался катехизис, который лучше всего было вызубрить наизусть, но еще полезнее не учить совсем; результат бывал одинаковый: забвение за ненадобностью» (1925: 32).

³³ Петерсон считал грамматическое число падежных слов словообразовательной, а не словоизменительной категорией, «так как она не обозначает отношения между словами, а служит для образования слов, выражающих различные понятия: *сноп* – один предмет, *снопы* – много однородных предметов» (34). Этот взгляд отличается от традиционного, согласно которому число у существительных является категорией словоизменительной (напр., различающиеся только грамматическим числом словоформы *волк* и *волки* входят в одну лексему). См. об этом Зализняк 2002, 55–56.

³⁴ Также у Петерсона можно найти замечания об особенностях склонения некоторых числительных: «В единственном числе слова – „путь“ и слов женского рода, оканчивающихся на мягкую согласную (дверь), а также слов, обозначающих количество (*пять*), сохранилось только три падежных

Пешковский пишет о счетных словах (избегая термина «числительное») следующее: «...только одно первое слово (*один*) является несомненным прилагательным, да и то, пожалуй, не в счетном употреблении (когда мы считаем, мы говорим или *раз, два, три* и т. д., или *один, два, три* и т. д., причем *один* относим и к предметам, названия которых женского и среднего рода совершенно аналогично с *раз*). *Два, три и четыре* превратились <...> в совершенно гибридные части речи; это идеальная помесь между прилагательными и существительными. Все остальные счетные слова продолжают оставаться существительными, но с огромным побледнением своей существительности (потеря форм числа и рода). Это в настоящее время дефектные существительные» (1956: 437)³⁵. При том формальном подходе, который используется у Пешковского (словоизменение и синтаксическое употребление, сочетаемость), включить счетные слова в прилагательные и существительные ученый смог только с определенными оговорками³⁶.

А. Супрун отмечает (1964: 16, 1959: 18), что в целом представителям формальной лингвистической школы не удалось полностью слить числительное с другими частями речи. Отдельно взятый морфологический критерий не

формы: И.-В. – „путь“, „дверь“, „пять“, Р.-Д.-П. – „пути“, „двери“, „пяти“, Твор. – „путем“, „дверью“, „пятью“.

Слова „сорок“ и „сто“ имеют только две падежных формы – „сорок“ – „сорока“, „сто“ – „ста“ (1925: 37).

³⁵ Далее Пешковский подчеркивает, что отношение этих слов к категориям частей речи связано с особенностями их синтаксического употребления. *Два, три и четыре* требуют от существительного род. пад. единственного числа, в отличие от прочих «счетных существительных». По мнению Пешковского, такое управление числом существительного является примером того, насколько грамматическое мышление может расходиться с логическим, и бросается в глаза потому, что число у существительного – несинтаксическая категория. Словосочетания с *два, три, четыре* – это единственный случай, когда она оказывается синтаксической (1956: 438). В случае прочих счетных слов дело обстоит следующим образом: если счетное слово стоит в именительном или сходном с ним винительном падеже, оно управляет словом, обозначающим исчисляемый предмет, требуя от него родительного падежа множественного числа, а в прочих – «образует с ним одно падежное сочетание на началах сочинения». Т. е. во втором случае счетное слово ведет себя как прилагательное, а в первом – нет, и, видимо, именно это Пешковский называет гибридностью.

³⁶ 7-е изд., которое здесь цитируется, печатается на основе 3-го изд., представляющего собой основательную переработку первого. В третьем, в частности, используются такие нововведения: «...понятие грамматической категории (заимствованное у Шахматова, но интерпретированное иначе, в соответствии со взглядом на роль формы слова и формы словосочетания как показателей их грамматических значений); отказ от классификационного принципа в установлении системы частей речи, в силу которого основанием деления слов на классы служили их морфологические признаки, и замена этого принципа характеристикой слов не только по формам словоизменения, но и по признакам их сочетаемости с другими словами...» (Шапиро 1956: 6).

отражает всей сложности и многообразия реальных языковых явлений русского языка.

2.2. Алексей Александрович Шахматов

В книге «Очерк современного русского литературного языка»³⁷ А. А. Шахматов (1864–1920) относит числительное к склоняемым, т. е. изменяемым по падежам словам – имени (Шахматов 1941: 122)³⁸. Существительное противопоставляется прочим именам (прилагательному, местоимению, причастию и, наконец, числительному) на основе того, что, в отличие от них, оно не изменяется по родам (здесь, по-видимому, проявляется влияние работ Фортунатова)³⁹. Кроме того, такое деление устанавливается и синтаксически: существительное – определяемое, а прочие имена, включая и числительное, – определяющие («аттатрибутивные») (122).

Наиболее полно в «Очерке» представлено существительное и его морфологические особенности с отдельными замечаниями по синтаксису (раздел о существительном в издании 1941 г. занимает 40 страниц). Глава же о числительном содержит лишь общие сведения об этой части речи (всего на трех страницах). В главе достаточно полно отражено разнообразие склонения количественных числительных. В случае порядковых числительных указано лишь, что они склоняются как прилагательные (174). Собираательные числительные (*двое, трое* и т. д.) даны списком и при этом как группа никак не выделены (термином «собираательные» или каким-либо другим). Шахматов пишет, что они «склоняются только во множ.» числе (по-видимому, имеется в виду, что их парадигмы напоминают парадигмы прилагательных во множ. числе), а употребляются «...также в соединении с именами, знающими только мн. число: *двое ворот, к двоим воротам, двое саней, на двоих санях...*» (174). Впрочем, рассматривая так называемую «категорию лица и не лица» существительных, Шахматов определяет сочетаемость числительных этого типа иным образом: числительные *двое, трое, четверо* «соединяются только с именами

³⁷ Литографическое изд. – Санкт-Петербург 1913, 1-е печатное изд. – Ленинград 1925, 2-е – Москва 1930, 3-е – Москва 1936 (Бернштейн 1941: 3).

³⁸ Это означает, кроме всего прочего, что в него по определению не входят неизменяемые «неопределенно-количественные» слова типа *немного, много*.

³⁹ Нельзя не отметить, что внесение класса имен числительных в изменяющиеся по родам слова является, безусловно, некоторым упрощением вопроса.

лиц: *двое мужей, трое друзей, четверо солдат*», а с именами женского рода, именами животных и неодушевленными – нет (1941: 129)⁴⁰. В «Очерке» Шахматова проводится разделение числительных на простые и сложные: упомянуты особенности склонения сложных *пятьдесят, шестьдесят* и т. д. («склоняются обе части сложения»), а также *пять сот, шесть сот*⁴¹. Понятие составных числительных не используется, конструкции типа *сто тысяч, двести тысяч, триста тысяч* считаются случаем сложения (так же, как и *шестьдесят*) (173–174). Категория дробных числительных в «Очерке» не встречается⁴² и числительные эти никак отдельно не оговариваются. Числительные *пол, полтора, полторы* рассматриваются в качестве количественных. Среди количественных числительных упоминается и слово *оба*.

В целом, теория частей речи, а также, в частности, принципы деления имени на существительное, прилагательное, числительное и т. д., в «Очерке» отдельно не описаны.

⁴⁰ Виноградов отмечает, что до середины XIX в. при *pluralia tantum* употреблялись формы числительных-прилагательных типа *двои, трои*: Остановимся, может быть, *сутки на двои* (Фонвизин); Он мог так пробывать хоть *трои сутки* (Гончаров) (Виноградов 2001: 258). В частности, Павский в «Филологических наблюдениях над составом русского языка» нормой считает следующее употребление таких слов: «...*двое* прикладывать к одушевленному существам и сочетать с родительным падежом, а прилагательные *двои* прикладывать к неодушевленным и сочетать с ними в одном падеже и числе. Например: *двое товарищей, двое слуг, двои сапоги, двои рамы, двои очки*. Выставленные Г. Гречем: *двои часов, трои саней, четверы ножицы*... очевидно не правильны. Правило требует сочетать эти имена так: *двои часы, трои сани, четверы ножицы*» (Павский 1850б: 245). Однако затем, по-видимому, ко второй половине XIX в., формы типа *двои* были вытеснены формами типа *двое, трое*. По мнению Виноградова, формы *двои, трои* и т. д. «...вымерли, так как противоречили основному принципу категории числительных – принципу грамматического разрыва между номинативом и косвенными падежами» (2001: 259).

Виноградов также указывает на то, что употребление многих собирательных числительных при *pluralia tantum* в современном русском языке заметно ограничено, особенно в косвенных падежах: «Но в современном языке при *pluralia tantum* собирательные числительные, кроме *двое, трое, четверо*, употребляются наряду с простыми числовыми обозначениями. В сочетании *двое, трое, четверо суток, ворот* и т. п. совсем недопустима замена *двое, трое, четверо* через *два, три, четыре*. Начиная с *пяти* возможны параллельные конструкции: *пять суток* и *пятеро суток, шесть ворот* и *шестеро ворот* и т. п. По-видимому, *пять, шесть ворот* и т. п. гораздо нормальнее, чем *пятеро, шестеро ворот*. В косвенных падежах употребление простых числительных при *pluralia tantum* явно предпочитается: *при помощи двух щипцов, с тремя ножницами, на четверых воротах, с семью дверями* и т. п. Формы косвенных падежей от *пятеро, шестеро* и т. п. в связи с существительными *pluralia tantum*, по-видимому, вовсе не употребительны» (2001: 259)

⁴¹ Здесь сохранено написание числительных *пятьсот, шестьсот*, применявшееся в оригинале, ср.: *пять сот, в пяти стах, пятью стами* (Пешковский 1941: 173).

⁴² В школьной грамматике Смирновского 1915, рассмотренной мной выше, они уже упоминались.

Учению о частях речи немало внимания уделяется в более поздней работе Шахматова, «Синтаксисе русского языка»⁴³. Супрун отмечает, что данное учение о частях речи – одно из наиболее развитых в дореволюционной русистике (Супрун 1971: 30).

Общее определение понятия частей речи в этой работе Шахматова синтаксическое: «Слово в его отношении к предложению или вообще к речи определяется в грамматике как часть речи» (Шахматов 2001: 420). Шахматов признает, что между словами, относящимися к разным частям речи, могут иметь место и морфологические отличия, однако на роль основания выделения частей речи они не подходят (полемика с формальной школой Фортунатова)⁴⁴. Словоизменение связано с грамматическими категориями, а те, в свою очередь, познаются в синтаксисе, следовательно, при синтаксическом определении частей речи следует принимать во внимание грамматические категории. Кроме того, необходимо определить связь между отдельными частями речи и грамматическими категориями. В целом, Шахматов является представителем психологического подхода: конкретные части речи выделяются у него с помощью понятий «представления» и связей «представления» с другими «представлениями», части речи «мыслятся» как связанные с той или иной категорией и т. д.

Грамматическая категория – это «представление об отношении (к другим представлениям), сопутствующее основному значению, вызываемому словом» (2001: 420). Например, в слове *дом* есть основное значение (дом) и представление о мужском роде, а в *дома* – представление о множественности. Грамматическая категория является одним из важнейших понятий теории частей речи Шахматова: «Слова определяются как части речи именно постольку, поскольку они вызывают представление о грамматических категориях или, напротив, не вызывают такого представления» (2001: 421). Причем существуют и слова,

⁴³ Труд А. А. Шахматова, изданный на основе рукописных материалов его учениками после смерти ученого (первый выпуск в 1925, второй – в 1927 г., а в 1941 г. под ред. Е. С. Истриной вышло второе, значительно дополненное издание книги) (Долин 2004).

Как «Очерк», так и «Синтаксис» были непосредственно связаны с преподавательской деятельностью А. А. Шахматова. Бернштейн пишет: «Шахматов имел обыкновение заранее писать все читавшиеся им курсы. «Очерк» воспроизводит курс, прочитанный в Петербургском университете в 1911/12 и 1912/13 учебных годах; «Синтаксис» представляет собой рукопись последнего университетского курса Шахматова (1919/20 уч. г.), прерванного смертью почти на полуслове; в состав этой рукописи вошли, по-видимому, и материалы непосредственно предшествовавших ему курсов 1916–1919 гг.» (Бернштейн 1941: 35).

⁴⁴ Шахматов указывает на наличие в русском языке несклоняемых слов, по своему значению относящихся к существительным (*депо, амплуа* и т. д.). Вследствие этого существительное не может быть определено как склоняемое, изменяемое по падежам, слово (2001: 420).

которые не представляют в своем значении сочетания основного значения с сопутствующим (относящимся к той или иной грамматической категории), а «сами означают определенную грамматическую категорию». В связи с этим Шахматов делит слова на:

- Знаменательные части речи: слова, выражающие сочетание основных представлений с сопутствующими, либо только основное представление вне сочетания с какими-либо сопутствующими (существительные, прилагательные, глаголы, наречия).
- Незнаменательные части речи: слова, выражающие ту или иную грамматическую категорию (местоимения, местоименные наречия и, что интересно, числительные⁴⁵).
- Служебные части речи (предлоги, союзы, частицы).
- Междометия (эквиваленты слов).

Шахматов пишет: «Знаменательные части речи означают субстанции, качества-свойства или действия-состояния (ср. существительные, прилагательные, глаголы, наречия); незнаменательные части речи означают отношения (местоимения, числительные, местоименные наречия)» (2001: 421). Определение числительного очень похоже на определение местоимения: местоимение, «означая отношение, соответствует или названию субстанции, или названию атрибута», а числительное – «означая числовые отношения (с точки зрения говорящего лица или субъекта предложения), соответствует или названию субстанции, или названию атрибута» (2001: 423). Т. е. фактически в смысловом плане числительное представлено как частный случай местоимения, «соответствующее» существительному, прилагательному или наречию.

Отметим, что многие используемые Шахматовым определения с сегодняшней точки зрения кажутся довольно неясными, и, как следствие, такое деление на знаменательные и незнаменательные части речи выглядит как довольно дискуссионное.

Пытаясь найти обоснование делению слов на части речи и критерии, применяя которые можно определить, к какой части речи принадлежит данное

⁴⁵ Следует упомянуть, что включение числительных в один ряд с местоимениями встречалось уже в работах XIX в., например, в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» И. Давыдова и в «Исторической грамматике русского языка» Ф. И. Буслаева. Давыдов, в частности, пишет: «... числительные составляют особую стихию языка в числе служебных стихий. Ближайшее сродство имеют они с местоимениями» (1853: 246).

слово, Шахматов еще раз указывает, что отдельно взятый морфологический принцип не выдерживает критики. Однако многое дает учет фактов синтаксического уровня. Напр.: «Существительное отличается от других частей речи тем, что вызывает представление о сочетании основного представления с грамматическими категориями числа, рода, падежа; это не означает того, что существительное отличается от других частей речи тем, что изменяется по числам, родам, падежам; существительное *пальто* в русском литературном языке не склоняется, но оно вызывает представление о единств. или множ. числе, а также о падежах, как видно из того, что мы говорим: *мое пальто, зимние пальто, он вырос из этого пальто*» (2001: 424).

При этом семасиологические основания различения частей речи Шахматов считает не менее важными, нежели синтаксические: «Различию частей речи соответствует различная природа наших представлений» (2001: 427–428). Шахматов, как уже упоминалось, выделяет представления о субстанциях (лицах и предметах), качествах-свойствах, действиях-состояниях, и об отношениях (427–428). Несмотря на то, что прямое соответствие между психологическими представлениями и частями речи отсутствует⁴⁶, Шахматов считает, что связь между представлениями и частями речи все же необходимо учитывать в грамматическом описании языка (429).

Забегая вперед, следует сказать, что, если сам комплексный подход Шахматова к выделению русских частей речи получил дальнейшее развитие в лингвистике советского периода, то часть описания, касающаяся числительного, его типов, оказалась довольно специфичной, не всегда ясно обоснованной и последовательной, поэтому, как минимум, необходим был критический ее пересмотр (что и было сделано в дальнейшем, в частности – в работах Виноградова).

На синтаксическом уровне Шахматов выделяет «числительные-существительные», «числительные-прилагательные» и «числительные-наречия». Эти классы названы Шахматовым «местоименными классами»⁴⁷ (2001: 424–425). К существительным относятся такие слова, как *двое, пятеро* (в традиционной классификации – собирательные числительные), *пол*, а кроме того – обычно не включаемые в состав числительного различного рода счетные слова: *десяток, сотня, дюжина, пара* и т. д. К наречию, которое не изменяет «под влиянием господствующих над ним слов» (существительных, прилагательных, глаголов)

⁴⁶ Напр.: «Представление о действии-состоянии выражается не только глаголом, но и существительным (например, *ход, ходьба*)» (2001: 428).

⁴⁷ Следует отметить, что похожим образом разделяются местоимения: местоимения-существительные, местоимения-прилагательные и местоимения-наречия (2001: 424–425).

своей формы, относятся такие слова, как *два, три, пять* (традиционные количественные числительные), причем **только в именительном либо сходном с ним винительном падеже** («и в счете, и в сочетаниях с родит. единств. или родит. множ. существительных»), а также наречия (в традиционном понимании) *дважды, вдвое* и т. д. К «прилагательному», о синтаксических свойствах которого Шахматов пишет, что оно «мыслится непременно в соединении с господствующим над ним существительным, причем заимствует от существительного все то, что может сообщить существительное сочетавшемуся с ним прилагательному, т. е. родовые, числовые и падежные окончания» (2001: 424), относятся **количественные, выступающие в косвенных падежах** (*двум, трех, пяти, сорока*), а также порядковые числительные.

Следует отметить, что такое деление числительного не слишком интуитивно с сегодняшней перспективы, так как разные падежные формы одной лексемы (количественных числительных) попадают в разные подклассы данной части речи⁴⁸. Семантический аспект возоблада здесь над всеми прочими, о чем, в частности, свидетельствует факт появления в списке числительных наречий типа *дважды*, не изменяющихся под влиянием «господствующего слова» и не влияющих на грамматическую форму других слов. Таким образом, понятие «числовых отношений», которое, по мнению Шахматова, лежит в основании числительного как части речи, привело к широкой трактовке того, что может выражать числительное (в традиционном понимании оно выражает лишь число как таковое, а также числовой порядок).

В разделе, посвященном числительному, Шахматов уточняет некоторые общие замечания, сделанные им при описании частей речи и их выделения в целом.

К числительным он относит только слова, выражающие определенные количественные отношения, а слова, выражающие неопределенные количественные отношения (*некоторые, к нескольким*), он относит к местоимениям (2001: 499). В связи с этим Шахматов переформулирует названия упомянутых выше классов числительного следующим образом:

- Определенно-количественные местоимения (ранее в той же работе – «числительные-прилагательные») – все те «числительные, которые, сочетаясь с существительным, заимствуют свою падежную форму от существительного: это, во-первых, косвенные падежи числительных, определяющих количество считаемых предметов (именит. и винит. падежи являются

⁴⁸ Однако разница в синтаксическом поведении количественных числительных (в именительном и винительном иначе, нежели в прочих падежах), столь ярко отмеченная у Шахматова, найдет свое важное отражение в важнейших работах академика Виноградова.

наречиями); во-вторых, все формы числительных, определяющих считае-
мые предметы в их порядке (*первый, второй*)»;

- Определенно-количественные наречия –
 - 1) числительные, которые, сочетаясь с существительными, не заимствуют от них своей падежной формы (*три, четыре, четверо*⁴⁹, *пять, сто* – в именит. и винит. падежах);
 - 2) числительные вне сочетания с существительными⁵⁰;
 - 3) числительные, означающие «то или иное количество моментов» (*дважды, трижды, раз, пятью*);
 - 4) числительные, «определяющие количественное отношение между признаками и субстанциями, а не самые признаки или субстанции» (*вдвое, вдвоем*);
- определенно-количественные существительные – «обозначающие определенное количество или определенную дробную часть существительные в сочетании с определяемыми ими существительными» (*десяток, сотня, осьмушка, треть, четверть, половина*).
- вне этих разрядов:
 - *один* (заимствует от определяемого существительного падежные и родовые окончания вообще, а не только в косвенных падежах);
 - *два, две* – заимствуют родовые окончания в именительном и винительном падежах;
 - *тысяча*⁵¹; *пол, полу*

(2001: 500).

Каждое числительное у Шахматова принадлежит к данной части речи лишь семантически (семасиологически), а по другим признакам – это местоимение, прилагательное, наречие или существительное⁵². Иными словами,

⁴⁹ Интересно, что согласно замечаниям самого же Шахматова, приведенным в его книге (2001) на с. 424–425, собирательные числительные должны были попасть в класс существительных, т. е. в следующую группу, «определенно-количественные существительные».

⁵⁰ Иными словами, одна и та же лексема может попадать в разные грамматические классы – учитываются ее падежные формы и употребление в текстах.

⁵¹ Шахматов считает, что синтаксически *тысяча* является наречием в именительном и винительном падежах, а прилагательным – в прочих.

⁵² Падежные формы одной и той же лексемы (в сегодняшнем понимании) у Шахматова могут получать разную частеречную трактовку (напр., *три* – «числительное-наречие», «определенно-количественное наречие», *трех* – «числительное-прилагательное», «определенно-количественное местоимение»), т. е., по-видимому, трактуются в качестве разных лексем.

числительное – это часть речи, выделенная на основе семантики, грамматически же – она состоит из слов, принадлежащих другим частям речи⁵³. На мой взгляд, вопрос числительного представлен в противоречии с утверждением самого же Шахматова, что «части речи представляются точно определенными и разграниченными между собой категориями; смешать одну часть речи с другой невозможно...» (2001: 423). Если числительное – это собирательное смысловое понятие, в котором смешиваются грамматические прилагательные, наречия и т. д., часть речи ли это на самом деле?

Излишняя «семантичность» понимания числительного у Шахматова грозила грамматически необоснованным разрастанием состава числительного и выделяемых по смысловому признаку типов этой части речи, что, собственно, и произошло. В смысловом отношении Шахматов выделял различные классы числительного, зачастую отличающиеся от традиционных (с сегодняшней перспективы): кроме количественных, собирательных, порядковых и дробных, выделены также совокупительные и наречные числительные. К совокупительным относятся слова *пара* (*пара лошадей*), *сотня* (*сотня яиц*), *дюжина* (*дюжина ложек*), *пяток*, *десяток*, *полсотни* и т. д., в сочетании с существительным определяющие «числовую совокупность в отношении ее к совокупности предметов». Шахматов пишет, что отдельно, вне сочетаний с существительными, совокупительные числительные являются существительными (2001: 501). К наречным числительным относятся те слова, которые «определяют количественные отношения в сочетании с признаками, а также количественные отношения между признаками и сочетавшимися с ними субстанциями», например, *он ударил меня дважды, два раза; трижды три девять; мы поехали вдвоем; платок был сложен вчетверо* (2001: 501).

Следует обратить внимание и на то, что традиционно названные категории числительного (с перспективы сегодняшнего дня) не всегда соответствуют традиционному их составу. Например, к количественным числительным у Шахматова относится *десятка, сотня* (2001: 501).

Необходимо еще раз подчеркнуть, что существование числительного на синтаксическом уровне Шахматовым фактически отрицается. Ядро числительных, количественных и собирательных, он в синтаксическом плане видит как слова иных частей речи: «Количественные числительные означают названия количественных отношений как вообще, так и в их сочетании с считаемыми предметами. Названия количественных отношений вообще являются синтаксически

⁵³ Вопрос, верны ли отдельные решения такой классификации, мы здесь рассматривать не будем.

наречиями (*один, два, три, сто*); названия количественных отношений в сочетании с существительными являются в именит. и винит. падеже наречиями (начиная с *три* и кончая *девятьсот*), а в прочих падежах местоимениями-прилагательными (ср. *пять рублей, к пяти рублям, четыре девочки, от четырех девочек, сто волов, ста волам, со ста рублями*); *два, две*, по форме местоимения-прилагательные, являются синтаксически наречиями при выше указанных условиях; *тысяча*, по форме существительное, является синтаксически наречием в именит. и винительном, прилагательным в прочих падежах; *один* по форме и в синтаксическом употреблении прилагательное, наречие же только как название количества» (2001: 500–501). И далее о собирательных: «Так же как количественные, они в субъекте и прямом объекте употребляются как наречия, а в косвенном объекте как местоимения-прилагательные» (2001: 501). А ранее, на с. 424–425, некоторые собирательные числительные были приведены у Шахматова в качестве примеров «числительных-существительных».

Отмеченный Шахматовым резкий контраст в синтаксических свойствах словосочетания «числительное+существительное» в именительном/винительном и в прочих падежах, несмотря на вызывающую некоторые возражения и сомнения интерпретацию этого факта, оказывается крайне важным и будет в дальнейшем развит, прежде всего у Виноградова (2001).

Ю. Т. Долин пишет: «В 20–40-е годы издание «Синтаксиса» А. А. Шахматова стало событием в науке о русском языке. Нельзя не отметить, что профессор А. М. Пешковский, известный ученый, лингвист и методист, познакомившись с «Синтаксисом русского языка» Шахматова, значительно переделал и свою научно-популярную книгу «Русский синтаксис в научном освещении» (вышедшую первым изданием в 1914 году)» (Долин 2004). Заслугой Шахматова считается комплексный подход к частям речи, учитывающий смысловые, морфологические и синтаксические особенности слов (Супрун 1971).

В целом, Шахматов указал на многие важные факты, связанные с числительным, хотя проблему описания его как части речи так до конца и не решил.

2.3. Василий Алексеевич Богородицкий

В. А. Богородицкий (1857–1941), так же, как и Шахматов, является представителем психологической школы русского языкознания⁵⁴. Под частями речи

⁵⁴ Характерны, например, определения, которые Богородицкий дает различным используемым им грамматическим понятиям. Например, «...грамматические категории являются категориями

Богородицкий понимает «наиболее крупные морфологические разряды», в которые группируются слова (1904: 111). Тем не менее, чтобы получить эти разряды, которые затем можно рассматривать с точки зрения их морфологии как некое целое, следует учесть комплекс различных черт, не только морфологических, но и смысловых, а также явлений синтаксического (сочетаемостного) уровня⁵⁵. Числительное в классификации Богородицкого находится в группе слов с собственным значением, в подгруппе подчиненных существительному (111–114). Таким образом, от предлогов, союзов, частиц и междометий числительное отделено семантически, а от существительного – синтаксически. Группа подчиненных существительному частей речи с собственным значением также разбивается семантически: числительное служит для определения существительного относительно числа, тогда как прилагательное – относительно качества, а относительно-указательные местоимения – «относительно указания» (1904: 113). Здесь следует заметить, что такая классификация, безусловно, довольно ясна и прозрачна, однако схематична и заметно упрощает столь сложный вопрос как числительное и его место относительно прочих частей речи.

Числительному у Богородицкого посвящены лишь общие замечания, занимающие в книге всего полстраницы. Богородицкий, выделяя числительные двух типов, количественные и порядковые, указывает, что между ними есть семасиологическое различие, которому соответствует различие формальное: «...количественные числительные, начиная с числа „пять“, имеют форму существительного того или другого типа (срв. пять, сорок, сто, тысяча), тогда

нашего ума; но, чтобы не приписать уму фиктивных категорий, необходимо приводить доказательства в пользу действительного существования тех или других грамматических категорий в уме говорящих. Так, в фактах речи можно найти ряд подтверждений того, что морфологические части, на которые разлагаются слова, действительно существуют в нашем уме...» (Богородицкий 1904: 102, в сноске). Рассматривая семасиологическую сторону морфологических частей слов, Богородицкий пишет: «...представления и понятия, обозначаемые теми или другими словами, у каждого человека, начиная с детства, развиваются и изменяются, так как получаются новые ощущения, возникают новые ассоциации между представлениями и пр. Отсюда следует, что представления и понятия, обозначаемые в языке определенными словами, у разных лиц не тождественны, так как у каждого имеют свою особую историю образования. Так, напр., представление звука, грозы и т. п. у простолюдина и у ученого физика весьма различно. С другой стороны, одинаковость условий жизни и обстановки благоприятствует сходству представлений; напр., те же представления звука и грозы у разных физиков будут весьма сходны» (1904: 103).

⁵⁵ Богородицкий пишет: «При классификации частей речи нужно иметь в виду как сторону значения их, так и сторону словоизменения, а кроме того необходимо обратить внимание на соподчинение одних частей речи другим, что в школьных грамматиках обыкновенно игнорируется, причем все части речи ставятся на одну линию» (1904: 111).

как все порядковые по своей форме являются прилагательными...» (1904:144). Богородицкий отмечает также, что эти типы имеют свои особенности в согласовании с существительным, при этом лишь порядковые имеют с ним «полное согласование» (1904: 144).

Как и у Шахматова, у Богородицкого слово, включенное в данную часть речи, может быть охарактеризовано как принадлежащее другой грамматически, т. е. фактически используется не одна целостная система классификации, а две параллельные: части речи «семантические» и части речи «грамматические». Например, прилагательные в классификации Богородицкого характеризуют существительное относительно качества, а не числа, но при этом, одновременно, некоторые слова, характеризующие существительные относительно числа (а не качества), могут оказаться прилагательными «по форме» (случай порядковых).

В целом, по моему мнению, замечания Богородицкого не внесли большого вклада в исследования по вопросу числительного. При том обобщенном подходе, который использует Богородицкий, в грамматическом плане числительное сливается с другими частями речи.

Подводя итоги сказанного касательно числительного в системе частей речи у представителей психологической школы русской лингвистики (Шахматова и Богородицкого), следует подчеркнуть, что именно это, по моему мнению, является ее основным общим недостатком: числительное представлено как категория слов, объединенная лишь семантически, а в грамматическом смысле состоящая из слов, принадлежащих другим частям речи (наречиям, существительным, прилагательным). Так или иначе, при выделении и описании числительного у Шахматова и Богородицкого заметен разрыв между семантикой и грамматикой и перекося в сторону семантики.

2.4. Виктор Владимирович Виноградов

Многие недостатки предыдущих описаний числительного устраняет фундаментальный труд академика В. В. Виноградова (1896–1969) «Русский язык. Грамматическое учение о слове», впервые опубликованный в 1947 г.

Несмотря на то, что описание числительного в этой работе умещается всего на 12 страницах⁵⁶, это один из самых детальных и глубоких из известных мне анализов грамматических черт числительного как части речи. Виноградову

⁵⁶ Мной использовалось 4-е изд. книги, 2001 г.

удалось из хаоса разнообразных связанных с числительным языковых фактов собрать стройную, систематизированную картину семантических и – что еще важнее – грамматических, сочетаемостных черт слов этой части речи. По моему мнению, это одно из первых по-настоящему убедительных и непротиворечивых обоснований существования числительного **как части речи** в русском языке.

Виноградов видит числительное как слова, которые, имея в той или иной степени сходное значение, на ранних этапах развития языка принадлежали разным частям речи: существительным, а частично местоимениям и прилагательным. Такие слова в той или иной мере подверглись изменению своих морфосинтаксических характеристик, а изменения эти при ближайшем рассмотрении оказываются частью идущего в одном направлении процесса, который и приводит к тому, что в какой-то момент в русском языке можно выделить еще одну часть речи – числительное. Процесс этот был обусловлен общим влиянием абстрактного «математического мышления» на слова количественной группы. При этом в современном числительном сохраняется морфологическое разнообразие, в котором проявляются, кроме всего прочего, отголоски грамматических различий между словами, существовавших на первоначальном этапе.

Виноградов описывает имевшие место изменения этой группы слов по отношению к существительным, прилагательным и местоимениям, которые на грамматическом уровне и определяют то, что числительное в современном русском языке является одной из частей речи. Каждому отличию числительного от прочих именных частей речи – общему для числительных или характерному для отдельных слов этой группы – Виноградов пытается дать объяснение, определить его причину. В целом все характерные черты числительного, появившиеся у этих слов по сравнению с их исходными формами (и частями речи, к которым слова эти первоначально принадлежали), так или иначе связываются ученым с общим направлением их развития: потерей связи с предметностью, вещественностью, проявляющейся на разных языковых уровнях «математизацией», нарастающей отвлеченностью. Виноградов отмечает историческую связь числительных с прочими именными частями речи, характеризует грамматические черты числительных, показывая появившиеся в русском языке различия между числительными (в целом либо какой-либо конкретной их части) и существительными, прилагательными, местоимениями, одновременно подчеркивая сохраняющиеся между ними сходства. (Сходства объясняются первоначальной, исторической принадлежностью слова к той или иной именной части речи, а различия – общим процессом постепенно нарастав-

шей отвлеченности.) Стоит отметить, что практически каждое числительное нетипично в сравнении со своей «исходной» частью речи (на уровне словосочетания с определенным существительным, на уровне словоизменения и т. д.), и, по-видимому, Виноградов считал это одной из общих несемантических черт числительных. Глава о числительном начинается следующими словами:

В современном русском языке слова, являющиеся отвлеченными обозначениями чисел и выраженного в числах количества, счета, образуют обособленную грамматическую категорию *имен числительных*, или *счетных*. Соответствующие ряды слов в истории русского языка объединились в самостоятельный грамматический класс, порвав старые связи с классами существительных (*пять* – *пяти* и т. д.) и отчасти (*два* – *две*, *оба* – *обе*, *три*, *четыре*, а также собирательные формы: *двое*, *трое*, *четверо* и т. п.) местоимений и прилагательных. Пережитки старинных морфологических отношений, видоизмененных, но не до конца переосмысленных, еще сохранились в грамматической системе современных числительных (Виноградов 2001: 241–242).

Числительное Виноградов считал до конца не сформировавшейся, по-прежнему развивающейся частью речи: «Категория имен числительных в русском языке **еще** не достигла той степени абстрактности, которая характерна для западноевропейских языков» (243; выделено мной. – М. Д.). Под абстрактностью здесь понимается то, что во многих западноевропейских языках числительные лишены форм рода, числа и падежей:

Категория числа (по крайней мере в пределах счета до тысячи) в западноевропейских языках освобождена от предметности. Понятие числа здесь математизировано, если можно так выразиться. Название числа является абстрактным показателем количества однородных предметов, обозначением их счета. Во многих языках, например латинском и греческом, французском, немецком, английском, числительные имена (по крайней мере с 4) не имеют ни форм рода и числа, ни форм падежей, а следовательно, сами по себе не определяются прилагательными. Они замкнуты в своеобразную категорию количественных слов, которые лишены морфологического разнообразия и могут быть лишь определяющими членами предметных словосочетаний. В самом деле, французские *cinq*, *six*, *sept*, *huit*, *neuf*, *dix*, *onze*, *douze*, *treize* и т. д., немецкие *vier*, *fünf*, *sechs*, *sieben*, *acht*, *neun* и т. д. (ср. латинские *quattuor*, *quinque* и т. д., греческие *pente* и т. д.) не имеют морфологических примет ни существительности, ни прилагательности (Виноградов 2001: 242).

Основополагающей грамматической чертой числительных в частеречной системе Виноградова считается «принцип грамматического разрыва между

номинативом и косвенными падежами» (2001: 259). Этот принцип проявляет себя среди числительных по-разному, на разных уровнях и в разных фактах. Вот, на мой взгляд, важнейшие из них:

Во-первых, в различной роли числительного (управляющей и управляемой) в сочетаниях с существительными в прямых⁵⁷ и косвенных падежах:

Сама система склонения у имен числительных деформирована сравнительно со склонением имен существительных и прилагательных. Значение падежных форм сильно затемнено, по крайней мере в некоторых группах числительных. Склонение всех числительных распадается на два неравных ряда форм: формы именительного-винительного падежа, с одной стороны, и формы родительного-дательного-творительного-предложного падежей – с другой. В именительном и винительном падежах (*прошло две, три, четыре недели; истекло десять дней; съест пять булок*) имя числительное выступает в функции определяемого, сочетаясь с родительным падежом существительного. В косвенных падежах (*не прошло еще двух, трех, четырех недель; по истечении десяти дней; встретиться с пятью знакомыми*) имена числительные играют роль определяющих членов, согласуясь в падеже со следующим именем существительным.

И далее:

...едва ли не здесь скрыт ключ к пониманию смысловой структуры современных русских числительных. Формы косвенных падежей – управляемые формы. Но эти формы несут непосредственную тяжесть зависимости лишь в том случае, когда обозначают предметность, т. е. являются формами существительных или выступают в их функции. Синтаксическая логика этого явления легче всего уясняется в конструкциях с глаголом – выразителем действия, которое может быть направлено только на предметы и лица и только ими может объектно разъясняться. (Ср.: *изменять мужу, жениться на молодой девушке, издеваться над собеседником, надеяться на помощь, разбить чашку* и т. п.). Отсюда можно сделать вывод, что у имен числительных процесс отвлечения от предметных значений достиг высшего предела в косвенных падежах, где числительные стали простыми абстрактными арифметическими определителями существительных, чуждыми всякого оттенка предметности (247–248).

Таким образом, именно в косвенных падежах, где числительное – явно зависимое слово, согласующееся по форме с существительным, проявляется его «количественно-определятельное, беспредметное значение» (249).

⁵⁷ Под «прямыми» падежами числительных имеются в виду именительный, а также такой винительный, форма которого совпадает с именительным (термин используется и в книге Виноградова).

Далее у Виноградова можно найти крайне интересную попытку объяснения причины различий в поведении членов конструкции «числительное + существительное», выступающей в прямых и косвенных падежах. Приведем этот важнейший фрагмент целиком:

Когда существительные (в косвенных падежах) выступают в роли приглагольных или приименных объектов, то, соединяясь с числительными и подчиняя их себе, они образуют вместе с ними цельные количественно-предметные единства и несут на себе всю тяжесть синтаксических воздействий (например, *лишиться пяти рублей* и т. п.). В этом случае количество является как бы включенным в предмет. Имя числительное становится характеристическим восполнением и определением грамматического числа имен существительных.

Напротив, в сочетаниях именительного падежа числительных с существительными количественная группировка предметов, создаваемая обозначением точного числа их, еще только как бы устанавливается, возникает (*пять лошадей, десять тетрадей* и т. п.). Здесь числительное является опорным словом синтагмы, которое семантически раскрывается и распространяется посредством определения его именем существительным. В этой функции числительные имена выступают как абстрактные обозначения числового или количественно-собирательного понятия, которое требует предметного определителя. Так мотивируется обособление исходной номинативной формы числительных от их косвенных падежных форм. Заслуживают полного внимания соображения А. П. Боголепова, стремившегося доказать, что основная форма числительных только условно может быть названа именительным падежом, по существу же, это беспадёжное образование. Это – номинатив, лишенный своих прямых грамматических функций. Не имея значения ни числа, ни рода, не выступая в роли субъекта действия или состояния, эта форма является лишь «голым» лексическим именем числовых величин. Падёжная функция именительного падежа у числительных разрушена: у них это область условного синтаксического употребления, а отнюдь не значения. Итак, синтаксис держит имена числительные в русле грамматической традиции, сближая их с идиомами и мешая полному распаду их морфологической системы, и в то же время он затемняет значение некоторых форм, например именительного падежа, номинатива в сочетании с формой так называемого «родительного» падежа существительного (ср.: *Пять человек ушло*) (Виноградов 2001: 252–253).

Во-вторых, имеет место «обобщение» форм числительных в косвенных падежах, именно в которых, по приведенному выше мнению Виноградова, проявляется наивысшая степень абстракции, «беспредметность» числительных.

У некоторых числительных образовалась единая форма во всех косвенных падежах («общий косвенный падеж») – у *сорок, девяносто, сто (сорока, девяно-*

ста, ста – во всех косвенных падежах). У других же числительных есть тенденция к ее образованию, «тенденция к обобщению и унификации форм косвенных падежей» (250). Т. е., так или иначе, многие косвенные падежи у них могут совпадать по форме. Они как бы стремятся к неизменяемости. Например:

У числительных от *пяти* до *девяноста* (исключая *сорок*) вообще есть только две формы косвенных падежей: родительный-дательный-предложный с окончанием *-и* (у слов *пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, двадцать, тридцать*) и *-и* (у числительных *одиннадцать, двенадцать, пятьдесят, шестьдесят* и т. д.) и творительный *-ью* и *-ью* (с тем же различием групп от 5–10, 20–30 и остальных) (2001: 250).

При этом Виноградов указывает, что в разговорной речи распространяются формы типа с *пяти рублями*, а в первой части составных слов типа *двухлетний, семиглавый, пятидесятиметровый* используется именно форма родительного падежа числительного. Обобщая свои замечания, ученый пишет: «Таким образом, образование единой формы косвенного падежа в этой группе числительных зависит лишь от утраты формы творительного падежа единственного числа (на *-ью*)» (2001: 250).

В-третьих, именно в косвенных падежах исчезают различия рода у слов *два/две, оба/обе* (т. е. в косвенных падежах у этих слов – единая парадигма для всех родов), сохраняющиеся в именительном (и сходном с ним винительном):

У числительных *два – две, оба – обе* противопоставление именительного-винительного падежа формам косвенных падежей выражается в том, что различие женского (*две, обе*) и неженского (*два, оба*) рода в косвенных падежах исчезает. (Ср. также в этих словах различие основ именительного и косвенных падежей.) (Виноградов 2001: 250–251).

В-четвертых, некоторые различия проявляются в прямых/косвенных падежах у числительных *пятьдесят – восемьдесят*: «В числительных *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* морфема *-десят* в косвенных падежах переходит в систему мягкого склонения *десять*» (Виноградов 2001: 251).

Еще одной важной чертой, которая характеризует числительные как часть речи, является отсутствие грамматического рода (у числительных от *трех* до *тысячи*⁵⁸ – т. е. у большинства «простых» лексем этой группы) и связанные с этим ограничения в сочетаемости с прилагательными. Числительные этого ряда не изменяются по родам и не имеют рода, который могли бы теоретически сообщать зависимым словам. Отсутствие рода проявляется, в частности,

⁵⁸ По моему мнению, до *девятисот*.

в том, что прилагательные, которые всегда согласуются по роду, не могут сочетаться с числительными, выступающими без существительного – по-видимому, Виноградов имеет в виду, что из-за отсутствия грамматического рода у числительного остается неопределенным и то, в каком грамматическом роде должно было бы использоваться прилагательное в сочетании с ним (нельзя сделать обязательный выбор из трех родовых форм прилагательного): «Нельзя сказать *круглый пять* или *круглая пять*. Разговорное выражение *круглое пять* обозначает не число, а школьную отметку, „балл 5“ как оценку знаний...» (2001:244).

На этом основании не включаются в числительное многие слова, которые считал «совокупительным» числительным Шахматов. Они – количественные существительные: «Отсутствие родовых различий, неспособность сочетаться с прилагательным решительно отличает имена числительные от количественных существительных» (Виноградов 2001: 244). Количественные существительные, сочетаясь с существительным, обозначающим исчисляемые предметы, могут свободно соединяться и с согласуемым прилагательным: *разрозненная дюжина ложек, парадная пара сапог, вторая сотня яиц* (244).

Словоизменительной категорией рода обладают числительные *один* (*одна*, *одно*), и *два* (*две*). Они принимают ту форму рода, которая соответствует роду существительного, в сочетании с которым они выступают. Однако, как уже упоминалось, у *два/две* различие в роде проявляется лишь в именительном и сходном с ним винительном, а в прочих падежах полностью исчезает. Род (зависящий от существительного, обозначающего исчисляемую сущность) есть и у *полтора/полторы*, которые Виноградов также включает в состав количественных числительных (*полтора дня, полторы недели*). При этом «в качестве косвенных падежей этого слова обычно употребляется без различия родов одна общая форма непрямого падежа – *полтора* в сочетании с косвенными падежами множественного числа имени существительного» (2001: 245).

Виноградов выделяет три разряда имен числительных: 1) счетные, 2) собирательно-разделительные и 3) неопределенно-количественные.

В счетные входят слова от *одного* до *тысячи*, а также *оба/обе* и *полтора/полторы* (Виноградов 2001: 243–245). Не включаются в состав числительных количественные слова *половина, треть, четверть, миллион, миллиард* (2001: 245–246), которые, как считает Виноградов, «...обладают всеми признаками существительных, между прочим и грамматическим родом» (245). Здесь еще раз проявляется то, что семантический критерий отодвинут на второй план, а включение или невключение слова в состав числительного у Виноградова

определяют грамматические черты. (Впрочем, вышеупомянутые *оба/обе, полтора/полторы* грамматическим родом – синтаксически зависимым – все же обладают.)

Слова, во многих работах и школьных учебниках называемые порядковыми числительными (*первый, второй* и т. д.), Виноградов относит к прилагательным (2001: 262, в сносках).

К собирательно-разделительным⁵⁹ относятся, во-первых, *двое, трое*, а во-вторых – образованные с суффиксом *-еро* слова: *четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро*⁶⁰. Для них характерен такой же разрыв между прямыми и косвенными падежами, который наблюдается и в случае счетных (количественных). Во-первых, «...их номинативы своим внешним видом вызывают представление о форме единственного числа среднего рода, а косвенные падежи их заимствуют свои окончания из склонения прилагательных во множественном числе: *четверо, четверых, четверым, четверыми* и т. п.» (2001: 257–258). Во-вторых, имеет место резкий контраст «...между формой именительного-винительного падежа, с которой сочетаются существительные в родительном падеже множественного числа, и формами косвенных падежей, в которых эти собирательные слова согласуются с определяемыми существительными...» (258).

Виноградов отмечает также, что у собирательно-разделительных отсутствуют формы рода (изменение по родам), что они неспособны иметь в качестве определяющего слова имя прилагательное (кроме *весь*) и у них отсутствуют формы числа (как указывалось выше, их номинативы внешне напоминают форму единственного числа среднего рода, а в косвенных падежах эти слова склоняются как прилагательные во множественном числе) (2001: 257).

⁵⁹ Для обозначения этого же разряда числительных у Виноградова используется и другой термин – «количественно-собирательные» (Виноградов 2001: 262).

⁶⁰ Виноградов указывает, что в индивидуальной речи возможны и новообразования с суффиксом *-еро* типа *восемнадцатеро* (257), мне, однако, кажется, что в современном русском языке уже и *восьмеро, девятеро, десятеро* начинают выходить из употребления. По крайней мере именительный их падеж воспринимается как несколько искусственный. В Национальном корпусе русского языка (заданный вручную подкорпус текстов, созданных начиная с 1991 г.) лексема *четверо* встречается 2068 раз, *семеро* – 500 раз, тогда как *восьмеро* – 64 раза (5 вхождений – основная форма, 59 вхождений – падежные формы, отличные от нее), *девятеро* – 28 раз (4 вхождения – основная форма, 24 – падежные формы, отличные от нее), *десятеро* – 83 (11 – основная форма, 72 – падежные формы, отличные от нее) (<http://ruscorpora.ru> – данные на июнь 2017 г.).

Следует добавить, что Виноградов считает, что между числительными собирательно-разделительной группы и счетными существуют определенные семантические различия:

Собирательно-разделительные числительные гораздо «субстанциональнее», предметнее, чем прямые обозначения чисел (ср.: *пятеро* и *пять*, *двое* и *два* и т. п.). В применении к лицам собирательные числительные приобретают яркий отпечаток субстантивности (вне связи с родительным падежом): *семеро одного не ждут*; «И вместе *трое* все в него [в воз] впряглись» (Крылов); у Тургенева в рассказе «Муму»: «Одаренный необыкновенной силой, он работал за *четверых*» и т. п. Ср. в «Чапаеве» Д. Фурманова: «Вот кинулись *все четверо*, поплыли. *Двоих* убило в тот же миг, лишь только коснулись воды. *Плыли двое*, уже были у самого берега – и в этот момент хищная пуля ударила Чапаева в голову» (Виноградов 2001: 258).

В состав неопределенно-количественных у Виноградова включены: *сколько, столько, несколько, много, немного* (и *мало, достаточно* – в основной форме слова) (260–262). Некоторым из них полностью свойственна определяющая грамматическая черта числительного: контраст между номинативом и косвенными падежами. Когда конструкция *сколько, столько, несколько* + существительное выступает в номинативе, числительное это не зависит от существительного, существительное же имеет форму родительного падежа множественного числа (*столько, сколько, несколько слонов, учеников, детей, книг*) и является зависимым членом словосочетания. По своей форме это числительное напоминает наречие или краткую форму среднего рода единственного числа прилагательного. В косвенных же падежах числительное ведет себя как типичное прилагательное: зависит от существительного, принимая его падеж; склоняется же оно по образцу множественного числа (*о нескольких, столькоих, скольких учениках, книгах* и т. д.).

Виноградов считает, что слова *много, немного* являются числительными, у которых формы косвенных падежей совпадают с косвенными падежами множественного числа прилагательных *многие, немногие*, т. е. они являются изменяемыми словами⁶¹. На мой взгляд, это наименее удачная и наиболее дискуссионная часть в проведенном Виноградовым анализе числительных. Иная трактовка этих слов представлена, например, у Мельчука (1985). Он пишет,

⁶¹ Виноградов пишет: «Возникновение номинатива превращает количественное наречие в имя числительное». И далее: «Вовлекаясь в круг имен числительных, слово *много* должно было прислониться к какой-нибудь системе склонения» (2001: 261). Следует еще раз подчеркнуть, что резкая разница между номинативом и косвенными падежами – у Виноградова одна из основных грамматических черт числительного как части речи.

что «...формы *многих, многим, многими* нельзя трактовать как члены лексемы МНОГО...» (Мельчук 1985: 309). У лексем *многие* и *много* разный смысл, что видно, когда они выступают в одном и том же контексте. Например, фраза *Много детей получили <получило> подарки* означает, что количество детей, получивших подарки, велико, а фраза *Многие дети получили подарки* – что велика доля детей (из некоторого неназванного количества), получивших подарки. Также ср., напр.: *На войне погибло много писателей* vs *На войне погибли многие писатели*. Лексема *много* предполагает единую совокупность исчисляемых объектов, а *многие* – «расчлененное множество». Фраза *Под его командой оказалось сразу много людей* предполагает большое количество, совокупность людей в одном месте, а *Под его командой оказались сразу многие люди* – скорее отдельных людей в разных местах (Мельчук 1985: 309–310). Имеется в виду, что значение форм лексемы *многие* в косвенных падежах то же, что в именительном и винительном. В последних выступают не только формы *многие*, но и *много*, и видно, что это разные слова, не всегда взаимозаменяемые. Ср. пример, приведенный Мельчуком: **Геракл повторил свой тринадцатый подвиг многие разы* (1985: 311). Трудно не согласиться здесь с Мельчуком. Мне также кажется, что все явно «прилагательные» формы (*многих, многим* и т. д.) выражают смысл лексемы *многие* в любом контексте, и связывать их с лексемой *много* неверно (значение у этой лексемы все же явно другое).

В современном русском языке *много, немного, мало* – это наречия, то есть неизменяемые слова⁶². Кроме того, следует подчеркнуть, что *много, немного, мало* обладают особой сочетаемостью, нехарактерной для числительных основной группы, и семантикой, связанной не только с числом, но с количественной оценкой вообще: *много путешествовать, много кофе, мало знать, мало пригоден, немного недоглядел*⁶³. Поэтому их, по моему мнению, не следовало бы рассматривать как числительные. Виноградов и сам отмечает, что «...различение функций имени числительного и прилагательного в формах косвенных

⁶² Следует все же отметить, что в конструкциях с *по* функционирует форма *многоу*. Напр.: *по многоу раз*.

⁶³ Подобный аргумент в пользу наречной природы слов *много, немного, мало, немало* приводится, напр., у Буланина (1976: 91). Также Буланин отмечает, что у этих слов есть ряд других признаков, характерных для наречий и нехарактерных для числительных. Приведем некоторые из них:

- *много, мало* сочетаются с наречиями степени (*очень много, совсем мало <времени, денег, людей и т. д.>*),
- *много, мало* имеют формы сравнительной степени (*больше/меньше <людей, знаков>*),
- *много, мало, немного* имеют формы субъективной оценки: *многовато, маловато, немножко*,
- и, наконец, то, что они, в отличие от числительных, не склоняются (Буланин 1976: 91–92).

падежей (*многих, многими*) не может быть произведено по чисто грамматическим признакам. Все другие признаки такого различия также оказываются случайными и неопределенными» (Виноградов 2001: 261). Необходимо отметить, что «...слово *достаточно*, к которому косвенные падежи явно не притягиваются из системы прилагательного *достаточный*, или слово *мало*, к которому косвенные падежи прилагательного *малый* вовсе не подходят по значению...» (2001: 261), Виноградов не считает изменяемыми словами и относит к числительному, по-видимому, как некие исключения. Здесь следует напомнить также и о том, что эти слова не могут использоваться в косвенных падежах: *На соревновании было мало участников*, но **Перевести мало участников в другую команду* (vs *Перевести нескольких участников в другую команду*, *Перевести двоих участников в другую команду*), *Дать нескольким участникам призы* (vs **Дать мало участникам призы*)⁶⁴. Мельчук, по моему мнению, абсолютно обоснованно отнес все эти слова (*много, немного, мало, достаточно*) к количественным наречиям (1985: 36)⁶⁵. А если *много* и *мало* были бы все же включены в числительное, то к «числительным» следовало бы отнести и целый ряд их синонимов (*видимо-невидимо, полным-полно, без числа, навалом, чуть-чуть, всего ничего* и т. д.), так как эти наречия и наречные предложения могут выступать вместо *много* и *мало* во фразах типа: *На углу собралось много <видимо-невидимо, ужас сколько, до фига, навалом...> студентов* (Мельчук 1985: 305–306).

Однако дискуссионность утверждений Виноградова о некоторых неопределенно-количественных (в частности, неизменяемых *много, немного, мало*) на фоне тех важнейших замечаний о числительном, которые содержатся в рассматриваемой работе, – вещь абсолютно несущественная. Ученому удалось блестяще систематизировать и объяснить разрозненные факты относительно числительных, а также указать главные их отличия от прочих русских именных частей речи.

⁶⁴ На мой взгляд, в косвенных падежах не используются и слова типа *много, немного*. Как уже говорилось, формы *многих, многим* и т. д. (*побывать во многих странах, сказать многим людям* и т. д. – это формы прилагательных *многие, немногие*).

⁶⁵ Впрочем, следует заметить, что Мельчук не считает числительными и прочие «неопределенно-количественные» слова (включая и *несколько, сколько*), также относя их к наречиям. В этом случае трактовка в качестве наречий кажется решением довольно спорным. К данному вопросу мы позднее еще вернемся.

2.5. После Виноградова

Насколько мне известно, после Виноградова не было сколько-нибудь серьезных попыток оспорить существование числительного как части речи в русском языке. Дальнейшая научная дискуссия касается лишь ее границ, включения или невключения в числительное некоторых разрядов, включения или невключения в числительное отдельных слов. Собственно, и сам вопрос того, существует ли данная часть речи и на основании каких именно черт она выделяется, фактически больше не поднимался (по крайней мере, в известных мне работах). Числительное как часть речи принимается за данность. Это принесло с собой и определенные негативные последствия. В некоторых грамматиках, как мне кажется, ослабляется или затирается понимание того, что в этом явлении главное (что отличает числительное от существительных, прилагательных и прочих частей речи), а что – скорее второстепенно. Следует отметить, что понятие числительного и его типы, описанные Виноградовым, на данный момент можно считать наиболее общепринятыми (хотя во многих работах и после Виноградова заметно влияние традиционной школьной системы частей речи). Именно они являются отправной точкой дальнейшего рассмотрения числительного во многих текстах.

На классификации и характеристиках, данных Виноградовым числительному, основываются многие академические грамматики и учебники для студентов русской филологии.

В «Грамматике современного русского литературного языка» под ред. Шведовой (1970) выделяются фактически те же категории числительных, что и у Виноградова: по значению (это подчеркивается в тексте) – количественные и собирательные. В различных частях работы упоминаются и неопределенно-количественные числительные (в том числе и такие, которых не было у Виноградова): *много, немного, сколько, несколько, столько* (Шведова 1970: 393), *мало, больше, более, меньше, менее* (Шведова 1970: 549). Упоминается, что по отношению к категории падежа числительные делятся на склоняемые (все, кроме *мало*) и несклоняемые (*мало*). Есть и отличия от числительных Виноградова: в собирательные типа *двое, трое, четверо* включено слово *оба*⁶⁶ (393), а слово *один* – отнесено к прилагательным (308).

Понимание числительного как части речи в контексте прочих частей речи, по сравнению с трудом Виноградова, здесь, на мой взгляд, все же несколько

⁶⁶ У Виноградова же оно – среди счетных (количественных типа *два, три* и т. д.).

обеднено: «Характерной особенностью всех слов, объединенных в классе числительных, и отличающей их от других слов, обозначающих количество (например, от слова *один*; *первый*; *сотый* и т. п.), является способность числительных иметь при себе управляемое существительное в родит. пад., например: *два стола, три окна, четыре комнаты; двое гостей, пятеро суток* и т. п.» (Шведова 1970: 308)⁶⁷. Вообще же «имя числительное – это часть речи, обозначающая количество предметов и выражающая это значение в грамматических категориях падежа (последовательно) и рода (непоследовательно...)» (308). Словоизменительная категория рода (и словоизменительное значение: мужеско-среднего и женского) характерна лишь для слов *два, оба* и *полтора*, а для остальных числительных – нет (308).

В «Русской грамматике» под ред. Шведовой (1980) числительное и по составу, и по выделяемым классам практически полностью совпадает с числительным Виноградова. Многие аспекты (с точки зрения выделения части речи – нередко, по-моему, довольно второстепенные) описаны здесь более детально. Однако, по моим ощущениям, острота, с которой отдельность числительного была показана в труде Виноградова, глубокое понимание причин отдельности этой части речи и видение тех черт, которые и определяют, что мы не смешиваем эти слова с существительным и прилагательным, – в этих деталях несколько теряются. В Грамматике 1980 происходит и дальнейшее расширение класса «неопределенно-количественных». Кроме выделенных Виноградовым *мало, немало, много, немного, несколько, сколько, столько*, здесь к числительным добавлены и слова *сколько-нибудь, сколько-то, столько-то* («местоименные числительные»). Тем не менее, в грамматике есть важное наблюдение о том, что термин «числительное» традиционно употребляется и для наименования **группы слов с количественным и числовым значением, принадлежащих разным частям речи** (кроме числительных и существительных также, например, и «порядковые» прилагательные). Авторы работы предлагает эту группу (чисто смысловую) называть «счетными словами» (Грамматика 1980: 571). Внутренняя классификация числительного в этой работе такова: основными классами являются количественные и собирательные, количественные распадаются на определенно-количественные (у Виноградова именуемые «счетными»)

⁶⁷ В качестве особенности представлена одна из двух сторон падежного контраста числительных (синтаксическое поведение, свойственное числительным лишь в именительном и сходном с ним винительном). По отдельно взятой способности «иметь при себе управляемое существительное в родит. пад.» числительное можно отличить от прилагательных (в том числе *один* и порядковых), но не от существительных (ср., напр., числительные и существительные, обозначающие множества: *пять собак* и *стая собак*).

и неопределенно-количественные⁶⁸. Основание разделения числительного на два типа, принятое в работе, – «Количественные числительные обозначают собственно количество, а собирательные – количество как совокупность...» (572) – вызывает определенные сомнения и вряд ли вносит что-либо существенное по сравнению с трехчастным делением, принятым у Виноградова⁶⁹. Собирательные, по моему мнению, намного ближе к определенно-количественным, чем неопределенно-количественные слова – в том числе и в семантическом отношении. Поэтому решение, принятое в Грамматике 1980, – скорее регресс, чем прогресс по сравнению с классификацией Виноградова.

Различие между определенно-количественными и неопределенно-количественными мыслится в работе прежде всего как семантическое: «Первые обозначают определенное количество единиц (*два, четыре, пятнадцать, полтора, двести*), вторые – неопределенное количество единиц...» (Грамматика 1980: 571). «Порядковые», как и у Виноградова, не включаются в состав числительного (считаются прилагательными), а дробные числительные типа *две пятых, одна целая шесть десятых* отнесены к словосочетаниям⁷⁰ (572). Слова *тысяча, миллион, миллиард, биллион* и т. д. отнесены к существительным со значением числа (572). Следует отметить и то, что авторами традиционно выделяются простые, сложные и составные числительные.

В «Современном русском языке» В. А. Белошапковой, Е. А. Брызгуновой, Е. А. Земской, И. Г. Милославского, Л. А. Новикова и М. В. Панова (1989)⁷¹ понимание числительного, наверное, наиболее «грамматично». Числительными в этой работе считаются «...такие лексемы с количественным значением, которые лишены рода как классифицирующей грамматической категории» (Белошапкова и др. 1989: 452). На этом основании *тысяча, миллион, десяток, дюжина* и проч. слова, у которых род как классифицирующая грамматическая категория присутствует, отнесены к существительным.

⁶⁸ Подобную классификацию можно встретить во многих работах, более ранних и более поздних, напр. в «Грамматике современного русского литературного языка» под ред. Шведовой (1970). У Виноградова счетные, собирательные, неопределенно-количественные – три отдельных класса (счетные и неопределенно-количественные не сливались в количественные и не противопоставлялись собирательным как целое). Однако это, по моему мнению, лишь поверхностное отличие.

⁶⁹ Напомним, что в этой работе числительное разделялось на счетные, собирательно-разделительные и неопределенно-количественные.

⁷⁰ Они охарактеризованы как «...сочетания слов (часто с союзом *и*), относящихся к разным частям речи» (Грамматика 1980: 572). Подобной точки зрения на эти выражения придерживается и И. Мельчук (1985: 36).

⁷¹ Раздел о числительном в этой книге написан И. Г. Милославским.

Слова *оба, два, полтора*, имеющие противопоставление по роду (в зависимости от управляющего слова), включаются в этой работе в состав числительного, однако *один* – считается прилагательным, обладающим словоизменительными категориями рода и числа.

В работе отмечается и двойственное поведение числительных в морфосинтаксическом плане, т. е. различие прямых и косвенных падежей (именительный/винительный, в котором числительное подчиняет существительное, и прочие падежи, в которых числительное согласует с существительным свою падежную форму)⁷². Однако, в отличие от грамматического рода, вопрос падежной двойственности в этой книге указан, фактически, на втором плане (он не поставлен во главу угла на уровне определения числительного как части речи). Это вряд ли можно назвать удачным решением вопроса числительного: отдельно взятый признак «отсутствия классифицирующей категории рода» не позволил бы отделить числительные от прилагательных (у прилагательных род – также категория не классифицирующая)⁷³. Падежный же контраст может послужить как признак части речи и сам по себе: он свойственен числительным и не свойственен прилагательным и прочим именным частям речи.

Среди числительных выделяются всего две – семантические – группы: количественные и собирательные (Белашапкина и др. 1989: 455). В подразделе о склонении упомянуты и числительные типа *сколько, несколько, столько, много, немного*, которые склоняются по тому же образцу, что и собирательные (*двое, трое, четверо* и т. д.) (456)⁷⁴. Однако семантически они, по всей видимости, мыслятся как количественные.

Однако следует подчеркнуть, что многие работы, вышедшие во второй половине XX в., и даже тексты последнего времени продолжают школьную традицию с ее широким, скорее «семантическим», а не «грамматическим», пониманием числительного.

Например, в «Современном русском языке» Е. М. Галкиной-Федорук, К. В. Горшковой и Н. М. Шанского⁷⁵ на основе значения, структурно-граммати-

⁷² Рассмотрению этой проблемы посвящен отдельный подраздел шестистраничной главы «Имя числительное», озаглавленный «Категория падежа у числительных» (454).

⁷³ Правильнее было бы, по всей видимости, приписать числительному в целом отсутствие как классифицирующей, так и словоизменительной категории рода – тогда его суть становится яснее.

⁷⁴ Слова *много, немного* в этой грамматике рассматриваются в качестве склоняемых (*много, многих, многим* и т. д.), т. е. здесь, как и в работе Виноградова, лексеме *много* приписываются формы косвенных падежей (*многих* и т. д.) лексемы *многие*.

⁷⁵ Раздел о числительном в этой работе принадлежит перу Н. М. Шанского.

ческих свойств и характера употребления выделяются не только количественные и собирательные, но также и дробные числительные (Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 1958: 298)⁷⁶. К количественным числительным отнесены слова *миллион* и *миллиард* (у Виноградова это существительные), а также *один*.

Важно то, что в этой работе, по моему мнению, совершен определенный шаг назад в сравнении с тем грамматическим пониманием числительного, которое представлено у Виноградова. Основное отличие числительного от прочих именных частей речи сводится авторами к семантике: «Выражение числительными счетно-числовых понятий целиком определяет характерное для них абстрактно-количественное значение, несвойственное другим разрядам слов. Именно это абстрактно-количественное значение и отличает прежде всего числительные от других имен» (1958: 297)⁷⁷.

По семантическим чертам числительное отделяется и от неопределенно-количественных слов, «...выражающих недифференцированное большое или малое количество (*много, немного; капельку, бездна* и т. п.)» (298). Числительные – это только такие слова, которые выражают определенное количество, а неопределенно-количественные слова являются «...или наречиями, или местоимениями, или существительными (*много садов, несколько гектаров, капелька соли, уйма народу* и т. д.)» (Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 1958: 314)⁷⁸. В работе приводится ряд отличий слов *много, немного, мало, немало, сколько, столько и несколько* от числительных. Крайне важным мне кажется одно из них: у этих слов (кроме *сколько, столько, несколько*) «...нет тех специфических форм, которые характерны для категории числительных. Все они не склоняются. Формы *многих, многим, немногих, немногим* и т. п. (не говоря уже о формах *малых, малым, достаточных, достаточным* и т. д.) являются формами косвенных падежей однокорневых прилагательных, а не слов *много, немного* и т. д.» (315; подчеркивание – мое). (Я разделяю эту точку зрения, мне кажется, Виноградов ошибался, выделяя «омонимичные» косвенные падежи «числительных» типа *много, немного*.)

⁷⁶ Работа эта до сих пор переиздается, т. е. выраженные в ней взгляды до сих пор в какой-то мере актуальны. Последнее на данный момент ее издание вышло в 2016 г. (ISBN: 978-5-9710-2645-7).

⁷⁷ Подобное же определение используется и в более поздней грамматике, написанной Н. М. Шанским в соавторстве с А. Н. Тихоновым (Шанский, Тихонов 1987: 134).

⁷⁸ В «Современном русском языке» Шанского и Тихонова такое понимание основополагающей черты числительного представлено еще категоричнее: «Слова *мало (немало), много (немного)* не обладают основным свойством количественных числительных: они не способны выражать точное количество предметов, не имеют счетно-числового значения» (1987: 143).

На семантической основе от количественных и собирательных отделяются и дробные (первые два типа обозначают количество в целых единицах, а последний – нет)⁷⁹. В целом, как при выделении числительного, так и при выделении его типов в этой работе довольно последовательно используется семантический критерий, хотя порядковые включены в относительные прилагательные на основе их морфологических и синтаксических черт.

Определенным компромиссом между тем пониманием числительного, которое представлено в «Русском языке» Виноградова, и традиционной школьной грамматической системой является описание числительного в «Грамматике русского языка» 1960 г., также под ред. В. В. Виноградова⁸⁰. Числительные делятся здесь на количественные и порядковые (1960: 366) – как и у Смирновского в начале XX в. (1915). У Виноградова же в «Русском языке» (2001) порядковые относятся к прилагательным. Количественные разделяются далее на определенно-количественные (*два, три* и т. д.), неопределенно-количественные (последние, в свою очередь, выделяются у Виноградова в «Русском языке», а у Смирновского не рассматривались) и собирательные. К количественным «примыкают» дробные (1960: 366), у Смирновского включавшиеся в состав количественных числительных, а у Виноградова вовсе не считавшиеся числительными. Неопределенно-количественные по составу совпадают с одноименной группой у Виноградова (2001): *несколько, сколько, столько, много, немного*. Слова *тысяча, миллион, миллиард* описаны в разделе о числительном (и, по-видимому, считаются числительными), однако подчеркивается, что по своим основным морфологическим признакам они относятся к существительным⁸¹. Основное

⁷⁹ Слова *полтора, полторы* в этой работе считаются отдельной категорией – количественно-дробными, обозначающими количество, состоящее из целого и его половины (311). (Дробные же, как можно судить на основе приводимых в книге примеров, понимаются исключительно как названия величин, меньших, чем единица, либо как части целого.) В книге Шанского и Тихонова (1987) они перенесены в общий разряд дробных, которые в этой работе понимаются шире. Дробные числительные обозначают «...дробные величины: 1) число, состоящее из частей единицы: а) правильную дробь (меньше единицы): *одна пятая, восемь сотых*; б) неправильную дробь (больше единицы): *четыре целых две десятых, две целых три сотых*; 2) количество предметов меньше или больше единицы: *одна четвертая участка, две третьих книг, две целых три сотых гектара, полтора аршина сукна*» (1987: 140).

⁸⁰ В «Предисловии» к этой работе авторы отмечают, что их грамматика «...не стремится ни к описанию грамматического строя русского языка на новой научно-теоретической базе, ни к углубленной постановке отдельных спорных и сложных грамматических вопросов и не пытается дать их разрешение»; более того, – она «...берет за основу наиболее установившуюся, принятую в программах средней школы грамматическую систему...» (Виноградов (ред.) 1960: 4).

⁸¹ Они «имеют форму рода» и «изменяются по числам» (376).

деление числительных происходит по признаку тех сущностей, которые ими обозначаются, то есть оно основано на смысловых свойствах этих слов (хотя здесь, как и в школьных грамматиках, одновременно указаны и различного рода грамматические свойства).

У Гвоздева в «Современном русском литературном языке»⁸² заметно как влияние Виноградова, так и влияние «школьной» традиции, но в целом здесь также наблюдается перевес «смыслового» над «грамматическим» пониманием числительного. Из школьной традиции заимствованы разряды числительного (ей соответствуют не только сами понятия, но и используемая терминология): количественные, собирательные, дробные, порядковые (Гвоздев 1973: 266). Кроме того, выделяются неопределенные числительные, а это уже, по-видимому, влияние Виноградова (причем в данном случае, по моему мнению, – скорее негативное). Само числительное выделяется по значению. Оно «обозначает отвлеченное количество или порядок предметов при счете» (265), причем его значение исчерпывается обозначением числа или порядка, в отличие, например, от связанных с количеством существительных (ср. *пять* и *пятерка*) (266). Отдельные разряды числительных выделяются преимущественно по значению, а относительно грамматических признаков этих разрядов утверждается, что они неодинаковы (265–266). Количественные числительные «обозначают названия целых единиц и представляют собой названия естественного порядка чисел» (266), а собирательные, по мнению Гвоздева, отличаются от них не по значению (Гвоздев считает, что они обозначают то же самое, что и количественные), а «областью употребления и некоторым указанием на лицо (при употреблении без существительного)» (271). Дробные, неопределенные (всего 4 слова: *несколько*, *много*, *немного*, *мало*) и порядковые, так же, как и количественные, выделяются Гвоздевым по значению.

Следует подчеркнуть, что при рассмотрении грамматических особенностей количественных числительных у Гвоздева наблюдается много сходного с работой Виноградова: упоминается контраст между именительным, винительным и прочими падежами, отсутствие при числительных определений, выраженных прилагательным, отсутствие рода, отсутствие изменения по числам. *Тысяча*, *миллион*, *миллиард* по грамматическим свойствам отнесены к существительным, хотя подчеркивается, что у *тысячи* – «колеблющееся положение»⁸³ (269). Но эти черты не рассматриваются Гвоздевым как определяющие числительное.

⁸² Первое издание книги вышло в 1955 г., здесь же использовалось четвертое издание, 1973 г.

⁸³ Гвоздев пишет, что в косвенных падежах иногда встречается согласование слова *тысяча* с существительным. Ср., напр.: *к тысяче рублям* наравне с *к тысяче рублей* (269).

Три вышеперечисленные работы не внесли, по большому счету, ничего нового в понимание числительного по сравнению с концепцией, представленной у Виноградова (2001), но, тем не менее, они заставляют пристальнее приглядеться к некоторым отдельным ее утверждениям (частеречная принадлежность лексем *тысяча, миллион, миллиард*, вопрос словоизменения *много/мало*, «собирательность» <действительно ли существует смысловая разница между определенно-количественными и собирательными>, вопрос того, может ли словосочетание <типа *две целых две пятых*> рассматриваться в аспекте принадлежности к той или иной части речи, т. е. уравниваться с лексическими единицами).

Л. Д. Чеснокова, автор раздела о числительном в относительно новом учебнике для высших учебных заведений «Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц»⁸⁴ (Бабайцева и др. 2008: 103–119) пытается развивать широкое «семантическое» (школьное) понимание этой части речи. У Чесноковой числительное является чисто семантической группой, выделяемой, однако, несколько иначе, нежели принято в школьной традиции. Во главу угла в этой работе ставится то, что числительные являются элементами одной, строго организованной, математической системы:

Имя числительное – это знаменательная часть речи, которая выражает всей совокупностью входящих в нее слов, расположенных в строгой последовательности, существующую в данном языковом обществе счетную систему, а каждое числительное выражает элемент этой системы – числовое понятие (число, количество предметов, порядок их при счете – место в счетном ряду).

Это определение отличается от традиционного указанием на то, что числительные всей совокупностью входящих в этот класс слов выражают существующую в данном языковом обществе счетную систему – ряд натуральных чисел, где каждый элемент занимает строго определенное место в этой системе и отличается от рядом стоящих элементов на определенную одинаковую величину – единицу: *...три, четыре, пять...* и т. д. (Бабайцева и др. 2008: 103).

Грамматические признаки числительных у Чесноковой описываются в качестве констатации свойств заданной по смысловым чертам группы слов.

В грамматике числительное у Чесноковой расплывается, у него отмечаются черты других частей речи. С их учетом группа разбивается на следующие виды:

⁸⁴ 1-е издание книги вышло в 2001, 2-е, исправленное и дополненное, – в 2006 г. Мы будем пользоваться 3-м, стереотипным, изданием.

- 1) числительные, соотносительные с именами существительными (*два, три, восемнадцать, сорок, сто, тысяча* и т. д.);
- 2) числительные, соотносительные с именами прилагательными (*первый, восьмой, сороковой* и т. д.);
- 3) числительные, соотносительные с наречиями (*дважды, трижды, впервые, вдвое, втрое, впятером* и т. д.) (Бабайцева и др. 2008: 106–107).

Среди числительных появляется очередной новый подвид – «соотнесенные с наречиями». О них Чеснокова пишет: «Числительные, соотносительные с наречиями, примыкая к глаголу, сравнительной степени прилагательного или наречия, обозначают количественный признак действий или других признаков: *трижды повторил, дважды заходил, впервые заговорил, вдвое выше, вчетверо дальше* и т. п.» (Бабайцева и др. 2008: 107). Следует отметить, что использованное Чесноковой общее название части речи – «имя числительное» – и те черты слов, которое оно предполагает, находится в явном противоречии с ее составом.

Особенность количественных числительных, важнейшая их грамматическая черта (двойное синтаксическое поведение в прямых и косвенных падежах), считается у Чесноковой лишь показателем отсутствия резкой границы между ними (т. е. упомянутыми выше «соотнесенными с существительными» числительными) и числительными-прилагательными типа *второй*. Имеется в виду, что количественные числительные совмещают в себе черты существительных и прилагательных:

...числительные в им. п. и в некоторых косвенных падежах с предлогами (*около двадцати человек, более пяти тонн, в пятнадцати километрах от города* и т. п.) совмещают свойства числительного и существительного, а в косвенных падежах, где числительное, обозначая признак предмета, согласуется с существительным и выполняет функцию согласованного определения, – свойства числительного-прилагательного. Числительное *один* совмещает признаки существительного (*к одному прибавить два*) и прилагательного: согласуется с существительным в роде, числе и падеже: *на один день, на одну ночь* (Бабайцева и др. 2008: 107).

Касательно слов *тысяча, миллион, миллиард* и т. д. Чеснокова отмечает, что они могут функционировать и как числительные, и как существительные («числительное» и «существительное» – «функциональные омонимы») (Бабайцева и др. 2008: 105). Это проявляется, в частности в том, как ведет себя обозначающее исчисляемые предметы существительное в соединении с таким словом:

При анализе слов *тысяча*, *миллион* и др. следует обратить внимание на двойкий характер склонения их сочетаний с существительными.

Сочетание с *тысячей* (*тысячью*) *учеников* – это сочетание двух существительных, а с *тысячью* (*тысячей*) *учениками* – сочетание числительного (*тысяча*) с существительным (*ученики*) в тв. п., так как при склонении сочетания числительного с существительным изменяется каждое слово.

Парадигма

числ. + сущ.		сущ. + сущ.	
Только ед. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	
И. <i>тысяча учеников</i>	<i>тысяча учеников</i>	<i>тысячи учеников</i>	
Р. <i>тысячи учеников</i>	<i>тысячи учеников</i>	<i>тысяч учеников</i>	
Д. <i>тысяче ученикам</i>	<i>тысяче учеников</i>	<i>тысячам учеников</i>	
В. <i>тысячу учеников</i>	<i>тысячу учеников</i>	<i>тысячи учеников</i>	
Т. <i>тысячью учениками</i>	<i>тысячей учеников</i>	<i>тысячами учеников</i>	
П. (о) <i>тысяче учениках</i>	(о) <i>тысяче учеников</i>	(о) <i>тысячах учеников</i>	
(изменяются оба слова)	(изменяется только первое слово)		

(Бабайцева и др. 2008: 105–106)

Мне кажется, что относительно *тысячи* это замечание верно, а у *миллиарда* и *миллиона* заметны, все же, ограничения в таком «числительном» поведении. Ср. очень сомнительные, режущие слух носителя языка: *о *миллиарде учениках*, **миллиардом учениками*, **миллиону ученикам*; также: *о *миллионе рублях*. По моему мнению, по крайней мере в этом смысле данные слова являются именно существительными.

При этом важно подчеркнуть, что два варианта слова *тысяча*, упомянутые Чесноковой, вряд ли можно рассматривать как равноправные с прагматической точки зрения. В частности, в «Грамматическом словаре» А. А. Зализняка (первое издание – 1977 г.) указывается, что употребление *тысяча* в качестве «числительного» в современном русском языке редко и является устаревающим (а на сегодняшний день оно, по моему мнению, уже не соответствует ни книжной, ни разговорной норме):

Слово **тысяча** обычно выступает просто как существительное (имеющее ед. и мн. числа и склоняющееся по образцу **туча**...); соответственно, подчиненное ему существительное ставится в Р. мн., например: к *тысяче рублей*, с *тысячей рублей*, о *тысяче рублей*. Однако изредка встречается также другой (устаревающий) способ сочетания этого слова с существительным, при котором **тысяча** выступает как

настоящее числительное: *к тысяче рублям, с тысячью рублями, о тысяче рублях* (Зализняк 1980: 68).

У Чесноковой выделяются следующие основные лексико-грамматические разряды числительных:

- Количественные, распадающиеся далее на 3 подразряда: определенно-количественные (*пять, двадцать, сто* и др.), неопределенно-количественные (*сколько, столько, много, мало, несколько, столько-то*) и собирательные (*двое, трое, десятеро*).

- Порядковые, распадающиеся далее на определенно-порядковые (*первый, второй, сорок пятый, тысяча девятьсот девяносто второй*) и не выделяемые обычно в традиционных грамматиках неопределенно-порядковые⁸⁵ (*энный, такой-то, какой-то, сто двадцать такой-то* и т. п.).

- Дробные, называющие «определенное число или количество как часть целого» и состоящие «из количественных и порядковых числительных»⁸⁶ (напр., *три восьмых, две десятых*).

(Бабайцева и др. 2008: 107–111)⁸⁷.

⁸⁵ Чеснокова подчеркивает это в тексте: «Этот разряд в научной и учебной литературе оказался неопианным» (108).

⁸⁶ Сочетания количественных числительных с существительными *треть, четверть* (ср. *две третьих* и *две трети*) Чеснокова не включает в «дробные числительные» (111). На этом фоне статус «дробных» в работе не до конца ясен. С одной стороны, «дробные» числительные не рассматриваются автором как отдельные лексические единицы в прямом смысле этого слова (указано, что в их состав входят количественные и порядковые), но с другой – не трактуются и в качестве обычных словосочетаний. Автор пишет, что особенностью дробных числительных являются застывшие формы рода и числа слов, входящих в их состав. Фактически же имеется в виду, что *один* и *два*, обозначая числитель дробей, всегда имеют форму женского рода: *один* – единственного, *два* – множественного, напр. *одна десятая, две пятых*. Прочие же количественные по родам не изменяются, и в их случае эта особенность не проявляется. Однако порядковые числительные, используемые в соединении с последними в качестве названий знаменателя дроби, – всегда выступают во множественном числе (112).

Мне кажется, что «дробные» все же следует рассматривать как словосочетания, в которых используются (1) количественные числительные и (2) слова, которые, по-видимому, следует рассматривать не столько как порядковые прилагательные <«числительные»>, зависимые от существительных и изменяющиеся по родам, сколько образовавшиеся из них субстантивированные прилагательные женского рода с особым значением (*первая, пятая* и т. д.).

⁸⁷ В другой работе Л. Д. Чесноковой – монографии «Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции» (1997, Ростов-на-Дону) – была предложена несколько иная, но в целом сходная классификация «числительных». К сожалению, мне не удалось получить доступ к этой работе, однако я посчитал необходимым привести сведения об используемой в ней классификации числительных хотя бы опосредованно, по тексту Ю. О. Чернобородовой. Чернобородова пишет, что числительные разделяются в этой работе на 7 разрядов: «определенно-количественные числительные с подразрядом собирательных; определенно-порядковые числительные (*первый, сороковой*); дробные с определенным количественным значением (*три пятых, две десятых*); количественно-вербальные с определенным количественным значением (*дважды, впервые, вторым*,

Показателями разрядов являются «1) значение и 2) морфологические признаки» (108). Внутри разрядов слова характеризуются традиционно: сначала приводится общая смысловая характеристика разряда, а затем перечисляются грамматические особенности входящих в него слов. Разбиение числительного у Чесноковой напоминает примененное в «Грамматике русского языка» под ред. Виноградова (Виноградов 1960) и в целом сходно с традиционными школьными классификациями (за исключением, пожалуй, не встречающихся в них неопределенно-порядковых), а во главу угла здесь поставлены прежде всего смысловые характеристики.

Подводя итоги вышесказанного, следует отметить, что к настоящему моменту в русских грамматиках наблюдаются две основные тенденции в описании числительного как части речи. Первая связана с традиционным школьным, «неграмматическим» подходом к выделению числительного. Часть работ, появляющихся в последнее время, фактически его повторяет. Есть и попытки развивать и совершенствовать такое «смысловое» описание. Однако они, как правило, приводят лишь к увеличению тех типов слов, которые классифицируются как данная часть речи, и увеличению внутренней грамматической разнородности слов, включаемых в такое числительное. Так, в некоторых грамматиках последних лет (напр., у Чесноковой в: Бабайцева и др. 2008) оно охватывает еще более широкую и грамматически разнородную гамму слов, нежели изначально (напр., в сравнении с картиной, представленной у Смирновского 1915). Это не всегда, по моему мнению, обосновано именно языковой реальностью (об этом ниже).

Вторая тенденция – определение числительного на основе скорее грамматических, а не семантических черт. Такое числительное включает в себя намного меньшее число разрядов слов по сравнению с традиционным школьным.

В период «после Виноградова» вышел ряд важных с точки зрения изучения числительных научных монографий, которые сложно было бы отождествлять с одной из двух описанных выше тенденций. Необходимо упомянуть, в частности, «Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim» А. Богуславского (Bogusławski 1966), «Русское именное словоизменение» (первое издание – 1967 г.) А. Зализняка, а также «Поверхностный синтаксис русских числовых выражений» И. Мельчука (1985).

в-третьих); неопределенно-количественные (*сколько, столько, много, несколько*); неопределенно-порядковые (*какой? зный, тысяча девятьсот какой?*); дробные с неопределенно-количественным значением (*сколько пятых? четыре таких-то*)» (Чернобородова 2005). Показательно, что среди разрядов числительного упомянуты и «количественно-вербальные» наречия.

Частеречность числительного в этих трудах или не затрагивается, или определяется иначе, чем в представленных выше грамматиках. Поэтому усматривать в этих книгах принадлежность к «новой» или «старой» школе в понимании частеречности числительного (к одной из которых принадлежат многие вышедшие в конце XX – начале XXI в. грамматики) нет ни оснований, ни смысла.

Богуславский описывает грамматику (преимущественно морфологию) слов, в семантике которых есть компоненты числа. На основании того, как именно выражается число, ученый разбивает эти слова на несколько семантических групп. Для обозначения одной из них используется термин «числительное» (польск. *liczebnik*), но выбран он, по всей видимости, лишь потому, что «числительное» является привычным названием многих принадлежащих ей слов (*два, три* и т. д.). Эта группа лексики, выделенная семантически, как «часть речи» ученым не мыслится.

Зализняк в «Русском именном словоизменении» поставил перед собой задачу произвести классификацию существующих в современном русском языке типов склонения имен (русских именных парадигм) и определить на ее основании «правила синтеза именных парадигм, т. е. правила, позволяющие построить, в соответствии с существующей литературной нормой, парадигму любого русского имени...» (Зализняк 2002: 3–4). В монографии рассматривается «та часть словоизменения, которая охватывает так называемые имена, т. е. слова, традиционно относимые к числу имен существительных, имен прилагательных (сюда же включаются причастия), имен числительных и местоимений» (Зализняк 2002: 3).

Исходной точкой рассуждений автора послужило предположение, что имя заранее выделено из всех слов (т. е. что «мы умеем выделять среди всех слов имена» – Зализняк 2002: 36) и каждое именное слово заранее отнесено к одному из следующих четырех классов:

- 1) предметные слова, которые в свою очередь делятся на существительные и местоимения-существительные; 2) слова-атрибуты, которые делятся на прилагательные и (непорядковые) числительные (Зализняк 2002: 36).

Зализняк указывает, что здесь имеются в виду «именно те классы слов, которые традиционно обозначаются указанными названиями (при этом, однако, причастия и порядковые числительные относятся к прилагательным, и, таким образом, класс числительных не включает у нас слов *первый, десятый* и т. д.)» (Зализняк 2002: 36). Следует добавить, что к привычному для читателя составу

числительного Зализняк добавляет также «несколько слов, которые в традиционных классификациях не рассматриваются как числительные» (Зализняк 2002: 86).

Ученый анализирует грамматические категории, характерные для именных слов, и выделяет среди числительных две основных группы.

В первую группу числительного включены слова, которые в классификации Зализняка отличаются от прилагательных (основной массы атрибутивных слов) лишь в отношении грамматической категории числа, а в отношении остальных категорий с ними сходны:

Числительные первой группы связываются с подчиняющим существительным обычной атрибутивной связью. Они отличаются от прилагательных тем, что одни из них могут соединяться только с существительными в ед. числе, другие – только с существительными во мн. числе. Таким образом, в их парадигмах нет противопоставления по числу (ед. или мн. синтаксическое число, характеризующее все словоформы такого слова-атрибута, выступает здесь, следовательно, как граммема классифицирующей грамматической категории). К этой группе принадлежат следующие слова-атрибуты: а) *один* (в количественном значении), *каждый*; они соединяются только с ед. числом существительных... б) *многие, немногие, все* (в значении 'каждый', например: *все люди, все точки*), *некоторые* (в значении не 'все', 'часть', например: *некоторые люди думают, некоторые деревья засохли*); они соединяются только с мн. числом существительных (Зализняк 2002: 86).

Не трудно заметить, что большинство из этих слов в традиционных частеречных классификациях (в грамматиках 50-х годов XX в. и более позднего времени) числительными не являются. Не совсем ясно, каковы основания решения Зализняка трактовать эти слова именно как числительные (даже если с прочими атрибутивными словами, прилагательными, а тем более с предметными словами, существительными, у них наблюдаются расхождения в плане словоизменительных категорий и морфосинтаксических связей). Такая трактовка вряд ли была единственно возможной (напр., можно было бы считать их отдельным типом атрибутивного имени). Ведь, отличаясь от прилагательных, они отличаются и от второй группы числительного:

Числительные второй группы связываются с существительным более сложным образом: 1) если сочетание существительного с числительным выступает в функции И. падежа, члены этого сочетания связаны особой синтаксической связью... например: *два дома, пять домов*; такая же связь выступает в В. падеже, если существительное неодушевленное, а также в Д. падеже после предлога *по* с распределен-

тельным значением (*по пяти рублей*); 2) в прочих случаях синтаксическая связь между существительным и числительным может быть приравнена к обычной атрибутивной, например: *двух домов, пятью домами* (Зализняк 2002: 86).

Общее же для обеих выделенных у Зализняка групп числительного – отсутствие у входящих в них слов «противопоставления по числу внутри парадигмы» (т. е. они не имеют словоизменительной грамматической категории числа) (Зализняк 2002: 87). С другой стороны, то же характерно и для некоторых других слов, напр. для *ты, он*, которые по числу также не изменяются.

Числительные второй группы далее делятся на две подгруппы – в зависимости от того, отражают ли они противопоставление согласовательных классов существительных⁸⁸, с которыми соединяются. Числительные, парадигмы которых отражают это противопоставление, – это, например, «оба (ср. *вижу оба дома, обоих слонов, обе стены, обеих девочек*); два (ср. *вижу два дома, двух слонов, две стены, двое саней*); три, четыре (ср. *вижу три дома, трёх слонов, трое саней*); полтора (ср. *полтора дня и полторы минуты*)» (Зализняк 2002: 87; подчеркнуто мной. – М. Д.)⁸⁹. Числительные, в парадигмах которых это противопоставление не отражается, – это, например, *одиннадцать, двадцать, сорок, сто, пятьсот*⁹⁰.

Осуществляя общую классификацию русских имен с точки зрения выраженных в них грамматических противопоставлений, Зализняк получает имена пяти типов (пять грамматических разрядов имени):

⁸⁸ Под согласовательным классом – в упрощении – понимается класс существительных, характеризующийся тем или иным вариантом соединения грамматических категорий рода и одушевленности – неодушевленности, напр. 1. (мужской род и неодушевленность) *дом* (И. ед. *белый*, В. мн. *белые*), 2. (мужской род и одушевленность) *слон* (И. ед. *белый*, В. мн. *белых*), 3. *стена* (женский род и неодушевленность) (И. ед. *белая*, В. мн. *белые*), 4. (женский род и одушевленность) *коза* (И. ед. *белая*, В. мн. *белых*) и т. д.

⁸⁹ Зализняк пишет: «Очевидно, что, например, сегмент *двое* в словосочетании *двое саней* должен рассматриваться как сегмент лексемы *два*» (Зализняк 2002: 87). Он предлагает принять, что *два* и *двое*, *три* и *трое*, *четыре* и *четверо* – это две различные лексемы, однако у «количественной» лексемы имеется также «собирательный» сегмент (*двое, трое, четверо*) – для И. и В. падежей согласовательного класса 7 (слова типа *сани*), ср. *два: вижу двое саней, вижу двух мужчин; двое: вижу двое саней, вижу двоих мужчин*.

⁹⁰ В парадигмах слов первой группы «числительных» это противопоставление также отражается (напр., Вин. п.: *Вижу некоторых слонов, некоторые дома; некоторых сорок, некоторые линии* и т. д.). С этой точки зрения они близки словам первой подгруппы второй группы числительных – а также прилагательным.

- I. Расширенный адъективный разряд – слова⁹¹, словоизменительными (**а не классифицирующими**) категориями для которых являются грамматические категории падежа, числа, согласовательного класса и атрибутивности – неатрибутивности⁹².
- II. Простой адъективный разряд – слова, словоизменительными категориями для которых являются грамматические категории падежа, числа и согласовательного класса.
- III. Субстантивный разряд – слова со словоизменительными категориями падежа и числа.
- IV. Согласуемо-бесчисловой разряд – слова, словоизменительными грамматическими категориями которых являются категории падежа и согласовательного класса.
- V. Несогласуемо-бесчисловой разряд – слова, единственной словоизменительной категорией которых является только падеж.

(ср. Зализняк 2002: 94).

Зализняк не пользуется в книге термином «часть речи», однако использование терминов «существительное», «прилагательное», «числительное» – прямая отсылка к частеречной теории. Представив вышеуказанные пять грамматических разрядов, Зализняк переопределяет значение терминов «существительное» и «прилагательное», оговарив, что под первым будет понимать слова субстантивного разряда, а под вторым – слова обоих адъективных разрядов (Зализняк 2002: 95). Традиционные понятия существительного и прилагательного (как частей речи) можно соотносить с новыми понятиями по объему (совокупности охватываемых слов), который, как подчеркивает Зализняк, не изменился, в отличие от содержания (Зализняк 2002: 95). Традиционное причастие по словоизменению относится к двум адъективным разрядам – как и традиционное прилагательное. Таким образом, полученные Зализняком словоизменительные типы именных лексем не тождественны частям речи (прилагательные разбиты на два разряда и т. д.), однако указана тождественность объема тех или иных типов, подтипов или совокупностей словоизменительных типов (по составу лексем) тем или иным частям речи.

⁹¹ Зализняк понимает под разрядом «различительный признак», т. е. характеристику, приписываемую словам. Однако мы для упрощения говорим о разрядах как о классах слов (которым приписана данная характеристика).

⁹² Категория атрибутивности/неатрибутивности – грамматическая категория, которая «внешне выражается в противопоставлении так называемых полных и кратких форм прилагательных, например *точный* и *точен*, *узкая* и *узка*, *суровые* и *суровы*» (Зализняк 2002: 88).

В целом, числительные (те слова, которые под этой этикеткой имеет в виду «виноградовская» школа) попадают в два последние разряда: согласуемо-бесчисловой и несогласуемо-бесчисловой. Эти разряды по своему составу таковы:

К согласуемо-бесчисловому разряду относятся слова: 1) *один* (числительное), *два, три, четыре, полтора, оба, двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро*; 2) *столько, сколько, несколько* (в том варианте, где В. одуш. = Р.: *вижу нескольких студентов*); 3) *все, некоторые, многие, немногие, каждый* (в качестве слов-атрибутов).

К несогласуемо-бесчисловому разряду относятся слова: 1) *пол* (половина), *пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, девяносто, сто, полтораста, двести, триста, четыреста, пятьсот, шестьсот, семьсот, восемьсот, девятьсот, тысяча* (числительное); 2) *столько, сколько, несколько* (в том варианте, где В. = И.: *вижу несколько студентов*); *много, немного, мало, немало*; 3) *я, ты, он, она, оно, мы, вы, они, себя, друг друга, кто, что, никто, ничто; некто, нечто, некого, нечего*; 4) *все, некоторые, многие, немногие, каждый, любой, всё, многое, немногое, всякое, прочее, остальное* (в качестве предметных слов) (Зализняк 2002: 97–98).

Очевидно, что эти разряды не были задуманы ученым как эквивалент числительного или какой-либо другой части речи. Показательно, в частности, присутствие в составе несогласуемо-бесчислового разряда слов *я, ты, никто, ничто* и т. д. (наравне со *сто, десять* и т. д.). Разбивка лексем, идентифицирующихся частеречным термином «числительное», по двум разрядам из пяти еще раз демонстрирует их неоднородность в словоизменительном отношении.

Трактовка числительного как части речи, принимаемая Зализняком, о которой можно создать представление на основе текста монографии, является в каком-то смысле развитием виноградовского учения об этой части речи (показательно отделение от числительных порядковых прилагательных типа *первый, второй* уже на первом этапе анализа). Следует, однако, отметить, что, приняв частеречное понятие «числительное» для идентификации соответствующих лексем, Зализняк сразу же вносит в него заметную корректировку, включая в его состав слова *все, каждый, некоторые* и т. д. Этот шаг ученого следует трактовать, по всей видимости, и как попытку внести соответствующие изменения в частеречную классификацию.

Основания предложенного Зализняком решения до конца не ясны и из текста однозначно не следуют. Грамматические свойства слов рассматриваемой

группы явно допускают и другие возможности частеречной интерпретации. Для лексем типа *все, каждый, некоторые* – как и для числительных – характерно отсутствие словоизменительной категории числа, однако то же характерно и для многих других слов, не включаемых в «числительное» (напр., *он, ты*). Для слов *все, каждый* и т. д. – как и для многих числительных (*два, три, четыре, полтора, оба, двое*) – характерно наличие словоизменительной категории согласовательного класса, однако некоторые другие слова, которые попадают по отсутствию этой категории и отсутствию словоизменительной категории числа в одну группу с числительными (*что, кто и пять, семнадцать*), в качестве числительных, тем не менее, не трактуются. Решение включить слова типа *все, каждый* в числительные – не очевидно и со смысловой точки зрения. Их семантика связана не с выражением числа, а с выражением определенных логических категорий (всеобщности, большинства из какого-то множества и т. д.).

В целом, работа Зализняка продемонстрировала, что классификация имен, последовательно произведенная по словоизменительным чертам, дает разбивку этой лексики, не совпадающую с разбивкой на привычные части речи. Некоторые проблемы грамматики числительных рассматриваются в работе с новой стороны и получают в ней совершенно нетривиальные трактовки (например, падеж, требуемый от существительных при числительных типа *два*, выступающих в именительном падеже <или в сходном с ним винительном>).

И. А. Мельчук в монографии «Поверхностный синтаксис русских числовых выражений» делает несколько блестящих замечаний касательно грамматической сути частеречности числительных (см., напр., Мельчук 1985: 35–36), предлагает свое определение числительного и дает список свойств, которые, по мнению ученого, являются конституирующими для этой части речи (список, как подчеркивает сам Мельчук, неокончательный) (1985: 265–270). Также Мельчук предпринимает попытку установить полный список лексем, являющихся русскими числительными (Мельчук 1985: 37–40). Взгляд на числительное у него – сугубо грамматический (он подчеркивает, что данная часть речи – это класс лексики с теми или иными грамматическими чертами). Однако предлагаемая ученым методология его выделения отличается от общепринятой в грамматиках «смысловой» или же «виноградовской» школы.

Обычно в современных русских грамматиках числительное характеризуется посредством его отношения к грамматическим категориям рода, числа, падежа (словоизменительным, классифицирующим) и описанием поведения в сочетаниях с существительными. Как уже упоминалось, в случае отдельных категорий большая часть числительных характеризуется одним образом, а какая-то

их часть (отдельные лексемы или целый их вид) выпадает из общего ряда. Как правило, в таких описаниях ни одно из отдельно взятых обобщенных грамматических свойств (напр., отсутствие словоизменительного рода и т. д.) не является таким, которым должны обладать все числительные без исключения (общая у них по сути лишь изменяемость по падежам, но и этот критерий во многих классификациях оказывается необязательным).

В методологии Мельчука (в отличие от общепринятой в русских грамматиках практики) явным образом устанавливается то соотношение грамматических свойств слова и свойств класса числительных, которое должно иметь место, чтобы слово можно было включать в состав последнего. Мельчук определяет числительные посредством указания на набор его конституирующих свойств (семантических, морфологических, синтаксических – причем последние количественно преобладают), которые представлены в работе нумерованным списком. Пример: «быть именем числа», «не иметь семантически нагруженной категории числа» и т. д. Набор конституирующих свойств числительных, по мысли ученого, должен определяться на основе наблюдений над «типичными числительными» (Мельчук использует такое выражение в работе). Остальные числительные могут отличаться от них теми или иными свойствами (некоторые конституирующие свойства могут у них отсутствовать); однако по большинству свойств – они сходны именно с «типичными числительными», а не со словами других частей речи. Можно ожидать, что наиболее типичные числительные обладают всеми или почти всеми конституирующими свойствами, у наименее типичных числительных многие свойства отсутствуют (однако большинство – есть). Мельчук указывает: «Любое из свойств... [из представленных Мельчуком семнадцати конституирующих свойств числительного – М. Д.], взятое отдельно, может быть присуще лексемам и других частей речи – существительным, прилагательным или наречиям; однако всеми этими свойствами или, во всяком случае, большинством этих свойств ОДНОВРЕМЕННО обладают только числительные, а именно – такие наиболее типичные числительные, как, скажем, *три, четыре, пятнадцать* и *пятьсот*. Некоторые числительные лишены тех или иных свойств из приведенного перечня... Тем не менее, они, обладая большинством остальных свойств, гораздо более сходны с типичными числительными, чем с чем-либо иным» (Мельчук 1985: 269).

Поскольку методология Мельчука по включению/невключению лексем в состав числительного основывается – по крайней мере, в теории, – на подсчетах, по скольким чертам лексема подходит для включения в числительные, а по скольким – нет, важным оказывается, все ли перечисленные в работе критерии

действительно «существенны», и все ли действительно существенные критерии перечислены в списке. В этом, на мой взгляд, – слабая сторона такого подхода (если его действительно пробовать применять на практике). Например, слово *оба* у Мельчука приводится как не соответствующее 8 из 17 указанных им критериев. Если бы некоторые критерии не считались конституирующими (по тем или иным причинам не были бы приведены в списке) – могло бы оказаться, что слово не должно включаться в числительные.

Наборы черт разных частей речи должны, по всей видимости, составлять одну систему, так как любое слово, не соответствующее набору черт данной части речи, должно обязательно соответствовать набору конституирующих черт какой-либо другой части, а кроме того, – слово не может принадлежать двум частям речи одновременно. Однако у Мельчука принципы выделения конституирующих черт отдельных частей речи, которые гарантировали бы выполнение таких условий, однозначно не определяются.

Здесь хотелось бы сделать общее замечание касательно статистического подхода к выделению частей речи. На мой взгляд, он вряд ли является удачным инструментом для использования в лингвистической практике. Предположим, мы хотим в данной конкретной ситуации назвать слово *тысяча* лингвистически правильным и точным научным термином – существительным, числительным или еще каким-либо – согласно некоей «статистической», а не, например, «школьной» теории (представим, что последнюю мы не знаем и не можем ею пользоваться даже как отправной точкой). Пользуясь научной статистической классификацией, мы можем:

- либо (а) самостоятельно **провести** для данной лексики **относительно сложные и требующие временных затрат расчеты**⁹³ (основывающиеся на

⁹³ То, как действует одна из возможных статистических процедур построения частеречной модели показал Супрун в работе «Части речи в русском языке» (1971). Берется ряд лексем и ряд признаков (напр., вхождение в оппозиции по роду, числу, падежу, возможность иметь при себе определение *белый* и т. д.). Лексемы сравниваются попарно и по относительно сложной математической формуле рассчитывается коэффициент их ассоциации. Эта формула учитывает одновременно (а) число таких признаков, которым соответствуют обе лексемы, (б) число таких признаков, которым вторая лексема соответствует, а первая – нет, (с) число таких признаков, которым первая лексема соответствует, а вторая – нет, (д) число таких признаков, которым не соответствуют обе лексемы.

Коэффициент ассоциации показывает грамматическое сходство двух лексем. В упрощении – принадлежность данной лексемы данной части речи можно определить, взяв, например, типичного представителя данной части речи (лексема, в отношении которой мы не сомневаемся, что она принадлежит данной части речи) и выведя «коэффициент ассоциации» с ним другой, интересующей нас, лексемы. Если он достаточно высок, – значит, эту лексему можно считать словом той же части речи (для того, чтобы убедиться, можно сравнить данную лексему также с типичным представителем/типичными представителями другой части речи). Определяя часть речи по составу, важно лишь правильно подобрать список критериев, а также определить границу, т. е. минимальный

лингвистической оценке лексемы в плане соответствия свойствам из длинного списка),

- либо (б) принять **на веру** чьи-то готовые расчеты, механически обращаясь к составленному кем-то списку.

Возможно ли на практике первое? Правильно ли с методологической точки зрения (как научной, так и дидактической) – второе? Практика использования «статистической» классификации по сравнению со «школьной» вряд ли была бы более научной и строгой⁹⁴.

коэффициент ассоциации, требуемый, чтобы относить данные слова к одной части речи. Сравнив ряд слов (напр., я, *тысяча*, *стол*, *писал*, *играя*, *три*, *пять*, *холодно*, *чтение*) по конкретным 15 сочетаемостно-синтаксическим и морфологическим признакам, Супрун пишет, что по этому «неполному конечно» списку признаков «слово *тысяча* имеет со словом *стол* коэффициент ассоциации 0,88, а со словом *три* и *пять* коэффициент этот равен соответственно 0,37 и 0,56, а следовательно, слово *тысяча* должно быть относимо не к числительным, а к существительным (что и делается действительно в научной грамматике)» (Супрун 1971: 116). По иным критериям – предложенным Д. С. Уортом (Worth 1959) синтаксическим (сочетаемостно-синтаксическим и морфосинтаксическим) – Супрун сравнивает также, например, пары *много* – *стол* и *много* – *пять*, и по его подсчетам коэффициент ассоциации в первом случае составил 0,50, а во втором – 0,00, т. е. слово *много* оказывается (по тем чертам, которые принимались в расчет) ближе к существительным, чем числительным. Здесь видна и слабость подхода: по тем же критериям коэффициент ассоциации *пять* и *два/две* составил всего лишь 0,36, т. е. *пять* оказалось ближе к *много*, чем к *два/две* (Супрун 1971: 124–126). Подбор множества черт, по которым сравниваются слова, оказывается крайне важен, так как влияет в конечном итоге на возможные выводы.

⁹⁴ Школьная приписывает частеречному классу те или иные ясно сформулированные характеристики, благодаря чему позволяет представлять себе «наиболее типичные» его слова (например, «выражать предмет», «изменяться по падежам», «выражать признак предмета» и т. д.). Как правило, не каждая из таких характеристик свойственна всем лексемам, относимым к классу, и не каждая из них свойственна лишь тем лексемам, которые относимы к классу. Частеречная принадлежность остальных, менее типичных, лексем определяется по их субъективному сходству с первыми (т. е. нам кажется, что, например, в случае лексемы *тысяча* важнее ее сходство с *пять* по смыслу, а в случае *миллион* – важнее ее отличия от *пять* в грамматике, и мы принимаем соответствующее решение; с другой стороны, кто-то другой может принять совершенно иное решение, посчитав, что в случае *миллиона* также важнее смысл, чем грамматика). Отсюда критика ученых русской формальной школы по отношению к школьной классификации, которая дает воображение о типичных словах класса, но не дает понимания, как определять частеречную принадлежность слов, отличающихся от них (чтобы пользоваться подобной классификацией, такие решения следует, фактически, запомнить).

О «статистических» же классах мы знаем лишь то, что в их составе объединяются слова с количественно сходным составом наличествующих (или отсутствующих) свойств из списка свойств, признанных существенными для описания. Нужно иметь расчеты, чтобы определить, к какому классу относится данное слово. Впрочем, пользоваться такой классификацией мы можем и полуинтуитивно – в случае если мы не можем провести расчеты, либо у нас нет доступа к их результатам. Например, забыв, что в результате неких известных нам расчетов слова *два* и *пять* – статистически «числительные», можно интуитивно предположить, что такими же окажутся и в чем-то похожие на них *двадцать* – или, например, *миллион*, *один*, *пара*, *сотня*. Интуиция здесь основывается на констатации сходства по отдельным качественным свойствам, а значит – такая практика использования классификации была бы, по существу, та же «школьная». Конечно, мы можем

По моему мнению, научная классификация должна все же основываться на процедуре, легко повторяемой на практике, т. е. различие между отдельными классами должно сводиться к лингвистическим оппозициям по конкретным чертам. (Желательно, чтобы классификация была бинарной на отдельных этапах, то есть чтобы классы получались в результате постепенного разбиения лексики на все меньшие подмножества по соответствию/несоответствию тому или иному критерию.)

Из представленного в работе Мельчука описания следует, что многие из конституирующих числительное свойств некоторым числительным не свойственны. Такова, например, пятая черта: «Не иметь согласовательной категории рода: все Num, кроме ОДИН, ПОЛТОРА, ДВА, ОБА» (Мельчук 1985: 267; подчеркнуто мной. – М. Д.). Многие же характеризуют все числительные⁹⁵. Представив список свойств, среди которых есть не только такие, которыми обладает любое числительное, но и такие, которыми некоторые числительные не обладают, Мельчук вводит следующее правило, по которому слово считается или не считается числительным:

Русская лексема считается числительным тогда и только тогда, когда она (а) обладает одновременно всеми 17 конституирующими свойствами или когда она (б) обладает большинством этих свойств, но в последнем случае «обязательно обладая всеми свойствами 1, 2, 6, 7 и 9, которые присущи любому числительному» (Мельчук 1985: 269).

У Мельчука такими «обязательными» свойствами числительного оказались: (1) «Быть именем числа» (семантическое)⁹⁶, (2) «Не иметь семантически

и запомнить, что, предположим, согласно каким-либо расчетам, *миллион* находится в одной группе со словом *стол*, а не со словом *пять*, однако сам по себе такой результат не очевиден и не следует из принятой понятийной системы. Мы механически запоминаем выводы применения метода, по сути, не имея возможности их верификации (вернее имея – но лишь теоретически).

⁹⁵ Например, седьмая черта определена так: «Сочетаться только с исчисляемыми S, т. е. с S, имеющими синтаксический признак „исчисл“: *два шага, три рубля, четыре жизни*, но не **два песка, *три лая, *четыре красоты*; ср. *много песка, сколько угодно красоты или две... пятых песка*, где *много, сколько угодно и две пятых* – не числительные. Этим свойством обладают все Num» (1985: 267–268). Данное свойство отделяет от числительных неопределенно-количественные числительные Виноградова (*сколько, столько, много* и т. д.).

⁹⁶ За этим «семантическим» свойством кроется и некое грамматическое понимание – имена чисел у Мельчука – это некоторые именные слова и эквивалентные им в синтаксическом плане выражения, состоящие из комбинаций именных слов, условных обозначений (на письме), союзов, предлогов:

«Имя числа в русском языке может включать лексемы следующих пяти классов:

1. Числительные (количественные): ПОЛ, ДВА, ДЕСЯТЬ...
2. Некоторые существительные: МИЛЛИОН, МИЛЛИАРД, НОЛЬ, ЦЕЛАЯ, ВТОРАЯ, ДЕСЯТАЯ...
3. Условные обозначения чисел (обычно буквенные или буквенно-цифровые): *k [шаров]...*

нагруженной категории числа» (морфологическое), (6) «Иметь набор падежей не как у существительных, а как у прилагательных [ни у одного нет партитива, локатива, вокатива и тем более – аднумератива]» (морфологическое) и синтаксические, (7) «Сочетаться только с исчисляемыми S» (синтаксическое), (9) «Управлять грамматическим числом S (обращая, тем самым, эту категорию у S в синтаксически обусловленную...)» (Мельчук 1985: 267–268).

Скорее всего определение черт, обязательных для числительного, призвано подчеркнуть, что у слов, относимых Мельчуком к данному классу, можно наблюдать не просто большинство свойств числительного во всевозможных хаотичных комбинациях (в любых комбинациях, дающих статистическое большинство)⁹⁷, но что в этих сочетаниях есть определенная система, что определенный фрагмент набора всегда повторяется. В определении числительного отражается то, что каждое проанализированное Мельчуком слово, обладавшее большинством черт числительного, обладало свойствами 1, 2, 6, 7 и 9⁹⁸. По всей видимости, Мельчук считает важным подчеркнуть данную закономерность, поэтому и отражает ее в определении числительного⁹⁹.

Следует обратить внимание, что в список конституирующих свойств Мельчука попадают¹⁰⁰:

4. Сочинительный союз И (две и пять восьмых тонны).

5. Предлог С I (C + S_{втор}: *восемь с половиной <с четвертью>*)» (Мельчук 1985: 35–36).

Вряд ли случайно, что эти слова и выражения названы «именем», а не как-либо иначе.

⁹⁷ Чисто теоретически – среди числительных могли бы оказаться слова, у которых, например, отсутствовала бы черта «быть именем числа» и наличествовали бы все другие конституирующие черты числительных, слова, у которых могла бы отсутствовать черта обязательной соединимости с исчисляемым существительным, управления грамматическим числом и т. д. при наличии других черт числительного, перечисленных в списке Мельчука.

⁹⁸ Вряд ли здесь речь идет об отсечении таких случаев (возможных скорее всего лишь теоретически), когда лексема обладала бы большинством черт числительного, но не обладала бы при этом вышеперечисленными пятью (некоторыми из них или же всеми).

⁹⁹ Нельзя не отметить, что многие черты, в том числе и некоторые «обязательные» (характерные для всех числительных), вытекают у числительных из семантики, т. е. очевидно, например, что имя числа будет «Сочетаться только с исчисляемыми S» и «Управлять грамматическим числом S (обращая, тем самым, эту категорию у S в синтаксически обусловленную...)». Показательно, что те же черты присущи и словам других частей речи с подобной семантикой (*пяток яиц*). Однако о части речи «числительное» мы говорим не из-за семантики и обязательно вытекающих из нее грамматических свойств. Наоборот: мы имеем в виду скорее специфические свойства числительных – т. е. те грамматические свойства, которые есть только у числительных, а у слов с подобной семантикой, принадлежащих иным частям речи, отсутствуют.

¹⁰⁰ Формулировки свойств цитируются по: Мельчук 1985: 267–269.

- (1) Черты, которые – теоретически – могут быть присущи всем числительным, и только числительным (не свойственные никаким словам других частей речи)¹⁰¹;
- (2) Черты, свойственные только числительным, но не всем из них («Выступать в аппроксимативно-количественной конструкции», напр. *часа два* (с числовыми существительными неправильно: **часов сотню*), но не **часа оба*;
- (3) Черты, свойственные всем числительным, но не только им (также некоторым словам других частей речи). Ср., напр., черты, по которым числительное неотделимо от некоторых существительных (числовых/количественных):
 - «Быть именем числа»: *три* vs (сущ.) *тройка*, *сто* vs (сущ.) *сотня*, *миллиард*;
 - «Управлять грамматическим числом S (обращая, тем самым, эту категорию у S в синтаксически обусловленную», ср. *пять человек*, но и *миллион человек*;
 - «Сочетаться только с исчисляемыми S, т. е. с S, имеющими синтаксический признак „исчисл“»: ср. (числ.) *пять шагов* (**пять глины*) vs (сущ.) *миллион шагов* (**миллион глины*), *множество шагов* (**множество глины*);
- (4) Черты, свойственные некоторым (не всем) числительным, а также тем или иным словам, которые относятся к другим частям речи.
Напр.:
«Выступать в назывательно-аппозитивной конструкции типа *дом шестнадцать*, *ячейка 522*, *бронепоезд 14-69*»: возможно *броненосец два*, невозможно **броненосец оба*, за искл. использования *оба* как собственного наименования, и возможно (прилагательные): *первый том* (из томов на полке) – *том первый* (очередность, но и назывательная функция).

При этом:

- (1) Черты первого типа выделяют данную часть речи среди прочих и определяют состав входящих в нее лексем;

¹⁰¹ Я не уверен, найдутся ли такие черты у числительного в трактовке Мельчука, а контраст между именительным/винительным и прочими падежами в его работе – свойство, для них необязательное (оно характеризует только числительные, но, по Мельчуку, здесь есть числительные-исключения: *один*, *полста* и *пол*).

- (2) Черты второго типа выделяют данную часть речи среди прочих, но не определяют полного состава входящих в нее лексем;
- (3) Черты третьего типа отделяют слова данной части речи от слов одних частей речи, но не отделяют от слов некоторых других частей речи;
- (4) Черты третьего типа, по-видимому, нерелевантны с точки зрения выделения данной части речи и слов, в нее входящих.

Если из 17 свойств исключить черты первых двух типов – на основании прочих мы вряд ли сможем наглядно показать существование данной части речи в языке или определить ее объем. Если же из рассмотрения по тем или иным причинам будут исключены черты типа (3), а тем более (4) – это, по-видимому, все же можно сделать. Мне кажется, что и о глаголе, и о предлоге, и о прилагательном, и о существительном мы думаем, прежде всего имея в виду черты, свойственные лишь словам данной части речи и никаким другим. В случае числительного это должно быть, по-моему, так же. Признаки числительного, данные Мельчуком, теоретически выделяют числительное из множества всех русских лексем. На практике же – по перечисленным свойствам и способу формулировки видно, что ученый имеет в виду лишь выделение числительного среди прочих именных частей речи (отличие числительных от, например, глаголов и союзов, предполагается, по-видимому, как очевидное). Так ли важно в этом случае учитывать те смысловые, морфологические и синтаксические черты, которые свойственны тем или иным словам прочих именных частей речи (если подразумевается, что именные части речи в своей совокупности уже отделены от прочих)?

Подводя итог, можно сказать, что Мельчук попытался определить числительное, установив набор 17 свойств (1 смыслового, 5 морфологических, 11 синтаксических), характерных для слов этой части речи. Числительным является подмножество русской лексики, состоящее из слов, которые обладают статистическим большинством свойств из этого набора (как минимум) или же всеми этими свойствами. В наборе есть черты, свойственные лишь числительным, при этом не всем из них, а также черты, свойственные всем числительным, однако не только им¹⁰². Мельчук считает, что, рассматриваемые в совокупности,

¹⁰² Обычно – некоторым лексемам какой-либо другой части речи (напр., «быть именем числа» свойственно некоторым существительным), либо всем лексемам другой части речи / других частей речи (напр., «Не иметь семантически нагруженной категории числа», «Иметь набор падежей не как у существительных, а как у прилагательных [ни у одного нет партитива, локатива, вокатива и тем более – аднумератива]» – свойства не только числительных, но и прилагательных, а также причастий).

эти черты определяют искомую часть речи (слова других частей речи могут обладать лишь некоторыми чертами из этой совокупности, но не большинством). Судя по представленному у Мельчука описанию, у числительного в его трактовке нет ни одной черты, которая была бы свойственна всем входящим в этот класс словам и только им (была бы несвойственна словам других частей речи).

Необходимо отметить, что в применении статистического подхода Мельчук не всегда последователен. Например, слово *несколько*, обладающее, по моему мнению, большинством перечисленных ученым конституирующих свойств числительного, отнесено у него к наречиям. Доводы Мельчука, объясняющие это (1985: 36, 305–320), совершенно неясны¹⁰³. С точки зрения принятой Мельчуком методологии непоследовательной выглядит и частеречная трактовка одной из омонимичных лексем *тысяча*¹⁰⁴.

¹⁰³ С одной стороны, Мельчук говорит о том, что *несколько* соединяется только с исчисляемыми существительными (*несколько рублей*, **несколько воды*), т. е. не отождествляет омонимичные лексемы, выступающие в сочетаниях *несколько человек* и *несколько запоздалое решение*. Ученый считает слово *несколько* в сочетаниях типа *несколько рублей* наречием (неизменяемым словом), однако при этом не объясняет, какова форма именительного падежа выступающих в косвенных падежах словоформ *нескольких*, *нескольким* и т. д. (говорится только, что форма **несколько* не существует), и какой лексеме они принадлежат (Мельчук 1985: 316–318). Такая трактовка напоминает трактовку числительных у Шахматова (*два* – наречие, а *двух*, *двум* и т. д. – прилагательное, выступающее лишь в косвенных падежах и по сути – не имеющее формы в именительном). Однако неясно, почему среди всех числительных Мельчук применяет ее лишь по отношению к данному слову, а также к немногим другим (*сколько*, *столько*) (Мельчук 1985: 318–319).

¹⁰⁴ Мельчук разделяет лексемы *тысяча* I и *тысяча* II. Первая из них – собственно числительное – отличается от числительных по двум чертам (из 17): имеет категорию рода и не выступает в конструкциях типа *двадцать пять*, *сто тридцать три* (в качестве самого правого члена). У второй, в отличие от первой, – нет возможности согласовываться по падежу с S в косвенных падежах (*о тысяче* [III] *рублей* vs *о тысяче* [I] *рублях*), а форма творительного у нее – *тысячей*, в отличие от *тысяча* I: (*тысячей* [II] *рублей* vs *тысячью* [I] *рублями*, **тысячей* *рублями*). Кроме того, сказуемое, выступающее при лексеме *тысяча* II, согласуется с ней по женскому роду (*Эта тысяча солдат отправилась*), что не соответствует свойству числительных из списка: «Обуславливать вариантное согласование глагола-сказуемого (единственное число среднего рода или множественное число)». Также лексема *тысяча* II не может обладать препозитивным определением во множественном числе – такие определения отнесены Мельчуком к определениям *тысяча* I. Ср.: *Он заработал на этом деле целых/целые тысячу* [I] *рублей* vs *Речь идет о какой-нибудь тысяче* [II] *рублей* (**рублях*). Таким образом, эта лексема обладает большинством свойств числительных, включая и «обязательные» (отсутствует не более 5 черт из 17 – и все они для числительных в трактовке Мельчука необязательные), однако Мельчук считает ее существительным (Мельчук 1985: 289–294). Если бы Мельчук следовал здесь собственным теоретическим установкам, ее, так же, как и *тысячу* I, необходимо было бы отнести к числительным. (Сомнения вызывает не это конкретное решение, а та теория, которой оно не соответствует. Мне кажется, в последней есть недочеты, и Мельчук, отнеся *тысячу* II к существительным, поступил верно, хотя и нарушил им же самим установленные правила определения числительных.)

Тем не менее, несмотря на все спорные аспекты представленной у Мельчука методологии выделения числительного и некоторую непоследовательность в ее применении, в этой книге можно найти блестящие теоретические рассуждения ученого насчет отношения класса числительных к классу слов со значением числа, насчет того, в чем заключается сходство и различие между этими классами и почему эти понятия не следует полностью отождествлять друг с другом (к этому вопросу мы вернемся в разделе «Как определять числительное»).

В целом, работы Мельчука, Богуславского и Зализняка содержат глубокий и детальный анализ грамматики числительных, и мы неоднократно будем обращаться к ним в следующих главах книги.

IV. Как определять числительное?

Основные теоретические положения

**(Критерий контраста в падежах как возможное решение
проблемы выделения ядра этой части речи)**

В качестве подведения итогов вышесказанного я хотел бы привести несколько общетеоретических замечаний о русском числительном.

Под частями речи я вслед за А. Супруном (1971) понимаю наиболее крупные группы слов с определенной грамматической специализацией и определенными грамматическими характеристиками¹⁰⁵. В отношении частей речи я полностью разделяю точку зрения Супруна, который считает, что «...задача лингвистов состоит не в том, чтобы найти удобную и непротиворечивую

¹⁰⁵ Супрун пишет: «Наиболее крупные группировки слов по их грамматической специализации и можно рассматривать как части речи» (1971: 78). Более того, существование частей речи в таком понимании Супрун считает естественным условием существования самого языка; без них язык не смог бы функционировать:

«Грамматическая специализация слов носит не индивидуальный, а групповой характер. Одинаковые грамматические свойства приписываются обычно целой группе слов. Это и естественно. Язык, в котором каждое слово имело бы свой комплекс грамматических правил, был бы просто невозможным для запоминания ни с целью производства текстов на этом языке, ни с целью дешифровки этих текстов. Такой язык напоминал бы шахматы, в которых каждая фигура, находясь на каждой клеточке, имела бы в зависимости от того, каков номер хода и в какой он произведен партии, свои собственные, присущие именно данной фигуре на данной клетке в данном ходе данной партии правила установления отношений с другими фигурами. Трудно было бы играть в такие шахматы. Невозможно было бы пользоваться таким языком.

На деле грамматические свойства тем и отличаются от лексических свойств, что они присущи обязательно некоторой группе слов. При этом не только одно грамматическое свойство является достоянием группы слов, но и комплекс некоторых грамматических свойств обычно присущ некоторой совокупности слов.

Именно это обстоятельство и делает возможным функционирование языка: грамматические свойства слов имеют обобщенный характер» (1971: 77–78).

классификацию слов по частям речи, а в том, чтобы обнаружить именно ту классификацию, которая существует в данном языке, и описать ее» (1971: 108; подчеркнуто мной. – М. Д.). Мы не столько делим слова, сколько ищем, как они реально поделены в языке по своей грамматической специализации (возможным синтаксическим функциям, влиянию на другие члены предложения и т. д.). А это означает, что возможны классификации **более близкие к истинной (данной нам в языке) и более далекие от нее**.

По моему мнению, числительное в школьной традиции (семантическое) явно не совпадает с такой – существующей, данной нам в языке – группой. Это понятие охватывает и те слова, которые действительно являются числительным в грамматическом смысле (частью речи), и лексемы, грамматически принадлежащие к другим частям речи.

Вообще, следует еще раз отметить, что общее в семантике слов далеко не всегда означает, что они принадлежат одной части речи. Например, слова, связанные с обозначением действий, можно встретить и среди глаголов, и среди существительных, и среди причастий, и среди деепричастий (*ходить, ходьба, ходящий, походив*), обозначение качеств предметов – и среди существительных, и среди прилагательных (*красота, красивый*). На этот факт обращали внимание представители русской грамматической школы начала XX в., критикуя традиционное учение о частях речи, и их замечания кажутся мне абсолютно справедливыми. Иными словами, **даже если у всех слов данной части речи есть некая общая семантическая черта, это не означает, что эта семантическая черта есть лишь у слов данной части речи**. Некий общий смысловой компонент может объединять слова, совершенно разные грамматически. Ср., напр.: *зелень, зеленеть, зеленый, зелено* (слова, связанные с зеленым). Можно ли включить такие слова в одну часть речи? Скорее – нет. Все эти замечания применимы и к числительному.

Традиционная грамматическая система в качестве части речи предлагает принимать «семантически» выделенную группу лексем, обозначающих число предметов или порядок их при счете, однако очень разные (в этой классификации) грамматические характеристики данных лексем указывают на то, что задача выделения границ части речи вряд ли может быть выполнена таким образом. Школьная, семантическая группа является попыткой определить эту реально существующую часть речи (грамматический класс в лексике) с помощью неподходящего для этой цели инструментария. Здесь можно привести слова Мельчука, сказанные им по другому поводу, но прекрасно показывающие суть проблемы: как далеко традиционное числительное, заявленное как

«часть речи», может оказаться от той грамматической группы слов, которую традиционная школьная грамматика пытается определить. Мельчук отделяет друг от друга имя числа («любое языковое выражение, обозначаемым которого является число») и числительное. Числительное – это:

...некий класс лексем, или часть речи, характеризуемый определенным набором синтаксических и морфологических свойств...; следовательно, ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ представляет собой ЕДИНИЦУ СУГУБО ГРАММАТИЧЕСКУЮ, т. е. «идиоматическую», зависящую от конкретного языка. Всякое числительное является именем числа, но обратное, разумеется, неверно (1985: 35; подчеркнуто мной. – М. Д.)¹⁰⁶.

Я называю традиционную систему частей речи «смысловой», «семантической» условно, отделяя ее от системы, ставящей во главу угла грамматику. Традиционная делит лексику на классы, указывая, что они обозначают (предметы, признаки и т. д.), и в этом смысле она «семантична». Однако важно отметить, что как обозначаемое отдельными частями речи в традиционной системе были приняты определенные философские категории, восходящие к категориям, описанным еще Аристотелем (Супрун 1971: 5–6; Jodłowski 1960: 56–65). Причем выделяются эти категории скорее на основе наблюдений над внеязыковой действительностью, а не над самой лексикой. В таких грамматиках «...части речи отражают категории мышления, характеризуют особенности членения явлений внеязыковой действительности, соответствуют логическим категориям» (Супрун 1971: 7). Хорошим примером такого взгляда на части речи может послужить высказывание И. И. Давыдова о глаголе и имени: «Как в мире вещественном мы видим действие и бытие, так и в языке, представляющем духовное воссоздание этого мира посредством слова, находим две стихии: *глагол* и *имя*; один означает деятельность, другое – бытие, т. е. предмет видимый или умственно представляемый» (Давыдов 1852: 66). Смысловое видение сути частей речи отразилось и в названии некоторых из них (в частности, числительного). Важно еще раз отметить, что эта разбивка, границы частей речи основываются скорее на наблюдениях над внеязыковой действительностью, а не над самим языком (однако разбивка слов в языке в какой-то мере ее,

¹⁰⁶ Подобным образом дело обстоит и с другими знаменательными частями речи: всякий глагол можно считать обозначением действия, состояния, процесса (и т. д.), но не всякое слово, обозначающее действие, состояние, процесс является глаголом (ср. *ходить* и *ходьба*, *знать* и *знание*, *взрослеть* и *взросление*); можно сказать, что всякое прилагательное обозначает какое-либо качество предмета, но не всякое слово, обозначающее качество предмета, является прилагательным (ср. *белый* и *белизна*).

безусловно, отражает – во всяком случае, это принимается традицией как данность).

Традиционное числительное даже на таком «философско-понятийном» уровне – с сегодняшней точки зрения производит впечатление класса, определенного довольно случайно, во многом произвольно. Судя по составу и описанию в наиболее распространенном его виде, это лишь класс, скорее отдающий дань традиции, а не четко очерченный на основе ясно представленных соображений и критериев. Иначе, например, очень трудно объяснить, почему в числительном подразумеваются два типа слов уже на уровне его определения: в него входят слова, обозначающие число, а кроме того – и порядок предметов. (Кроме всего прочего, у обеих групп – очень разные грамматические свойства.) Не очень понятно, почему в такое, «смысловое», числительное включаются слова, обозначающие порядок предметов, но не включаются слова типа *втором, трехкратно, четверо, дважды*, или же, например, *во-вторых*? Эти слова (по крайней мере некоторые из них) на самом деле были включены в состав числительного Чесноковой (Бабайцева и др. 2008: 107)¹⁰⁷. Однако, по моему глубокому убеждению, это не решение проблемы выделения части речи, а ее усугубление, дорога в совершенно неверном направлении.

Вообще говоря, у числительных намного больше общего в семантическом плане, нежели у слов других частей речи. И поэтому более точное семантическое определение класса, а вернее, того общего в семантике, что у них есть, вполне, по моему мнению, возможно. Большинство числительных обозначают пункты арифметического ряда и находятся друг с другом в числовой оппозиции. В других частях речи похожая ситуация имела бы место, если прилагательные обозначали бы, скажем, градацию серого (или зеленого и т. д. цвета), а глаголы охватывали бы исключительно такие слова, которые обозначали бы ходьбу, причем каждый из таких глаголов – ходьбу на строго определенной скорости.

У А. Богуславского используются понятия числового выражения, числительного и числительного выражения. Числовое выражение – это любое сообщение о числе (напр., и *пять*, и *много*). Числительное – это такое и только такое выражение, которое обозначает тождество определенному отрезку арифметического ряда (*два, двух, три* и т. д.). Числительное выражение – выражение,

¹⁰⁷ Они в этом учебнике описаны как числительные, обозначающие «количественный признак действий или других признаков: *трижды повторил, дважды заходил, впервые заговорил, вдвое выше, четверо дальше* и т. п.» (Бабайцева и др. 2008: 107). Ср. также появляющиеся у Шахматова среди числительных-наречий числительные, означающие «то или иное количество моментов» (*дважды, трижды, раз, пятью*) и числительные, «определяющие количественное отношение между признаками и субстанциями, а не самые признаки или субстанции» (*вдвое, вдвоем*) (Шахматов 2001: 500).

которое кроме чисто числительного содержания несет в себе и другие компоненты (*несколько* ‘больше, чем два и меньше, чем десять’) (Bogusławski 1966: 56; перевод с польского мой. – М. Д.). Этот подход намного последовательнее традиционного. Он дает четкие границы семантического класса и ясное представление, почему они именно таковы. Такой явно очерченный семантический класс мог бы теоретически совпасть – и действительно в какой-то мере совпадает – по своему объему (словам, которые в него попали бы) с искомой частью речи – классом грамматическим.

Следует указать и то, что в некоторых работах смешиваются грамматические и «семантические» соображения при определении того, что считать числительным. Получаемый результат непоследователен и как семантически выделенная группа, и как часть речи (группа, выделенная грамматически). Например, в одной и той же работе – у Гвоздева (1973) – числительными считаются порядковые, у которых нет никаких грамматических признаков числительного (грамматика отодвигается на второй план, принимается во внимание семантика), а одновременно исключаются из числительного такие слова, как *тысяча* (на первом плане – не слишком последовательно с учетом случая порядковых – оказывается грамматика, а семантика становится второстепенной).

В одном из опубликованных в последние годы учебников для студентов я наткнулся на следующую крайне показательную формулировку:

Имя числительное (ИЧ) является именной частью речи. <...> ИЧ в русском языке выделяют по значению. Лексико-грамматическое значение ИЧ является значением количества предметов при счете. Это значение выделяет ИЧ из ряда других слов, так как большинство ИЧ по грамматическим признакам совпадает с другими частями речи: существительными, прилагательными (Бабина и др. 2014: 90; подчеркнуто мной. – М. Д.)¹⁰⁸.

Как мне представляется, эта формулировка ошибочна сразу на двух уровнях. Во-первых, числительное грамматически является отдельной частью речи и с существительными или прилагательными ни в коей мере не совпадает (ср. появляющуюся, напр. у Шахматова, а затем блестяще развитую Виноградовым мысль о двойственном, «гибридном» поведении числительного в конструкции

¹⁰⁸ И далее так же последовательно углубляется «семантическое» понимание числительного: **«Важно помнить!** ИЧ имеет свои специальные черты, отличающие его от существительных количественного значения. ИЧ обозначают только количество или порядок предметов при счете, в то время как существительные с количественным значением имеют значение предметности: *сто – сотня, два – двойка*» (91).

с обозначающим исчисляемую сущность существительным: в именительном и винительном падеже оно по своему синтаксическому поведению похоже на существительное, в прочих – ведет себя как прилагательное, т. е. в целом – не тождественно ни тому, ни другому)¹⁰⁹. Во-вторых, здесь заметна и ошибка терминологически-методологического характера: вообще сомнительно, что какая-либо группа, произвольно выделяемая нами по значению и при этом не обладающая никакой грамматической спецификой (как утверждают авторы учебника), может называться частью речи. Если, как считают авторы данного учебника, у «числительных» нет никакой грамматической специфики – можно ставить под сомнение, что такая часть речи реально существует в русском языке. Без доказанных грамматических особенностей она являлась бы не более чем плодом произвольных теоретических умпостроений без каких-либо фактических языковых оснований¹¹⁰.

Здесь следует отметить, что к такому результату приводят попытки сохранить традиционное числительное в полном его объеме (и количественные, и порядковые, и «дробные», и «неопределенно-количественные»): у него действительно трудно найти общие грамматические черты, а следовательно, и показать, в чем же именно его «частеречность».

Следует отметить, что сама возможность уклона в «семантику» предопределена, во многом, и общепринятой практикой классификации частей речи. В классификации частей речи, традиционно используемой в сегодняшней русской лингвистике, применяется недихотомический описательный метод:

¹⁰⁹ Утверждение справедливо для статистического большинства числительных даже в школьном понимании этой группы (за исключением порядковых, типичных прилагательных, и дробных).

¹¹⁰ В лингвистических работах, в большей степени учитывающих грамматику, обычно указывается, что «общее», «философское» значение части речи проявляет себя именно в характерных для нее грамматических категориях, в ее грамматической специфике. Напр., у Шахматова: «Существительное означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями числа, рода, падежа, а также субъективной оценки» (2001: 422). См. также в «Русской грамматике» под ред. Н. Шведовой: «Каждая часть речи имеет свой собственный комплекс грамматических категорий, в которых представлено то обобщенное значение, которое свойственно всем словам этой части речи. Так, значение предметности, свойственное существительному, грамматически представляется морфологическими категориями рода, числа и падежа; значение процесса, свойственное глаголу, – категориями вида, залога, наклонения, времени и лица» (Грамматика 1980: 451).

Если есть лишь «общее значение» у данной группы слов, но нет никакой грамматической специфики – то, согласно вышеприведенным замечаниям, следовало бы считать, что нет и такой части речи. Это не более чем семантически выделенная группа лексики. Будут ли составлять некую часть речи слова, обозначающие, к примеру, эмоции и чувства (*любить, радоваться, радость, ненависть, ненавидимый, безразлично, гневно, прогневаться, прохладно, расстроившись, ура*)?

части речи представлены многочисленными характеристиками, совокупность которых и должна отличать данную часть речи от прочих. Однако «вес» отдельных характеристик не всегда ясен и не всегда последовательно их применение как критериев при частеречной классификации.

К тому, что числительное до сих пор воспринимается многими как чисто семантическая группа без общих грамматических особенностей, есть определенные предпосылки и в языковых фактах, связанных со словами этой группы. Грамматически числительные в школьном их понимании разрозненны, разнотипны, есть много различных «исключений из правил». Однако и внутри одной лишь группы количественных числительных (а это разряд, появляющийся – под тем или иным названием – абсолютно во всех классификациях, выделяющих числительное как часть речи, в целом недискуссионный, являющийся в каком-то смысле ядром этой части речи) семантическая близость намного заметнее, очевиднее грамматической. Семантически большинство числительных не просто обозначают число, а являются частью некоего единства – иерархии таких понятий, которые находятся по отношению друг к другу в ярко выраженной количественной оппозиции (различаются друг от друга на единицу). Такой ситуации нет ни в одной другой части речи (как уже указывалось, она была бы сравнима, если прилагательные обозначали бы, скажем, разные оттенки зеленого <или красного> цвета, а глаголы – отражали бы разную степень скорости ходьбы, причем, так сказать, отражали бы ее строго определенным, регулярным образом).

Мне кажется, что и в традиционных частеречных классификациях числительное интуитивно – однако в соответствии с тем, как действительно обстоит дело в языке, – воспринимается как нечто отличное от прочих именных частей речи, однако при этом то общее у этих слов, что проще всего заметить, то, что сразу бросается в глаза, – это как раз общая или сходная, взаимосвязанная семантика. Поэтому именно смысловые соображения и превалируют при определении класса. Однако у этой группы в традиционной классификации обычно нет никаких грамматических границ, они, как уже указывалось, «семантические», но при этом и так произвольные и очерченные вовсе не очевидным образом (попытки уточнить их уже отмечались мною выше).

В качестве заметки на полях мне хотелось бы упомянуть, что в работе И. Н. Дьячковой «Числительные в русском литературном языке XVIII века» подход, отделяющий (на грамматических основаниях) порядковые и некоторые другие слова от числительных называется узким, а традиционный – широким (Дьячкова 2010: 18). Однако сами эти термины («узкий/широкий») связаны

лишь с тем, каков результат применения этих подходов (больше или меньше в числительном типов и отдельных слов), но не отражают совершенно разной их сути. «Широкое» понимание – это не просто другой подход, возможная и равноправная точка зрения на предмет, другое мнение, но, по моему глубокому убеждению, в системе частей речи – понимание, уходящее довольно далеко в сторону от того направления, которое приводит к адекватному реальному положению вещей, научному описанию предмета.

Общим местом практически во всех известных мне современных грамматиках является разделение числительных на простые (однословные лексемы: *два, три, девять, сто* и т. д.), сложные (слова, морфологически состоящие из двух основ, напр.: *пятьсот, шестьдесят*) и составные, которые «... состоят из нескольких слов (двух и более), каждое из которых само является простым или сложным числительным: *двадцать пять, восемьсот тридцать восемь*» (Грамматика 1980: 572; подчеркнуто мной. – М. Д.). Огромной проблемой этой классификации является, на мой взгляд, последняя группа – составных. А. Богуславский (Bogusławski 1966: 65) и И. Мельчук (1985) обоснованно указывают, что «составные числительные» – это не слова (не единицы лексики), а соединения слов (конструкции, состоящие из лексических единиц, а не лексические единицы)¹¹¹. Следовательно, их не следует включать в состав какой бы то ни было части речи (это понятие охватывает лишь лексемы, единицы языка, а не их соединения)¹¹².

Эта точка зрения кажется мне абсолютно обоснованной. Ее подтверждением могут служить свойства той строгой системы понятий, названиями элементов которой являются такие «составные числительные». Арифметический ряд бесконечен, бесконечно и количество названий его точек, с которыми мы имеем дело (ср. название числа: *пятьсот тридцать три триллиона двести пятьдесят шесть миллиардов два миллиона триста пятьдесят тысяч четыреста*

¹¹¹ И. А. Мельчук, в частности, отмечает, что если сочетания типа *двадцать один, девятьсот девяносто девять* и т. д. будут считаться элементами класса числительных, то сочетания существительных типа *душа поэта, начальник главка министерства электропромышленности* следовало бы считать элементами класса существительных (1985: 39).

¹¹² Показательно, что приведенная выше цитата из Грамматики 1980 с определением составных числительных находится в явном конфликте с общим определением частей речи: «Слова как единицы грамматические и лексические группируются в части речи, т. е. в грамматические классы слов, объединяющиеся, во-первых, на основании того обобщенного значения, которое отвлечено от лексических и грамматических... значений всех слов данного класса, и, во-вторых, на основании характерного для каждого такого класса комплекса грамматических (морфологических) категорий» (Грамматика 1980: 451; подчеркнуто мной. – М. Д.).

тридцать девять и целый дальнейший ряд возможных названий чисел, также целый ряд названий меньших чисел). Если «составные числительные» отождествлять со словами, единицами лексики – нужно принять, что и число таких слов в языке бесконечно, а это противоречит самой сути языка, понимаемого как система знаков, как код. Число слов в нем по определению ограничено, не ограничена лишь возможность получать из их соединений, их комбинаций (по определенным правилам) различные тексты. Ограничены и словообразовательные возможности: число аффиксов не бесконечно, ограничено и число основ, с которыми каждый из них может соединяться, давая в результате новое слово.

Мельчук совершенно верно указывает, что в состав числительных входит всего несколько десятков лексем¹¹³. Это вовсе не бесконечный (или же – как минимум – огромный), хаотичный класс, как может показаться после прочтения традиционной грамматики, а класс замкнутый и даже довольно небольшой. То, что часть речи по своему составу оказывается немногочисленной, – в русском языке вовсе не редкость (ср., напр., предлоги, союзы и междометия).

Соединения, обычно называемые «составными числительными», по словоизменительно-синтаксическим особенностям представляют собой два основных типа:

- (1) Словосочетания «числительное+существительное» типа *два миллиона*, *тридцать миллиардов*¹¹⁴. Сами по себе эти части словосочетания функционируют, как и любое другое такое сочетание, т. е. со свойственным им контрастом в прямых и косвенных падежах. Ср.: *два миллиона* и *двум миллион~~ам~~* (как *двум зайцам*, а не как *группе зайцев*), *(о) двух миллион~~ах~~* (как *о двух зайцах*, а не как *о группе зайцев*) и т. д. Однако как синтаксическое целое, в соединении с обозначающим исчисляемую сущность существительным, оно функционирует не как числительное, а как количественные существительные и наречия (без контраста в падежах):

¹¹³ Более того, Мельчук приводит их список (1985: 37–40). С некоторыми решениями, принятыми ученым, я не вполне согласен, но в общих чертах эта часть речи в современном русском языке выглядит, по моему мнению, именно так.

¹¹⁴ Эту структурно-синтаксическую модель А. В. Лыков называет подчинением. Она реализуется «...в форме прямых падежей или соподчинения внешнему компоненту – в косвенно-падежных формах: *две тысячи* (*пятью тысячами*), *пятьдесят миллионов* (*пятьюдесятью миллионами*)» (Лыков 2007: 89). Автор отмечает, что в основе внутренней формы выражений такого типа «...лежит механизм умножения единиц счета (а не механизм сложения, как в *сто двадцать пять*): *пять тысяч* – ‘пять раз по тысяче’» (89).

двадцать миллионов рублей, двадцати миллионам рублей, двадцатью миллионами рублей, (о) двадцати миллионах рублей (ср., напр.: *о половине/множестве/куче рублей, а также: о двадцати рублях*).

- (2) Конструкции «числительное+числительное...+числительное» (*сто пятьдесят, двадцать девять* и т. д.)¹¹⁵. По падежам обычно изменяются все входящие в конструкцию числительные: *двадцати двум, двадцати двух* и т. д., а синтаксически конструкция в целом, в соединении с обозначающим исчисляемую сущность существительным, ведет себя как однословное числительное: ср. *два студента* и *двадцать два студента; (нет) двух студентов* и *двадцати двух студентов; двум студентам* и *двадцати двум студентам* и т. д.¹¹⁶

Примером же того, к каким последствиям может привести возведение «составных» в ранг части речи при одновременном преимущественно грамматическом подходе к выделению числительного, может служить «Русская грамматика» под ред. Шведовой (1980). В этой работе числительным считаются и слова (простые и сложные: *пять, пятьдесят*), и соединения слов одной части речи (*двадцать два*), и, что наиболее показательно, сочетания слов,

¹¹⁵ Лыков указывает, что такие числительные, образованные по синтаксической модели соположения, «...представляют собой уникальную эволюционную трансформацию сочинительных отношений: *сто пять* – это генетически „сто и пять“. Русский язык, в отличие, например, от английского (*hundred and two*), избавился от былой сочинительной связи числовых компонентов в составных числительных, которая определяет структуру древнерусской КГ типа *восьмьсот и сорок кочанов капусты*. Древнее выражение *восьмь сѣть и сорокъ* означало „восемь сотен и один сорок“. Древний счет сотнями и сороками делал сочинительную связь вполне мотивированной. Она моделировала числовую целостность итогового наименования, в составе которого были числовые элементы, представляющие разные (поэтому – относительно автономные) числовые циклы. Сочинительная связь маркировала необходимость суммировать значения числовых элементов» (Лыков 2007: 88).

¹¹⁶ Форма существительного определяется последним числительным конструкции (ср. *двадцать два рубля* vs *двадцать пять рублей*). Следует отметить, что числительные *два, три, четыре*, выступая в качестве последнего члена конструкции «числительное+числительное...+числительное» в винительном падеже, ведут себя не так, как в винительном падеже вне ее. Как известно, в сочетаниях с одушевленными существительными винительный числительных *два, три, четыре* равен родительному, а не именительному (ср. *Вижу двух ворон* vs *Вижу две ручки; Вижу трех музыкантов* vs *Вижу три инструмента*). Однако будучи последним членом конструкции «числительное+числительное...+числительное», эти числительные перестают реагировать на одушевленность/неодушевленность существительного, с которым сочетаются. Их винительный равен именительному при любых существительных. Существительные в этом случае также принимают форму, сходную с той, которую требуют числительные *два, три, четыре*, выступая в им. п. Ср. *вижу двух студентов* vs *вижу двадцать два студента*.

принадлежащих разным частям речи (сто миллионов)¹¹⁷. Понятие части речи теряет здесь свою суть (разделения по грамматическим классам именно лексем, а не любых выражений с тем или иным обобщенным смыслом, языковым статусом).

В некоторых работах, развивающих «семантическое» понимание числительного, утверждается единство счетной десятичной системы и подчеркивается, что на этом основании из состава части речи нельзя исключить названия никаких отдельных элементов (принимается, что вся система входит в данную часть речи целиком):

Абстрактных чисел бесконечное множество. Расположенные в определенной последовательности (от одного – меньшего числа к другому – следующему, большему), они образуют счетную систему, выражаемую словами: *один, два, три, ... сто, сто один, ... девятсот девяносто девять, тысяча, ... миллион, ... миллиард, ... триллион, ... квадрильон*.

Натуральных чисел бесконечное множество, но слов для их выражения не так уж много – всего 41. Комбинация же этих слов способна выразить все бесконечное множество чисел.

Как ни одно число не может быть исключено из счетной системы, так и ни одно числительное, выражающее числовую единицу этой системы, тоже не может быть исключено из нее. В самом деле, если *один* исключить из состава числительных и отнести к прилагательным, то наша счетная система, выражаемая числительными, останется без своей начальной единицы, начнется сразу с *двух*. Если слово *тысяча* исключить из состава числительных, то счетная система после *девяти* останется без последующей единицы счета, в системе образуется словесный

¹¹⁷ Появление в числительном существительного в качестве составного члена прямо допускается авторами: «В составное числительное может входить существительное со значением числа; например: *тысяча девятьсот семьдесят шесть; (один) миллион пять тысяч сто девяносто пять*» (572; подчеркнуто мной. – М. Д.). Однако то же самое, фактически, основание, послужило причиной того, что «дробные» исключаются из составных числительных (и числительных вообще): «В некоторых классификациях к составным числительным причисляются так называемые дробные числительные типа *две пятых* (подразумеваются доли единицы), *семь двадцатых, девять тридцать вторых; одна целая шесть десятых, три целых и двадцать пять сотых*. Однако такие сочетания не могут быть отнесены к числительным. Они представляют собой имеющие количественное значение сочетания слов (часто с союзом и), относящихся к разным частям речи. В отличие от сочетаний с количеств. и собирательными числительными существительное при таком сочетании слов всегда имеет форму род. п. ед. ч. (слова *pluralia tantum* – род. п. мн. ч.): *пять десятых участка, три пятых суток; пяти десятым участка, трем пятым суток*» (572; подчеркнуто мной. – М. Д.). То есть, как видим, в определении «составных числительных» в этой работе наблюдается, все же, некоторая непоследовательность. (Отметим, однако, что в случае дробных подчеркивается не только то, что в их состав входят слова разных частей речи, но и отсутствие характерного для числительных контраста между прямыми и косвенными падежами.)

пробел, и т. д. То же самое можно сказать и относительно слов *миллион*, *миллиард* и им подобных (Лукин 1987: 44–45).

Такой подход мне кажется в корне неверным уже потому, что, как было отмечено выше, не все названия элементов этой целостной и бесконечной счетной системы являются лексическими единицами, а следовательно, не все из них подпадают под определение части речи. По моему мнению, многие из названий элементов целостного, бесконечного арифметического ряда исключить из рассмотрения с точки зрения принадлежности к числительному (и частеречной принадлежности вообще) как раз необходимо. Кроме того, лексема вовсе не перестает принадлежать ряду в смысловом плане, если мы отметим, что она – по тем или иным грамматическим характеристикам – отлична от ряда других входящих в него лексем (выделенных на грамматических основаниях как отдельная часть речи). Разная трактовка слов семантического ряда на грамматических основаниях вовсе не означает, что в этом ряду «образуется словесный пробел», о котором пишет Лукин. (Смысловую систему утверждение грамматических различий между словами, входящими в нее, ни в коей мере не нарушает и ее не отрицает.) Таким образом, название элемента арифметического ряда может быть выражением, состоящим из двух и более лексем; а лексема, являющаяся названием элемента арифметического ряда, по своим грамматическим характеристикам не всегда принадлежит числительным.

В составных «порядковых» наименованиях с числительными соединяется целый ряд прилагательных: *триста первый*, *четыреста десятый* и т. д. В некоторых работах это является аргументом за то, чтобы включать порядковые в состав числительного. Например, Буланин пишет: «Способность числительных (в широком смысле слова) образовывать сколь угодно сложные, многосоставные комплексы типа *восемнадцать миллионов триста сорок семь тысяч девятьсот пятьдесят один (первый)* противопоставляет числительное всем остальным частям речи, и в этом плане количественные и порядковые числительные составляют единство» (Буланин 1976: 84). По моему мнению, хотя этот взгляд и имеет под собой некоторое основание, слова типа *три*, *четыре* и *третий*, *четвертый* следует все же считать словами разных частей речи. В наименованиях, состоящих из одних числительных, в косвенных падежах изменяются, как правило, все компоненты¹¹⁸: *тридцать три*, *тридцати трех*,

¹¹⁸ И. Мельчук указывает, что в очень громоздких составных наименованиях некоторые компоненты могут не изменяться, особенно в устной речи, напр. с *двумя тысячами пятьсот пятьдесят* *двумя солдатами*. Однако способность к неизменяемости присуща не всем числительным в равной степени,

сорок два, сорока двум и т. д., а в «составных порядковых» – всегда одно лишь прилагательное: *сорока двум* vs *сорок второму*, *двадцати трем* vs *двадцать третьему* (невозможно: **двадцати третьему*); (о) *пятидесяти шести* vs (о) *пятьдесят шестом*. Ср. также неправильное **пятидесятый шестой*. Такие выражения (*пятьдесят шестой* и т. д.) тождественны используемым в них прилагательным (ср. *двадцать первый* и *первый*) по своим синтаксическим свойствам¹¹⁹, а количественные числительные в них ведут себя как наречия или частицы (становятся неизменяемыми словами). У Виноградова, у которого слова типа *первый* – порядковые относительные прилагательные, отмечается: «... считать *третий, четвертый, пятый, шестой* и другие порядковые определения числительными – то же самое, что находить в относительных прилагательных *вчерашний, сегодняшний, завтрашний, послезавтрашний* и т. п. наречия времени или отглагольные прилагательные на -лый (типа *полинялый*) называть глаголами прошедшего времени» (2001: 198)¹²⁰.

Вообще говоря, сочетаемостные особенности как критерий выделения части речи (по способности слов входить в составные названия элементов числового или порядкового ряда) выглядели бы убедительнее, чем чистая семантика. Тем не менее, они не могут, на мой взгляд, рассматриваться как основная, определяющая класс черта. Такой подход позволил бы включить в числительное «порядковые», однако одновременно должен привести к исключению из разрядов числительного собирательных слов, которые в качестве элемента составных наименований чисел выступать не могут, ср.: **двадцать двое*, **тридцать*

ср.: неправильное *с шестьсот* **двадцать* тремя рублями и допустимое *с шестьсот* *пятьдесят* тремя рублями. Многие руководства и справочники по практической стилистике осуждают такую неизменяемость, а сам Мельчук считает, что она правильна лишь в устной речи, а в письменной следует изменять все компоненты составного наименования. Подробнее см.: Мельчук 1985: 406–411.

¹¹⁹ Подобная точка зрения высказывалась, напр., Н. М. Шанским:

«Структура образований *сто сорок пятый, тысяча тридцать восьмой* и т. п. находит себе аналогию в прилагательных *потусторонний, сногшибательный* и пр.: как в тех, так и в других только последний элемент словосочетания оформляется в соответствии с нормами, свойственными для прилагательного, все остальное остается без изменений.

Разница между ними более всего графическая: порядковое прилагательное этого типа пишется в несколько слов, а прилагательные *потусторонний, сногшибательный* и т. п. – в одно слово» (Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 1958: 314).

¹²⁰ Эту точку зрения разделяет и Н. М. Шанский: «... Нет никаких оснований, как это иногда делается, относить слова *первый, второй, третий* к категории числительных. Это самые обычные относительные прилагательные, указывающие признак предмета относительно места его при счете в ряду других, как другие относительные прилагательные указывают этот признак относительно другого предмета (*оперный артист*), обстоятельства (*вчерашний вечер*) или действия (*танцевальная площадка*)» (Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 1958: 314).

*четверо, *пятеро миллионов*. Не могут они выступать и в соединении с «порядковыми числительными». В грамматическом же отношении у собирательных гораздо больше сходства с основной группой числительных (с количественными типа *два, три, десять* и т. д.), чем у «порядковых» (в частности, замечен тот же контраст в номинативе и косвенных падежах). На мой взгляд, числительное, включающее в себя разряд порядковых и не включающее разряд собирательных, не соответствовало бы истинному виду данной части речи в языке, реальному положению дел. А удержать эти два разряда вместе в точном и последовательном грамматическом описании не представляется, как мне кажется, возможным.

Как показывает анализ, представленный в главе «Числительное в русских грамматических текстах XX в. и в работах последних лет», в случае числительного прежде всего стоит задача отделения его от основных именных частей речи: существительного и прилагательного¹²¹. Грамматические характеристики, обычно принимаемые во внимание, возможно, могут выделять эту группу в своей совокупности, однако практически каждая отдельно взятая характеристика числительного совпадает с таковой либо у существительного, либо у прилагательного. В функции количественного определителя при существительном (типичной для числительных) может выступать и другое существительное: *пяток, половина яиц, группа людей*. Изменение по роду отсутствует у существительных в целом, а у многих из них – изменение по числу (*pluralia tantum, singularia tantum*), либо падежное словоизменение вообще (*пальто, метро* и т. д.). Отсутствие категории рода, проявляющейся синтаксически (напр., у неизменяемых существительных род проявляется в соединении с зависимым прилагательным: *удобное пальто*), выражается в указанном Виноградовым отсутствии или ограничении соединимости числительных с прилагательными без существительного. Однако такой категории рода нет и у прилагательных (правда, они согласуются по роду с существительным, т. е. изменение по роду у них есть). Прилагательные без существительного также друг с другом не соединяются (**красный ветхий*).

Вообще, существительное в русском языке выступает в сочетаниях слов двух основных синтаксических типов (сочетания с числительными мы пока опускаем):

¹²¹ Решение этой задачи, кроме всего прочего, определяет частеречную принадлежность слов типа *сотня, тысяча, миллион, один, первый, второй* и т. д. – близких к числительным в смысловом плане, но грамматически близких к существительным или прилагательным.

- Сочетаясь с другим существительным, оно может быть управляющим либо управляемым словом. Управляющее слово требует от управляемого определенной падежной формы (так происходит в любом падеже, в котором выступает конструкция в целом): *факультет физики, факультету физики, факультетом физики*.
- В сочетании с прилагательным существительное – главное слово, с которым согласуется по форме прилагательное: *холодное лето, холодного лета, холодному лету* и т. д.

Таким образом, если существительное в словосочетании главное – зависимое слово либо согласуется с ним, либо во всех падежах конструкции сохраняет требуемую от него падежную форму.

Прилагательное всегда согласуется по форме с существительным (принимает те значения грамматических категорий, что и у существительного, дублирует их).

Эти соображения играют не последнюю роль при отделении друг от друга существительных и прилагательных как части речи. В этом и заключается их морфосинтаксическая специфика.

Любое же числительное обладает в этом смысле двойственностью: в номинативе ведет себя как «главное» существительное, а в косвенных падежах – как прилагательное. Проявляется это следующим образом:

- В номинативе существительное при числительном выступает в родительном падеже единственного числа (*два кита*)¹²², либо в родительном множественного (*десять китов*).

Винительный падеж числительных с точки зрения вышеупомянутого падежного контраста как правило эквивалентен именительному падежу, и в этом случае он так же, как и именительный, противопоставлен родительному, дательному, творительному и предложному. Ср.:

глядеть на [→вин.] (*десять* <им.> [→род.] *кораблей* <род.>)

vs

лишиться [→род.] (*десяти* <род.> *кораблей* <род.>)

плыть на [→предл.] (*десяти* <предл.> *кораблях* <предл.>)

Однако у нескольких числительных – *два, три* и т. д. – винительный может принимать форму как именительного (как в случае прочих числи-

¹²² Мы рассмотрим этот вопрос подробнее в конце раздела.

тельных), так и родительного – в зависимости от того, с каким существительным это числительное соединяется. В случае, если винительный омонимичен родительному падежу, он синтаксически противопоставляется именительному (т. е. прямому, а не прочим косвенным). К этому вопросу мы еще вернемся.

- В косвенных падежах (дательном, творительном, предложном и родительном – хотя в родительном это менее выражено; также в сходном с родительным винительном) числительное перестает быть главным словом; существительное же, которое в выступающей в номинативе конструкции было управляемым членом, – в косвенном падеже конструкции становится независимым (больше не управляется числительным). Числительное начинает согласовываться по форме с существительным (которому в номинативе «навязывало» родительный падеж): *десяти китов, десяти китам, десятью китами, (о) десяти китах*.

Как видим, особенность конструкций с числительным проявляется и на уровне поведения в ней существительного, с которым соединяется числительное: когда числительное выступает в номинативе (или сходном с ним аккузативе), существительное является управляемым словом, а в прочих случаях – перестает им быть.

Как следует из всего предыдущего текста данного раздела, именно эта морфосинтаксическая особенность числительных и должна быть основой выделения этой части речи. Именно в ней, по моему глубокому убеждению, наиболее ярко проявляется грамматическая специфика числительных. Эта черта в равной мере отличает числительные и от существительных (ср. *десяток ящ*, *десятку ящ*, *(о) десятке ящ*), и от прилагательных (*зеленый знак* vs *сорок знаков*).

В качестве подведения итогов раздела я попытаюсь показать, какие слова будут входить в состав выделяемого по такому грамматическому принципу числительного. Следует подчеркнуть, что я не ставлю себе задачей окончательно и полностью определить состав данной части речи в современном русском языке. С учетом отрицания «грамматичности» этой части речи в некоторых работах, в том числе и последних лет, важнее, на мой взгляд, еще раз показать ее существование и саму возможность ее выделения по грамматическому принципу, а решения по конкретным лексемам можно оставить для будущих исследований.

Числительное, выделяемое как часть речи на основе контраста в номинативе и косвенных падежах, включает в себя следующие лексемы:

два (две), три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, девяносто, сто, двести, триста, четыреста, пятьсот, шестьсот, семьсот, восемьсот, девятьсот; двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро¹²³; полтора (полторы); оба (обе), несколько, столько, сколько, столько-то, сколько-то, сколько-нибудь.

Этих лексем примерно 50¹²⁴. Отметим, что, как и писал о числительном Виноградов (2001), у полученной нами группы лексем нет изменения по числу, а у абсолютного большинства из них – и изменения по роду.

Следует подчеркнуть, что по вышеописанному принципу числительные легко отделяются, в частности, от количественных существительных различного типа. Числительное в косвенных падежах (всех косвенных, за исключением тождественного именительному винительного) не является главным членом словосочетания, не управляет падежной формой существительного; падежная форма существительного управляется внешним контекстом (глаголом, при котором выступает словосочетание «числительное+существительное»).

Количественное же существительное является главным членом словосочетания во всех падежах, в том числе и косвенных. Оно принимает требуемую глаголом форму, а существительное, синтаксически зависимое от него, имеет форму родительного падежа множественного числа. Ср.:

	Числительное		Существительное (не числительное)	
И.	два, три, четыре, оба, полтора	слона	тысяча, миллион ¹²⁵ , часть, половина, четверть, группа, десяток, сотня, множество, куча, стадо	слонов

¹²³ Восьмеро, девятеро, десятеро в современном русском языке используются по преимуществу лишь в косвенных падежах (в прямых вместо них обычно выступают восемь, девять и десять), поэтому в этот список включены лишь условно.

¹²⁴ Я не включаю в список обычно упоминаемую как числительное морфему пол- (полу-): это морфологическая, а не лексическая единица, следовательно, понятие принадлежности к той или иной части речи к ней, по моему мнению, неприменимо.

Р.	<i>двух, трех, четырех, обоих, полутора</i>	<u>слонов</u>	<i>тысячи, миллиона, части, половины, четверти, группы, десятка, сотни, множества, кучи, стада</i>	<u>слонов</u>
Д.	<i>двум, трем, четверем, обоим, полутора</i>	<u>слонам</u>	<i>тысяче, миллиону, части, половине, четверти, группе, десятку, сотне, множеству, куче, стаду</i>	<u>слонов</u>
В.	<i>двух, трех, четырех, обоих</i>	<u>слонов</u> ¹²⁶	<i>тысячу, миллион, часть, половину, четверть, группу, десяток, сотню, множество, кучу, стадо</i>	<u>слонов</u>
	<i>полтора</i>	<u>слона</u>		
Т.	<i>двумя, тремя, четырьмя, обоими, полутора</i>	<u>слонами</u>	<i>тысячей, миллионом, частью, половиной, четвертью, группой, десятком, сотней, множеством, кучей, стадом</i>	<u>слонов</u>
П.	<i>(о) двух, трех, четырех, обоих, полутора</i>	<u>слонах</u>	<i>(о) тысяче, миллионе, части, половине, четверти, группе, десятке, сотне, множестве, куче, стаде</i>	<u>слонов</u>

¹²⁵ «Существительность» *тысячи, миллиона, миллиарда* и т. д. семантически мотивирована. Дело в том, что они являются не названиями чисел (единиц той или иной величины), а названиями десятичной величины. Числительное, сочетаясь с таким существительным, указывает, сколько раз выступает данная величина в выражаемом числе: *одна тысяча, один миллион; две тысячи, два миллиона*. Различие неодинаковых по своей сути частей математической системы сигнализируется языком на морфосинтаксическом уровне. Названия единиц и названия величины единиц нельзя, в результате, смешать. Числительное *сто*, также, на первый взгляд, являющееся (как *тысяча, миллион, миллиард* и т. д.) названием величины, на самом деле является частью смыслового ряда слов *двести – девятьсот*, между которыми существует явная семантическая оппозиция, разница на 1 единицу данной величины: *сто* – 1х100, *двести* – 2х100, *триста* – 3х100. Название числового разряда и информация, сколько единиц данного разряда имеется в виду, в них спаяны. Они содержат информацию о количестве единиц данной величины, и их, в результате, нельзя считать с помощью числительных (ср. *одна сотня, одна тысяча, две сотни, две тысячи* vs **один/одно/одна сто, *два/две сто*). Потому они далеки от существительных, семантически связанных с понятиями, допускающими счет.

	Числительное		Существительное	
И.	пять, одиннадцать, тридцать, сорок, сто, четыреста, несколько, сколько, сколько-то	<u>слонов</u>	тысяча, миллион, часть, половина, четверть, группа, десяток, сотня, множество, куча, стадо	<u>слонов</u>
Р.	пяти, одиннадцати, тридцати, сорока, ста, четырехсот, нескольких, скольких, скольких-то	<u>слонов</u>	тысячи, миллиона, части, половины, четверти, группы, десятка, сотни, множества, кучи, стада	<u>слонов</u>
Д.	пяти, одиннадцати, тридцати, сорока, ста, четыремстам, нескольким, скольким, скольким-то	<u>слонам</u>	тысяче, миллиону, части, половине, четверти, группе, десятку, сотне, множеству, куче, стаду	<u>слонов</u>
В.	пять, одиннадцать, тридцать, сорок, сто, четыреста, несколько, сколько, сколько-то	<u>слонов</u>	тысячу, миллион, часть, половину, четверть, группу, десяток, сотню, множество, кучу, стадо	<u>слонов</u>
Т.	пятью, одиннадцатью, тридцатью, сорока, ста, четырьмястами, несколькими, сколькими, сколькими-то	<u>слонами</u>	тысячей, миллионом, частью, половиной, четвертью, группой, десятком, сотней, множеством, кучей, стадом	<u>слонов</u>
П.	(о) пяти, одиннадцати, тридцати, сорока, ста, четырехстах, нескольких, скольких, скольких-то	<u>слонах</u>	(о) тысяче, миллионе, части, половине, четверти, группе, десятке, сотне, множестве, куче, стаде	<u>слонов</u>

Среди полученной нами группы лексем явно выделяется ряд от *двух* до *девятистот*. Эти лексемы характеризуются общими для них и крайне существенными особенностями семантики и сочетаемости:

- Семантически эти лексемы относят к арифметическому ряду. Каждая из них обозначает строго определенную его точку. Кроме отнесения к кон-

¹²⁶ Но со многими другими существительными (конкретно – с так называемыми неодушевленными) винительный падеж этих числительных (*два, три, четыре, оба*) равен именительному, ср., напр.: вин. п. *двух/трех слонов* vs вин. п. *два/три стола*.

кретной точке арифметического ряда, у них нет никаких других семантических компонентов.

- В плане сочетаемости:

1. Типичным для них является соединение с существительным, обозначающим исчисляемую сущность. Это существительное может быть, в принципе, любым, изменяющимся по числу (не *pluralia tantum* и не *singularia tantum*)¹²⁷.

2. Каждая из этих лексем, соединяясь по строго определенным правилам с прочими лексемами данной подгруппы либо с существительными типа *тысяча*, может образовывать составные наименования чисел: *тридцать два, тридцать тысяч, тридцать две тысячи пятьсот*.

Это ядро числительных, т. е. слова, которые являются числительными во всех известных мне классификациях, где вообще выделяется данная часть речи. Их семантические и сочетаемостные черты можно считать типичными для числительного. Они, кроме всего прочего, составляют статистическое большинство (35 из приблизительно 50 лексем, входящих в числительное).

Прочие числительные отличаются от лексем данной группы по одной из этих черт либо по всем вышеописанным чертам (семантике и сочетаемости).

Слова из ряда *двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро* не отличаются, по моему мнению, от основной группы числительных в семантическом отношении¹²⁸, однако резко отличаются в плане сочетаемости: 1) они не могут образовывать составных наименований чисел: **двадцать двое*, **двое миллионов*; 2) сочетаемость с существительными у них очень ограничена в сравнении с числительными основной группы: они могут соединяться лишь с существительными определенных типов (обозначающими людей мужского пола: *трое друзей*, обозначающими детенышей: *волк и семеро козлят*; имеющими только форму мн. числа или обозначающими парные предметы: *трое ножниц, двое брюк* – Бабайцева, Чеснокова 1993: 123)¹²⁹.

¹²⁷ В случае существительных, обозначающих лиц мужского пола, иногда предпочтительно использование собирательных: напр., *двое мужчин*. Однако, по данным Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>), использование формы *два мужчины* вполне возможно – особенно в косвенных падежах: *двух мужчин, двум мужчинам* и т. д.

¹²⁸ Во многих работах считается, что у этих слов семантика все же отличается от слов типа *два – девятьсот* (у них заметна большая «предметность», в них выражена идея «совокупности», «совместности»). Я, однако, далеко не уверен, что это так. Подобные сомнения высказаны, в частности, у Буланина (1976: 87–88) и у Гвоздева (1973: 271). Гвоздев прямо пишет, что значение слов типа *двое, трое* «ничем не отличается от количественных числительных» (1973: 271).

¹²⁹ Довольно интересна трактовка этой группы слов, представленная в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка. Зализняк обращает внимание на то, что число 2–10 некоторых

Некоторые слова отличаются от основной группы как по своей семантике, так и по сочетаемости. Слово *полтора* (*полторы*) обозначает, в отличие от слов группы *два*, *три* и т. д., дробное число (одну с половиной единицу). Числительное *оба* (*обе*) имеет в своем значении, кроме указания на пункт '2' в числовом ряду, и прочие смысловые компоненты¹³⁰. Слово *несколько* обозначает числовой отрезок, границы которого размыты, но в принципе обозначаемое этим словом число не может быть меньше, чем 2 и больше, чем 10. Слова *столько*, *сколько*, *столько-то*, *сколько-то*, *сколько-нибудь*¹³¹ не содержат в себе сообщения, относящего непосредственно к арифметическому ряду.

предметов, обозначенных существительными определенных типов, может быть выражено исключительно собирательными числительными, т. е. выражение чисел 2–10 в определенных контекстах с помощью количественных числительных невозможно (не соответствует норме). Ученый, по всей видимости, считает пары типа *два – двое* вариантами одних и тех же числительных, которые различаются употреблением:

«Числительные от 2 до 10 представлены в двух вариантах: а) собственно количественные числительные – *два, три, четыре, пять, ..., десять*; б) так наз. собирательное числительное – *двое, трое, четверо, пятеро, ..., десятеро*. Члены пары типа *два-двое* в части случаев дополнительно распределены в зависимости от класса того существительного, с которым соединено числительное; в другой части случаев они выступают просто как варианты. Правила здесь таковы.

1. При существительных группы *pluralia tantum*: а) в И. и В. падежах для 2, 3, 4 – только *двое, трое, четверо*, например, *двое суток* (у числительных *два, три, четыре* формы И. и В. падежей, способные сочетаться с *pluralia tantum*, отсутствуют); б) в прочих случаях (в косвенных падежах для 2, 3, 4 и во всех падежах для 5–10) возможны оба варианта: *пятеро* (и *пять*) *суткам*; *двоим, пятерым* (и *двум, пяти*) *суткам*. В косвенных формах собственно количественные числительные встречаются чаще, чем собирательные.
2. При существительных мужского рода на -а, -я (все они обозначают лиц): а) в И. падеже для 2, 3, 4 безусловно предпочтительны *двое, трое, четверо*, например, *двое мужчин*; б) в прочих случаях одинаково допустимы оба варианта: *пятеро* (и *пять*) *мужчин*; *двоим, пятерым* (и *двум, пяти*) *мужчинам*.
3. При прочих существительных мужского рода, обозначающих лиц, одинаково допустимы оба варианта (для всех рассматриваемых числительных и во всех формах): *двое братьев* и *два брата*; *пятеро* (и *пять*) *братьев*; *двоим, пятерым* (и *двум, пяти*) *братьям*. Точно так же: *двое детей* и *два ребенка*; *двое людей* и *два человека*; *пятеро* (и реже *пять*) *детей, людей* (также *пять человек*). Собирательные числительные допустимы также (хотя и менее употребительны) при слове *лицо* (в значении «человек») и названиях детенышей: *два лица* (и реже *двое лиц*); *пять* (и *пятеро*) *котят*.
4. При всех прочих существительных литературная норма допускает только собственно количественные числительные: *два стола, две женщины, пять волков, пять сестер*» (Зализняк 1980: 66–67).

¹³⁰ Значение этого слова примерно таково: 'все два <объекта, о которых идет речь>' (Мельчук 1985: 37; Bogusławski 1966: 63). Специально семантикой данного выражения здесь я заниматься не буду.

¹³¹ Эти слова в русских грамматических описаниях нередко включаются в состав местоимений. Насколько обоснована такая трактовка?

Местоимение как часть речи в русских грамматических описаниях представляет собой обобщающее понятие (подобным образом дело обстоит и с «числительным»), включающее в себя несколько

В плане сочетаемости с обозначающими исчисляемую сущность существительными все эти слова (*полтора/полторы, оба/обе, несколько, столько, сколько, столько-то, сколько-то, сколько-нибудь*), по всей видимости, не отличаются от числительных основной группы¹³². Однако в плане возможности

выделенных по значению разрядов слов (обычно 7–8, иногда и более: личные, вопросительные, относительные, притяжательные, указательные и т. д.). «Местоимения» отличаются не меньшим грамматическим разнообразием, чем «числительные». Буланин указывает, что морфологически среди местоимений «различаются слова, изменяющиеся только по падежам и, следовательно, в известном отношении близкие существительным (*я, ты, мы, вы, кто, что*), и местоименные прилагательные (*твой, какой, некоторый*)» (Буланин 1976: 14). Трудно отделить местоимения от существительных и прилагательных и в аспекте синтаксиса: «Местоимения распадаются на два класса, соответствующие морфологическим классам. Слова, изменяющиеся только по падежам, сходны в синтаксическом отношении с существительными. <...> Местоименные прилагательные типа *твой* по своим синтаксическим функциям целиком принадлежат к прилагательным в широком смысле слова» (Буланин 1976: 15). В некоторых грамматических работах местоимения определяются прежде всего как слова, которые «заменяют» прилагательные, существительные, а также числительные и наречия (если в состав местоимения включаются слова типа *сколько* и неизменяемые «местоименные наречия» типа *там, сюда, когда*). Фактически речь здесь идет о том, что эти слова могут выступать в синтаксических функциях, в морфосинтаксических связях, характерных для существительных, прилагательных, числительных и наречий, а они у слов этих типов очевидно неодинаковы (ср. *Петя пришел – Он пришел; Прекрасный человек – Такой /Какой человек; Сегодня это все же случилось – Когда-то это все же случилось; Пять человек – Несколько человек*). Можно ли вообще говорить об общей грамматической специфике «местоимений» как части речи? В таком понимании – вряд ли.

Все вышеотмеченное дает основания сомневаться в том, что местоимение в русском языке действительно существует как часть речи. Возможно, правильнее было бы включать эти слова в другие части речи (существительные, прилагательные, числительные, наречия), отмечая общие особенности их семантики, благодаря которым некоторые из них «предрасположены» к выполнению в языке определенных специальных функций (напр., прилагательное *какой* – используется как вопросительное или союзное слово). Характерно, что во многих грамматических работах авторы не в состоянии однозначно определить, являются ли слова типа *я, ты, что, никто, который, какой, тот, этот, сколько* и т. д. местоимениями с чертами существительных, прилагательных, числительных или же – существительными, прилагательными, числительными с некоей «местоименностью» (так называемыми местоименными существительными, прилагательными, числительными, наречиями). Напр., авторы академической грамматики 1960 г. пишут: «В зависимости от того, указывают ли местоимения на предмет (лицо) или на его качество, а также в зависимости от характера словоизменения и грамматических связей с другими словами, все местоимения делятся на местоименные существительные (*я, ты, он, она, оно, кто, что, себя, некто, нечто, никто, ничто*) и местоименные прилагательные (*мой, твой, наш, ваш, свой, какой, каков, который, чей, тот, этот, сам, самый, весь, всякий, каждый* и нек. др.)» (Виноградов (ред.) 1960: 385). Кроме того, авторы этой работы упоминают местоименные числительные (имеются в виду слова *несколько, сколько, столько*) и местоименные наречия (*куда, сюда, где* и т. д.).

Руководствуясь этими соображениями, слова типа *сколько, столько* я буду считать – на основании критериев, предложенных в настоящей работе, – именно числительными, а не, напр., вопросительными (*Сколько времени?*), относительными (лексема *сколько* в другой функции: *Он сказал, сколько времени*), указательными (*Столько я не съем*), неопределенными (*проспать сколько-то часов*) и т. д. местоимениями.

¹³² Каждая из словоформ ряда *столько, сколько, столько-то, сколько-то, сколько-нибудь* в русском языке принадлежит, как минимум, двум лексемам. Одна из таких лексем – изменяемая по падежам

составлять сочетания с прочими числительными у них есть заметные отличия. Без ограничений они могут сочетаться только с существительными (*тысяча, миллион, миллиард* и т. д.), левосторонне, в модели подчинения. И в этом они, на первый взгляд, сходны с основной группой. Ср. *двадцать тысяч* и *несколько тысяч, столько тысяч, сколько тысяч, сколько-то тысяч, (?) сколько-нибудь тысяч, полтора миллиона*¹³³. Однако в таких соединениях они не являются составными названиями чисел (пунктов арифметического ряда). Единственное исключение – *полтора: полторы тысячи* ('1500'), *полтора миллиона* ('1 500 000') и т. д.

Кроме того, в модели соположения эти слова не выступают. Невозможны, напр.: **двадцать несколько*, **двадцать сколько*, **двадцать столько*, **двадцать сколько-нибудь*, **тридцать полтора*. Соединения «числительное+сколько-то» теоретически, как кажется, возможны, но на практике скорее не употребляются. Они, по всей видимости, не соответствуют русской языковой норме. В Национальном корпусе русского языка мне удалось найти всего одно такое употребление: *Лет в двадцать сколько-то, почти тридцать, я написал стихотворение «Зимний лес», элегию о конце влюбленности как частном случае конца всего и о том, что за ним маячит* [А. Найман. Славный конец бесславных поколений (1994)]¹³⁴.

По всей видимости, не во всех случаях это ограничение носит семантический характер, так как, например, в польском языке слова *kilka* ('несколько') и *ileś* ('сколько-то') в таких конструкциях выступают, образуя с числительным названия приблизительных чисел, причем конструкции эти в речи довольно распространены: *dwadzieścia kilka* (число из отрезка 22–29), *dwadzieścia ileś*¹³⁵ (число из отрезка 21–29).

и сочетающаяся исключительно с названиями исчисляемых объектов – является числительным: напр., *столько деревьев, стольким деревьям* и т. д. Другая же – неизменяемая – числительным не является. Она сочетается с глаголами (*столько ходить*) и неисчисляемыми существительными (*столько радости, столько воды*), ее, по всей видимости, следует считать наречием. Эти, разные в плане словоизменения и сочетаемости, лексемы – функциональные омонимы.

¹³³ Так как у *оба/обе* есть категория рода, чисто грамматически возможны соединения типа *обе тысячи, оба миллиона*, но мне не удалось найти подтверждений употребления этой конструкции (поиск велся в Национальном корпусе русского языка).

¹³⁴ Конструкция *двадцать сколько-то* здесь употреблена в значении, соответствующем значению конструкции *двадцать с чем-то*.

¹³⁵ В русском языке польским конструкциям «числительное+ileś» примерно соответствуют конструкции типа *тридцать с чем-то, сто с гаком, двести с лишним* и т. д.

Таким образом, среди числительных можно выделить:

- Слова с типичной грамматикой, семантикой и сочетаемостью: *два (две), три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, девяносто, сто, двести, триста, четыреста, пятьсот, шестьсот, семьсот, восемьсот, девятьсот*.
- Слова с типичной грамматикой, семантикой, но нетипичной (ограниченной) сочетаемостью: *двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро*.
- Слова с типичной грамматикой, но нетипичной семантикой и сочетаемостью: *полтора (полторы); оба (обе), несколько, столько, сколько, столько-то, сколько-то, сколько-нибудь*.

Так, по моему мнению, выглядит русское числительное как часть речи. К определенному нами числительному можно (а возможно – и следует) добавить и группу с типичной семантикой, типичной сочетаемостью и **нетипичной грамматикой**: *один, тысяча, миллион, миллиард* и т. д.¹³⁶ Эти слова (1) обозначают пункты арифметического ряда, (2) могут сочетаться с типичными числительными или между собой, образуя составные названия чисел типа *двадцать один, одна тысяча*¹³⁷, *триста тысяч сто*. Эта их особенность является дополнительным аргументом, чтобы все-таки не отделять их от класса числительных¹³⁸. Но, по моему глубокому убеждению, это можно сделать лишь по-

¹³⁶ Существуют также слова *биллион, квадриллион, квинтиллион, секстиллион, септиллион, октиллион, нониллион, дециллион*, которые не используются в общенациональном языке. Они являются математическими терминами.

¹³⁷ Данный пример хорошо иллюстрирует, что существуют составные названия чисел (названия пунктов арифметического ряда), все элементы которых могут оказаться не числительным в грамматическом смысле, а словами других частей речи (здесь название числа состоит из прилагательного и существительного). Таких слов всего несколько. *Один* может соединяться с *тысячей*, с *миллионом*, с *миллиардом* (и прочими словами этого ряда); теоретически возможны и соединения типа *тысяча миллионов* (хотя для обозначения этих чисел русский язык обладает отдельными лексемами, в данном случае – лексемой *миллиард*). Малочисленность и замкнутость этого класса слов, их связанная с прочими числительными семантика, сходная сочетаемость может, как мне кажется, обосновать выделение в числительном такого особого подвида.

¹³⁸ Конtrarгументом, касающимся и составных наименований такого рода, является грамматика. Конструкции типа *пять миллионов* в соединении с существительным ведут себя не так, как числительные или состоящие из них названия чисел, а как количественные слова. Ср.: *двадцать четыре рубля, двадцати четырех рублей...* (числительное) vs *две тысячи рублей, двух тысяч рублей, двум тысячам рублей...* (количественное выражение). Конструкции же с *один* – ведут себя как прилага-

сле того, как показано грамматическое ядро данной части речи, лишь в качестве исключения, поскольку это не основа, не ядро **части речи**, а явление пограничного характера.

В этом разделе была предпринята попытка устранения определенных противоречий между описанием числительного и общим понятием части речи, которые можно наблюдать в некоторых современных грамматиках. Был предложен возможный вариант определения границ числительного как части речи, а также критерии, по которым можно устанавливать, относится ли то или иное слово к данной части речи или же нет. Я пытался показать, как, по моему мнению, должен выглядеть этот лексико-грамматический класс современного русского языка¹³⁹.

♦ Дополнения к разделу:

А. Винительный падеж числительных

В дополнение к разделу следует сделать несколько замечаний о винительном падеже числительных, у которого есть ряд особенностей с точки зрения проблемы падежного контраста. У большинства числительных винительный сходен с их именительным падежом, а точнее – винительный падеж конструкции «числительное+существительное» тождественен ее форме в именительном падеже (падежная форма числительного в винительном сходна с его именительным, а существительное имеет форму родительного падежа, напр.: Им. п. *Две дороги пересекаются возле моста*; Вин. п. *Увидеть две дороги*). Поэтому имело бы смысл говорить скорее о контрасте между именительным/винительным и прочими падежами, а не о контрасте между именительным и косвенными падежами.

тельные: *сто один рубль, сто одного рубля, сто одному рублю...* (ср. *российский рубль, российского рубля, российскому рублю* – один, как и прилагательное, не влияет на форму существительного, с которым сочетается в именительном падеже).

¹³⁹ У Мельчука в «Поверхностном синтаксисе русских числовых выражений» представлено 17 различных свойств, определяющих числительное как часть речи, 11 из которых – синтаксические (1985: 265–270). Контраст синтаксического поведения числительного в номинативе и косвенных падежах, отмеченный еще Шахматовым и ярко описанный Виноградовым, который в моей работе поставлен во главу угла, в списке Мельчука – восьмое свойство. Черты, перечисленные Мельчуком, интересны и как другая (но близкая) точка зрения на эту часть речи, но еще больше – как краткое сводное описание свойств интересующих нас выражений (вместе с тем довольно, на мой взгляд, полное). Я не буду приводить в своей работе весь этот перечень, а предлагаю читателю ознакомиться с ним в первоисточнике.

Однако исключение из общего правила составляют слова *два, три, четыре*, так называемые собирательные числительные (*двое, трое* и т. д.), а также *оба (обе)*.

Эти слова с диахронической точки зрения – прилагательные, перешедшие в числительные на определенном этапе развития языка (см. раздел «Из истории формирования числительного как части речи в русском языке» ниже). Как известно, форма винительного падежа прилагательного зависит от одушевленности/неодушевленности существительного, с которым оно сочетается. В первом случае форма винительного существительного сходна с формой родительного падежа, а во втором – с формой именительного. Форму, соответствующую существительному, принимает и согласующееся с ним прилагательное. (Ср., напр., <вин. п.> *видеть черный квадрат / черного ворона.*)

Сходным образом ведут себя и числительные вышеупомянутого типа¹⁴⁰. Форма винительного падежа конструкции с этими числительными зависит от того, какое существительное в ней выступает: одушевленное или неодушевленное. Винительный такой конструкции с одушевленным существительным подобен родительному, а с неодушевленным – именительному:

Словосочетание с одушевленным существительным Вин. п. числительного = род. п. (в отличие от прочих числительных)	Словосочетание с неодушевленным существительным Вин. п. числительного = им. п.
<i>Вижу двух женщин.</i> <i>Вижу двух учеников.</i>	<i>Вижу две машины.</i> <i>Вижу два выхода. (Ср. Вижу выходы.)</i>
<i>Вижу трех журналистов.</i> <i>Вижу трех птиц.</i>	<i>Вижу три журнала. (Ср. Вижу журналы.)</i> <i>Вижу три окнá. (Ср. Вижу óкна.)</i>
<i>Вижу четырех собак.</i>	<i>Вижу четыре тучи.</i>
<i>Вижу троих людей.</i>	<i>Вижу трое ворот/саней. (Ср. Вижу ворота/сани.)</i>
<i>Вижу обоих приятелей.</i>	<i>Вижу оба выхода.</i>

¹⁴⁰ Числительные, для которых в винительном падеже релевантна категория одушевленности/неодушевленности, перечислены в работе И. Мельчука (1985: 412–429). Ученый указывает, что таковыми являются лишь упомянутые нами выше «малые» и лично-количественные числительные (1985: 428), т. е. *два, три, четыре* (в «малые» числительные у Мельчука включено и слово *один*), слова типа *двое, трое*, а также *оба* (1985: 420).

О категории одушевленности/неодушевленности в контексте числительных см. также: Грамматика 1980: 573–574.

В конструкции с неодушевленными существительными, выступающей в винительном, числительное управляет формой существительного, а само используется в форме, сходной с именительным (*Услышать три звука, Заметить трое ворот*). С одушевленными же – числительное согласует свою форму (в род. п. множ. ч.), напр. *Услышать трех комаров, Заметить троих ребят*. Таким образом, поведение этих слов в винительном отличается от прочих числительных лишь тогда, когда в конструкции выступает одушевленное существительное. Ср.:

	Одушевленное существительное:	Неодушевленное существительное:
Числительное, реагирующее на одушевленность/неодушевленность существительного	Услышать <u>трех</u> комаров (не *Услышать три комара)	Услышать три звука (не * <u>трех</u> звуков)
Числительное, не реагирующее на одушевленность/неодушевленность существительного	Услышать десять комаров (не *Услышать <u>десяти</u> комаров)	Услышать десять звуков (не * <u>десяти</u> звуков)

«Неопределенно-количественные числительные» (*столько, сколько, несколько*) также могут реагировать на одушевленность существительного. Это, однако, необязательно: винительный падеж этих слов может совпадать по форме как с родительным, так и с именительным падежом при одном и том же одушевленном существительном (Зализняк 2002: 88; Грамматика 1980: 574). Напр.: *Вижу нескольких учеников / несколько учеников*¹⁴¹. Следует отметить, что существительное принимает форму родительного падежа в обоих случаях.

В настоящей монографии мы часто обращаемся к понятию контраста между именительным и прочими падежами числительных, однако следует помнить,

¹⁴¹ По-видимому, в современной речи при одушевленных существительных преобладает форма им. п. «неопределенно-количественных числительных» (Грамматика 1980: 577).

Авторы Грамматики 1980 считают, что с двумя альтернативными формами «неопределенно-количественного» числительного при одушевленном существительном мы имеем дело и в случае слов *много/немного* (*Посетил много друзей – Посетил многих друзей*), однако доводы Мельчука убедительно показывают (1985: 309–311), что на самом деле здесь выступают две разные лексемы с разным значением и грамматическими чертами (наречие *много* – и прилагательное *многие*).

что это определенное упрощение вопроса, позволяющее избежать использования громоздкой терминологии. Мы принимаем, что винительный падеж сочетаний числительных с существительными может, но не обязан совпадать с именительным и контрастировать с прочими падежными формами этих конструкций.

Б. Влияние числительных *два, три, четыре, оба, полтора* в именительном падеже на форму существительного

В заключение необходимо сделать еще одно дополнение, уточняющее те требования, которые предъявляются числительным в именительном падеже к форме существительного. Мы говорили о требовании двух типов:

- (1) числительные *два/две, три, четыре, оба/обе, полтора/полторы* – требуют от существительного родительного единственного числа;
- (2) числительные *пять, шесть* и т. д., *двое, пятеро* и проч. – родительного множественного числа.

Следует, однако, отметить, что в первом случае – это, безусловно, лишь упрощенная трактовка. Правильнее было бы говорить о том, что в современном русском языке при числительных рассматриваемого типа в им. п. чаще всего выступает существительное в форме, сходной с род. п. ед. ч. Виноградов пишет, что «в сочетании *два, оба, три, четыре с так называемым* „родительным“ падежом единственного числа правильнее видеть идиомы, неразложимые грамматические обороты», указывая, что общепринятая трактовка является лишь некоей условностью (2001: 246; подчеркнуто мной. – М. Д.). По мнению ученого, форма существительного в них находится вне падежной системы современного русского языка, можно говорить лишь о внешнем сходстве этой формы слова с той или иной падежной формой (как правило – род. п. ед. ч.):

...Формы именительного-винительного падежа числительных *два, три, четыре* сочетаются с такой формой имени существительного, которая не находит семантического оправдания в системе живых падежных форм и функций существительных. По внешнему облику она обычно совпадает с формой родительного падежа (Виноградов 2001: 253).

Виноградов, по сути, выделяет следующие четыре типа существительных на основе того, каков «внешний облик» их формы, выступающей при числительных типа *два* в им. п.:

- существительные, форма которых совпадает с род. п. ед. ч., но не с им. п. мн. ч. (существительные женского рода, у которых эти формы различаются ударением <три страны́, две горы́>, и большинство существительных мужского и среднего рода <три богатыря, четыре села>);
- существительные, форма которых совпадает с формой род. п. ед. ч., а одновременно и с им. п. мн. ч. – существительные женского рода, у которых эти формы не различаются ударением, напр. род. п. ед. ч. *гвоздики* – им. п. мн. ч. *гвоздики* (три гвоздики);
- существительные, форма которых не совпадает с формой род. п. ед. ч. (а фактически – не совпадает ни с одной из их падежных форм, напр.: *два шага́, четыре ряда́*¹⁴²);
- слова типа *прохожий, столовая*¹⁴³, форма которых при числительных *два, три* и т. д. совпадает с родительным множественного числа, а не с родительным единственного, напр.: *два прохожих* (не **прохожего*), *четыре проездных* (не **проедного*), *две столовых*¹⁴⁴, *три парикмахерских* (Виноградов 2001: 253–254).

Существительные первого типа в языке количественно преобладают, и можно предполагать, что это и стало причиной того, что именно их форма дала соответствующую общую трактовку форме существительного в таких конструкциях (в качестве род. п. ед. ч.). Отметим, что многие факты можно было бы объяснить, рассматривая их диахронически (последствия разрушения категории двойственного числа и т. д.). Однако, как отмечает Мельчук, в строго синхроническом исследовании «доводы *ad historiam*... неправомерны» (1985: 174). Факты современного языка в таком исследовании должны получить ту или иную синхроническую интерпретацию.

Различие в грамматической категории числа, наблюдаемое при числительных *два, три, четыре, оба, полтора* в им. п. (напр.: *два сказуемых, три часовых, три восьмых* vs *два рубля, четыре дома*), а также невозможность однозначно отнести всю совокупность выступающих в таких сочетаниях форм существительных к именительному либо родительному падежу (напр., *три солдата, три*

¹⁴² Виноградов пишет, что род. п. ед. ч. этих существительных: *шага, ряда*.

¹⁴³ В терминологии Виноградова – это «существительные, изменяющиеся по системе склонения прилагательных» (Виноградов 2001: 254), в терминологии Зализняка – отадъективные существительные (Зализняк 2002: 96).

¹⁴⁴ В случае лексем женского рода возможна форма именительного падежа множественного числа (*две столовые, три занятые*), хотя Виноградов о ней непосредственно не упоминает. Богуславский же, по всей видимости, считает статистически преобладающей именно ее (см. Bogusławski 1966: 240).

мастерских и *три мастерские*) заставляет Зализняка считать, что эти числительные требуют от существительного выступления в особом, девятом¹⁴⁵ русском падеже – так называемой «счетной форме» (Зализняк 2002: 46–47). У разных существительных – разная форма этого падежа: у являющихся отадъективными существительными – сходная с формой их родительного или именительного множественного числа, а у прочих – другая, сходная с родительным единственного либо «уникальная»¹⁴⁶. Выступая в «счетной форме», существительные находятся вне категории грамматического числа (противопоставление по числу в этом падеже отсутствует)¹⁴⁷. В языке с девятым, «счетным», падежом существительного мы имеем дело лишь в одном случае: когда существительное сочетается с числительными *два, три, четыре, оба, полтора*, выступающими в именительном падеже (или сходном с ним винительном)¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Кроме шести общепризнанных падежей, Зализняк выделяет также местный падеж («2-й предложный»), выступающий «только после предлогов *в* и *на*, в словосочетаниях, имеющих местное (локативное) значение» (напр., *они находятся в...*: *шкафу, чаю, печи*, наряду с *ведре, пальто, быках* и т. д.), и «количественно-отделительный» («2-й родительный») падеж, связанный с выражением частичности («*у меня нет...*»: *чаю и чая, сахара и сахара*, наряду с *быка, жены, ведра, пальто, быков* и т. д.) (Зализняк 2002: 43–46). Более того, Зализняк предлагает выделять так называемые самостоятельные и припредложные падежи. Ср., напр., однопадежный ряд дательного самостоятельного, выступающий в контексте «он завидует...» – *врачу, жене, шкафу, ему, ей, им* и однопадежный ряд дательного припредложного, выступающий в контексте «он обращается к...»: *врачу, жене, шкафу, нему, ней, ним* (Зализняк 2002: 52–54). В результате список русских падежей расширяется до четырнадцати (именительный, предложный, местный и «счетная форма» не расцепляются, поскольку именительный и «счетная форма» не употребляются с предлогами, а предложный и местный – не употребляются без предлогов).

¹⁴⁶ Зализняк приводит пять таких форм: *рядá, следá, часá, шагá, шарá* (Зализняк 2002: 47).

¹⁴⁷ Зализняк относит все счетные словоформы к множественному числу, однако – лишь условно (Зализняк 2002: 48).

¹⁴⁸ У Мельчука термин «счетной формы существительных» применяется для описания других фактов и понимается по-другому. Это падеж (ученый называет его счетной формой или падежом-«аднумеративом»), наблюдающийся лишь у тех существительных, форма которых при числительном отлична или может отличаться от родительного падежа. Существительное в этом падеже может выступать не только при «малых» числительных, но и при числительных типа *пять*. Ср., напр.: *потребности людей* <*человек> vs [*Идут*] *12 человек* <*людей>; *среди всех этих килограммов* <*килограмм> vs *16 килограмм* [но и килограммов] (Мельчук 1985: 430). Ср. также *у меня нет ни часа, событие второго часа* vs *два часа* <*часа>, *три часа* <*часа>. Аднумератив не только «употребляется в крайне ограниченном круге контекстов», но и «образуется от совсем незначительного числа основ», «образуется не от всех существительных» (Мельчук 1985: 435). У счетного падежа существуют формы единственного и множественного числа. «Счетные» формы при малых числительных (типа *два*) являются формами единственного числа: «Счетные формы ед. и мн. числа находятся в дополнительном распределении: те S, которые имеют особую счетную форму в ед. числе, не имеют счетной формы во мн. числе, и наоборот. Это, однако, не дает возможности рассматривать

Далее в монографии при описании свойств таких числительных (*два, три* и т. д.), основное внимание будет концентрироваться на наиболее типичных случаях, в которых числительное сочетается с одним лишь существительным (без прилагательного¹⁴⁹), а существительное имеет форму, соответствующую родительному падежу единственного числа. Эту форму существительного я буду называть «родительным падежом единственного числа», хотя, если учесть все вышеперечисленное и принять трактовку, предложенную Зализняком, правильнее было бы говорить о счетной форме существительного, омонимичной родительному падежу единственного числа.

Следует, однако, отметить, что и в упрощенной интерпретации формы таких существительных (род. п. ед. ч.), и в интерпретации, предложенной Зализняком, учитывающей разные случаи (особый падеж – «счетная форма»), мы говорим о том, что числительные *три, четыре* и т. д. в именительном/винительном управляют формой существительного. При таком понимании мы так или иначе имеем дело с падежным контрастом (независимо от того, с каким падежом совпадает падежная «счетная форма» данного существительного: с родительным падежом множественного числа или же с родительным единственным).

счетные формы разных чисел как одну форму, вообще не различающую числа: дело в том, что при „малых“ Num выступают только счетные формы ед. числа, а при „больших“ – только счетные формы мн. числа» (Мельчук 1985: 430; подчеркнуто мной. – М. Д.). Мельчук пишет, что «аднумератив маркирует скорее определенную АКТИВНУЮ ПС-валентность S [поверхностно-синтаксическую валентность существительного – М. Д.] – роль хозяина числительного (Мельчук 1985: 435; подчеркнуто мной. – М. Д.). В такой трактовке «аднумератив» – это, по-видимому, своеобразный эквивалент именительного падежа, активирующийся у некоторых (немногих) существительных тогда, когда в их контексте выступают числительные; числительное же при существительном в этом падеже не является управляющим членом словосочетания (т. е. словосочетания типа *пять грамм* и *пять граммов* – представляют из себя словосочетания двух разных типов, связи между членами которых отличаются друг от друга).

Относительно приведенных нами рассуждений Зализняка, касающихся форм существительного при числительных типа *два, три* и т. д., Мельчук отмечает, что ему «кажется неправильным введение в падежный инвентарь русского языка целого нового падежа только на основании согласия S с „малыми“ Num, каковое носит совершенно особый характер»; по мнению Мельчука, естественнее «допустить более сложные правила этого согласования, нежели более сложную падежную систему» (Мельчук 1985: 174). Ученый предлагает считать, что существительное, выступающее при числительных *полтора, два, три, четыре*, форма которого сходна с родительным падежом единственного числа (существительное в сочетаниях типа *два брата, три сына*) стоит именно в родительном падеже единственного числа (Мельчук 1985: 172).

¹⁴⁹ В использовании прилагательных, выступающих в сочетании с рассматриваемыми конструкциями (с числительным *два/две, три, четыре, оба/обе, полтора*) множество тонкостей, которые мы здесь рассматривать не будем. О них см., напр.: Bogusławski 1966: 232–240.

V. Из истории формирования числительного как части речи в русском языке

1. Числовые существительные и прилагательные в древнерусском языке

Русские исторические грамматики, созданные в 50-х годах XX в. или позднее, где принимаются за теоретическую основу грамматические взгляды В. Виноградова, сходятся на том, что в древнерусском языке¹⁵⁰ именные счетные слова не являлись отдельной частью речи¹⁵¹. По своим грамматическим характеристикам

¹⁵⁰ Имеется в виду общеславянский язык периода IX–XIII/XIV вв. (до обособления русского, белорусского и украинского языков).

¹⁵¹ Противоположные взгляды (которые я не разделяю) выражает в своих работах О. Ф. Жолобов. Этот ученый определяет частеречность числительных по специфичности их смысловых характеристик (взаимозависимость их семантики, необходимость каждого элемента для выражения счетной последовательности и т. д.). Основываясь на таком понимании, он приходит к выводу, что числительное являлось частью речи уже в праиндоевропейском языке.

Жолобов считает, что основные общие изменения свойств числительных (синтаксические, морфологические и т. д.), произошедшие с ними с древнерусского (и даже – праиндоевропейского) периода до наших дней, связаны со всегда существовавшей чертой этих слов, соединяющей их в единое целое: упорядоченностью и иерархической организацией их системы. Напр.: «Иллюзия лексико-грамматической неразвитости числовых слов у славян коренится в том, что не были установлены механизм и причины морфологических изменений числительных, так как наиболее важные в этом случае обстоятельства синтаксического плана до сих пор рассматривались лишь попутно, а функционально-семантическая природа числовых обозначений, по существу, не анализировалась. В соответствии с новыми теоретическими представлениями обособленность числительных как частеречного класса задается их парадигматическими и синтагматическими свойствами, среди которых наиболее яркой особенностью является строгая упорядоченность и иерархичность семантической организации» (2001: 95; подчеркнуто мной. – М. Д.).

Применение сугубо смыслового подхода к определению числительного (по сути – несколько переформулированного традиционного) неизбежно приводит к идее, что числительное как часть речи существовало не только в древнерусском, но и в общиндоевропейском языке. Жолобов подчеркивает, в частности, наблюдаемое в диахронической перспективе постоянство состава названий

они были существительными либо прилагательными (Иванов 1990: 303–304; Борковский, Кузнецов 2006: 238; Колесов 2009: 233–234)¹⁵². А, например,

элементов десятичной счетной системы. Оно является еще одним аргументом, чтобы не отделять их друг от друга и называть частью речи. Праславянские (а затем – и древнерусские) «числительные» являлись непосредственными продолжателями индоевропейских лексем. Они – целостная система с ограниченным инвентарем единиц, характеризующаяся по своему составу необычайной устойчивостью. Жолобов пишет: «Нет оснований предполагать, что в праславянском не было числительных как обособленного класса слов, если они унаследовали систему числовых обозначений, которая сложилась еще в праиндоевропейскую эпоху» (2001: 95). По мнению Жолобова, «числительное как часть речи сложилось в индоевропейском, а числительные в праславянском представляют систему форм, которая наследует прежнее состояние и далее преобразуется в соответствии с их природой» (2001: 96). Иными словами – числительное было частью речи (целостной системой) уже в праиндоевропейском, а праславянский и древнерусский лишь развивали ее. Ученый указывает: «Системный характер числительных как части речи доказывается отчетливой генетической зависимостью праславянских морфосинтаксических инноваций от индоевропейского источника» (Жолобов 2001: 96). (Здесь имеется в виду то, что «один» «два» «три» и «четыре» в праславянском остались прилагательными, а числа от 5 до 9, в общеевропейском обозначаемые несклоняемыми словами, стали выражаться существительными.)

Отдельный частеречный статус числительного в современном русском языке, определяемый у Жолобова принадлежностью этих слов единой и неизменной иерархизированной системе понятий, автоматически означает такой же статус этих слов (принадлежащих той же системе) и на других, более ранних исторических этапах. Числительными считаются и порядковые слова. На семантическом основании Жолобов исключает из числительных слово *оба*, указывая на его «дейктическую, прономинальную функцию» уже в древнеславянском: его значения – ‘тот и другой’, ‘эти-два, все-два’ (Жолобов 2001: 104). Это слово выпадает из иерархической системы арифметических оппозиций, представленных названиями чисел. Из нее оно исключено наличием в системе слова *два* (его «двойника») и семантикой, отличной от *два* и прочих числительных, являющихся названиями пунктов арифметического ряда. Жолобов рассматривает различия в словоизменении *два* и *оба*, которые, по его мнению, подтверждают их разную частеречную принадлежность (2001: 104–105).

Отрицание отдельного частеречного статуса древнерусских числовых слов (но, подчеркнем, – на совершенно другой, чисто грамматической основе!), распространенное в современных исторических грамматиках и других лингвистических работах, О. Ф. Жолобов считает старыми научными представлениями. Однако, по моему мнению, вопрос здесь сводится лишь к тому, как видится суть общего понятия части речи в той или иной работе. На мой взгляд, рассуждения Жолобова касаются скорее не части речи, а **группы слов с взаимосвязанной семантикой** – названий элементов иерархизированной десятичной арифметической системы, которые рассматриваются в диахронической перспективе.

Следует отметить, что общность и однонаправленность исторических изменений некоей группы первоначальных лексем, обозначающих элементы данной понятийной системы, вряд ли можно принять как критерий выделения частей речи / части речи в современном языке, в его синхроническом описании.

В целом, семантика первоначальных, праиндоевропейских, праславянских, древнерусских, старорусских числовых слов могла в какой-то мере предопределять то, что они развились в русское в часть речи, однако о части речи в современном русском языке мы говорим не по семантическим причинам.

¹⁵² А. Т. П. Ломтев, имея в виду ту же картину, разделяет общевосточнославянские лексемы, развившиеся затем в русском в числительные, на атрибутивные и субстантивные имена (Ломтев 1961: 163). Но, несмотря на различие терминологии, речь здесь идет о тех же языковых явлениях.

К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев в книге «Историческая грамматика русского языка» прямо пишут о том, что в качестве прилагательных и существительных в древнерусском языке функционировали абсолютно все, без исключения, названия отвлеченных чисел, характеризуясь при этом соответствующими грамматическими категориями (Горшкова, Хабургаев 1981: 267)¹⁵³.

Утверждение, что в древнерусском языке наименования отвлеченных чисел не образовывали отдельной части речи, вовсе не означает того, что в языке отсутствовали соответствующие слова, т. е. что были пробелы в лексике, не позволяющие выражать какие-либо числа десятичной арифметической системы (в выражении которых была необходимость). Горшкова и Хабургаев указывают, что состав узловых наименований чисел до 1000 «в древнерусском был тот же, что и в современном», а наименования, которые получались путем комбинации узловых, «отражены в системе наименований современного языка». Лишь слово *сорок* появилось в более поздний период, заменив собой *четыре-десяте*, а часть слов, обозначающих в древнерусском числа выше 1000 (*тъма*, *легионъ* и т. д.), вышла из употребления (Горшкова, Хабургаев 1981: 266). Непроизводные названия чисел – от 2 до 10, а также названия сотни и тысячи – относятся к индоевропейской лексике, а название 1 (**jedinъ*) являлось славянским новообразованием (Янович 2011: 160).

Рассмотрим, каковы были грамматические черты древнерусских слов, ставших позднее русскими «счетными» («определенно-количественными») числительными¹⁵⁴.

Ряд названий чисел 2, 3, 4 резко отличался от названий чисел от 5 и выше: первые были прилагательными, а вторые – либо существительными (*пять*, *съто*), либо словосочетаниями (*одинъ на десяте*, *трие десяте*, *дѣва десяти* и *пять*)¹⁵⁵.

¹⁵³ Следует сказать, что в грамматике Горшковой и Хабургаева принята точка зрения на современное русское числительное, сходная с используемой в настоящей работе: «Если часть речи рассматривать как лексико-грамматические разряды слов, то специфическими признаками, позволяющими в современном языке выделять числительное в особую часть речи, наряду с общесемантическими (название отвлеченного числа), оказываются лишь немногие грамматические, среди которых самым ярким является своеобразная сочетаемость числительных с существительными, а также (хотя и менее последовательно) отсутствие категории рода и числа (и изменения по родам и числам) при наличии категории падежа, включающей числительное в группу имен» (Горшкова, Хабургаев 1981: 266; подчеркнуто мной. – М. Д.).

¹⁵⁴ Слово *один* в современном русском языке, как и ранее, является прилагательным, поэтому его история здесь рассматриваться не будет.

¹⁵⁵ Ю. Н. Грицкевич указывает: «В древнерусском языке первоначально было всего 12 слов, обозначающих количество: *одинъ*, *два*, *три*, *четыре*, *пять*, *шесть*, *семь*, *осемь*, *девять*, *десять*, *съто*, *тысяча*, с XIII в. появляется слово *сорок*. Все остальные счетные слова образовались из комбинации приведенных выше слов» (2003: 63). Кроме того, «большое количество обозначалось с помощью слов *тъма*, *легионъ*, *воронъ*, *колода*, *леодръ*» (63).

Прилагательные

Среди слов, давших впоследствии современное числительное, по роду в древнерусском изменялись лишь следующие названия чисел:

‘2’: муж. – *дѣва стола*, женско-средний – *дѣвъ руцѣ, дѣвъ сътъ*

‘3’: муж. – *трие столи*, женско-средний – *три руки, три ста*

‘4’: муж. – *четыре столи*, женско-средний – *четыри руки, четыри ста*

Оба: муж. – *оба стола*, женско-средний – *обѣ руцѣ, обѣ сътъ*

У остальных же древнерусских именных числовых названий – существительных – род был классифицирующей категорией: они обладали родом, но не изменялись по родам.

Эти прилагательные согласовывались с существительным и в падеже. По семантическим причинам *дѣва/дѣвъ, оба/обѣ* могли сочетаться только и исключительно с существительным, выступающем в двойственном числе, а *трие/три, четыре/четыри* – с существительными во множественном числе. В результате у *дѣва/дѣвъ, оба/обѣ* были лишь формы двойственного, а у *трие/три, четыре/четыри* – лишь множественного числа¹⁵⁶.

Ср.:

И.-В. *дѣва брата; дѣвъ сестръ*

Р.-М. *дѣвою брату; дѣвою сестру*

Д.-Т. *дѣвъма братома; дѣвъма сестрама*

Им. *трие брати; три сестры; три озера*

Р. *трии братѣ; трии сестрѣ; трии озерѣ*

Т. *трѣми братьи; трѣми сестрами; трѣми озерами*

(примеры – Грицкевич 2003: 64–65).

¹⁵⁶ Отсутствием словоизменения по числам эти прилагательные напоминают существительные категории *pluralia tantum, singularia tantum* (теоретически число у существительных вообще – словоизменительная категория, но некоторые из них по числу не изменяются, обладая формами какого-либо одного, определенного грамматического числа). В случае рассматриваемых счетных прилагательных можно было бы, по-видимому, принять подобную трактовку: считать, что прилагательное *дѣва* является *duale tantum*, а *трие, четыре* – *plurale tantum*. Однако нельзя не отметить, что грамматическое число, принимаемое обычным прилагательным, всегда обуславливалось синтаксически (существительным и его числом, которое могло быть различно), а счетные прилагательные по чисто семантическим причинам всегда сочетались с существительным определенного грамматического числа (при том, что по числам такое существительное могло изменяться). Так или иначе, в аспекте грамматической категории числа эти слова заметно отличались от обычных прилагательных.

Как известно, эти слова отличаются от прочих «счетных» числительных и в современном русском. Они и только они, выступая в номинативе, требуют от существительного родительного падежа единственного числа. Это произошло в результате различных процессов, запущенных, прежде всего, исчезновением двойственного числа (о чем пойдет речь ниже).

Существительные

Пять – десять

Т. П. Ломтев отмечает, что это были существительные женского рода, что подчеркивает форма выступающих при них определений:

Имена числительные от *пяти* до *десяти* функционировали в древнерусском языке в качестве имен существительных женского рода; определение при этих именах числительных подчеркивало их субстантивную природу, например: Работа *другую седмь лѣтъ*. <...> Въ *ту семь* день. <...> Он Иван взял... *другую* 30 руб. <...> А изыде *та пять лѣтъ* (Ломтев 1956: 442)¹⁵⁷.

Пять – девять в древнерусском склонялись как существительные женского рода *i-основ (*кость*) – и лишь в ед. ч., а *десять* (в качестве названия числа, являющегося основанием счета, ср.: *дѣва десяти* – 20, *три десять* – 30 и т. д.) – во всех трех числах, по основам на согласный¹⁵⁸:

Склонение *пять – девять* (только ед. ч.):

им. п.	<i>пять</i>	<i>шесть</i>	<i>седмь</i>	<i>осмь</i>	<i>девять</i>
род. п.	<i>пяти</i>	<i>шести</i>	<i>седми</i>	<i>осми</i>	<i>десяти</i>
дат. п.	<i>пяти</i>	<i>шести</i>	<i>седми</i>	<i>осми</i>	<i>десяти</i>
вин. п.	<i>пять</i>	<i>шесть</i>	<i>седмь</i>	<i>осмь</i>	<i>девять</i>
тв. п.	<i>пятью</i>	<i>шестью</i>	<i>седмью</i>	<i>осмью</i>	<i>девятью</i>
местн. п.	<i>пяти</i>	<i>шести</i>	<i>седми</i>	<i>осми</i>	<i>десяти</i>

¹⁵⁷ Однако, напр., Горшкова и Хабургаев считают древнерусское слово *десять* существительным мужского рода (склонение типа *камень*) (1981: 269). Подобной точки зрения придерживается и П. С. Кузнецов (1953: 180). Т. П. Ломтев же делает следующую оговорку: «Имя числительное *десять* в более раннюю эпоху имело значение имени существительного мужского рода, о чем говорит современная форма *двадцать*, в которой элемент *два* указывает на мужской род имени *десять*, отражающегося в элементе *-дцать*. Если бы имя числительное *десять* первоначально имело значение женского рода, то в современном русском языке мы имели бы форму *дведцать*, а не *двадцать*» (Ломтев 1956: 442).

¹⁵⁸ И. В. Устинов указывает, что в дальнейшем в склонении *десять* в некоторых падежах отразилось влияние склонения *пять – девять* (1959: 219).

Склонение *десять*:

	ед. ч.	двойств.ч.	мн. ч.
им. п.	<i>десять</i>	<i>десяти</i>	<i>десяте</i>
род. п.	<i>десяте (-и)</i>	<i>десяту (-ию)</i>	<i>десять</i>
дат. п.	<i>десяти</i>	<i>десятьма</i>	<i>десятьмъ</i>
вин. п.	<i>десять</i>	<i>десяти</i>	<i>десяти (-е)</i>
тв. п.	<i>десятью</i>	<i>десятьма</i>	<i>десятьми</i>
местн. п.	<i>десяте</i>	<i>десяту (-ию)</i>	<i>десятьхъ</i>

(Колесов 2009: 236–237).

Эти числовые существительные были главным членом словосочетания, которое во всех падежах требовало от зависимого существительного формы родительного множественного числа (Иванов 1990: 303; Горшкова, Хабургаев 1981: 268–269).

Сто, тысяча

Древнерусское *сто* представляло собой регулярное существительное среднего рода и склонялось по образцу прочих существительных среднего рода с основой на *-ō твердой разновидности (*село* и т. д.) (Иванов 1990: 304; Якубинский 1953: 220).

Тысяча в древнерусском – существительное женского рода, «склонявшееся по типу слов женского рода с основой на ā мягкой разновидности; например: *трехъ тысячахъ* (Лавр. лет.), *тремъ тысячамъ* (Новг. гр. 1314 г.), *дасть... тысящю бѣлки* (Двин. гр. XIII в.)» (Иванов 1990: 310).

Как и прочие числовые существительные, *сто* и *тысяча* в словосочетаниях с существительными, обозначающими считаемые предметы, требовали от последних родительного падежа множественного числа (Янович 2011: 160), т. е. являлись главными членами словосочетания.

Среди перечисленных выше числовых существительных (*пять* – *десять*, *сто* и *тысяча*) по числам изменялись лишь *десять*, *сто* и *тысяча*. Это были такие слова, которые служили «основанием для счета», ср., напр.:

десять vs *дѣва десяти* <двойств.>, *трие десяте*, *пять десятъ*
сто vs *дѣвѣ сътъ*, *три съта*, *пять сътъ*
тысяча vs *дѣвѣ тысящи*, *три тысячъ*, *пять тысячь*

(Колесов 2009: 233–234; примеры – Горшкова, Хабургаев 1981: 268–269).

Существительные же *пять* – *девять*, как уже упоминалось, не изменялись по числу, это были существительные *singularia tantum*.

Прочие древнерусские числовые существительные

Следует упомянуть, что в древнерусском было несколько названий чисел свыше *тысячи*, которые со временем вышли из употребления (эти числа стали выражаться либо другими словами, либо словосочетаниями): *тьма* – ‘10 тысяч’; *легионъ* – ‘100 тысяч’; *леодръ* – ‘миллион’; *воронъ* – ‘10 миллионов’. По-видимому, в разное время эти существительные обозначали числовой предел счета (т. е. не появились в языке одновременно). Л. П. Якубинский, в частности, пишет: «У русских количество числительных слов росло лишь постепенно и число-предел лишь постепенно отодвигалось все дальше и дальше. На заре писаной истории русских число-предел отошло очень далеко и равнялось числу 10 000, которое обозначалось словом „тьма“, „тъма“» (Якубинский 1953: 221). Это мнение разделяет и В. В. Колесов, указывая, что «предельное число в начале писаной истории – *тьма*», т. е. 10000 (Колесов 2009: 237)¹⁵⁹.

По всей видимости, существительные данного типа могли употребляться и как счетные единицы (изменяться по числам и соединяться с названиями меньших чисел). Например, о слове *тьма* П. Я. Черных пишет: «Для выражения понятия 10000 с давнего времени пользовались словом *тьма* > *тма*, которое в свою очередь могло употребляться как единица счета. Можно было, например, сказать не только „взято душъ боле *тъмы*“ (Ипат. сп. летописи), но и: „*двѣ тѣмѣ*“ (Апостол 1307 г., запись), „*пять темѣ* гривенъ серебра“ (I Новг. лет. по Акад. сп.) и т. д.» (Черных 1962: 239).

Словосочетания

Словосочетаниями вышеперечисленных существительных и прилагательных¹⁶⁰ в древнерусском языке выражались числа ряда 11–19, десятки (20–90), сотни (200–900) и различные многосоставные числа (напр., 121, 1415 и т. д.).

¹⁵⁹ Интересно, что еще ранее «числом-пределом была *тысяча* (ср. ст.-сл. **тысящѣта**); это слово, как число-предел, было заимствовано из какого-то германского диалекта (ср. готск. *pusundi*; др.-в.-нем. *tusund*, совр. нем. *tausend*) и первоначально обозначало тысячу, как самое большое число, как бесчисленное множество» (Якубинский 1953: 221).

¹⁶⁰ А также – слова *один*.

Словосочетания с *десять* (*десять*)

Числа от 11 до 100 обозначались с помощью различных сочетаний со словом *десять* (Черных 1962: 236).

Названия чисел 11–19 представляли из себя сочетания трех слов: числового слова *одинъ* – *девять*, предлога *на* и слова *десять* в местном падеже: *одинъ на десяте* – 11, *пять на десяте* – 15 и т. д. Причем числа эти не воспринимались как «единое целое понятие», на данном этапе это понятия типа «один сверх десяти» (или 1+10), «два сверх десяти» (2+10) и т. д. (Иванов 1990: 306–307; Борковский, Кузнецов 2006: 240).

В названиях десятков проявляются основные морфосинтаксические особенности древнерусских числовых наименований. Падежная форма существительного *десять* зависела от грамматических характеристик того числового слова, с которым оно соединялось в словосочетании. *Двадцать* первоначально – это *дѣва* + имен. пад. дв. ч. от *десять* (*дѣва десяти*), *тридцать* – *три* + имен. пад. мн. ч. от *десять* (*три десяти*) (Иванов 1990: 306–307; Борковский, Кузнецов 2006: 240). Словосочетания же ряда *пять десять* ('50') – *девять десять* ('90')¹⁶¹ – сочетания соответствующего названия 5–9 с существительным *десять* в род. пад. мн. ч. – *десять* (Иванов 1990: 308; Борковский, Кузнецов 2006: 240). Все эти словосочетания по своему строению соответствуют сочетаниям названий чисел 2–9 с любыми другими существительными: при 2–4 *десять* изменяется по падежам (оба члена сочетания выступают в одном и том же падеже), а при 5–9 слово *десять* всегда выступает в родительном множественного числа, вне зависимости от падежа первого члена сочетания (Борковский, Кузнецов 2006: 240).

В первоначальных словосочетаниях этого типа со временем оставалось только одно ударение (ударение на одном из слов первоначального сочетания), и они начинали осознаваться как слова. С этим были связаны и другие фонетические изменения. В. В. Иванов, приводя замечания Л. А. Булаховского, пишет об *одиннадцать* – *девятнадцать* следующее:

Если первоначально в сочетании *одинъ на десяте* ударение имели и *один* и *десяте*, то постепенно остается одно ударение лишь на слове *одинъ*: *одинъ-на-десяте*; в результате этого возникает редукция заударных гласных, что приводит к произношению типа *одинна(в)сать* ([дс] > [тс] > [ц]) > *одиннадцать*... Точно так же

¹⁶¹ В памятниках письменности XIV в. появляется слово *девяносто*, которое затем полностью вытеснило *девятдесятъ* (Иванов 1990: 308–309).

обстояло дело и с другими числительными этой группы, а нечто похожее произошло и при образовании числительных *двадцать*, *тридцать* (Иванов 1990: 307).

Словосочетания со *сто* (*съто*)

Названия целых чисел 200–900 в древнерусском – сочетания числовых прилагательных или существительных с существительным *съто*:

- прилагательное + *съто* в соответствующем грамматическом числе, двойственном или множественном: 200 – *дѣвъ сътъ*, 300 – *три съта*, 400 – *четыре съта*; обе части словосочетания склонялись (как и прочие словосочетания с *дѣва*, *три*, *четыре*, напр.: твор. *дѣвъма стома* и т. д.);
- существительное *пять* – *девять* + форма с род. пад. мн. ч. от *съто*: *пять сътъ*, *шесть сътъ* и т. д.

В работе П. Я. Черных выражается мнение, что в сочетаниях второго типа (*пять сътъ*, *шесть сътъ*) всегда склонялись обе части, ср.: род. *пяти сътъ*, дат. *пяти стомъ* (Черных 1962: 239), т. е. в косвенных падежах первое числовое слово не требовало от *съто* формы родит. падежа. Следует обратить внимание, что в древнерусском такой падежный контраст не был характерной чертой *пять* – *девять* в целом (см. замечания о них выше)¹⁶². Возможно, особенность эта касается лишь сочетаний со словом *съто*, которое при этих числовых словах ведет себя так, как при соответствующих числительных современного языка – обычные существительные.

Другое мнение выражают Борковский и Кузнецов, которые пишут, что форма *съто* «сохранялась при любом падеже первого члена» этих словосочетаний (Борковский, Кузнецов 2006: 240–241). Горшкова и Хабургаев также считают, что при названиях чисел 5–9 слово *съто* вело себя так же, как *десять*, т. е. «сохраняло форму Р мн. ч.», ср., напр., форму *десять* в словосочетаниях, выступающих в творительном:

дѣвъма десятъма, трѣми десятъми, пятию десятъ (ср. *дѣвъма тысячама, трѣми тысячами, пятию тысячъ*);

¹⁶² Следует также упомянуть, что древнерусские выражения типа *пять десятъ* ('50') строились типично для того периода – *десять* всегда в форме родительного падежа множ. числа. Ср., напр., родительный падеж *десять* при местн. падеже управляющего слова *девять*: *Паче нежели о девяти десятъ и девяти незаблудшихъ*. Еван. (Ломтев 1956: 444–445).

дѣвѣма сѣтома, трѣми сѣты, пятию сѣтъ (ср. *дѣвѣма селома, трѣми селы, пятию сель*) (Горшкова, Хабургаев 1981: 269).

Неизвестно, когда именно *сто* в таких словосочетаниях начало склоняться с падежным контрастом (ср. совр. *пятьсот, пятьюстами*) – имела ли место эта особенность уже в древнерусском языке или же появилась лишь позднее. Но в целом, судя по общим данным касательно числовых существительных в древнерусском языке и истории их развития, – вторая трактовка наиболее правдоподобна (контраст был бы слишком нетипичен для древнерусского периода).

Подводя итог, следует отметить, что в склонении многих современных числительных, восходящих к вышеприведенным словосочетаниям, отражается их первоначальная словосочетаемость природа. У них склоняется не только вторая, но и первая составная часть: *пятьдесят, пятидесяти, пятьюдесятью; двести, двемстам, о двехстах; шестьсот, шестьсистам, о шестьсистах, и т. д.*

2. Развитие именных числовых слов в отдельную русскую часть речи

В результате различных фонетических, морфологических и морфосинтаксических изменений первоначальные древнерусские существительные, прилагательные и словосочетания, обозначающие числа, превратились в русское числительное. Я не буду описывать этот процесс в деталях¹⁶³, а остановлюсь на одном из его аспектов, который в контексте настоящей работы считаю наиболее важным.

Самой яркой, на мой взгляд, чертой, которую все первоначальные числовые именные слова получили, став в процессе своего развития русскими числительными, является их специфическая сочетаемость с существительными (падежный контраст). Можно полагать, что слово именно тогда становилось числительным, когда получало свойство различного синтаксического поведения в прямых и косвенных падежах. Эту характернейшую черту числительных отдельно взятые лексемы развили, по всей видимости, в разное время (а значит – состав частеречного числительного расширялся постепенно). Тем не менее,

¹⁶³ С историей русских числительных (прежде всего – в морфологическом отношении) можно ознакомиться, напр., в следующих, уже цитировавшихся выше, работах: Кузнецов 1953, Ломтев 1956, Ломтев 1961, Черных 1962, Горшкова, Хабургаев 1981, Иванов 1990, Колесов 2009 и т. д.

основная масса первоначальных слов и выражений, превратившихся в русские количественные числительные, получала интересующую нас черту числительного примерно в XV–XVII вв.¹⁶⁴ Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Процесс перехода в числительное названий 2, 3, 4, которые первоначально согласовывались по форме с существительным, т. е. были прилагательными, заключался в изменениях, касающихся их номинатива (в косвенных же падежах они до сих пор ведут себя как прилагательные – как и все числительные).

Процесс происходил следующим образом. После утраты категории двойственного числа¹⁶⁵ выражение типа *дѣва стола*, «которое первоначально осознавалось как сочетание числительного *дѣва* и имени существительного *стола* в именительном падеже двойственного числа, переосмыслилось и стало осознаваться как сочетание числительного *два* и имени существительного *стола* в родительном падеже единственного числа» (по совпадению формы) (Ломтев 1956: 449). По аналогии с сочетанием *два стола* в старых словосочетаниях женского (*дѣвъ сестръ*) и среднего рода (*дѣвъ сельъ*) «форма *сестръ* и *сельъ* как форма именительного падежа двойственного числа жен. (*сестръ*) и ср. (*сельъ*) рода была вытеснена формой *сестры* и *села*, т. е. формой родительного падежа единственного числа жен. (*сестры*) и ср. (*села*) рода, а форма *дѣвъ* в сочетании *дѣвъ сельъ* была вытеснена формой *два*; так развились сочетания *две сестры*, *два села*» (Ломтев 1956: 449–450). Сочетания же *три* и *четыре* в номинативе уподобились сочетаниям *два*. Ср. первоначальные *трие* (*трѣе*)/

¹⁶⁴ При этом утрата изменения по роду у слов *три*, *четыре*, а также утрата осознания рода существительных *пять* – *десять* (напр., отсутствие сочетаемости с определяющими словами по модели *та пять льтъ*, посредством которых проявлялся бы грамматический род), также должны были произойти в период до XVIII в. Колесов, в частности, указывает, что слово *три* с XIII в. начинает склоняться исключительно по женской форме, а *четыре* – по мужской (2009: 243), т. е. изменение по родам в их случае исчезает. В случае же числительных типа *пять* – *десять* сочетания с определяющими словами с проявлением древней категории рода были возможны (ср., напр., *в каждую осьмь минут* в «Слове о происхождении света» М. Ломоносова [1756; цит. по: Борковский, Кузнецов 2006]), но в этот период были, по-видимому, уже архаичными (Борковский, Кузнецов 2006: 245).

¹⁶⁵ Ю. Н. Грицкевич указывает, что это произошло приблизительно к XIV–XV вв. Двойственное число было вытеснено множественным (2003: 65). Л. П. Якубинский пишет, что в древнерусских памятниках формы двойственного числа встречаются лишь до XIV в. включительно, а смешение форм двойственного с формами множественного числа можно найти уже в ранний период (Якубинский 1953: 171). В. В. Колесов также указывает, что «к началу XV в. завершаются категориальные изменения двойств. ч., происходят безразличные к категории числа смешения форм двойств. ч. и мн. ч.» (2009: 217), однако в целом «справедливо осторожное суждение С. П. Обнорского: точное время окончательной утраты двойств. ч. невозможно определить, поскольку идея двоичности, как особо важная в идеологическом отношении, у восточных славян сохраняется до сих пор» (214). Об истории утраты русским языком категории двойственного числа подробнее см.: Колесов 2009: 211–217.

четыре столи (муж. р., мн. ч.), *три/четыре села* (ср. р., мн. ч.)¹⁶⁶; *три/четыре руки* (жен. р., мн. ч.) vs сочетания нового образца *три стола* (как *два стола*), *три села* (как *два села*), *три руки* (как *две руки*) (450–451).

Форма родительного падежа имен существительных при числительных *три*, *четыре* в номинативе стала появляться в памятниках XVI в., а старая форма, именительного падежа мн. ч. существительного при них (*Четыре алтыны з денгою*. Судеб. 1497 г., *А три годы поживет*. Судеб. 1497 г.), продолжала употребляться до XVII в. (Ломтев 1956: 450–451). В косвенных падежах эти числовые наименования употреблялись в качестве определений уже в древнерусском (согласовывали с существительным свою словоизменительную форму) и употребляются так до сих пор. Таким образом, примерно в XVII в. эти слова стали числительными (а *два*, как следует из логики вышесказанного, – еще ранее).

Древнерусские числовые существительные, влиявшие на форму существительного, обозначающего считаемые объекты, с течением времени изменяли характер своей связи с последним в косвенных падежах. Изменения отражались прежде всего на форме существительного, с которым соединялось числовое существительное. Происходил процесс «отмирания употребления родительного падежа имен существительных при именах числительных в формах косвенных падежей» (Ломтев 1956: 443). Числовые же существительные в косвенных падежах становились атрибутивными словами¹⁶⁷, а в номинативе сохраняли за собой главную роль в словосочетании.

Так, форма родительного падежа употреблялась в древнерусском языке при всех падежных формах *пять* – *десять*. Ср. им. пад. *пять дубовъ*, род. пад. *пяти дубовъ*, дат. пад. *пяти дубовъ* (vs совр. *пяти дубам*), вин. пад. *пять дубовъ*, твор. пад. *пятью дубовъ* (vs совр. *пятью дубами*), местн. пад. *о пяти дубовъ* (vs совр. *предл. о пяти дубах*). Свидетельства того, что в косвенных падежах с этими числительными существительное перестает быть зависимым членом словосочетания, можно обнаружить уже в памятниках XV–XVI вв., напр. *Ловятъ*

¹⁶⁶ Т. П. Ломтев указал форму среднего рода, тождественную форме мужского: *трие* (*трые*) / *четыре села*, однако в прочих известных мне грамматиках приведены другие данные: средний род лексем *три* и *четыре* в древнерусском совпадал не с мужским, а с женским.

¹⁶⁷ Т. П. Ломтев пишет: «...имена числительные в косвенных падежах переходят на позицию определительных грамматических средств к соответствующей форме косвенного падежа имени существительного. Имя существительное из управляемого грамматического средства превращается в независимую грамматическую форму, с которой согласуются в косвенных падежах имена числительные» (1956: 444).

рыбу... десятью лодками, А у тебя быть въ вѣдомѣ десети челоуѣкомъ изъ дворянъ (Ломтев 1956: 443).

Подобным образом обстояло дело и с «субстантивным именем среднего рода» *сто*. В древнерусском оно требовало от существительного родительного падежа, как и все прочие слова этого типа, вне зависимости от того, в прямых ли падежах выступало словосочетание, или в косвенных: им. пад. *сѣто дубовѣ*, род. пад. *сѣта дубовѣ*, дат. пад. *сѣту дубовѣ*, твор. пад. *сѣтомъ дубовѣ*, местн. пад. *о сѣтѣ дубовѣ*. Судя по письменным памятникам, существительное при *сто* приобретает самостоятельность в косвенных падежах в XVI–XVII вв. Напр.: *Государь приказал быти въ Калуге съ Ливенѣ сту челоуѣкомъ* (дат.), *Далѣ запись во стѣх рубльѣхъ* (местн.) (Ломтев 1956: 446–447).

Так же развивалось и *сорок*¹⁶⁸:

Первоначально: *сорокъ дубовѣ*, *сорока дубовѣ*, *сороку дубовѣ*, *сорокомъ дубовѣ*, *о сорокъ дубовѣ*.

Позднее, напр.: *Челобитѣе въ сорокъ рублехъ медныхъ денегъ* (Ломтев 1956: 447).
Др. примеры¹⁶⁹:

...патриаршим сороку лошедемъ на корм рубль шесть алтын четыре денги, дано [Расходная книга Патриаршего Дворцового приказа 1640–1641 г. (1640–1641)];
...в Белегороде, во Мценску, на Ливнах, на Елце, на Осколе, на Воронеже, – всего в сороке городехъ з двора ржи по три четверика с получетвериком... [Дело Новгородского приказа о переводе (с 7188 г.) на дворовое число сбора стрелецкого хлеба в новгородском и старорусском уездах. Царский указ... (1679.09.02)].

Слова *двадцать* и *тридцать*, в древнерусском – «существительные мужского рода», а уже в памятниках XVI–XVII вв. обладают чертами числительных: *Мениши двадцати гусок, мениши тридцати утятъ, Да въ сносить въ тридцети въ пяти рубляхъ* (Ломтев 1956: 445–446).

Числительные *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят* исторически – словосочетания, в которых первое слово (существительное *пять*, *шесть* и т. д.) изменялось, а существительное *десять* во всех падежах было зависимым словом, всегда выступающим в родительном падеже мн. числа, напр.: (дат.) *Дастъ Бохмитъ комуждо по семидесятъ женъ красныхъ*; (твор.) *Волга... вътечетъ семьдесятъ жерелъ в море Хвалисское*. Это типичное для древнерусского

¹⁶⁸ В качестве названия числа '40' это слово начинает использоваться примерно в XIII в. (Колесов 2009: 238).

¹⁶⁹ Этот и другие примеры из старорусских памятников, представленные далее в данном подразделе и не отмеченные как цитата из работы Ломтева, были собраны с помощью исторического старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>).

сочетание счетного и «считаемого» существительного. (Как видим, существительное при таком числительном наименовании выступало как зависимое слово.) Ср. также пример, в котором благодаря местоимению явно видно, что *пятьдесят* использовано как существительное женск. рода:

Тою п^ятьюдеся^т рубли государь мои душу мою поминает, как ему государю бог извѣстит [Изустная память Аграфены, жены кн. Ивана Семеновича Ростовского, дочери Семена Алексеевича Лыкова (1568.12.09)].

В XVI–XVII вв. ситуация еще сохранялась (но тогда, видимо, появляются употребления, в которых существительное при этих числительных в косвенных падежах перестает быть зависимым словом: дат. *Отказал к^ъ помѣстью к^ъ п^ятидеся^т ч^еты^рямъ в его окладъ*). В XVII в. ситуация начинает постепенно меняться: «начинается употребление разных падежных форм единственного числа имени числительного *десять* в соответствии с падежными формами предшествующих имен числительных», напр.: *Болховичамъ сту п^ятидеся^ти ч^оловекомъ* (Ломтев 1956: 444–445).

Многие лексемы в период своего перехода в числительное функционировали двояко: по-старому и по-новому (подобно тому, как в современном русском языке – слово *тысяча*).

Ср., напр.:

Того же лета князь великий Юрьи ходил к немецкому городу Выбору, и биша его ш^естью пороков, и не взяша... [Пискаревский летописец (1600–1650)] – старое употребление;

Vs:

...тому де съ годъ и мениш, покупалъ онъ же Микитка табакъ у Шуянъ у Потъшки Ворошилова, да у Ѳедки Спрыги, да у Лучки Мурина п^ятью и ш^естью бумажками же... [Акты о разбоях, убийствах, грабежах, кражах и др. преступлениях, совершенных в Шуйском и Суздальском уездах. Царские грамоты в Ярославль Андрею Палицыну... (1639.08.25)] – новое употребление.

Да служилъ, есми, государю, четцкому королю Фодыналу дворянскую службу на семи коней... [И. Пересветов. Малая челобитная (1549)] – старое употребление;

Vs:

И Ерман бил челом государю князю Володимеру Ондреевичю на меня, а князь Юрьи был в те поры на службе в Галиче, и государь дал на меня пристава и он,

счетчи с росты те деньги, да взял на меня кабалу в семи рублех... [Духовная старца Елисея Васильевича Бибикова (1579–1580)] – новое употребление.

Как показывают примеры, приведенные выше, к моменту появления первых русских грамматик в XVIII в. целый ряд числовых наименований обзавелся свойством, в равной мере отличающим последние как от прилагательных, так и от существительных, – контрастом именительного (а также – сходного с ним винительного) и косвенных падежей. Это различие до сих пор является основной отличительной чертой числительных. Таким образом, в языке, описываемом в русских грамматиках XVIII–XIX вв., числительное как часть речи уже существовало (хотя по своему составу оно могло отличаться от современного, а некоторые слова в начале XVIII в. могли занимать колеблющееся частеречное положение).

VI. Понятие числительного в грамматиках церковнославянского языка Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого

Грамматики церковнославянского языка Л. Зизания и М. Смотрицкого (работы конца XVI – начала XVII в.)¹⁷⁰ были известны на территории Российского государства в XVII в. и в более позднее время, в особенности же труд последнего, который несколько раз переиздавался (в 1648, 1721 гг.) (Кузьминова, Ремнёва, 2000: 17). А грамматика Зизания – как указывает Е. А. Кузьминова – «первая грамматика славянского языка» (1996: 4) – была известна в Российском государстве первой половины XVII в. в виде нескольких редакций и списков (зачастую – текстологически в той или иной мере отходящих от оригинала)¹⁷¹. Для великорусских книжников грамматическая работа Зизания оказалась «первой встречей с принципиально новым типом грамматического описания, реализующим иное, отличное от их собственного, отношение к литературному языку, иную лингвистическую идеологию» (Кузьминова 1996: 4).

Следует отметить, что церковнославянский язык в языковых системах Московской и Юго-Западной Руси конца XVI – начала XVII в. занимал различное положение. Первоначально – в Древней Руси, до второго южнославянского влияния – имела место ситуация церковнославянско-русской диглоссии (Успенский 1983)¹⁷². Позднее политическое и культурное размежевание Московской

¹⁷⁰ Грамматика Л. Зизания вышла в 1596 г. в Вильне, а труд М. Смотрицкого – в 1619 г. в Евье. Я пользовался переизданием этих работ, опубликованным в книге «Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого», сост. Е. А. Кузьминова, Москва, 2000. Тексты обеих грамматик воспроизведены в ней по первым изданиям (1596 г. и 1619 г. соответственно), с соблюдением орфографии и пунктуации оригинала.

¹⁷¹ В работе Кузьминовой упоминаются 7 таких текстов (1996: 4, в сноске).

¹⁷² Суть этого явления состоит в том, что две разные языковые системы (в данном случае – церковнославянская и русская) сосуществовали друг с другом и при этом не пересекались в использовании,

и Юго-Западной Руси (которое примерно совпало со временем второго южнославянского влияния) привело и к различной языковой ситуации на этих землях. В Московской Руси сохраняется диглоссия, хотя она уже не структурная, как в более ранний, древнерусский период¹⁷³, а чисто функциональная: церковнославянский по-прежнему не может употребляться в случае, когда употребляется русский язык, и наоборот. В Юго-Западной же Руси того периода имеет место ситуация двуязычия: церковнославянский язык и «проста мова» могут использоваться в одних и тех же случаях и в этом смысле они конкурируют друг с другом¹⁷⁴.

т. е. функции этих систем находились «в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглоссийной) ситуации» (Успенский 1983: 82). В этой ситуации «разные контексты соотнесены с разными языковыми системами», а эти системы воспринимаются членами языкового коллектива как один язык (83). Церковнославянский воспринимается и функционирует как книжная, а русский – как разговорная разновидность одного и того же языка. Диглоссия отличается от двуязычия, в случае которого каждая из двух систем может использоваться в любом контексте (в одинаковых контекстах) и они в каком-то смысле конкурируют друг с другом. Для диглоссии же характерен запрет на употребление одного языка в ситуации, когда предполагается употребление другого. Невозможен был перевод сакрального текста на разговорный язык, а также появление такого написанного на книжном языке текста, специфика которого предполагала бы использование языка разговорного. Невозможно было появление параллельных текстов, а кроме того отсутствовала пародия как литературный жанр. Лишь книжный язык был кодифицирован, не книжный же не может быть кодифицирован в принципе, так как он воспринимается как отклонение от нормы – отклонение, обязательное для использования в определенных контекстах (Успенский 1983: 83–84).

¹⁷³ Успенский отмечает, что в древнерусский период (до второго южнославянского влияния) между церковнославянским и русским языками трудно провести четкую лексическую границу. Если русское слово соответствовало формальным правилам церковнославянского языка, оно могло быть просто заимствовано в церковнославянский в том виде, в котором функционировало в русском языке, если же нет, то преобразовывалось в соответствии с определенными правилами, т. е. вводились отличия от русской формы на морфемном уровне: форма корня, словообразовательный формант, флексия (Успенский 1983: 85–86). На этом этапе различия между церковнославянским и русским языками проявлялись преимущественно на фонетическом и грамматическом уровнях, т. е. эти языки были противопоставлены не в целом, а лишь по отдельным признакам, причем отличия можно было сформулировать в виде определенных общих правил (Успенский 1983: 89). В результате второго южнославянского влияния проходит процесс очищения церковнославянского языка от разговорных элементов (заимствований из разговорного русского) – их сознательно заменяют неославянизмами. В этот период заимствование элементов живой речи в церковнославянский становится принципиально невозможным (Успенский 1983: 85–88), и книжный церковнославянский язык заметно отделяется от разговорного языка (в частности, в результате появления заметных отличий лексических систем).

¹⁷⁴ С одной стороны, отсутствует характерный для диглоссии строгий запрет на использование церковнославянского языка в определенных, разговорных ситуациях (напр., он используется как средство устного общения в братских школах), появляются пародийные литературные тексты на церковнославянском. С другой стороны – в качестве книжного, литературного может выступать не

В Московской и Юго-Западной Руси, реализующих разные культурные модели, по-разному воспринималась и проблема изучения церковнославянского языка. Великорусской культурной модели в период до XVII в. (до экспансии юго-западнорусской культуры) свойственно негативное отношение как к возможности порождения новых текстов на церковнославянском языке, так и к углубленному изучению и описанию его грамматики; культурная модель Юго-Западной Руси не вносила ограничений такого рода (Успенский 1983, 1988, также Кузьмина 1996, Кузьмина, Ремнёва 2000)¹⁷⁵. Вследствие этих культурных и «идеологических» особенностей первые грамматики церковнославянского языка появляются именно в Юго-Западной Руси. И лишь затем, в первой половине XVII в., они проникают в Русь Московскую.

Церковнославянские грамматики Зизания и Смотрицкого лежали у основ русской грамматической традиции и используемого в лингвистике метаязыка¹⁷⁶. Поэтому данные грамматические тексты мы рассмотрим здесь подробнее.

только церковнославянский, но и «проста мова» (изначально – канцелярский язык Юго-Западной Руси, позднее ставший литературным языком). В XV–XVI вв. появляются и переводы на «простую мову» текста Св. Писания (Успенский 1983: 100). Успенский отмечает, что церковнославянско-русское двуязычие в Юго-Западной Руси калькирует латинско-польское двуязычие, существовавшее в Польше (Успенский 1983: 93–97).

¹⁷⁵ В статье «Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI–XVII вв.)» Б. А. Успенский (Успенский 1988) продемонстрировал, что глубокое изучение гуманитарных наук (в том числе – и грамматики) осуждалось многими русскими книжниками, жившими в рассматриваемый период. Такая наука воспринималась как уведующая от истинного христианства. Считалось, что для изучения книжного (церковнославянского) языка следовало заучивать наизусть канонические тексты (Успенский указывает, что при обучении церковнославянскому наизусть заучивались Псалтирь и основные молитвы). Другими словами, применялось пассивное усвоение церковнославянского языка, ориентированное прежде всего на понимание существующих текстов, а не на порождение новых. Явным образом описанные грамматические правила могли бы превратить сакральный церковнославянский язык в инструмент, который можно использовать для выражения ложного содержания. Опираясь на исследования Б. А. Успенского, Кузьмина также считает, что доминирующее в Московской Руси отношение к церковнославянскому языку как средству выражения Богооткровенной истины исключало саму возможность существования системы правил порождения новых текстов (Кузьмина 1996: 3–4). Под знанием церковнославянского языка на территориях Московской Руси подразумевалось прежде всего пассивное владение им (способность воспринимать тексты, но не способность продуцировать речь).

Юго-западнорусская культура того периода ориентировалась на совершенно иную, западную концепцию знания языка и понимания текста. Успенский пишет, что «в этой концепции... понимание текста предполагает возможность его интерпретации (пересказа своими словами), а знание языка – активное им владение» (Успенский 1983: 106). Грамматика могла служить одним из инструментов, позволяющим достигать такого рода владения языком.

¹⁷⁶ Следует подчеркнуть, в частности, что работа Смотрицкого была известна В. Адодурову и М. Ломоносову, авторам одних из первых грамматик русского языка.

В работе Зизания представлено восемь частей речи (это число соответствует классической традиции): несколько искусственно, под влиянием греческих грамматик, выделенное «различие» (с сегодняшней точки зрения – это относительные местоимения¹⁷⁷), имя, местоимение, глагол, причастие, предлог, наречие, союз. Имя у Зизания определяется по семантическим и морфологическим признакам: это название вещи, или же склоняемая часть речи, которая обозначает вещь, а не то, что делается или испытывается на себе: «Имѣ ѣтъ наречіе вѣщи», «Имѣ ѣтъ часть слова скланѣма, ѣже вѣщи знаменуѣтъ, не дѣлати же что нѣи страдати» (Зизаний 2000: 46). Далее же имя делится на «собственное» (напр., *Яков, Илия* и т. д.), которое «ѣдиной тоѣмъ вѣщи слѣдѣтъ», и «нарицаемое», которое «ѣтъ многимъ вѣщамъ». Имена нарицаемые делятся на «осуществленные» («ѣмѣ не мѣже приложити, мѣже, женѣ, животноѣ. ѣко, чѣхъ. конь. поле»¹⁷⁸) и «прилагаемые» («ѣмѣже мѣчимъ прилагати, мѣже, женѣ, животноѣ. ѣко, мѣрый. бѣлый. черныи») (Зизаний 2000: 46–47).

«Имя числительное» не было учтено в вышеприведенной классификации. Тем не менее, слова такого типа упоминаются в самом конце раздела, посвященного именному склонению. Как отмечают Е. А. Кузьмина и М. Л. Ремнёва, принадлежность имени к одному из десяти выделяемых Зизанием склонений устанавливается, по существу, «двумя правилами: в зависимости от рода и характера флексий в И и косвенных падежах» (2000: 12).

Замечания об имени числительном в тексте грамматики даны в подразделе о 10-м склонении, что является, по-видимому, лишь некоей условностью. Слова ряда *ѣдинъ, двѣ, трѣ, чѣтыри...*, к которым у Зизания относится термин «числительное», образцам 10-го склонения вряд ли соответствуют¹⁷⁹. Возможно,

¹⁷⁷ В. Нимчук пишет: «„Различіа“ (тобто артикля), що визначається як „части слова скланѣма, по(д)чинаема скланѣмымъ именамъ“..., в церковнослов'янській мові не було. Як окрему категорію артикль введено під впливом ґраматик грецької мови, насамперед львівської 1591 р., та відомої статті „Осьмъ честиі слова“. До грецького (власне постпозитивного) артикля, як і в попередніх названях працях, прирівняно церковнослов'янський відносний займенник *іже, яже, еже*, який провіднювано за родами (в межах кожного роду автор налічує по десять окремих форм, що виступають у різних відмінках), числами, відмінками. Мовознавець свідомо оминає препозитивний артикль як категорію, зовсім чужу слов'янській мовній системі» (Німчук 1980: 32–33).

¹⁷⁸ Пунктуация в этой и других цитатах из грамматик Зизания и Смотрицкого дается в соответствии с используемой в издании 2000 года (если не указано иначе).

¹⁷⁹ В 10-е склонение Зизаний включает мужские имена на -ой, -е, -ей, в родительном («рѣдном») и винительном ед. ч. оканчивающиеся на -ѣ, в дательном – на -ю и -и, в творительном – на -ем и на -ом, в звательном – на -е и на -ю (Зизаний 2000: 64). Приведенные автором примеры: *Нѣи/Нѣе, іерей, а также гнои, лѣи*.

ученый считает числительное некими нерегулярно изменяющимися словами, и, несколько упрощая вопрос, вписывает их как исключения в состав того склонения, которое в его работе оказалось представлено последним. С другой стороны, замечания Зизания о числительных можно воспринимать и как добавочный комментарий к разделу об имени в целом (хотя граница между этим комментарием и предшествующими ему рассуждениями о 10-м склонении никак не обозначена¹⁸⁰).

В Грамматике непосредственно приводятся парадигмы лишь двух числительных: ѣдѣнѣ и двѣ¹⁸¹. Зизаний указывает, что подобным образом (так же, как ѣдѣнѣ и двѣ) склоняются и остальные числительные – «...трѣи, четѣири, пѣтъ, шѣсть, ѣмѣи, ѣмѣи, дѣкатъ, дѣсѣтъ...» и прочие¹⁸² (Зизаний 2000: 65). Вряд ли, однако, это так¹⁸³. Трудно не заметить, что различий в словоизменении у слов этой группы во многих случаях больше, чем сходств. При тех различиях в словоизменительных парадигмах, которые можно наблюдать между отдельными церковнославянскими числительными (ср., напр.: ѣдѣнѣ vs двѣ, ѣдѣнѣ vs четѣири, пѣтъ vs тѣи҃ща и т. д.), рассмотрение их как слов со сходным склонением как минимум не оправдано. Возможно, однако, что Зизаний заранее принял установку, что слово данной группы нельзя отнести ни к одной из выделенных им десяти схем склонения имени, и под словоизменительным тождеством числительных имеется в виду именно это. В действительности же словоизменение

В современных лингвистических работах указывается, что данные слова изменяются по образцу склонения существительных с основой на *-ō/*-jō мягкого варианта, к которому относятся также слова мужского и среднего рода типа крѣи (< *kraǰ-ō-s), кѣи (< *kōǰ-ō-s), мѣи (< *mōǰ-ō-n) и т. д. (см., напр., Алипий 1991: 43–44; 48). У Зизания же эти слова оказались разбросанными по разным склонениям: слова типа кѣи и мѣи относятся к шестому, а слова типа крѣи оказались вне системы склонений, которую ученый представил в своей грамматике, т. к. они не соответствуют условиям, по которым слово можно отнести к тому или иному конкретному склонению имен существительных.

¹⁸⁰ В первом издании работы (Зизаний 1596) текст о числительном начинается в виде обычного нового абзаца.

¹⁸¹ Грамматист указывает, что формы ѣдѣнѣ – единственного числа, а двѣ – двойственного. Однако непонятно, как именно автор интерпретирует этот факт: являлись бы они, с его точки зрения, двумя лексемами, не изменяемыми по грамматическому числу (с приписанной им неизменяемой характеристикой грамматического числа), или же это одна лексема, изменяемая по числу (супплетивизм). Второе, как кажется, менее вероятно, однако не исключено.

¹⁸² Числительные, обозначающие числа 20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100, 1000, приведенные в грамматике Зизания как примеры, обозначены принятыми в церковнославянской письменности буквенными знаками: ѿ, ѿ и т. д.

¹⁸³ Неправильность утверждения Зизания отмечает, напр., и В. Нимчук в работе «Систематичний підручник церковнослов'янської мови „Грамматика словенска“ Л. Зизанія» (Нимчук 1980: 39).

многих числительных сходно с прочими именами, напр., **ты́саца, пѣтъ** склоняются по образцу существительных определенных типов.

У Зизания числительное – это категория, которая, по большому счету, вынесена за скобки основного описания. Можно сказать, что числительное у Зизания – это последнее из имен, и в прямом (расположение их описания в грамматике), и в переносном смысле (числительное не упомянуто при рассуждениях о типах имен и довольно обобщенно и схематично описано далее).

Разнообразие разрядов, объединенных под общим названием «числительное», появится лишь в будущем, а в первых церковнославянских грамматиках числительное понималось намного уже. Как отмечалось выше, Зизаний называет «числительным» лишь то, что сегодня называется количественным числительным. В современной «традиционной» грамматической схеме церковнославянское числительное получило несколько иной вид. Примером может служить числительное в «Грамматике церковно-славянского языка» иеромонаха Алипия (Гамановича)¹⁸⁴. Части речи у Алипия выделяются на основании

¹⁸⁴ Тексты Зизания и Смотрицкого целесообразно, по моему мнению, сопоставить с современными русскими грамматиками церковнославянского языка. Такое сравнение показывает, насколько разным может быть представление одного и того же предмета – в зависимости от принятой автором концепции, грамматической схемы. Для этой цели мной была выбрана грамматика, составленная иеромонахом Алипием (Гамановичем). Работа была опубликована в 1964 г. (я пользовался репринтным изданием 1991 г.). Алипий составил свою грамматику по-русски и для русского читателя. Текст носит учебно-справочный характер, и, как следствие, Алипий пользуется метаязыком русских грамматических описаний. Последний применяется не только в учебниках по русскому языку, но и, напр., в учебных пособиях по иностранным языкам для русских читателей. Грамматическая схема – характерная «школьная», по крайней мере в части числительного.

Церковнославянский, описываемый у Алипия, при ближайшем рассмотрении вряд ли оказался бы полностью идентичным анализируемому в текстах ученых XVII в., но, тем не менее, в настоящей монографии мы будем рассматривать обе версии в качестве одного и того же объекта.

Как известно, у церковнославянского языка нет разговорной или просторечной разновидности, он исключительно «литературный», язык богослужений и богослужебных текстов, и поэтому на протяжении веков он не был подвержен таким изменениям, каким подвергается обычный естественный язык. С другой стороны, он использовался на огромной территории, которую населяли разные православные народы. Его произношение подвергалось влиянию местных языков, в церковнославянском языке, используемом на разных территориях, появлялись различия в нормах на грамматическом уровне и в плане написания. Как следствие, выделяются разные его изводы. Грамматики Зизания и Смотрицкого описывают и нормируют извод церковнославянского языка, функционировавший в Юго-Западной Руси в конце XVI – начале XVII в., иеромонах же Алипий (Гаманович) в своей «Грамматике церковно-славянского языка» – язык, используемый в богослужениях современной Русской православной церковью. Гаманович пишет, что этот извод «...окончательно сформировался к середине XVII в. После этого грамматическая сторона церковнославянского языка не менялась...» (Алипий 1991: 14). (Здесь и далее орфография русского текста приведена мной в соответствие с новой – работа Алипия написана с использованием дореформенной.)

смысловых характеристик, и их девять¹⁸⁵. Именами числительными у Алипия (традиционно для русских грамматик) «называются слова, обозначающие количество или порядок предметов» (1991: 82). Кроме «количественных»¹⁸⁶, в работе Алипия выделяется несколько других «разрядов» церковнославянского имени числительного:

- порядковые, определяемые как числительные, «указывающие на порядок предметов, в каком они располагаются» (Алипий 1991:82);
- собирательные (ѿбоѿ, трѿѿ),
- кратные (ѣдинократный, двократный, ѿгъбый),
- дробные (полъ, четвърть, десѣтина)¹⁸⁷.

И еще конкретнее: «...настоящая церковнославянская грамматика является грамматикой церковнославянского языка, который сформировался к середине XVII в.» (Алипий 1991: 16). Таким образом, между описаниями Зизания, Смотрицкого и современной грамматикой иеромонаха Алипия разница в несколько столетий, а варианты церковнославянского языка, описанные в них, функционировали примерно в одно и то же время.

¹⁸⁵ Алипий представил общее деление лексики на части речи следующим образом:

«Слова во всем своем разнообразии, являясь отражением действительности, выражают разное значение. Они могут обозначать предметность, качество, действие, количество, либо выражать связь между понятиями и т. д.; и в зависимости от этого значения все слова разделяются на особые разряды, которые называются *частями речи*.

Частей речи девять: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, имя числительное, глагол, наречие, предлог, союз, междометие» (Алипий 1991: 34).

¹⁸⁶ Это «числительные, обозначающие количество предметов (на вопрос: сколько?)» (Алипий 1991: 82), т. е. слова *ѣдинъ*, *два* и так далее.

¹⁸⁷ Заметим, что подход иеромонаха Алипия к выделению кратных и дробных числительных носит явно выраженный смысловой характер, соответствуя «школьному», традиционному взгляду на эту часть речи.

Во-первых, числительными этих двух групп он называет также и определенные словосочетания, которые должны разбиваться далее, т. е. рассматриваться как несколько отдельных лексем, и понятие части речи должно применяться именно к ним, а не к словосочетанию в целом:

«Кратные и дробные числительные обычно состоят из чисел количественных или порядковых и слов „крат“, „часть“:

Кратные: *пѣтъ кратъ*, *шестъ кратъ*; *ѣдинократный*, *двократный*, *трѣократный*...

Дробные: *ѣдина часть*, *двѣ части*, *трѣи части*; *перваѣ часть*, *втораѣ часть*, *десѣтаѣ часть* и т. д., а также: *полъ*, *четвърть*, *десѣтина*» (Алипий 1991: 93).

В кратных «числительных»-словосочетаниях соответствующим образом склоняется количественное числительное, а слово *кратъ* остается без изменений, в дробных-словосочетаниях склоняется и числительное (порядковое) и слово *часть* (1991: 93–94).

В случае же однословных числительных Алипий напрямую указывает на идентичность их склонения со склонением существительных или прилагательных: «Кратные числительные с окончаниями прилагательных склоняются по образцу прилагательных», а дробные числительные «*полъ*, *четвърть*, *десѣтина* – по образцу имен существительных» (1991: 94). Иными словами, при применении флексивного, а не семантического, критерия многие однословные кратные и дробные числительные слились бы с именем прилагательным или же с существительным.

В классификации Зизания такие понятийные категории не применялись, а значит, слова этих групп – если бы мы воспользовались его грамматической системой – должны были войти в те или иные склонения имени (на основании соответствия тому или иному словоизменительному образцу).

Таким образом, «числительное» у Зизания считается подвидом имени (хотя неясно, как оно соотносится с существительными и прилагательными) и понимается довольно узко (приведены лишь такие примеры, которые сегодня были бы отнесены к количественным числительным).

Следует добавить, что Зизания, грамматика которого вышла в 1596 г., вряд ли можно считать непосредственным создателем термина «числительное»: этот термин используют и авторы «Адельфотеса», написанного в 1588 и опубликованного в 1591 г.¹⁸⁸ В обеих работах «числительными» названа одна и та же группа имен: слова ряда *ѣдинъ, двѣ... чѣтыригѣ... тѣмъца...* (в современной традиционной терминологии – количественные числительные).

Рассмотрим, как с «числительным» Зизания соотносится «числительное» в грамматике Смотрицкого.

Так же, как у Зизания, у Смотрицкого «числительное» – это все еще не часть речи, а один из подвидов имени, но у Смотрицкого этот подвид намного более определенный – он оговаривается в классификации частей речи в начале раздела о морфологии (*О БѢТІОЛОГІИ*).

У Смотрицкого имя разбивается на «нарицательное» и «собственное» (так же, как и у Зизания¹⁸⁹), «нарицательное» – на «существительное», «прилагательное» и «собирательное»¹⁹⁰. «Прилагательное» же разбивается на несколько подвидов, определенных в классификации характеристиками, которые в упрощении можно назвать смысловыми¹⁹¹, и именно эта часть классификации частей речи Смотрицкого интересует нас больше всего:

¹⁸⁸ «Адельфотес» (1591) представлял собой, по сути, параллельное изложение двух грамматик: церковнославянской и греческой. Книга была составлена учениками и преподавателями Львовской братской школы, в которой велось обучение обоим этим языкам. Причем в создании грамматики мог принимать участие и Зизаний (Німчук 1985: 45). Нельзя исключать, что в дидактической практике братских школ, по крайней мере Львовской, термин «числительное» использовался и ранее, до выхода «Адельфотеса».

¹⁸⁹ У Зизания «нарицательное» названо «нарицаемым» и несколько иначе определено, но это, тем не менее, явно одна и та же категория.

¹⁹⁰ «Прилагательное» и «существительное» прямо противопоставлены друг другу: прилагательное «может быть приложено», а существительное – нет. Собирательное – это имя, которое *ѣдинственнымъ числомъ множествомъ знаменѹетъ: ѥкѡ бѡгѡмъ/спѣра/ днѣ/ кѡмѣнѣ/ брѣтѣмъ/ стѣбѣмъ/ зѣлѣмъ: ѥ проч.*» (Смотрицкий 2000: 156).

¹⁹¹ Но, например, «совершенные» и «отыменные» отличаются друг от друга скорее на основе словообразования: вторые происходят от нарицательных имен (такие, как прил. *жѣлѣзный, дѣвѣяный*), первые же «в себе состоят» (прил. *крѣпкій*).

Первыи¹⁹² раздѣлѣніемъ Прилагательное ѣсть двѣягоудѣо: Совершенное, Ѡтчименное, Числительное, Чинительное, Вопросительное, Ѡбщительное: Притажателное, Ѡтѣчетное и Изыческое (Смотрицкий 2000: 156)¹⁹².

«Числительное» Смотрицкого (то, что называется этим термином) – это «прилагательное» с определенной семантикой, а именно: «прилагательное», обозначающее число (но не порядок предметов при счете). «Числительное» у Смотрицкого тождественно по своему объему «числительному» Зизания. В современной классификации – это лишь слова, являющиеся количественными числительными (сѣдмь, тридѣать, сто и т. д.). Те слова, которые Алипий считает порядковыми, собирательными, кратными числительными, в этот класс не входят.

Второй факт, на который следует обратить внимание: слова, в русской грамматической традиции, в частности у Алипия, называемые «порядковыми числительными», Смотрицкий выделяет среди видов своего «прилагательного», но под совершенно иным названием – «чинительного». Чинительные, как пишет Смотрицкий, обозначают число, «расположенное по порядку»:

Чинительное ѣсть, ѣже число чинѣне расположено знаменѣтъ: ѡко, первый, второй/ третій: и проч. (Смотрицкий 2000: 156–157).

Факт появления категории порядкового числительного (названного «чинительным») в ранней грамматической работе представляется нам крайне важным – с учетом трактовки слов этого типа в первых русских грамматиках, написанных с опорой на работу Смотрицкого. Семантически «чинительные» могли бы и не выделяться как отдельный вид прилагательных¹⁹³, а морфологически они сливаются с парадигмами других прилагательных 1-го «чина» (подвида) 5-го склонения, в котором Смотрицкий обобщил парадигмы прилагательных некоторых типов, включая и «чинительное» (Смотрицкий 2000: 227)¹⁹⁴.

¹⁹² Пунктуация здесь дана в соответствии с современной русской. В первом издании грамматики Смотрицкого перечисляемые в данном фрагменте типы прилагательных были представлены в виде списка, обозначенного знаком охватывающей его фигурной скобки.

¹⁹³ Само представленное Смотрицким разделение прилагательных (совершенное, Ѡтчименное, числительное, вопросительное, Ѡбщительное, притажателное, Ѡтѣчетное, изыческое, чинительное) с нашей точки зрения слегка хаотично и, как минимум, не очевидно, в нем нет единого принципа. «Чинительное» в такой классификации могло бы и не появиться.

¹⁹⁴ Алипий также указывает: «Порядковые числительные склоняются правильно по образцу полных прилагательных...» (1991: 92).

Отразилась ли трактовка «числительных» (количественных) в качестве подвида прилагательных на их грамматическом описании¹⁹⁵? Кузьминова и Ремнёва пишут, что в Грамматике Смотрицкого пять типов склонения – «четыре склонения существительных и одно прилагательных» (Кузьминова и Ремнёва 2000: 12)¹⁹⁶. В 5-м склонении Смотрицкий выделяет 3 подтипа («чина»), которые объединяют в себе «прилагательные» следующих разновидностей: 1) *совершённое, ѿчтѣнное, числительное, чинительное, вопросительное, ѿвѣщательное*, 2) *ѿтчѣненное*¹⁹⁷/*притяжательное*, 3) *ѿтѣстѣнное, ѿзъическое*; кроме того, выделяется парадигма имен нарицательных «подобных женским прилагательным» (Смотрицкий 2000: 227).

Анализ материала Грамматики показывает, что ни «склонение», ни «чины склонения» у Смотрицкого нельзя понимать как некий единый словоизменительный образец¹⁹⁸. Слова объединены в 5-м склонении не потому, что у них сходные парадигмы (достаточно сказать, что ни о каком единообразии нельзя говорить даже в рамках одной лишь группы – «числительных»), а по каким-то другим соображениям¹⁹⁹.

¹⁹⁵ Мы здесь коснемся лишь части о словоизменении. Однако следует отметить, что в работе Смотрицкого можно найти и некоторые замечания о чертах числительного в аспекте синтаксиса словосочетаний.

¹⁹⁶ Имеется в виду существительное и прилагательное в понимании Смотрицкого.

¹⁹⁷ Понятие «отчеименное» первый раз появляется в работе при определении чинов 5-го склонения (Смотрицкий 2000: 227). При классификации имен прилагательных (156) этот термин Смотрицким не используется.

¹⁹⁸ Так этот термин нередко используется у Алипия, напр.: «Склонение прилагательных с основой на гортанный» (1991: 74), «1-е склонение» имен существительных и два его типа: «мягкое» и «твёрдое» (1991: 43).

¹⁹⁹ Мне кажется, суть их в том, что количественные и порядковые («числительные» и «чинительные») Смотрицкий воспринимал как нечто очень близкое друг другу. Поскольку порядковые – более регулярные слова в словоизменительном плане, именно их черты могли предопределить, какова оказалась общая трактовка этих двух групп. Подход этот во многом схож с тем, который можно наблюдать в современных работах. Однако если сейчас многие пытаются искусственно вписать определенный вид прилагательного в числительное (отождествить порядковые с количественными, не обращая внимание на разительное грамматическое сходство, вплоть до тождества, порядковых с прилагательными), то в случае Смотрицкого все обстояло ровно наоборот: числительные ученые пытаются рассматривать как прилагательные, одним из видов которого безусловно являются порядковые. В обоих случаях можно наблюдать попытку искусственно, несмотря на противоречие в фактах, вписать явление в заранее заданную грамматическую схему. Объединение в одном склонении количественных («числительных») с одной стороны, и «совершенных» (*бл҃гїи*), «вопросительных» (*какѡбѣ*) и т. д. – с другой, напоминает, по сути, объединение «числительных» с существительными типа *Нѡи́/Нѡѣ*, *їерѣи́*, которое мы отмечали у Зизания. Но между этими, казалось бы, совершенно разными явлениями – прилагательными и числительными –

«Числительному» в разделе о 5-м склонении уделено довольно много внимания. Причем, несмотря на то, что эта разновидность «прилагательного» в полном составе включена в 1-й «чин», рассматривается она отдельно от него, в самом конце описания 5-го склонения, после описания 1, 2 и 3-го «чинов» (к этому мы еще вернемся).

Говоря о словоизменении «числительных», Смотрицкий приводит числительные от *ѣдинѣ* ('1') до *ѣднѣнадесяти* ('11'), названия целых десятков от 20 до 90 (*двѣдесѣть* – *дѣвѣдесѣть*), затем сотен от 100 до 900 (*сто* – *дѣвѣстѣ*), названия целых тысяч от 1000 до 9000 (*тысяща* – *дѣвѣть тысящъ*), а также *тма* ('10 000') и *легеѣнѣ* ('1 000 000') (Смотрицкий 2000: 252–256). Смотрицкий выделяет некоторые подтипы склонений «числительного», в том смысле, что указывает, как склоняется данное «числительное», и пишет, что так же склоняются некоторые другие.

Обратим внимание на то, что в некоторых случаях образцы словоизменения слов этого «склонения» совпадают с образцами словоизменения других «склонений» имени.

Во-первых, описывая склонение «числительных прилагательных» *тма* и *легеѣнѣ*, Смотрицкий прямо указывает, что они склоняются так же, как имена существительные некоторых других, выделенных им же, склонений: «*Тма, ѣкѡ/ дѣва: Легеѣнѣ, ѣкѡ/ гѣрѣмѣ*» (2000: 256; подчеркнуто мной. – М. Д.). *Дѣва* – это первое склонение (171–172), *гѣрѣмѣ* – второе (186)²⁰⁰. Здесь слова с одинаковым словоизменением представлены как слова двух разных «склонений» имени: некоторые считаются «прилагательными» «числительными» (напр., *тма*), а некоторые – «существительными» (напр., *дѣва*); при этом многие «числительные» с фактически совершенно разным склонением отнесены к одному и тому же склонению, более того – к одному и тому же его подтипу (*ср. ѣдинѣ и сто*)²⁰¹.

есть некое промежуточное, объединяющее их звено. Слова типа «красивый» и «сто» объединяет, по-видимому, слово «сотый» (порядковое прилагательное).

²⁰⁰ Словоизменительные парадигмы этих существительных приводятся Смотрицким в качестве примеров, иллюстрирующих образцы соответствующего склонения.

²⁰¹ Данный пример еще раз подтверждает, что при выделении класса «числительного прилагательного» и определении того, принадлежит ли ему данная лексема, словоизменительный критерий у Смотрицкого – абсолютно второстепенный. Важнейшую же роль играет, по-видимому, другой – семантический или сочетаемостно-синтаксический. При несоответствии регулярным парадигмам прилагательных первого чина, приведенным у Смотрицкого (2000: 228–236), и соответствии второму критерию слово все равно попадает в «прилагательное» первого чина 5-го «склонения» (куда приписаны все «числительные прилагательные»).

Во-вторых, некоторые другие числительные также склоняются как существительные, хотя сам Смотрицкий на это прямо не указывает. Так, иеромонах Алипий отмечает, что словоизменение многих церковнославянских числительных совпадает с существительными различных склонений²⁰², в частности, **пѣтъ – дѣѡтъ, шѣѡ, тѣѡща**:

- «Числительные от **пѣтъ** до **дѣкѣтъ** склоняются по образцу существительных 3-го склонения (**кѡрътъ**), обычно только в единственном числе» (Алипий 1991: 84).
- «Числительные на -а (**ты́лѣца**, **тъмѣ**) склоняются по второму склонению; числительные на -ѣ, -ѡ (**лѣгѡвѣнѣ**, **лѣѡдрѣ**, **гѣѡ**) склоняются по 1-му склонению...» (84–85; подчеркнуто мной. – М. Д.).

Таким образом, если мы сравним образцы склонения отдельных «числительных» с представленными в работе Смотрицкого регулярными образцами 1-го чина 5-го склонения (регулярно склоняемыми прилагательными), мы неизбежно приходим к следующему выводу: «числительные прилагательные» удерживает вместе, как группу, не флексивный критерий, и попали они в «прилагательные» по иным, не словоизменительным, соображениям.

Вообще, объединение семантико-словообразовательных категорий прилагательного, выделенных у Смотрицкого, в словоизменятельные типы (чины склонения), по большому счету могло опираться лишь на факт, что в словоизменятельном отношении прилагательные одного словоизменятельного «чина» идентичны или в большой степени сходны. В этом, по-видимому, отдавал себе отчет и сам Смотрицкий, который в грамматике описывает словоизменятельно разнообразное числительное отдельно – под отдельным подзаголовком, в конце раздела о 5-м склонении, после описания парадигм словоизменения всех трех чинов (при этом числительные, по определению самого же Смотрицкого, должны принадлежать к первому из них).

Важно еще раз отметить, что к 1-му чину 5-го склонения у Смотрицкого относятся не только «числительные» (количественные числительные), но и «чинительные» (порядковые числительные). «Чинительные» в плане флексии довольно однородны и регулярны. Они упоминаются лишь в общем описании первого чина, а среди слов, на примере которых рассматривается склонение, – уже не приводятся.

²⁰² Существительными в его понимании – но по своему объему это понятие примерно совпадает с существительным Смотрящего.

В грамматике Смотрицкого определенное внимание уделено и склонению ряда слов, которые Алипий называл «собирательными числительными»: *ѡбѡй*, *чѣтвѣро*, *пѣтѣро* и т. д. (Смотрицкий 2000: 249–251). Однако у Смотрицкого эти слова не выделены в отдельную категорию прилагательного (в отличие от «чинительных» и «числительных»). Единственное, что говорит о них Смотрицкий, – это то, что это некие нерегулярные случаи (*ѡтѣроклѣта*) 5-го склонения. Они рассматриваются после описания регулярных парадигм 5-го склонения всех трех чинов, непосредственно перед «числительным», но, тем не менее, не включены в него, несмотря на их явное семантическое и словообразовательное родство (более того – полное соответствие этих слов определению «числительного»). Смотрицким выделяются фактически два типа этого склонения: *ѡбѡй*, *ѡбѡа*, *ѡбѡе* и *трѡй*, *трѡа*, *трѡе* склоняются как *ѡбѡй*, *ѡбѡа*, *ѡбѡе* (склонение которого приводится в качестве примера), *пѣтѣро* и выше²⁰³ – как *чѣтвѣро*. (У слов типа *чѣтвѣро* есть только формы среднего рода и отсутствуют парадигмы мужского и женского.)

Подводя итог, можно сказать, что грамматические черты числительных (в широком смысле: количественных, порядковых, собирательных) Смотрицкий пытается передать, представив все эти слова как один и тот же подтип одного и того же склонения прилагательных. Однако если порядковые числительные в словоизменительном отношении действительно склоняются как регулярные прилагательные, то прочие разряды потребовали отдельного описания – в качестве исключения из общего правила. Последнее отразилось в композиции работы: «числительные» описаны в самом конце раздела о 5-м склонении «прилагательных», отдельно от первого чина, которому они – теоретически – принадлежат; как некие исключения 5-го склонения прилагательных представлены и собирательные, которые не возведены в работе Смотрицкого в ранг отдельного разряда этого вида имени, а названы «*ѡтѣроклѣта*».

В чем суть явления, которое пытался показать Смотрицкий? Было ли церковнославянское числительное частью речи в строгом, грамматическом смысле слова? Поскольку вопрос церковнославянских частей речи выходит за рамки темы данной книги, этот вопрос я оставляю здесь открытым²⁰⁴. Однако можно

²⁰³ Показательно, что Смотрицкий приводит их ряд именно в арифметическом порядке: «Ѣице, пѣтѣро/ шѣтѣро/ ѡмѣро: ѡ проѡ, дѣже до дѣба"дѣба"ѣро/ ѡиѡ до дѣба"дѣба"дѣба"ѣро» (2000: 251; подчеркнуто мной. – М. Д.). Такое расположение лексем в тексте свидетельствует о том, что семантическая связь группы с числом для автора очевидна. Однако в «числительные» эта группа у Смотрицкого не попадает, несмотря на полное соответствие их определению («прилагательные», обозначающие число).

²⁰⁴ Следует обратить внимание на то, что некоторые наименования чисел в церковнославянском языке, извода, используемого современной РПЦ, характеризуются контрастом между номинативом

утверждать, что многие названия числового ряда, одной – арифметической – системы, оказались именами, крайне нерегулярными в плане склонения. И эта нерегулярность на фоне семантической принадлежности одной понятийной системе, по-видимому, и дала повод для обобщения их в одной категории.

Но почему числительное (прежде всего – количественное) в грамматике Смотрицкого представлено именно так? Зачем потребовалось объединять, по сути, противореча языковым фактам, числительные с прилагательным (вспомним числительные, склоняющиеся как существительные)? Смотрицкий, по-видимому, пошел дорогой, показавшейся ему наиболее очевидной. Основной причиной включения количественных в прилагательные, в конкретное их склонение (всех – в одно), могло послужить не что иное, как их очевидное семантически-словообразовательное родство с одним из видов регулярных прилагательных – «чинительных». При таком взгляде на числительное именно порядковые, а не количественные, становятся ядром этой группы слов.

Представить числительное в качестве отдельного вида имени Смотрицкий не решился, хотя это могло позволить избежать несоответствий между предложенным им пониманием этой группы и конкретными чертами некоторых входящих в нее лексем. Следует, однако, отметить, что и русской науке потребовались долгие десятилетия для полного отделения русских числительных от прилагательных и существительных. Об этом пойдет речь далее.

и косвенными падежами. Но группа эта по своему составу не идентична русской. У церковнославянских названий чисел от 5 и выше «...наблюдается колебание в сочетании с именами существительными: в одних падежах, подобно существительным, они управляют существительными в родительном падеже множ. числа, а в других падежах, подобно прилагательным-определениям или приложениям, согласуются с именами существительными. Так в имен., родит. и винит. падежах они всегда сочетаются с именами существительными по способу управления: именит., винит. – *пѣтъ ѡвѣщѣ*, родит. – *пѣтѣ ѡвѣщѣ* (как *пѣтырь ѡвѣщѣ*, *пѣтырьѣ ѡвѣщѣ*), а в дател., твор. и предл. падежах сочетаются либо через согласование, либо реже через управление: дател. – *пѣтѣ ѡвѣщѣмъ*, твор. – *пѣтѣѣ ѡвѣщѣмъ*, предл. – *ѡ пѣтѣ ѡвѣщѣхъ*. Например: согласование: *вѣ ѣдмѣ лѣтъхъ* (Быт. 41, 47), *гтома ѣгнцы* (Быт. 33, 19), *ѣдмѣѣ тѣтѣмъ* (Суд. 16, 7); управление: по *пѣтѣ ѣкъ* на *главѣ* (Числ. 3, 47), *гтома ѣкъ* (Втор. 22, 19), по *гтѣ тѣлѣтѣ* (II Пар. 27, 5)» (Алипий 1991: 89). А если речь идет, например, о названиях чисел '2' – '4' (*дѣѣ*, *трѣѣ*, *четѣѣ*), то они, как и название '1' (*ѣдѣѣ*), «подобно прилагательным, в сочетании с существительными, выступают как определения, согласуясь с ним в роде, числе и падеже» (Алипий 1991: 89).

VII. Числительное в русских грамматических работах XVIII–XIX вв.

1. «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» В. Е. Адодурова (1731)

В работе Адодурова «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache», изданной в 1731 г.²⁰⁵, понятие *Numerale* (числительного)²⁰⁶ практически сходно с тем, которое используется в церковнославянской грамматике Смотрицкого. Имя у Адодурова разделено на существительное и прилагательное. Первому соответствуют первые четыре склонения имени, второму – пятое склонение. Числительное описывается в конце раздела о пятом склонении, но, при этом, отдельно (в отдельном параграфе) и все числительные целиком, несмотря на все их разнообразие в словоизменительном отношении²⁰⁷. Фактически это группа, явно

²⁰⁵ Грамматический трактат Адодурова был включен в состав одного из первых русских трехязычных словарей: «Teutsch-Lateinisch-und Russisches Lexicon, samt denen Anfangs-Gründen der Rusischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften zum Druck befördert» (Санкт-Петербург, 1731). Трактат имел отдельную пагинацию, а имя его автора не указывалось (Волков, Карева, Филиппов 2014: 7).

Мы будем пользоваться переизданием труда, вышедшим в Санкт-Петербурге в 2014 г.: «Василий Евдокимович Адодуров: „Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache“, или „Первые основания российского языка“. Формирование русской академической грамматической традиции» (Адодуров 2014). Эта книга включает в себя репринт издания 1731 г. (фотокопия высокого качества), немецкий текст в современной графике, перевод этой грамматики на русский язык, а также ряд посвященных ей научных статей. (Редакторы издания – К. А. Филиппов, С. С. Волков; русский перевод трактата выполнен Л. Н. Григорьевой.)

²⁰⁶ В написанной по-немецки работе Адодурова «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» используются традиционные латинские грамматические термины. Полный их список можно найти в «Индексе грамматических терминов» в издании этой грамматики 2014 г. (Ветушко-Калевич и др. 2014: 186–188).

²⁰⁷ В этом смысле работа Адодурова повторяет грамматику Смотрицкого, где фрагмент о числительном в структуре текста расположен подобным образом.

выделенная в единое склонение на ином основании, нежели собственно склонение, так как оно у этих слов крайне разное. В работе выделяются количественные (*Numeralia Cardinalia*: *одинъ, два, три, четыре, пять, шесть* и т. д.), порядковые (*Numeralia Ordinalia*: *пятый* и т. д.) и кратные (*Numeralia Multiplicatiua*²⁰⁸), к которым относятся *единачій / одинакій, двоякій / двойный, троякій / тройный* и т. д. (Адодуrow 2014: 151–155)²⁰⁹. Входит ли данное слово в состав одной из этих групп или же нет, определяется по типу информации, которую оно передает. К количественным числительным относятся слова, отвечающие на вопрос «сколько?», к порядковым – на вопрос «который?», к кратным – «сколько раз?» (Адодуrow 2014: 151). Кроме того, Адодуrow упоминает, что есть еще некоторые типы числительного, которые в его работе не рассматривались для сохранения ее краткости (Адодуrow 2014: 151). В качестве примера таких числительных приведено слово *оба* (*объ, оба*) и его парадигма²¹⁰ (Адодуrow 2014: 155).

Как прилагательное склоняются, фактически, только порядковые и кратные числительные (в случае порядковых об этом упоминает сам автор), а относительно некоторых количественных, в частности *сорокъ, девяносто, сто, двести*, отмечается, что они склоняются по второму склонению, куда входят существительные на *-ъ, -е, -о* и *-мя*, напр. *столъ, лице, тѣло, имя* (Адодуrow 2014: 123).

Упоминаются составные числительные (в оригинале – *Die zusammengesetzte*) типа *двадцать одинъ*, с указанием, что склоняется каждая их часть (Адодуrow 2014: 154–155).

В «числительном» Адодуrowа оказываются слиты несколько типов «прилагательных» Смотрицкого: собственно «числительные», «чинительные» и некоторые «прилагательные», не вошедшие у Смотрицкого в состав первых двух групп²¹¹.

²⁰⁸ Латинские грамматические термины приводятся в орфографии оригинального текста, сохраненной в издании 2014 г., в том числе – и в русском переводе работы.

²⁰⁹ В книге Гренинга «Российская грамматика. Thet är Grammatica russica...», которая, как доказал Б. Успенский, является переводом другой, более поздней грамматической работы Адодуrowа, написанной по-русски в 1738–1740 гг. (Успенский 1975, 1997; см. также Волков 2014: 20–21), числительное разделяется на те же самые разряды: *Numeralia Cardinalia*, *Numeralia Ordinalia* и *Numeralia Multiplicativa* (Groening 1750: 112–116). К сожалению, рукописный русский оригинал – первоисточник авторства Адодуrowа – дошел до нас лишь частично (сохранились не все его разделы). Не сохранился, кроме прочего, и фрагмент о числительном.

²¹⁰ Можно предполагать, что Адодуrow рассматривает *оба, объ, оба* в качестве словоформ одной лексемы. Она не изменяется по числу (парадигма обозначена *Singul.*), но изменяется по родам.

²¹¹ К такому выводу можно прийти, сравнив классификацию русских лексем Адодуrowа с классификацией соответствующих церковнославянских лексем в работе Смотрицкого, напр. лексем рядов *пять – девять* и *пѣть – дѣбѣть*, а также *третій* и *трѣтій* и т. д.

Как уже говорилось, Адодуров упоминает некие числительные, существующие в русском языке помимо описанных им количественных, порядковых и кратных. По всей видимости, речь здесь идет прежде всего о «прилагательных» типа *четверо*, *пятеро* и т. д. Они до сих пор функционируют в русском языке, а в традиционной грамматике называются собирательными числительными. Именно среди них у Смотрицкого даны церковнославянские *ѡба*, *ѡбѣ*, *ѡба*²¹². У Адодурова же *оба* (*обѣ*, *оба*) – единственный приведенный в грамматике пример числительных искомой (упомянутой, но не описанной ученым) группы. Смотрицкий характеризует слова типа *чѣтверо/чѣтвера/чѣтвери*, *ѡбѣи/ѡба/ѡбѣи* как особо склоняющиеся прилагательные (*ѡтерѡклѣти* 5-го склонения), но при этом «числительными» они все же не названы. Как уже отмечалось, числительное Смотрицкого примерно соответствует группе определенно-количественных в традиционной русской грамматике: слова ряда *один*, *два*, *три... сто* и т. д.

«Чинительные прилагательные» Смотрицкого Адодуров объединил в один класс с числительным, назвав их «порядковыми числительными» (*Numeralia Ordinalia*). Соответствия же выделенных Адодуровым кратных (*Numeralia Multiplicatiua*) у Смотрицкого в «числительное» не включаются и особо не оговариваются, т. е. Адодуров, по всей видимости, заимствовал этот класс из западноевропейских грамматик.

Числительные, все его типы (количественные, порядковые, кратные), выделены Адодуровым из имени не случайно. Все они – «названия чисел» (Адодуров 2014: 151). Тем не менее статус числительного в работе не совсем ясен. Является ли оно особым видом прилагательного или неким отдельным подвидом имени, существующим наравне с существительным и прилагательным? Адодуров этот вопрос не оговаривает. Доводом в пользу первого предположения является то, что рассуждения о числительном размещены в главе о 5-м склонении – склонении прилагательного. Довод против второго (и дополнительный

²¹² В трактовке Смотрицкого – это родовые формы им. п. двойственного числа «прилагательного» *ѡбѣи*, изменяющегося как по родам, так и по числам (ед. ч. – *ѡбѣи*, *ѡбѣа*, *ѡбѣе*; мн. ч. – *ѡбѣи*, *ѡбѣа*, *ѡбѣа*; дв. ч. – *ѡба*, *ѡбѣ*, *ѡба*). В современной же научной и дидактической литературе (напр., Супрун 1969: 37, Bartula 2004: 70, 72) *ѡбѣи* и *ѡба*, как правило, считаются разными лексемами. При этом *ѡба* имеет лишь формы двойственного числа.

Здесь можно привести замечание Супруна об особенностях склонения современного русского слова *оба*: в именительном падеже в нем выступают формы *оба/обе*, а в косвенных – формы *обоих*, *обоим... / обеих*, *обоим...*, исторически принадлежавшие другой лексеме – *обой* (Супрун 1969: 37). Виноградов указывает, что «остаток» прилагательного *обой* выступает в идиоме *обоего пола* (2001: 257, в сноске). Это, по моему мнению, еще одно важное дополнение к картине падежного контраста числительных.

довод в пользу первого): при представлении ученым типов имени (существительное, прилагательное), числительное упомянуто не было²¹³.

Следует отметить, однако, что Адодуров последовательно избегает использования термина «прилагательные» (*Adiectiua*) в отношении числительных (*Numeralia*) во всем посвященном последним фрагменте работы (Адодуров 2014: 150–155)²¹⁴. В пользу того, что Адодуров мыслил числительное как нечто отличное от прилагательного, может, по-видимому, свидетельствовать и следующая формулировка:

«Es werden aber alle *Numeralia Ordinalia* wie die *Nomina Adiectiva* decliniret» (154)²¹⁵. Показательно, что речь здесь идет не о количественных числительных или числительных вообще, а именно о порядковых – наиболее близких прилагательным по всем формальным признакам. Поскольку их сходство с прилагательными потребовало особого замечания, они в понимании Адодурова все же, скорее, не прилагательные (если бы они мыслились как прилагательные, тождественность склонения – с некими их типами – подразумевалась бы сама собой).

2. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова (1755)

У Ломоносова в «Российской грамматике» (1755)²¹⁶ термин «числительное» обозначает подвиды двух частей речи: имени и наречия (это новшество – по сравнению с Зизанием, Смотрицким, Адодуровым). Статус имени числительного среди прочих имен у Ломоносова явным образом не определен. Говоря об имени, Ломоносов традиционно выделяет лишь два его типа:

Воображение вещей приводит в ум наш купно их качества. Вещи к качествам не присоединены необходимо, качества без вещи самой быть не могут. И так, имена, значащие вещь самую, называются существительные, например, *огонь, вода*, значащие качество именуются прилагательные: *великой, свѣтлой, быстрая, чистая* (1755: 27–28).

²¹³ Адодуров пишет: «Имя может быть двух видов, а именно *существительное* (*Substantivum*) или *прилагательное* (*Adiectivum*)» (2014: 107).

²¹⁴ Смотрицкий же, наоборот, прямо говорит о «прилагательных» – «отыменных», «числительных», «чинительных» и т. д. (2001: 227).

²¹⁵ Русский перевод: «Все *порядковые числительные* склоняются как *имена прилагательные*» (Адодуров 2014: 155).

²¹⁶ На ее титульном листе указан 1755 год, но на самом деле первое ее издание увидело свет в 1757 г. (см. примечание 29 в «Предисловии» Б. Успенского к грамматике Барсова (Успенский 1981: 8).

Каково соотношение между именем существительным, прилагательным и числительным, ученый не указывает: числительное напрямую не названо ни прилагательным, ни группой, включающей в себя имена двух основных типов, ни отдельным, третьим типом имени (т. е. словами, которые не относятся ни к прилагательным, ни к существительным).

Ломоносов выделяет четыре склонения существительных и одно – прилагательных. Они описаны в отдельной главе раздела «Наставление третье. Об имени». Далее идут главы об именах, склоняющихся нетипичным образом, о степенях сравнения прилагательных, о словообразовании некоторых существительных, о словообразовании диминутивов и аугментативов. Числительное имя и его склонения у Ломоносова описаны в последней, специально посвященной им, главе раздела. Сама структура раздела, посвященного имени, свидетельствует о том, что Ломоносов воспринимает статус числительного в целом как особый, неясно, однако, на чем этот взгляд основан.

Имена числительные не характеризуются Ломоносовым со смысловой точки зрения (к ним, по-видимому, применима лишь общая характеристика имени как части речи²¹⁷). Числительное в грамматике разделено на виды по словообразовательным признакам. Ломоносов выделяет группу «первообразных» (сегодняшний исследователь назвал бы их все «определенно-количественными»), причем среди них выделяет «простые» и «сложенные». (Примером «простых» может служить *осмь*, а «сложенных» – *осмьдесят*.) Первообразные даны в работе списком²¹⁸:

Первообразные простые и сложенные суть: *одинъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, осмь, девять, десять, одиннатцать, двенатцать, тринатцать, четырнатцать, ятннатцать, шестнатцать, семнатцать, осмьнатцать, девятнатцать, дватцать, тритцать, сорокъ, пятьдесятъ, шестьдесятъ, семьдесятъ, осмьдесятъ, девяносто, сто, двѣсти, тысяча, тьма* (1755: 101).

От «первообразных» образованы «производные»²¹⁹. Среди этой группы, фактически, приводится несколько отдельных типов, причем мыслятся они

²¹⁷ Ломоносов пишет: «Изображения словесные вещей называются *имена...*» (Ломоносов 1755: 23).

²¹⁸ В нем почему-то отсутствуют числительные *триста, четыреста, пять сотъ, шесть сотъ*. Однако их Ломоносов оговаривает, рассматривая особенности склонения числительных.

²¹⁹ О сложении и «производжении» как способах образования слов Ломоносов пишет: «Как все вещи от начала в малом количестве начинаются и потом присовокуплениями возрастают, так и слово человеческое, по мере известных человеку понятий, в начале было тесно ограничено и одними простыми речениями довольствовалося. Но с приращением понятий и само помалу умножилось,

как типы, судя по всему, именно на основе сходства морфологических характеристик слов внутри этих групп (использованных при деривации аффиксов – хотя Ломоносов об этом прямо не пишет). Среди этих числительных тоже выделяются простые и «сложенные»:

Производные простые и сложенные: *первой, второй или второй, третьей, четвертой, пятой, шестой, седьмой, восьмой, девятой, десятой, одиннадцатой, двенадцатой, тринадцатой, четырнадцатой, пятнадцатой, шестнадцатой, семнадцатой, восемнадцатой, девятнадцатой, двадцатой, тридцатой, сороковой (четыредесятой), пятидесятой, шестьдесятой, семьдесятой, осмидесятой, девяностой (девятыдесятой), сотой, тысячной*. Также: *двое, трое, четверо* и проч.; *полтора, полтретья, полдесята*²²⁰ и проч. (1755: 101).

Сегодняшние исследователи назвали бы вышеприведенные слова «порядковыми», «собирательными», «дробными»²²¹ числительными.

что происходило *произвождением* и *сложением*. Произвождение состоит в наращении складов, например: от имени *гора* произошли имена *горница, гористъ, горной*; от *рука* – *рукавица, руковадка, ручка, ручной*. Сложение бывает от совокупления двух или многих речений воедино: *порука* из имени *рука* и предлога *по*; *рукомойникъ* от *рука* и *мою*» (1755: 28).

²²⁰ И. Дьячкова, по моему мнению, неверно указывает, что у слов типа *полтора* («дробных числительных с поль-») оппозиция «прямой – косвенный» в XVIII в. проявляется мало (2010: 183). Дьячкова сводит вопрос лишь к тому, каково грамматическое число существительного при этих словах: единственного они числа или множественного. Если сегодня в прямых падежах существительное имеет форму единственного числа (*полтора литра*), а в косвенных – множественного (*полтора литров, полтора литров* и т. д.), то до конца XVIII столетия во всех падежах существительное находится в единственном числе (как пишет Дьячкова о числительных рассматриваемого типа: у них «...продолжают удерживаться традиционные формы их согласования с существительным в ед. ч.» (Дьячкова 2010: 183). В качестве примера Дьячкова приводит следующий материал из «Начальных оснований российской грамматики» П. Соколова 1797 г. издания: для м., ср. р. – *полтора аришина, полтора аришина, полтору аришину, полторымъ аришиномъ, въ полторѣ аришинѣ*, для ж. р. – *полторы бочки, полторы бочки, полторой бочкѣ, полторою бочкою, въ полторой бочкѣ*. Мне, однако, кажется важным не то, как изменяется (или не изменяется) грамматическое число существительного в разных падежах, а то, что уже тогда эти числительные в номинативе управляют падежом существительного (родительным единственного), а в прочих – согласуются с существительным по форме (как прилагательные). И тогда, во второй половине XVIII в., эти слова являлись типичными числительными с контрастом в прямых/косвенных падежах, несмотря на то, что склонялись они иначе, чем в современном языке.

²²¹ В словарной статье «*Полá*» в словаре Даля указываются следующие значения приведенных Ломоносовым лексем *полтретья* и *полдесята*: *полтретья* – два с половиной; *полдесята* – девять с половиной (Даль 1882: 258, 261).

И. Н. Дьячкова пишет, что несмотря на то, что Ломоносов представил лексемы с *поль-* незамкнутым рядом («*полдесята* и проч.»), в фактическом употреблении в то время находятся лишь *полтора, полтораства* и *полтретья*. Числительное *полтретья* сохраняется в языковой практике до конца XVIII в (Дьячкова 2010:179).

Описывая далее эту группу в плане словоизменения, Ломоносов приводит среди них и слово *оба/объ* (1755: 103, 104), хотя у этого слова, как мне кажется, трудно проследить словообразовательную связь с каким-либо первообразным числительным (оно должно было бы оказаться среди первообразных, однако его нет в их списке на с. 101).

Интересно, что Ломоносов не упоминает среди имен числительных составных типа *двадцать два*. Возможно, он сознательно не хотел включать в состав этого типа имени то, что является не словом, а выражением, состоящим из нескольких слов.

Как уже указывалось, Ломоносов выделяет не только числительные имена, но и числительные наречия: «Наречия по разным обстоятельствам разные знаменования имеют. <...> Числительные: *однажды, многожды, двояжды, трояжды, четырежды, десятью* и проч.» (1755: 180)²²². Как видно из примеров, числительными наречиями считаются не только те, которые были образованы от «первообразных числительных», но и некоторые другие слова (*многожды*²²³), т. е. класс выделяется среди наречий скорее не по словообразовательным соображениям, а по принципу наличия у слов (наречий) смысловой связи с числом. Необходимо обратить особое внимание на то, что смысл числа дает некоторым именам и наречиям общую характеристику («числительные»), однако не приводит к объединению этих групп в частеречном плане. Числительные наречия и числительные имена у Ломоносова – смысловые разновидности имен и наречий (части речи при этом не сливаются в одно), а не грамматические

Лексемы с *поль-* (типа *полтретья*) выходили из употребления постепенно. В исследованных И. Дьячковой текстах 1700–1730 гг. лексемы *полтора/ы, полтретья/и, полтораства* встречаются в общей сложности 32 раза, а прочие лексемы с *поль* этого типа – 24 раза. В текстах же 1730–1800 гг. лексемы *полтора/ы, полтретья/и, полтораства* встречаются в общей сложности 40 раз, а прочие лексемы этого типа – всего 5. Лексема *полтретья/и* в текстах 1700–1730 гг. встречается 10 раз, а в текстах 1730–1800 гг. – всего 4 раза (Дьячкова 2010: 177–178). Интересно, что доля употреблений *полтора/ы* и *полтораства* возрастает:

Полтора/ы: 1700–1730 гг. – 19 употреблений, а в 1730–1800 гг. – 28;

Полтораства: 1700–1730 гг. – 3 употребления, 1730–1800 гг. – 8 (Дьячкова 2010: 178).

²²² Смысловая связь некоторых наречий с числом была отмечена уже в тексте римского грамматика IV в. н. э. Доната (самом распространенном учебнике грамматики латинского языка как минимум вплоть до XV в.). В этом грамматическом тексте выделяются – по значению – наречия числа: «например, *semel, bis*» (Донат 2003: 135). (*Semel* ‘однажды, однократно, (один) раз’, *bis* ‘два раза, дважды или вдвойне’.)

²²³ Слова *много*, от которого оно образовано, нет среди имен числительных Ломоносова, и нет группы, в которую оно могло бы попасть среди этих имен, за исключением, возможно, «первообразных». Ломоносов считает это слово наречием (1755: 191).

разновидности внутри семантической группы, представленной как часть речи (числительное)²²⁴.

Адодуров, во многом следовавший той грамматической схеме, которая использовалась у Смотрицкого, представил числительное среди прилагательных имен (в разделе о «склонении» последних), избегая, однако, напрямую называть их прилагательными. Ломоносов же явным образом оставляет вопрос статуса числительного среди прочих имен открытым и нерешенным. Эта подчеркнутая (по моему мнению) неопределенность обозначила рамки, внутри которых, как будет показано далее, и предпринимаются дальнейшие попытки осознания частеречного статуса некоторых из тех слов, которые называются именами числительными в первых русских грамматиках. У Ломоносова имя разбивается на два лишь вида (прилагательные и существительные), а числительные имена (класс, выделенный по значению) не причислены ни к одному из них. Что имел в виду Ломоносов? Относятся ли числительные в целом к прилагательным? Относятся ли некоторые из них к прилагательным, а некоторые – к существительным? Если верно последнее, зачем вообще потребовалось бы оговаривать такой собирательный класс отдельно, и почему это не сказано прямым текстом? Есть ли среди числительных слова, которые наверняка не относятся ни к прилагательным, ни к существительным?

Таким образом, можно сказать, что вопрос статуса числительных оставлен Ломоносовым открытым, и, на мой взгляд, это было сделано не случайно: по-видимому, Ломоносов осознавал, что отнести числительные к прилагательным – слишком большое упрощение вопроса, но и к существительным отнести их также явно не смог. Некоторые слова или типы числительного (в понимании, представленном у Ломоносова) можно было бы причислить к существительным или прилагательным – по словоизменительным и морфосинтаксическим соображениям (напр., *первой, другой* – прилагательные, *тьма* – существительное), но есть в этой группе и такие слова, относительно которых сложно было бы принять однозначное и бесспорное решение.

Ученый ясно отдавал себе отчет в том, что целый ряд числительных имен сочетается с существительными особым образом (другим именам не свойственным). Он пишет, что «*два, три, четыре* в именительном требуют родительно-

²²⁴ Подход второго типа заметен в некоторых современных грамматиках, напр. у Л. Чесноковой (Бабайцева и др. 2008). Я его считаю абсолютно неверным (если под числительным подразумевается именно часть речи). В случае же Ломоносова – в рамках используемой им системы языкового описания – выделение сходных по смыслу групп внутри разных частей речи не вызывает никаких возражений даже сейчас (имеются в виду не детали классификации, а подход в целом).

го единственного: *два свѣтила, три лица, четыре части*», а в косвенных «склоняются согласно во множественном числе: *двухъ свѣтилъ, тремъ лицамъ, четырьмя частями*» (Ломоносов 1755: 188–189). Ломоносов указывает, что «первообразные числительные имена *два, три, четыре* склоняются как прилагательные множественного числа» (Ломоносов 1755: 102; подчеркнуто мной. – М. Д.), отсюда и утверждение, что эти слова и существительные в косвенных падежах «согласны» друг с другом и по падежу, и по числу. Слова *пять, шесть* и прочие «первообразные» числительные «в именительном принимают родительный множественный существительного: *пять чувствъ, десять заповѣдей, двенадцать мѣсяцовъ...*» (Ломоносов 1755: 189). Существительные и числительные этого типа «косвенными падежами сходятся, но числом разнятся: *пятью чувствами...*» (Ломоносов 1755: 189). По словам Ломоносова, данные первообразные числительные склоняются в единственном числе, точнее – большинство из них склоняется «как женские существительные четвертого склонения в единственном числе», а *сорокъ, девяносто, сто* – «по второму склонению в единственном числе»²²⁵ (1755: 102). Приписывая этим числительным определенное грамматическое число, ученый обращает внимание на его соответствие/несоответствие грамматическому числу существительного (либо на соответствие/несоответствие грамматического числа существительного грамматическому числу числительного – в зависимости от того, какое слово, по его мнению, является главным членом словосочетания). Интересно, что совсем иное поведение Ломоносов усматривает у числительных *двое, трое, четверо* и т. д. Парадигмы склонения их напоминают прилагательные²²⁶, однако в плане синтаксиса словосочетаний они (в трактовке Ломоносова) от прилагательных кардинально отличаются. По словам ученого, эти числительные во всех падежах требовали существительного в родительном множе-

²²⁵ У *сорокъ* и *сто* есть не только единственное, но и множественное число, то есть это изменяющиеся по числу слова: (мн. ч.) *сороки, сороковъ, сорокамъ* и т. д.; *ста, сотъ, стамъ, ста, стами, стахъ* (Ломоносов 1755: 102–103). По всей видимости, Ломоносов полагал, что в названиях сотен выступают два слова, а не одно: *три ста, трехъ сотъ, тремъ стамъ; четыре ста, пять сотъ* и т. д. Возможно, поэтому такие названия не появляются у него ни в списке «первообразных», ни в списке «производных» числительных. В списке первообразных указано лишь *двѣсти* – по-видимому, потому, что форма *-сти* не соответствовала ни падежным формам единственного, ни формам множественного числа слова *сто* – в отличие, например, от *трисѣта* (компонент *сто* – в род. п. ед. ч.), *пятьсотъ* (*сто* – в род. п. мн. ч.). (Категорию двойственного числа в русском языке Ломоносов не выделяет.) При этом в косвенных падежах на два слова разбивается и *двѣсти*: *двухъ сотъ, двумъ стамъ* и т. д. (1755: 102–104).

²²⁶ Ломоносов указывает, что они «склоняются как прилагательные во множественном числе» (1755: 103).

ственного²²⁷ (Ломоносов 1755: 189). Прилагательные же охватываются «общим правилом согласия», которое у Ломоносова звучит следующим образом: «Имена прилагательные, местоимения и причастия должны с существительными, к которым прилагаются, быть согласны в роде, числе и падеже...» (Ломоносов 1755: 185).

Интересно, что числительные типа *двои*, *трои*, *четверы*, в отличие от слов типа *двое*, *трое*, в словосочетаниях с существительными вели себя как прилагательные. Эти слова сочетались с существительными «бездушных вещей, которые только во множественном употребительны» (*двои сани, трои гусли, десятеры вилы*). Как указывает Ломоносов, существительные данного типа склонялись «с теми числительными по общему правилу согласия...: *двои часы, двоихъ часовъ, двоимъ часамъ, двоими часами, о двоих часахъ*» (Ломоносов 1755: 190).

Следует подчеркнуть, что «Российская грамматика» Ломоносова – первая лингвистическая работа, содержащая сведения о падежном контрасте русских числительных (во всяком случае – первая из известных мне работ²²⁸).

В заключение необходимо отметить, что наблюдаемая у Ломоносова недосказанность в вопросе статуса имен числительных, в аспекте осознания отдельного частеречного статуса некоторых слов, обозначающих число, является, на мой взгляд, все же лучшим теоретическим решением, чем искусственное закрытие проблемы – включение всех связанных с выражением числа именных слов в прилагательное, предложенное Смотрицким, а вслед за ним – принятое и Адогуровым. Можно сказать, что, оставив проблему нерешенной, Ломоносов подчеркнул дискуссионность подхода, предложенного его предшественниками.

На первый взгляд, в труде Ломоносова, столь важном для русского языка и русской лингвистики в целом, вопрос числительного представлен лишь в очень общих чертах. Следует, однако, помнить, что работа Ломоносова носила скорее нормативно-кодификационный, а не научно-теоретический характер,

²²⁷ Я не уверен, что трактовка Ломоносова верна (показательно, что примеров косвенных падежей типа **двоимъ служъ* он не приводит). Примечательно, что в грамматике Барсова, написанной в 1783–1788 гг., числительным типа *двое*, *трое* приписываются свойства падежного контраста. Когда эти лексемы имеют вид *двое*, *трое*... (т. е. выступают в именительном <иногда, возможно, и винительном>), они «принимают существительное имя в родительном множественном» (*двое мѣщанъ*), а в прочих же падежах они «склоняются согласно с существительными» (*шестерыхъ мѣщанъ*) (Барсов 1981: 173–174).

²²⁸ У Адогурова была показана лишь одна сторона падежного контраста: описаны те или иные требования числительного, выступающего в именительном (или сходном с ним винительном), к форме существительного.

числительное же – лишь одна из многих проблем русской грамматики, с которыми столкнулся ученый.

3. Грамматика А. Барсова (1783–1788)

Написанная в 1783–1788 гг. (но так и не изданная²²⁹) грамматика А. Барсова крайне интересна с точки зрения выделенных в ней разрядов числительного. Барсов упоминает, что числительные делятся на первообразные и производные («по виду»), простые и сложные («по начертанию»). Однако он подчеркивает, что это разделение справедливо не только для числительных или же для прочих имен, но и для слов, принадлежащих другим изменяемым частям речи (Барсов 1981: 502 <в ленинградском списке>²³⁰). Числительное Барсов считает именем прилагательным. Ученый пишет, что у числительного есть характерное только для него разделение на несколько «известных» разновидностей. Эти разновидности отвечают на «известные же вопросы». Они таковы:

I. Основательные (*cardinalia*), отвечающие на вопрос *сколько?* (им соответствуют сегодняшние количественные).

II. Порядочные, или порядковые (*ordinalia*), отвечающие на вопрос *сколький?*.

Первые два типа для нас абсолютно привычны и упоминались как числительное Адодуровым и Ломоносовым. Выделены и непривычные с сегодняшней точки зрения разряды:

²²⁹ Об истории создания и судьбе грамматики А. Барсова см. «Предисловие» к ее изданию 1981 г. Б. А. Успенского (Успенский 1981: 3–30).

²³⁰ В издании 1981 г. работа Барсова представлена по трем спискам. На момент подготовки издания два из них находились в фондах Научной библиотеки Московского университета (московский список А и московский список Б), а третий (ленинградский список) – хранился в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Шедрина в Ленинграде (ныне – Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург). О списках см. подробнее: Успенский 1981: 27–30. Ленинградский список содержит только один раздел – о морфологии («О словопроизводении»), но изложенный гораздо полнее, чем в московских списках (Успенский 1981: 28), а московский список А содержит раздел о синтаксисе («О словосочинении»), отсутствующий в ленинградском. (Московский список Б представлен в издании 1981 г. в виде разночтений к списку А, и в настоящей монографии он рассматриваться не будет.) Описывая вопросы морфологии числительных в грамматике Барсова, мы будем пользоваться, соответственно, ленинградским списком, а анализируя вопросы синтаксиса, – московским списком А.

III. Разделительные (*dividentia*), отвечающие на вопрос *коликогубый?* и указывающие, «на сколько разных родов какая-нибудь вещь разделяется» (словообразовательный тип *сугубый*, *трегубый*; тип *двоаякий*, *троаякий*).

IV. Умножительные (*multiplicativa*), которые отвечают на вопрос *колико-кратный?* (*двукратный/двоекратный/сугубый*, *трикратный/троекратный* и т. д.²³¹).

V. Соразмерные (*proportionalia*), отвечающие на вопрос *коликосугубый?* со значением «во сколько раз больше» (тип *двойной*, *тройной*; тип *четверичный* и т. д.)²³² (Барсов 1981: 502–505).

Следует отметить, что слова, которые определены у Адодурова как *multiplicativa*, у Барсова попадают в другие группы. Выделенный Адодуровым тип *двойный* у Барсова отнесен к *proportionalia*, а тип *двоаякий* – считается *dividentia* (т. е. они становятся разными разрядами числительного). В *multiplicativa* же Барсова содержатся такие типы слов, которые Адодуров вовсе не упоминает среди примеров числительных. Необходимо, однако, обратить внимание на то, что Барсов пишет о последних трех группах (III–V) в примечании: «знаменование сих трех званий сомнительно и смешано у одного с другим, произведение неправильно, и употребление редко, только окончания приметны»²³³ (1981: 505). В связи с этим последние три группы числительных Барсова следует, по всей видимости, рассматривать не столько как смысловые, сколько как «словообразовательные»: они охватывают ряды слов с теми или иными суффиксами и производящими основами определенного типа. В семантическом же плане границы между этими группами (словами, которые в них включены) размыты и условны.

Более того – смыслы, выражение которых приписывается словам того или иного типа, по-видимому, были приняты ученым заранее, как некая данность. Он показал, какие слова могут выражать эти, заранее заданные, смыслы в русском языке. Обращает на себя внимание, в частности, то, что все вышеперечисленные разряды числительного Барсов называет «известными». На первый

²³¹ Среди примеров в ленинградском списке еще раз повторяется слово *сугубый*, которое появилось в предыдущей группе – в другом значении. В московском же списке Б в качестве примеров этой группы приведены лишь: *троекратный*, *многократный* (Барсов 1981: 286).

²³² Барсов указывает, что вместо них могут употребляться «вид наречий имеющие» неизменяемые выражения типа *вдвое*, *втрое*, а также *вдвести раз* (1981: 505).

²³³ Далее Барсов подчеркивает, что некоторые из этих слов были все же достаточно употребительны в современном ему русском языке, поэтому «надлежало об них вообще понятие дать» (1981: 505).

взгляд не совсем понятен, что же имеется в виду. Ведь ни у Ломоносова, ни у Адогурова многих из выделенных Барсовым разрядов не было. Дьячкова пишет: «Несомненно, что как сама классификация, так и названия обозначенных разрядов в грамматике Барсова не были его авторским изобретением (о чем, например, красноречиво свидетельствуют латинские соответствия наименований разрядов в скобках), по всей видимости, они были заимствованы из немецкой грамматики, которую настоятельно рекомендовалось использовать Барсову в качестве образца»²³⁴ (2015: 57). По моему мнению, это, однако, не совсем так. Дьячкова ссылается на «Предисловие» к грамматике Барсова (Успенский 1981), где назван текст, на который было поручено опираться В. П. Светову, и на который, по всей видимости, должен был ориентироваться также Барсов после того, как взялся за написание русской грамматики после смерти последнего (Успенский 1981: 21). Это была принятая в австрийских школах грамматика немецкого языка «Verbesserte Anleitung zur deutschen Sprachlehre. Zum Gebrauche der deutschen Schulen in den kaiserlichen königlichen Staaten» (Wien, 1779), автором которой считается И. И. Фельбигер (Felbiger, Johann-Ignaz, 1724–1788)²³⁵. Мне удалось получить доступ к раннему ее изданию: «Anleitung zur deutschen Sprachlehre. Zum Gebrauche der deutschen Schulen in den kaiserlich-königlichen Staaten» (Felbiger 1777). Сравнение описания числительного в грамматике Барсова и грамматике Фельбигера издания 1777 г. показало, что вряд ли можно считать, что они связаны между собой (т. е. что Барсов повторяет Фельбигера). Определенно-количественные и порядковые числительные (конечно, под иными названиями) выделены как в работе Фельбигера, так и в тексте Барсова. Однако эти разряды – общее место всех европейских грамматик того времени. В прочих же разрядах числительного между этими двумя работами наблюдаются заметные расхождения. В частности, следующие группы числительного есть только у Фельбигера (у Барсова отсутствуют группы, которые могли бы рассматриваться как их соответствия):

²³⁴ Известно, что Барсов писал свою грамматику по поручению Комиссии об учреждении народных училищ. Вначале задача написать грамматику была возложена на переводчика и учителя гимназии при Академии наук В. П. Светова. Однако 1 марта 1783 г. Светов скончался, успев составить лишь «Таблицы о познании букв, о складах, о чтении и правописании» (Успенский 1981: 21). После этого написать грамматику Комиссия поручила Барсову (Успенский 1981: 22). Барсов отнесся к таблицам, оставленным Световым, крайне критически и считал невозможным воспользоваться ими при работе над книгой (Успенский 1981: 23).

²³⁵ Об авторстве Фельбигера упоминает, например, Б. Дюбо (2013: 273–274).

- группа Die unbestimmten Zahlen («неопределенных» числительных) Фельбигера *wenig* (мало, немного; немногие; немногое), *viel* (много; многие; многое), *mehr* (больше, более);
- группа Die Versammlungszahlen («собираательных числительных»), которая объединяет в себе существительные типа *der Zweyer* (двойка), *ein Zehner* (десятка, десяток), *Zwanziger* (двадцатка, два десятка и т. д.), *das Paar* (пара), *das Dutzend* (дюжина), *Halbdutzend* (полдюжины), *das Mandel* (пятнадцать штук), *Viertelhundert* (четверть от ста), *das Schock* (копа, шестьдесят штук), *das Tausend* (тысяча штук и т. д. <мера>), *die Nulle* (ноль), *das Halbe* (половина), *die Hälfte* (половина), *die Einheit* (единство, единица), *die Sekunde* (?), *das Drittel* (треть, третья часть), *das Ein und zwanzigstel* (одна двадцать первая часть), *ein Hundertstel* (<одна> сотая часть);
- группа наречий и наречных выражений (die Nebenwörtern), которая включает в себя у Фельбигера *zum ersten* (во-первых), *fürs zweyte* (во-вторых), *drittens* (в-третьих), *nach dem Hundert* (свыше ста / свыше сотни?), а кроме того, все слова, содержащие *mal* и *weis* (раз) типа *zwanzigmal* (двадцать раз / двадцатикратно), *hundertweis* (сто раз / стократно?) и т. п.²³⁶

В свою очередь, у Фельбигера отсутствуют эквиваленты некоторых групп, объединяющих у Барсова различные «числовые» прилагательные, преимущественно образованные от определено-количественных (*троекратный, тро-який* и т. д.).

Поэтому я считаю, что работу Фельбигера вряд ли можно рассматривать в качестве первоисточника представленной у Барсова концепции числительного²³⁷.

Более того, есть основание полагать, что в вопросах, связанных с понятием числительного и разделением этого класса слов на типы, влияние немецких (или же других западноевропейских) грамматик на труд Барсова носило лишь опосредованный характер. Как минимум – были и другие работы, отголоски которых можно найти в описании числительного у Барсова. В этой связи следует обратить внимание не столько на латинские термины, сколько на употребленные

²³⁶ Перевод немецких числительных Фельбигера дан мной, однако лишь ориентировочно, на основе словарей современного немецкого языка. Помощь в переводе была мне любезно оказана Здиславом Клосом (Институт западной и южной славистики Варшавского университета).

²³⁷ Однако следует помнить, что издание 1779 г. грамматики Фельбигера было, по всей видимости, изменено по сравнению с изданием 1777 г., на что указывает слово *Verbesserte* 'улучшенный', появившееся в названии. Какие-то изменения могли коснуться и частей работы, посвященных числительному.

Барсовым их русские эквиваленты. Дело в том, что в 30–50-е годы XVIII в. был напечатан ряд первых грамматик иностранных языков, написанных по-русски: немецкая, латинская и французская. Они предназначались для студентов Академической гимназии и университета, связанных с Петербургской академией наук.

Карева пишет:

Первоочередной задачей в обучении студентов в Академической гимназии и университете было изучение древних и новых языков, в первую очередь латинского, немецкого и французского. Для этой цели академическими переводчиками и преподавателями Академической гимназии и университета были созданы новые учебные пособия по иностранным языкам, представляющие собой переложения на русский язык известных европейских трактатов (Карева 2014: 30).

В 1730 г. вышла «Немецкая грамматика, из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана от учителя немецкого языка при Санкт-Петербургской гимназии» М. Шванвица. В 1746 г. типография Академии наук напечатала работу «Сокращение грамматики латинской, в пользу учащегося латинскому языку российского юношества переведено чрез Василия Лебедева, переводчика при Академии наук». А в 1752 г. вышла «Новая французская грамматика, сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик, а на российский язык переведена Академией наук переводчиком Василием Тепловым» (Карева 2014: 30; Карева 2011: 95–97).

Все три грамматики восходили прежде всего к немецкой грамматической традиции. Латинская грамматика Лебедева являлась переводом книги «Compendium grammaticae latinae, oder kurtzer Auszug aus der grosseren latenischen Grammatica Marchica, zur Erlernung der latenischen Sprache» (Marburg, Krieger, 1742) (Карева 2014: 30; Карева 2011: 96). Основным же источником «Новой французской грамматики» Теплова была книга «Neue und vollständige Französische Grammatic, in Frag und Antwort abgefasst» (Mainz, Frankfurt am Main, 1749), обычно приписываемая Иоганну Габриэлю Шпеку (1720–1792). Последняя, в свою очередь, основывалась на трактате французского лингвиста Пьера Ресто (1696–1794) «Principes généraux et raisonnés de la grammaire françoise avec des observations sur l'Orthographe, les Accents, la Ponctuation, & la Prononciation» (Paris, 1730) и работах некоторых других ученых (Карева, Сергеев 2016: 59).

Карева пишет:

В созданных в 1730–1750-е гг. учебных пособиях по немецкому, латыни, французскому осуществлялось осмысление грамматического строя европейских и древних

языков; для описания грамматических категорий вырабатывалась новая терминология. При этом грамматики иностранных языков либо были написаны полностью по-русски (как грамматики В. Е. Теплова и В. И. Лебедева), либо имели параллельные тексты на русском и иностранном языках (как «Немецкая грамматика из разных авторов собрана...» М. Шванвица) (Карева 2014: 30).

Все три вышеназванных учебника были в России известны и много раз переиздавались. На основании данных «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в.» Карева указывает, что немецкая грамматика Шванвица выдержала в XVIII в. пять изданий (1730; 1734; 1745; 1769; 1791)²³⁸, латинская грамматика В. И. Лебедева²³⁹ – семь изданий (1746; далее 1762; 1769; 1779; 1789; 1791; 1792), а «Новая французская грамматика...» В. Е. Теплова²⁴⁰ в течение XVIII в. издавалась четыре раза (1752; 1762; 1777; 1787) (Карева 2014: 30).

Это были не только первые написанные по-русски грамматики немецкого, французского и латинского языков, но и вообще первые печатные грамматики, написанные по-русски (грамматика Ломоносова вышла лишь в 1757 г.). Именно в них вырабатывались начала русской грамматической терминологии²⁴¹. Поэтому важно сравнить с ними числительное, представленное в работе Барсова²⁴².

В таблице ниже представлены выделяемые в вышеописанных работах категории числительного и используемая авторами терминология:

²³⁸ Причем в переработке второго издания (1734) принимал участие В. Е. Адогуров.

²³⁹ М. В. Ломоносов оставил об этой грамматике положительный отзыв (Карева 2011: 96).

²⁴⁰ Работа Теплова получила одобрение В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова (Карева, Сергеев 2016: 58–59).

²⁴¹ Термин «числительное» перешел в русские работы того времени (учебники Шванвица, Лебедева, Теплова и грамматику Ломоносова) из грамматики Смотрицкого, а русские названия его типов были уже новшеством, появившимся именно в этих русских учебных грамматических текстах.

²⁴² Ломоносов не разделял числительное на разряды и, соответственно, не использовал связанной с ними терминологии, поэтому вопрос учебников иностранных языков 1730–1750 гг. в посвященном этой грамматике части книги мною не рассматривался.

Виды числительных	Тексты			
	Шванвиц (1730) <1745> ²⁴³	Лебедев (1746) <1808>	Теплов (1752) <1787>	Барсов (1783–1788)
1.	Основательные	Основательные (Cardinalia)	Основательные	Основательные (Cardinalia)
2.	Порядочные	Порядочные (Ordinalia)	Порядочные	Порядочные, или порядковые (Ordinalia)
3.	Пропорциональные	Пропорциональные (Proportionalia)	Пропорциональные	Соразмерные (Proportionalia)
4.	Собирательные	–	Собирательные	–
5.	Разделительные	Разделительные (Distributiva)	Разделительные	–
6.	–	Множественные / множительные (Multiplicativa)	–	Умножительные (Multiplicativa)
7.	–	Время значащие (Temporalia)	–	–
8.	–	–	–	Разделительные (Dividentia)

Как видно из приведенной выше таблицы, русские названия типов числительного у Шванвица и Теплова полностью совпадают. У Лебедева нет одной из групп, выделенных у Шванвица и Теплова (собирательных), и добавлена группа множественных (Multiplicativa). Последняя есть и у Барсова, однако

²⁴³ В данной таблице в круглых скобках указана дата выхода первого издания цитируемых книг, а в угловых – дата издания, которым я пользовался.

названа иным русским термином – «умножительные». Кроме того, у Лебедева есть группа «время значащих» числительных, которая не выделяется в прочих трех работах. Барсов заменил применяемый в работах Шванвица, Лебедева и Теплова термин «пропорциональные» термином «соразмерные». Четыре разряда из пяти, на которые делит числительное Барсов, выделялись в работах его предшественников (однако следует заметить, что термин «разделительные» у Барсова связан с выражением числительными смысла, отличного от того, который выражают названные этим же термином слова у прочих трех авторов). Три из пяти русских названий этих групп у Барсова повторяют соответствующие названия у Шванвица, Лебедева или Теплова²⁴⁴. Это совпадение терминов очень важно в контексте той эпохи. Напомним, что у Ломоносова использовалось лишь разделение числительного на «первообразные» и «производные», и термины «основательные», «порядочные» и т. д. ввел не он.

Сравним числительные, представленные у Шванвица, Лебедева, Теплова и Барсова, подробнее.

Во всех четырех работах основательные и порядочные (порядковые) числительные понимаются примерно одинаково. Кроме того, для обозначения этих разрядов авторы применяют одинаковые термины. Барсов лишь предлагает использовать термин «порядковые» наравне с «порядочными», причем считает, что первый вариант – «удобнее» (Барсов 1981: 504).

Основательные числительные:

• Шванвиц

Это имена, которые «употребляются при вопросе *wie viel*, сколько, и надлежат до вида первообразного». Сюда входят числительные от *Eins* (одинъ) до *Neunzehen* (девятнадцать), далее десятки от *Zwanzig* (двадцать) до *Neunzig* (девяносто), а также *Hundert* (сто), *Tausend* (тысяча), *Million* (милліонъ). Эквиваленты русских составных «числительных» типа двадцать два, а также слов двести – девятьсот в этой грамматике не рассматриваются (Шванвиц 1745: 151–157).

• Лебедев

Основательные числительные – это имена, которые «поставляются на вопрос *сколько*, *quot*» (Лебедев 1808: 82): слова от *unus*, *-a*, *-um* (одинъ),

²⁴⁴ Хотя, как уже отмечалось, один из этих трех терминов – «разделительные» – у Барсова обозначает совершенно другие слова, нежели те, которые имели в виду Шванвиц, Лебедев и Теплов.

duo, -ae, -o (два), *tres*, *tria* (три) и далее, до *ter mille*, или *tria millia* (три тысячи) и проч. Сюда входят и составные типа *Viginti duo*, или *duo et viginti* (двадцать два), которые специальным термином не обозначены.

- Теплов

Определение основательных в этой работе не приводится, а дан лишь список соответствующих лексем. Это французские и русские эквиваленты той же группы, что и у Лебедева: от *un* (одинъ) до *cent mille* (сто тысячъ).

- Барсов

Это слова, отвечающие на вопрос «сколько?». Барсов делит основательные на простые и сложенные. Примеры простых: *единый*²⁴⁵, *единъ/одинъ*, *два*, *три*, *десять*, *сто*, *тысяча*, *миліонъ*. Среди примеров сложенных: образованные прибавлением слова *надесять* (*дванадесять*), слова *десять* (*двадесать*, *тридесать* и т. д.) и проч., а также их «российские» варианты: *одиннатцать* и т. д., *тритцать*, *семьдесать* (вместо *седьмьдесать*), *девянсто* (вместо *девятьдесать*). Среди сложенных упоминаются и выражения типа *тритцать одинъ*, в которых «большие числа соединяются с малыми». Выражения типа *триста девянсто четыре* названы «много-составными числами» (Барсов 1981: 502–504).

Порядочные числительные (и порядковые – у Барсова):

- Шванвиц

Числительные, которые «порядок значат и употребляются при вопросе *der wievielste*, *коликий?...*»: *der erste* (*первый*); *der andere* (*второй*); *der dritte* (*третій*) и т. д. (Шванвиц 1745: 157).

- Лебедев

Числительные, которые «употребляются при вопросе *quotus*, *коликий*». (Лебедев 1808: 85): *primus* (*первый*), *secundus* (*второй*) ... *bis millesimus* (*двухъ тысячный*).

- Теплов

В тексте указано, что они составляются из основательных с помощью тех или иных, перечисленных автором, французских аффиксов (Теплов

²⁴⁵ Это слово также приведено Барсовым среди примеров «основательных» простых.

1787: 57). Напр.: *la premier, l'unième* (первый), *le troisième* (третий), *le vingt et unième* (двадцать первый), *le vingt deuxième* (двадцать второй).

Кроме того, среди порядочных числительных даны и *le penultième* (предпоследний), а также *le dernier* (последний), что кажется мне довольно интересным и не лишенным некоторых оснований²⁴⁶.

- Барсов

Это слова, отвечающие «на вопрос *сколькй?*». Барсов выделяет три первообразных порядковых (*первый, второй и другй*) и пишет, что остальные производятся от основательных (напр.: *одиннацатый* от *одиннацать* и т. д.). В этой грамматике говорится также о принципах произведения порядковых от «составленных из одного большего, и другого меньшего числа» (*двадцать первый*) и от многосоставных основательных (*сто двадцать девять тысяч шестьсот сорок седмой*) (Барсов 1981: 504–505).

Совпадение русских терминов, обозначающих вышеупомянутые разряды, трудно было бы считать случайностью, так как в тот период русский литературный язык лишь формировался, а русская лингвистическая терминология только вырабатывалась – в частности, именно в работах Шванвица, Лебедева и Теплова, к моменту написания грамматики Барсова много раз переиздававшихся²⁴⁷. Можно с большой долей вероятности предположить, что Барсов был знаком или со всеми этими грамматиками, или, по крайней мере, с некоторыми из них.

²⁴⁶ Семантически эти слова несколько отличаются от прочих слов группы порядковых (обозначают широко понимаемый «порядок предметов», однако, в отличие от обычных порядковых прилагательных, – с указанием, что данный предмет замыкает некий порядковый ряд либо непосредственно предшествует такому предмету). Грамматически же слова *последний* и *предпоследний* – такие же прилагательные, как и *первый, второй* и т. д.

²⁴⁷ Интересно, что в немецкой грамматике С. Вуяновского, написанной, согласно ее названию, на «славеносербском» языке, говорится о простых числительных (соответствие основательных) и чинительных числительных (соответствие порядочных) (Вуяновский 1772: 114–117), т. е. терминология остается ближе к той, которую мы видим у Смотрицкого. Числительное становится неким общим названием группы, числительные прилагательные становятся простыми числительными, а чинительные прилагательные – чинительными числительными. У Вуяновского выделены и два разряда, которых не было среди прилагательных Смотрицкого (т. е. терминология взята не отсюда), но которые имеются среди разрядов числительного в описываемых нами русских грамматиках. Это разделительные (неизменяемые слова типа *einander* – *единогубо*, *zweyerley* – *двогубо*) и умножительные, которые «некое умножение знаменуют» (*dreyfach* или *dreyfältig* – *троакй* или *трегубй*, *vielfach* или *vielfältig* – *многогубый* и т. д., также *zweymal* – *дважды*, *dreymal* – *трижды* и т. п.) (Вуяновский 1772: 116–118).

Понимание соразмерных числительных Барсова также соответствует пониманию пропорциональных числительных у Шванвица и Лебедева. Это слова, несущие ту же информацию, отвечающие на тот же вопрос, что и в текстах этих авторов (*во сколько раз больше? / во сколько раз больше другого?*).

Лат. *Proportionalia*, рус. **пропорциональные числительные** (Шванвиц, Лебедев, Теплов), **соразмерные числительные** (Барсов):

- Шванвиц

Числительные, которые «пропорцию значат и употребляются при вопросе: *viel mahl mehr als ein anders? сколько раз больше другого?*». Это такие слова, как *einfach* (однажды), *zweyfach* (вдвое), *dreyfach* (втрое); *dreyfältig* (тройко); *vierfältig* (вчетверо), *fünferley* (впятеро)²⁴⁸ (Шванвиц 1745: 157).

- Лебедев

Пропорциональные числительные «полагаются при вопросе *quotuplus, во сколько больше другого?* напр. *Simplus, одинакий; duplus, вдвое; triplus, втрое; quadruplus, quintuplus, octuplus, decuplus, centuplus, millecuplus*» (Лебедев 1808: 87). Следует отметить, что *duplus, triplus* и т. д. в латинском – имена прилагательные, поэтому, возможно, их следовало переводить не с помощью наречий типа *вдвое* (такой перевод может вводить в заблуждение), а с помощью прилагательных (возможно описательно: *вдвое больший*; в современном русском языке – *двойной, удвоенный*). Вероятно, то же относится и к грамматике Шванвица.

- Теплов

Теплов никак не определяет эту группу, а среди примеров приводит такие слова: *simple* *единократный*; *double* *двоекратный*; *triple* *троекратный*; *quadruple* *четверократный*, *centuple* *стократный* (Теплов 1787: 58).

- Барсов

У Барсова используется русский термин «соразмерные», однако обозначает он слова, которые – по крайней мере теоретически – выражают тот же смысл, что и пропорциональные у Шванвица и Лебедева. Соразмерные Барсова отвечают «на вопрос *коликосугубый? то есть во сколько раз больше?*»,

²⁴⁸ Следует отметить, что у Адодурова в написанной им по-немецки русской грамматике слова типа *einfach, zweyfach, dreyfach* считаются эквивалентами иных русских слов: *единачий/одинакий, двоякий/двойной, троякий/тройной* (Адодуров 2014: 154).

напр.: *сугубый, двойной, тройной, десятерной, двадцатерной, четверичный, пятеричный, седмериный, десятеричный, сториный* (Барсов 1981: 505).

У Теплова нет смыслового определения группы, а как эквиваленты французских слов используются русские прилагательные, оканчивающиеся на *-кратный*, которых, в свою очередь, нет среди примеров соразмерных у Барсова (у него они – «умножительные»). Мне трудно судить, в чем причина этих интерпретационных различий. Так или иначе – с сегодняшней точки зрения и слова типа *двоекратный*, и слова типа *двойной* – это прилагательные, образованные от количественных числительных с помощью тех или иных формантов.

Барсов подчеркивает, что вместо приведенных им соразмерных числительных (явных прилагательных) также употребляются «вид наречий имеющие и неизменяемые выражения»: *вдвое, втрое, вчетверо...*, *вдесятеро, вдвадцатеро и всотеро*, а также *въ двести разъ, въ тысячу разъ* и т. д. (Барсов 1981: 505). Обратим внимание, что многие из этих слов использовались в качестве эквивалентов немецких и латинских пропорциональных числительных у Шванвица и у Лебедева.

Группа разделительных Барсова разительно отличается от одноименной группы у его предшественников. У него совершенно иначе понимается значение этого термина (на что указывает, в частности, и различие на уровне латинских терминов: у Лебедева термин «разделительные» являлся эквивалентом латинского термина *Distributiva*, а у Барсова он служит эквивалентом *Dividentia*).

Рус. разделительные числительные; лат. *Distributiva* (Лебедев), лат. *Dividentia* (Барсов):

- Шванвиц

Числительные, которые «значат разделение и употребляются при вопросе: *wie viel jedes mahl? no сколько во всякий раз?*». Это такие слова, как *zwey und zwey, no два; drey und drey, no три; paar und paar, no паре* (Шванвиц 1745: 157).

- Лебедев

Разделительные «поставляются при вопросе *quoteni, no сколько?* напр. *Singuli, ae, a, по одному. Bini, ae, a, по два. Terni, ae, a, по три*» (Лебедев 1808: 86).

- Теплов

Смыслового определения в работе нет. Приведенные автором примеры: *un à un, по одному; deux à deux, по два; trois à trois, по три; quatre à quatre, по четыре; cinq à cinq, по пяти; six à six, по шести* (Теплов 1787: 59).

Именно в эту группу – по не вполне понятным причинам – также отнесены существительные или количественные выражения *demi, половина; tiers, треть; un quart, un quartier, четвертая доля; un quarteron, двадцать пять, четверть; un cinquième, пятая часть* (Теплов 1787: 59).

- Барсов

Разделительные у Барсова отвечают на вопрос «*коликусугубый?* то есть на сколько разных родов какая-нибудь вещь разделяется» (Барсов 1981: 505). Группа числительных с подобной семантикой ('на сколько разных родов какая-нибудь вещь разделяется') в работах прочих трех авторов не упоминается. У Барсова разделительными числительными считаются прилагательные на *-губый* (*сугубый, трегубый, четверогубый*) и на *-який* (напр., *двоякий, троякий*, мало употребительные *четвероякий, четверакий*). Трудно сказать, являются ли разделительные Барсова его собственной находкой или же взяты ученым из какой-либо западноевропейской грамматики. Но, скорее всего, верно все же второе, так как в качестве названия группы используется латинский термин, и, кроме того, данная группа числительных относится к тем, которые Барсов считает «известными».

Одна из групп числительного выделяется лишь у Лебедева и Барсова: *multiplicativa*. У Лебедева они названы в общем описании числительного множественными (Лебедев 1808: 82), во фрагменте же, где представлены более детально, – множительными (Лебедев 1982: 86–87), а у Барсова – определяютс как умножительные (Барсов 1981: 505).

Лат. *Multiplicativa*, рус. множественные, множительные, умножительные числительные:

- Лебедев

Множительные «употребляются при вопросе *quotuplex, коликократный?* напр. *simplex, простой, одинакий; duplex, двоякий; triplex, троякий*²⁴⁹;

²⁴⁹ Слова типа *единакий/одинакий, двоякий, троякий* относились к *Numeralia Multiplicativa* и Адодуро-

quadruplex, quintuplex (quincuplex), sextuplex, septuplex, (septemplex), octuplex, novemplex, decuplex, centuplex, millecuplex и проч.» (Лебедев 1808: 86–87; подчеркнуто мной. – М. Д.).

- Барсов

Как и у Лебедева, умножительные у Барсова отвечают на вопрос *коликратный?* Однако в качестве примера приведены слова другого типа (в основном слова на *-кратный*, образованные от основательных): *двукратный* и *двоекратный* или *сугубый*; *трикратный* или *троекратный*; *четырекратный* или *четверократный*; *пятикратный* или *пятеро кратный* и т. д. (Барсов 1981: 505).

«Собирательные» выделяются лишь у Шванвица и Теплова. Эту группу составляют слова, которые с точки зрения, принятой в настоящей монографии, следовало бы считать не числительными, а счетными существительными.

Собирательные числительные:

- Шванвиц

Числительные, которые «в одном слове много чисел заключают». Приведенные Шванвицем примеры: *das Paar* (*пара*); *das Dutzend* (*дюжина*); *die Mandel* (*пятнацать*²⁵⁰), *das Schoer* (*шестьдесят*), *das Hundert* (*сто*) (Шванвиц 1745: 157).

- Теплов

Дефиниция не приводится, а среди примеров – следующие слова: *une couple / une paire* (*пара*), *une huitaine* (*неделя*), *une neuvaine* (*девятидневное моление*), *une dixaine* (*десяток*), *une douzaine* (*дюжина*), *une demi-douzaine* (*полдюжины*), *une quinzaine* (*пятнацать*), *une vingtaine* (*двадцать*),

вым. Современный переводчик русского издания грамматики Адодурова 2014 г., Л. Н. Григорьева, переводит латинское название этих слов как «кратные» (Адодуров 2014: 154–155).

²⁵⁰ Необходимо помнить, что разделение на разряды касается лишь немецких лексем. Русские лексемы, предложенные Шванвицем в качестве их соответствия, далеко не всегда полностью тождественны им по значению. Слово *пятнацать* у Шванвица является эквивалентом одной из лексем разряда основательных числительных – *fünfzehn*. Однако собирательное *die Mandel* и основательное *fünfzehn*, имеющие – по Шванвицу – одно русское соответствие, вряд ли можно считать синонимами. Слово *die Mandel* следовало переводить скорее как *пятнацать штук* (или, возможно, – *полтора десятка*).

une trentaine (тридцать), *une quarantaine* (сорокъ), *une cinquantaine* (пятьдесятъ), *une foixantaine* (шестьдесятъ), *une centaine* (сто), *une million* (милліонъ), *une millier* (тысяча), *un milliar* (тысяча милліоновъ), *un milliaffe* (тысяча тысячъ милліоновъ) (Теплов 1787: 58).

Как видно из приведенных выше примеров, термин «собираательные» используется совершенно не так, как в современной лингвистике, в которой он применяется к ряду *двое, пятеро* и т. д. В группе собираательных у Шванвица и Теплова находятся слова, значение которых содержит не только информацию о числе, но и указание на то, что речь идет о числе определенных вещей, предметов.

Слова типа *пара* и *дюжина* содержат указание на число, но не конкретизируют того, какие единицы считаются. Интересно, однако, что в этой группе у Теплова есть и другие существительные, семантически более сложные по сравнению с прочими входящими в нее словами: *une neuvaïne* (девятидневное моленіе). Такой же взгляд на это числительное представлен, например, и в английском учебнике французского языка «A Key to the French Language; or, Pocket-companion for Those who wish to Speak, Spell, Write, and Translate, With Ease, Expedition, and Correctness» (1782). В нем среди числительных разряда «Collective Numbers, which denote a Plurality of Things»²⁵¹, кроме упомянутых у Теплова слов (напр., *une neuvalne*, a novena, a nine days devotion; *une huitaine*, eight days together; *une quinzaine*, fifteen things), выступают и такие, которые Тепловым не приводились, напр. *une tierce*, a tierce, a sequence of three cards (1782: 132)²⁵².

Барсов же не включил слова такого типа (*пара, дюжина*) в числительное скорее всего потому, что грамматически это явные существительные, у Барсова же числительное считается разновидностью прилагательного.

Лишь у Лебедева выделяется группа «время значащих» числительных, которые отвечают на вопрос *сколь стар?* Это прилагательные типа *bimus*, *двулѣтнѣй*; *trimus*, *трехлѣтнѣй*; происходящие от них прилагательные типа *bitulus*, *trimulus* и существительные типа *bimatus*, *двулѣтнѣе время*; *trimatus* и проч. (Лебедев 1808: 87).

²⁵¹ Ср., напр., с определением «собираательных» числительных Шванвица, приведенным выше.

²⁵² Слова подобного типа, обозначенные термином «Des Nombres collectifs», представлены также, напр., в работе Перрена «A Grammar of the French Tongue...»: *dizaine, douzaine, quinzaine, trentaine, quinzain, trentain* и т. д. (Perrin 1783: 339).

Различия в понимании того, какую информацию передают слова данного словообразовательного типа, в тексте Барсова и в прочих трех текстах таковы:

Словообразовательный тип	Сематическая трактовка		
	Барсов	Лебедев	Теплов
На -кратный (двукратный/ двоекратный и т. д.)	Умножительные (коликокрaтный?)		Пропорциональные числительные: <i>simple</i> <i>единократный</i> ; <i>double</i> двоекратный; <i>triple</i> троекратный
На -який (двоякий, троякий и т. д.)	Разделительные («коликусутубый? то есть на сколько разных родов какая-нибудь вещь разделяется»)	Множительные (коликокрaтный?): <i>duplex</i> , двоякий; <i>triplex</i> , троякий	

В целом, несмотря на некоторые довольно заметные расхождения в использовании тех или иных терминов, в понимании того, какие именно слова выражают в русском данный смысл и т. д., у числительного Барсова все же много общего с числительным, представленным в работах Шванвица, Теплова, а следовательно, и в западноевропейских, особенно немецких, грамматических работах того периода.

Кроме вышеперечисленных пяти групп, Барсов выделяет еще две группы числительных, которые, по его мнению, характерны лишь для русского языка, а в других языках не встречаются.

Во-первых, это группа «соединительных», которая мыслится Барсовым в качестве подвида «основательных». (В сегодняшней же лингвистике слова этой группы обычно называются «собираТЕЛЬными числительными» и не считаются подви́дом соответствующих «основательным» Барсова «определенно-количественных».) Барсов пишет:

В российском языке находятся еще другим языкам не известные и потому особого звания не имеющие числительные основательные, которые можно назвать

соединительными, поелику оные означают лица или вещи в соединении и в сообществе существующие, действующие или страждущие, каковые суть:

а. *двое, трое* и кончающиеся на *ро четверо* и проч., *десятеро, дватцатеро, сотеро*, и не далее, которые все происходят от первообразных: *два, три, четыре* и проч., *десять, дватцать* и *сто*.

б. а от них еще производные же с малою отменюю, то есть с переменою окончаний *е* на *и*, а *о* на *ы*: *двои, трои, четверы* и проч., *десятеры, сотеры*.

в. первым из сих, то есть на *и* кончающимся, уподобляется *обои*.

г. к сему званию может отнесено быть и первообразное сего последнего, *обое* или *оба* (1981: 505–506).

Говоря о том, что эти слова не характерны для других языков, а потому у них нет своего определенного названия, Барсов, по-видимому, имеет в виду данные, представленные в известных русскому читателю того времени грамматических трудах по европейским языкам, среди которых, безусловно, должны были быть и упомянутые нами выше написанные по-русски грамматики немецкого, латинского и французского. Следует, однако, отметить, что относительно того, что числительные этого типа в других языках отсутствуют, Барсов все же явно ошибается. Например, подобная группа собирательных (польск. *zbiogowe*), этимологически тождественная русской, известна в польском: *dwoje* (ср. *двое*), *troje* (ср. *трое*), *czworo* (ср. *четверо*), *pięćcioro* (ср. *пятеро*) и т. д. Эти слова были представлены как числительные уже в первой грамматике польского языка (написанной на латыни) Петра Статориуса (лат. *Petrus Statorius*, польск. *Piotr Stoiński*, также *Stojeński*) «*Polonicae grammatices institutio. In eorum gratiam qui eius linguae elegantiam cito & facile addiscere cupiunt*» (Краков, 1568). Они рассматриваются Статориусом наравне с обычными числительными (*jeden, dwa, trzy*) и не выделяются ученым в особую группу с отдельным названием²⁵³.

Подчеркнем, что Барсов считает «соединительные» (в современной терминологии – собирательные) числительные разновидностью основательных. При этом между ними и прочими основательными Барсов видит определенные, довольно субтильные семантические различия, попытку охарактеризовать которые предпринимает в работе (Барсов 1981: 506).

²⁵³ В разделе о синтаксисе, в котором в качестве видов *Numeralia Nomina* Статориус выделяет *cardinalia*, *ordinalia* и *distributiva* (выражения типа *po jednym, po dwu, po trzech, po czterech*), примеры слов этого ряда не приводятся. Однако они упомянуты в разделе о словоизменении. Судя по представленному здесь описанию, слова данного типа рассматриваются ученым как относящиеся к группе *cardinalia*.

Кроме того, Барсов выделяет группу «половинных» числительных. Из целого ряда слов, которые в нее входят, в современном русском языке сохранились лишь *полтора*, а также *полтора́ста*:

Напоследок собственное же российскому языку, впрочем, *безымянное* выражение есть одного или нескольких целых чисел с половиною, чрез слово *полъ* с окончанием, заимствованным как бы от родительного порядковых числительных усеченных. Оные для различения могут названы быть *половинными* и суть следующие: *полтора́*, *полчетверта́*, *полпята́*, *полшестя́*, *полсема́*, <*полосма́*> *полдевята́*, *полдесята́*, *полдвацата́* и проч., также *полтретья́* (Барсов 1981: 506–507).

Выделение этой группы нельзя считать заслугой Барсова, так как слова данного типа – в частности, *полтора*, *полтретья*, *полдесята* – были упомянуты среди производных имен числительных и у Ломоносова (1755: 101). Барсов лишь предложил термин для их обозначения²⁵⁴.

Подводя итоги вышесказанного, следует отметить, что числительное мыслится Барсовым как ряд словообразовательно-семантических групп имени прилагательного, объединенных общим смыслом числа²⁵⁵. В понятийном отношении, по своему статусу в грамматической схеме это числительное ближе, например, к выделенным из общего класса имен «именам притяжательным» (*жена* → *женнинъ* и т. д.)²⁵⁶, чем к существительному или прилагательному, разнovid-

²⁵⁴ В равной степени это относится и к группе соединительных Барсова (*двое*, *трое*), которые также упоминались Ломоносовым среди числительных («производных простых и сложных»).

²⁵⁵ В текстах же Шванвица, Лебедева и Теплова (у которых, как и у Барсова, имя может принадлежать к двум основным разновидностям: к существительным или к прилагательным) числительное представлено скорее как смысловой класс имени вообще, который может объединять в себе и слова, грамматически являющиеся существительными, и слова, грамматически являющиеся прилагательными, и такие, которые трудно было бы однозначно посчитать либо теми, либо другими. Далее эти имена (именно об именах числительных говорится во всех трех работах) делятся по словообразовательно-семантическим критериям на группы. Этот класс не претендует на статус отдельной части речи.

²⁵⁶ Ср. также описываемые Барсовым имена «отечественные» (*Сибирь* → *сибирякъ*), имена умалительные ласкательные (*зуб* → *зубок*) и умалительные презрительные (*дом* → *домишко*). У слов этих групп усматривается не только сходное строение, но и сходный смысл, по которому эти группы и получают в грамматике свои названия.

В общий список «разных званий имен производных» (притяжательных, отеческих, отечественных, умалительных и т. д.) числительное в целом, конечно, попасть не могло (1981: 413), так как часть числительных – производные слова (простые <*пяты́й*> и сложные <*пятьдеся́т*>), а часть из них – первообразные (*пять*, *первый*), но их видение как некоего подтипа прилагательных, объединяющего в себе, в свою очередь, более мелкие разряды морфологически связанных с «основательными» (образованных от них с помощью тех или иных аффиксов) слов с определенным значением, основывается, по-видимому, на подобном мышлении о языковой материи.

ностью которого оно считается. Общая идея принадлежности понимаемого таким образом числительного к классу прилагательных предопределила те подвиды слов, которые вошли в эту группу. В ней преобладают типы, включающие в себя слова, грамматически, с сегодняшней точки зрения, являющиеся типичными прилагательными. Из семи групп это четыре: порядковые, соразмерные, разделительные и умножительные. Если бы речь здесь шла о части речи и определении ее состава, многочисленность разрядов и основания конкретных решений, принятых ученым, могли бы вызывать определенные сомнения. Однако у Барсова представлены результаты совершенно другой работы: это выделенные им словообразовательно-семантические классы слов, которым посредством включения их в состав имени прилагательного приписаны некие общие грамматические и смысловые свойства.

Насколько сама применяемая частеречная классификация точна и насколько удачно принятое Барсовым решение – вопрос совершенно иного характера, и здесь он рассматриваться не будет. Следует учитывать, что «прилагательность» в случае числительного понимается ученым скорее как философско-логическое свойство, а не как грамматическая специфика. Например, рассматривая словоизменение, ученый выделяет числительные, «сходствующие» по склонению с прилагательными, и числительные, «сходствующие» в склонении с существительными (с теми или иными отличиями от стандартных парадигм отдельных слов или типов) (508–510). Числительное – это слова, принадлежащие имени прилагательному, т. е. к нему применимо определение имени вообще и определение прилагательного в частности. Барсов пишет:

Имя есть часть речи изменяемая, показывающая вещь самую или качество вещи. Напр., *небо, чѣловекъ, страсть, глубина, гусли* суть вещи; а *великій, пасмурное, звонкія, неудобозримая, безчестная* суть качества *некоторых вещей* (410–411).

Имя разделяется на имена существительные и на имена прилагательные. Последними «показывается качество вещей или лиц и ответствуется на вопросы *какой? какая? какое?* или *каков? какова? какво?*» (411). Далее Барсов дает следующую характеристику прилагательных, логико-философскую, психологическую и синтаксическую одновременно:

Прилагательными ж называются потому, что прилагаются к существительным, для показания их качеств; и без сего приложения не могут точно и определенно в ум представленны быть. Напр. *великій, великъ*: неизвестно, *человѣкъ* ли или *камень*, или *стукъ*. *Великая <велика>*: *гора* ли или *бездна*, или *печаль*. *Великое <велико>*:

дѣло ли или *веселіе*, или *огорченіе*. *Великіе* <велики>: *люди* ли или *лѣсъ*. *Великія: рѣки* ли или *моря* и проч. Ибо оныя прилагательныя ко всем сим существительным и к премногим другим, в разных случаях с равною пристойностью приложены быть могут (1981: 411)²⁵⁷.

И, наконец, числительное:

Между прилагательными особо примечаются имена *числительныя*, то есть число вещей показывающіе, как то *одинъ*, *два*, *три* и проч., *десять*, *двадцать*, *тридцать* и проч., *одиннацать*, *двадцать три*, *пятьдесят шесть* и проч., *сто*, *двѣсти*, *триста* и проч., *тысяча*, *десять тысячъ*, *сто тысячъ* и проч., *первой*, *второй*, *третьей*, *десятой*, *двадцать девятой*, *сотой* и проч. (1841: 416).

Работа Барсова содержит одно из первых упоминаний о важной особенности русских числительных: их различном синтаксическом поведении в именительном/винительном и в прочих падежах. Ученый отмечает его у некоторых включенных им в числительное слов. В разделе, посвященном синтаксису именных словосочетаний («О сочинении имен»), Барсов пишет, в частности, что числительные «...*два*, *двѣ*, *три*, *четыре*, будучи употреблены в именительном падеже, или в винительном, токмо не изменя сих самых окончаний, не соглашаются в оных падежах со своим существительным; но сие полагается с ними в родительном падеже единственного числа, напр. *два брата*, *двѣ руки*, *два села*, *по два мужа*, *по двѣ жены*, *три дома*, *четыре ноги*...» (Барсов 1981: 170).

²⁵⁷ Сходные определения прилагательного – через посредство характера его связи с существительным – можно найти и у других русских языковедов:

Лебедев: «Имя существительное есть слово, которое без прибавления Прилагательного разуметь можно, напр. *lapis*, *камень*; *creta*, *мѣль*; *ovum*, *яице*. Имя прилагательное есть, которого без прибавления Существительного разуметь не можно, напр. *albus*, *бѣлый*, т. е. *камень*; *alba*, *бѣлая*, т. е. *глина*, *album*, *бѣлое*, т. е. *яице*» (1808: 9–10).

Теплов: Имя прилагательное «показывает обстоятельства какой вещи, и оного без прибавления имени существительного разуметь не можно, напр. *rouge*, *красный*; *aimable*, *пріятный*; *genereux*, *великодушный*, *щедрый*» (1787:25). О существительном соответственно: «Имя существительное есть слово, означающее вещь какую или лице, которое можно разуметь без прибавления имени прилагательного, и во французском языке полагается перед ним член...» (1787: 24–25).

Ломоносов: «Воображение вещей приводит в ум наш купно их качества. Вещи к качествам не присоединены необходимо, качества без вещи самой быть не могут. И так, имена, значащие вещь самую, называются существительныя, например, *огонь*, *вода*, значащие качество именуются прилагательныя: *великой*, *свѣтлой*, *быстрая*, *чистая*» (1755: 27–28).

Иначе, без психологичности и синтаксичности определений Лебедева, Теплова, Ломоносова и Барсова, прилагательное определяется у Шванвица: «Прилагательное имя есть такое слово, которое обстоятельство и состояние вещи или лица описывает, как: ein *alter* Mann, *старый* мужъ; eine *kluge* Frau, *разумная* жена; ein *festes* Haus, *твердой* домъ» (Шванвиц 1745: 101).

В остальных же случаях эти числительные склоняются «согласно с существительными своими» (Барсов 1981: 170).

Подобные свойства характерны и для числительных типа *пять, шесть, пятьдесят, сто, триста* и т. д., которые, как пишет Барсов, «будучи сами в именительном или в винительном падеже, существительное принимают к себе в родительном множественном, напр. *Семь братьевъ, тринацать городовъ...*», а в прочих падежах «иногда склоняются согласно с существительным, напр. *Семи братьевъ, тринацати городамъ...*» (1981: 170–171).

Сходные замечания Барсов делает и касательно некоторых «соединительных» числительных, в частности, слов ряда *двое, трое, четверо* и т. д. В основной своей форме (т. е. соответствующей именительному падежу) эти числительные «принимают существительное имя в родительном множественном», в прочих же падежах – «склоняются согласно с существительными» (*шестерыхъ мѣщанъ* и т. д.) (Барсов 1981: 173–174)²⁵⁸.

Нельзя не отметить, что наиболее важные черты падежного контраста числительных показаны у Барсова ясно и точно. Внимание читателя в представленном выше описании акцентируется и на специфике именительного/винительного падежей (числительное влияет на существительное тем или иным образом), и на том, что в косвенных числительное склоняется согласно существительному, как это характерно для прилагательных. Следует напомнить, что числительные в трактовке Барсова являются разновидностью прилагательных. Числительные, характеризующиеся падежным контрастом, оказываются в таком понимании особыми прилагательными, которые отклоняются от поведения прилагательных в именительном и винительном, но соответствуют ему – во всех прочих²⁵⁹.

Обобщая вышесказанное, необходимо еще раз заметить, что в работе Барсова содержится одно из первых описаний явления падежного контраста

²⁵⁸ Если судить по тому, что пишет Барсов, числительное *оба/обѣ* в русском языке 80-х годов XVIII в. еще колебалось в своей частеречной принадлежности. В некоторых падежах это слово «склонялось согласно с существительными». Однако в основной своей форме (т. е. в именительном либо сходном с ним винительном) *оба* может как «принимать» существительное в родительном падеже единственного числа, так и выступать «в согласии» с ним (ср. *оба брата* vs *оба братья*), т. е. как согласовываться с существительным, так и управлять его формой (Барсов 1981: 173–174). При *обѣ* же в им. и вин. п., как указывает Барсов, «много есть разностей», ср., напр., «*обѣ руки*, а не *руки*, но *обѣ воды*, а не *воды*» (Барсов 1981: 174).

²⁵⁹ Показательно, что, описывая свойства числительных в косвенных падежах, Барсов всегда подчеркивает, что они «склоняются согласно с существительным» (используются очень похожие формулировки). А обладать «согласием» с существительным – характерное для прилагательных свойство (1981: 165).

числительных. Однако рассматривается оно, фактически, в качестве особого свойства некоторых прилагательных, как отклонение от характерного для них синтаксического поведения. Собственно говоря, если исследователь не осознает частеречности числительного, двоякие свойства числительных в морфосинтаксическом отношении predisполагают считать их именно прилагательными. Дело в том, что «существительность» числительного связана лишь с одним, максимум двумя падежами (именительным, иногда равным ему винительным), а «прилагательность» – с остальными пятью (минимум четырьмя) – и в результате исследователю проще считать, что это «исключение» из поведения, характерного для прилагательного, а не наоборот.

Остается лишь добавить, что грамматика Барсова, к сожалению, так и не была издана (до 1981 г.)²⁶⁰, поэтому в конце XVIII в. она не была известна широкому кругу читателей и не оказала такого влияния на русистику того периода, как грамматика Ломоносова. Однако с работой Барсова были знакомы ученые более позднего времени, например Буслаев (1818–1897), опубликовавший извлечения из нее (Буслаев 1855), и, предположительно, Фортунатов (1848–1914) (Успенский 1981: 5, 7–8).

4. Учебная грамматика Е. Б. Сырейщикова (1787)

В учебной грамматике Евгения Борисовича Сырейщикова «Краткая российская грамматика, изданная для народных училищ Российской империи» (Санкт-Петербург, 1787)²⁶¹ имя, наверное впервые в истории русских грамматических описаний, делится не на две, а на три основные разновидности: существительное, прилагательное и числительное²⁶². Это все еще не отдельные

²⁶⁰ Комиссия о народных училищах, поручившая Барсову работу над ней, не решилась печатать ее, поскольку грамматика Барсова «далеко превышала объем и требования курса народных училищ» (27). Успенский пишет: «Барсов создал научную, а не учебную грамматику русского языка; это обстоятельство обесценило труд Барсова в глазах Комиссии о народных училищах, но делает его особенно ценным для нас» (27). Вместо грамматики Барсова Комиссия постановила напечатать краткую грамматику, составленную Е. Б. Сырейщиковым (Успенский 1981: 26).

²⁶¹ В самой книге авторство не обозначено. На то, что ее автором является Е. Б. Сырейщиков, указывают Булич (1904: 237), Булахов (1976: 238) и Успенский (1981: 9).

²⁶² Во всех работах, изданных или написанных ранее, которые мы рассмотрели, имя разделяется на два основных вида: существительное и прилагательное. «Двоякость» имени, как правило, подчеркивается авторами особо:

Адодуrow: «Имя может быть двух видов, а именно *существительное* (*Substantivum*) или *прилагательное* (*Adiectivum*)» (Адодуrow 2014: 107).

части речи (они рассматриваются как разновидности одной), однако в такой трактовке имени теоретический статус числительного становится более определенным (не в том смысле, что его понятие и объем становятся ближе к реальной части речи, а в том, что оно яснее представлено). Кроме того – яснее и прозрачнее становится и понимание прилагательного²⁶³. До того, чтобы считать эти три разновидности имени отдельными частями речи, остается, казалось бы, один лишь шаг (но чтобы его сделать, русской лингвистике потребовалось еще несколько десятков лет).

Имя выделяется в работе по смысловому (традиционному «философскому») признаку, по нему же преимущественно разделяются существительное, прилагательное и числительное:

Имя есть та часть слова [речи – М. Д.], которая показывает *лицо* или *вещь*; также *качество лица* или *вещи*, то есть: *каково лицо* и *какова вещь*.

Имя бывает:

I. Существительное

II. Прилагательное

III. Числительное

Существительное имя есть то, которое показывает *лицо* или *вещь*. <...>

Прилагательное имя есть то, которое показывает *качество* лица или вещи, то есть: *каково* лицо и *какова* вещь, и разделяется на три рода, на мужеский, женский и средний. Напр., *полезный, полезная, полезное*. <...>

Числительное имя есть то, которое показывает количество лиц или вещей, то есть: *сколько* лиц или вещей и *порядок*, которым лица или вещи одна за другою следуют (1787: 3–7).

Из определения видно, сколь близкими видит автор числительное и прилагательное: они характеризуют вещи или лица, названные существительным.

Шванвиц: «Имя есть двоякое, *существительное* и *прилагательное*» (101).

Лебедев: «Имя есть двоякое: *Существительное* (Substantivum) и *Прилагательное* (Adjectivum)» (9).

Теплов: «Имя есть двоякое: *Существительное* (Substantif) и *Прилагательное* (Adjectif)» (24).

²⁶³ Я имею в виду теоретическую сторону вопроса. На практике же в работах, в которых имя числительное отождествляется с именем прилагательным, оно так или иначе описывается отдельно от него, по причине многочисленности различий между словами этих двух типов в разных аспектах – различий, особенно резко проявляющихся при сравнении с прилагательными «основательных» числительных. Например, многие прилагательные обладают степенями сравнения, числительные же их полностью лишены, многие слова, считающиеся учеными числительным (т. е. и прилагательным), склоняются как типичные существительные (напр. *тысяча, миллион* и т. д.). Прилагательное намного более однородно и его намного проще описать в обобщенном виде, числительное же (то, что понимается под ним в работах того времени) – напротив, крайне разнородно. Авторы отделяют числительное от прилагательного уже на уровне структуры текста (разделов или глав, во всяком случае, при описании морфологии).

У Сырейщикова выделены всего две разновидности числительного. Обращают на себя внимание их названия, а в частности то, что Сырейщиков частично отходит от терминологии, применявшейся у Шванвица, Лебедева, Теплова, а затем и у Барсова. Термин «основательные» он заменяет на «количественные». Этот термин соответствует современному традиционному названию группы. Возможно, среди изданных по-русски грамматик термин «количественные» в отношении числительных типа *два, три* и т. д. впервые был применен именно у Сырейщикова. Название же второй группы – термин «порядочные» – встречался уже у Шванвица, у Лебедева и Теплова, а затем и у Барсова (хотя Барсов как альтернативу ему предлагал использовать «порядковые»). Типам числительного Сырейщиков посвящает следующий текст:

Имена числительные бывают:

- 1) *Количественные*, которые показывают количество лиц или вещей, то есть: *сколько* лиц или вещей, и суть: *одинъ, два, три, десять, сто, тысяча*.
- 2) *Порядочные*, которые показывают порядок, которым лица или вещи одна за другою следуют. Напр., *первой, другой, третий, десятой, сотой, тысячной* (Сырейщиков 1787: 7).

Более всего такое числительное напоминает то, которое было представлено у Ломоносова. У Ломоносова, однако, эти группы не получили своих конкретных названий. Кроме того, у Сырейщикова состав числительного по сравнению с Ломоносовым представлен несколько упрощенно. В группу «производных простых и сложенных» числительных у Ломоносова, помимо слов, именуемых Сырейщиковым «порядочными», входят и слова других типов: *двое, трое, четверо* и проч.; *полтора, полтретья, полдесята* и проч. (Ломоносов 1755: 101).

Отметим, что слова, связанные с выражением числа, Сырейщиков выделяет и среди наречий. Автор называет их «наречиями числа»: *однажды, многаяжды* и т. д. (1787: 45). Тем не менее, эти наречия и имена числительные отделены друг от друга в частеречном плане (как имена и наречия). У Ломоносова также встречалась подобная группа наречий («числительные наречия»), не смешиваемая с числительными именами несмотря на общий смысловой элемент.

В целом, у Сырейщикова нет такого широкого охвата лингвистического материала, который мы видим, например, у Барсова. Однако те виды слов, что описываются у Сырейщикова в качестве числительного, представлены прозрачно и без явных противоречий в теории (числительное понимается

как разновидность имени с тем же статусом, что прилагательное или существительное).

5. Учебники П. Соколова (1788, 1792)

Грамматический учебник Петра Соколова²⁶⁴ «Начальные основания российской грамматики» в первом издании вышел на год позднее учебника Сырейщикова, в 1788, а во втором, исправленном и дополненном, – в 1792 г. Описание числительного в этих двух версиях учебника заметно разнится.

В частности, в первом издании имя (по выражаемому им смыслу) разделяется на *существительное, прилагательное и числительное*:

Имя есть словесное изображение или (1) самой вещи, напр.: *Богъ, человекъ, земля*, и пр., или (2) качества и состояния вещей, напр.: *Премудрый, вѣчный, разумный, ветхій, плодоносная*, или же (3) количества оных, напр.: *Два человекъ, десять заповѣдей* и пр., и по сему имена бывают или *Существительные, или Прилагательные, или Числительные* (1788: 31; подчеркнуто мной. – М. Д.)²⁶⁵.

Статус числительного в результате вполне ясен. По тому, что оно может означать (это подчеркивается в тексте), числительное делится на основательные и порядочные, причем среди основательных указаны и числительные типа *двое, трое, четверо*:

Числительные по знаменованию своему разделяются на

а) *основательные*, которые показывают число вещей, и употребляются по вопросу *сколько?* таковы суть: *Одинъ, два, двое; три, трое; четыре, четверо; пять, пятеро; шесть, шестеро; семь, семеро; осьмь, осмеро; девять, девятеро; десять, десятеро; одиннадцать, двенадцать, тринадцать* и пр.: *двадцать, тридцать, сорокъ, пятьдесят, шестьдесят, семдесят, восемьдесят, девяносто, сто, двести* и проч.: *тысяча, миллионъ, тьма*.

б) *порядочные*, которые показывают порядок вещей и поставляются по вопросу *какой?* такие суть: *Первый, второй, третій, четвертый, пятый, шестой, сед-*

²⁶⁴ Петр Иванович Соколов (1764–1835), в 1786 г. был назначен учителем русского языка в Академической гимназии и оставался на этой должности около 18 лет. В 1793 г. был избран в члены Императорской Российской академии. С 1802 г. до смерти – неперемный секретарь Императорской Российской академии (Модзалевский 1909).

²⁶⁵ Начиная с этой цитаты и далее, во всем разделе я буду последовательно использовать принцип передачи текста, примененный в издании грамматики Барсова 1981 г. (Тоболова 1981: 31): знак *ѣ* во всех приведенных цитатах будет заменен знаком *і*.

мый, осмый, девятый, десятый, одиннадцатый и проч.: двадцатый, тридцатый, сороковый и проч.: Сотый, тысячный и проч. (1788: 43).

Вопрос различия или идентичности значений слов типа *два/двое* и т. д. не затрагивается, в отличие, например, от текста Барсова, где, несмотря на то, что соединительные типа *двое* считаются разновидностью основательных, семантические различия между числительными этих двух типов оговорены особо.

Кроме того, у Соколова, как в первом, так и во втором издании, выделяются не только числительные имена, но и так называемые числительные наречия, по-видимому – под влиянием Ломоносова. В обоих изданиях среди примеров этой группы наречий даны: *сколько, многократно, многожды, однажды, дважды, трижды, четырежды, пятью, шестью* (Соколов 1788: 60; Соколов 1792: 171)²⁶⁶. Однако имя и наречие отделены в частеречной классификации Соколова, а следовательно – числительные имена и числительные наречия все же не принадлежат одному классу, несмотря на сходный элемент в их названиях (передающий связь значения слов обоих типов с числом)²⁶⁷.

Трудно было бы не заметить, что в плане общего понимания имени числительного первое издание учебника Соколова фактически ничем не отличается от рассмотренной нами ранее работы Сырейщикова. В обеих книгах имя делится на три разновидности (существительные, прилагательные и числительные), по-видимому, представляемые авторами как классы, не пересекающиеся друг с другом (слово, входящее в один из них, не должно входить в другие), а имя числительное разбивается на две смысловые группы (в обоих учебниках – по сути те же)²⁶⁸.

²⁶⁶ Кроме того, среди наречий в учебнике есть и две другие группы, которые могут быть интересны в контексте описания числительного:

- количество вещей изображающие: *много, помногу, обильно, мало* и проч.
- порядочные: *впервые, вторые* и пр., *даже, потомъ, наки, опять, еще*, во втором издании также: *посльди, вновь, снова* (Соколов 1788: 61; Соколов 1792: 171).

Они не включены ни в числительные наречия, ни тем более в числительные имена.

²⁶⁷ В этой связи следует отметить, что в некоторых современных учебниках и грамматиках под общим названием «числительное» слова склоняемые (типа *два, четырнадцать, трое* и т. д.) начинают объединяться с неизменяемыми словами, в предложении используемыми в совершенно других синтаксических ролях, т. е. числительное фактически перестает восприниматься в качестве именной части речи.

²⁶⁸ Незначительное отличие есть на уровне терминологии, используемой для обозначения видов числительного: слова, в книге Сырейщикова названные «количественными», в первом издании учебника Соколова называются «основательными». Некоторые – лишь поверхностные – расхождения между работами Соколова и Сырейщикова есть и в определении смысла, выражаемого числительными именами двух разновидностей: числительные первого типа «показывают количе-

Во втором издании учебника Соколова (Соколов 1792) более заметно влияние учебников иностранных языков Шванвица, Лебедева и Теплова (либо какого-то из них), а также влияние труда Ломоносова, причем некоторые из изменений, внесенные Соколовым по сравнению с первым изданием работы, по моему мнению, не улучшили описание числительного, а скорее наоборот – внесли в него определенные противоречия или как минимум значительно его усложнили.

Прежде всего, имя в этом издании вновь состоит лишь из существительного и прилагательного (1792: 45).

Однако статус имен числительных по отношению к прилагательным и существительным здесь все же несколько яснее, чем в работах предшественников Соколова. Это не класс имен с не вполне ясным по сравнению с существительными и прилагательными статусом (как у Ломоносова). Это и не подвид прилагательного (как у Барсова). У Соколова напрямую утверждается, что это смысловой класс имен, объединяющий в себе и слова, относящиеся к прилагательным, и слова, относящиеся к существительным (более того: любое числительное имя относится или к тому, или к другому типу). Таким образом, под именем числительным фактически понимаются числительные имена прилагательные и числительные имена существительные. В описание того, какие имена числительные являются прилагательными, а какие – существительными, Соколов не углубляется. Он приводит лишь несколько примеров.

- I. Числительные имена означают число или количество вещей, напр. *два человека; три корабля*. Здесь слово *два* означает число людей, а *три* число кораблей показывает.
- II. Числительные бывают или существительные, напр. *сто, тысяча, миллионъ* и проч., или прилагательные, напр. *первый, второй* и пр. (1792: 69).

Интересно, что разительно сходные описания числительного можно встретить и в работах, написанных более чем на столетие позже, в частности у Шахматова, у которого числительное бывает и наречием, и существительным, и прилагательным.

ство лиц или вещей» (Сырейщиков) или «показывают число вещей» (Соколов), второго – «показывают порядок, которым лица или вещи одна за другою следуют» (Сырейщиков), «показывают порядок вещей» (Соколов). Тем не менее, вышеприведенные расхождения в формулировках смыслов («количественного» и «порядкового») в этих двух работах вряд ли выливаются в различие соответствующих классов по составу.

Соколов, скорее всего, имел в виду существительные и прилагательные в грамматическом отношении. Однако получены они в работе через перечисление того, каковы бывают обобщенные значения слов, принадлежащих этим классам. Определение того, что такое существительное и что такое прилагательное, посредством понятий «лица и вещи» и «качества», используемых его предшественниками, Соколов, по-видимому, считал недостаточным или излишне обобщенным и пытался его уточнить.

Имя прилагательное и его морфологические свойства в учебнике Соколова рассмотрены до представления имени числительного. Во втором издании учебника Соколов описывает 10 обобщенных смыслов, выражаемых прилагательными (в первом же такая детальная разбивка прилагательного по смыслам не применялась вообще). Один из этих смыслов выражают прилагательные, являющиеся числительными именами:

Имя прилагательное есть речение, само по себе ничего не означающее, но, будучи приложено к имени существительному, значит или

- 1) качество, свойство вещи, напр. душа *разумная*; воздух *упругий*; <...> или
- 2) состояние вещи, напр. человек *богатый* <...> или
- 3) принадлежность, приличность вещи, напр. *ангельский, божеский, человеческий* <...> или
- 4) вещество, из чего что сделано, напр. *домъ деревянный* <...> или <...>
- 5) меру, напр. дворъ *длинный, широкій, пространный*; путь *дальній, ближній*; или
- 6) количество, напр. *единъ* Богъ, *двѣ* руки; *три, четыре* человекъ и проч. (1792: 61–62; подчеркнуто мной. – М. Д.).

При описании существительного также выделены несколько смысловых групп, но ни одна из них не отведена числительным, и ни в одной из них числительные не упоминаются среди примеров:

Имя Существительное означает самую вещь, напр. человекъ, животное, гора, море, рѣка и проч. или 2) свойство вещей, напр. *величина, тяжесть, сила, упругость, твердость, теплота, стужа, цвѣтъ*, и проч. или 3) их способности или неспособности, напр. *память, безпамятство; понятіе, тупость; зрѣніе, слѣпота; слышаніе, глухота; теплота, стужа*; и проч. 4) добродетели или пороки, напр.: *благочестіе, нечестіе; вѣра, невѣріе; воздержаніе, роскошь; щедрость, скупость* и проч. 5) страсти: *радость, печаль; надежда, отчаяніе* и проч. 6) деяние, напр. *шествіе, странствованіе, теченіе*, и проч. (1792: 46).

Возникает вопрос, насколько соответствуют реальному положению дел те разные свойства, которые в результате оказываются приписаны числительным двух подвидов имени. Например, *четыре* как прилагательное считается словом, означающим количество, лишь будучи приложенным к существительному, а, например, *сто* как слово, считающееся существительным, должно быть лишено таких свойств, т. е. означать «самую вещь» и вне соединения с существительным.

Вообще, структура главы об имени не соответствует тому «вторичному» статусу, которое Соколов приписал числительному во втором издании учебника. Другие смысловые подвиды прилагательного или существительного – за исключением числительных – не вынесены на тот же уровень структуры текста, что и эти классы высшего порядка:

ГЛАВА ПЕРВАЯ. О имени вообще.

ЧЛЕН I. О имени существительном.

ЧЛЕН II. О имени прилагательном.

ЧЛЕН III. О именах числительных.

ЧЛЕН IV. О произвождении имен женских от мужеских.

Подвиды числительных, выделенные Соколовым во втором издании учебника, представлены как смысловые и в общих чертах близки тем, которые описаны в первых русских учебниках иностранных языков, упомянутых мной ранее. В частности, Соколов заимствует терминологию, выработанную в учебниках Шванвица, Лебедева и Теплова, для обозначения разрядов числительного: «Числительные по знаменованию своему разделяются на *основательные*, *порядочные*, *множительные* и *разделительные*» (1792: 69).

В понимании основательных Соколов проявил наибольшую самостоятельность, заметно расширив эту группу:

Основательные суть те, которые показывают число вещей и употребляются по вопросу сколько? Напр. *Сколько у человека чувствъ? Пять. Сколько лѣтъ прошло отъ Рождества Христова? Тысяча семь сотъ девяносто.* – *Основательные* разделяются на *определенные* и *неопределенные*.

Определенные основательные суть те, которые показывают известное или определенное число вещей, каковы суть: *одинъ, два, двое, оба; три, трое; четыре, четверо; пять, пятеро; шесть, шестеро; семь, семеро; осьмь, осмеро; девять, девятеро; десять, десятеро; одиннадцать, двенадцать, тринадцать* и проч. *Двадцать, тридцать, сорокъ, пятьдесятъ, шестьдесятъ, семдесятъ, восемьдесятъ, девяносто, сто; двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ, шестьсотъ, семьсотъ,*

восемьсотъ, девятьсотъ, тысяча, миліонъ, тьма. Сюда же принадлежат и следующие: *двойка, тройка, четверка, пятокъ, десятокъ, пара, дюжина, полтора, полтретья* и проч.

Неопределенные основательные суть те, которые неизвестное или неопределенное число вещей показывают, каковы суть: *нѣсколькій, многій, многочисленный, весь* (1792: 69–70).

Соколов внес следующие изменения по сравнению с работами своих предшественников:

- В его работе было введено разделение основательных на определенные и неопределенные, в результате чего в группу попали прилагательные *нѣсколькій, многій, многочисленный, весь*, ранее в числительное не включавшиеся. Подобное видение числительного с разительным сходством используемой терминологии – «определенные» и «неопределенные» количественные (соответствие основательных) – встречается во многих современных грамматиках, как школьных (напр., Хлебинская 2011), так и академических (напр., Грамматика 1980). Вряд ли, однако, это непосредственное заимствование из учебника Соколова (однако источником могла быть академическая грамматика 1802 г., в создании которой П. Соколов принимал непосредственное участие).
- У Соколова среди основательных числительных появляются существительные *двойка, тройка, пятерка, пяток, десяток*, которые у Адогурова, Ломоносова и Барсова числительными не считались. Однако у Шванвица (1745) и Теплова (1787) была выделена группа собирательных числительных, в которую входили существительные подобного типа: нем. *das Paar* (*пара*), фр. *une dizaine* (*десяток*). Интересно, что эти слова включаются в числительные и в «Синтаксисе русского языка» Шахматова (первое издание которого вышло во второй половине 20-х годов XX в.), где они получили название «совокупительные»²⁶⁹.

У Соколова в группу определенных основательных попадают следующие слова, которые считались числительным уже у Ломоносова:

- слово *оба*;

²⁶⁹ Шахматову могла быть известна «Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою академіею», в создании которой Соколов принимал непосредственное участие (первое издание – 1802 г.). У этой грамматики много общего в плане описания числительного с учебниками изд. 1788 и 1792 гг., о чем пойдет речь далее.

- тип *полтора*, *полтретья* (Барсов же отделял их от основательных, поместив в отдельную группу половинных);
- тип *шестеро*, который у Соколова дается параллельно с типом *шесть* как определенные основательные числительные.

Понимание второй группы – порядочных числительных – у Соколова в целом традиционно:

Порядочные числительные суть те, кои показывают порядок, в каковом одна вещь находится в рассуждении другой, напр. *Ромуль былъ первый, а Нума Помпилий второй Царь Римскій*. Таковые числительные имена делаются из основательных и суть следующие: *первый, второй или другій, третій, четвертый, пятый, шестой, седмый, осмый, девятый, десятый, одиннадцатый...* и пр., *двадцатый, тридцатый, сороковый, пятидесятый* и пр., *сотый, двусотый, тысячный, двутысячный, миллионный* и пр. (1792: 70–71).

С позиции сегодняшнего дня бросается в глаза лишь то, что Соколов считает порядковым (порядочным) числительным и слово *последний*. Идея включения этого слова в числительное появлялась в известных в России грамматических текстах и ранее. Например, во французской грамматике Теплова (1787) слова *le penultième (предпоследний)* и *le dernier (последний)* также упомянуты среди порядковых числительных. Соколов лишь назвал *последний* «неопределенным» порядковым и описал, на чем эта неопределенность основывается, разбив таким образом порядковые на те же два типа, что и основательные: «Имя прилагательное *послѣдній* есть имя порядочное неопределенное; поелику показывает место одной вещи в порядке других, но не точно, неопределенно, напр. *Тарквиній гордый былъ послѣдній Царь Римскій*» (1792: 71).

Остальные две смысловые разновидности числительного во втором издании учебника П. Соколова таковы:

- Множительные, «которые показывают количество вещей, на известное число помноженное, напр. *двойкій, тройкій, четвероякій, многократный* и проч.» (1792: 71). Как видим, в эту группу входят прилагательные на *-який, -кратный*, образованные от основательных числительных. Причем, если у Лебедева среди русских соответствий примеров французских слов этой группы встречаются лишь слова на *-який* (Лебедев 1808: 86–87), у Барсова – лишь слова на *-кратный* (а также *сугубый*), то у Соколова, как видно из приведенного выше отрывка, – множительными считаются

и те, и другие. Название группы у Лебедева использовалось такое же, и Соколов позаимствовал его, по-видимому, именно из этого учебника.

- Частные (разделительные), «которые показывают часть целого, напр. *треть, четверть, половина, осьмуха*» (1792: 71), т. е. слова, выделенные по смыслу из существительных. Идея разделительных могла быть заимствована из французской грамматики Теплова, у которого указано, что кроме выражений типа *un à un, по одному; deux à deux, по два; trois à trois, по три*, в разделительные входят также *demi, половина; tiers, треть; un quart, un quartier, четвертая доля; un quarteron, двадцать пять, четверть; un cinquième, пятая часть* (Теплов 1787: 59).

В целом и то понятие числительного, которое было представлено в первом издании учебника Соколова, и то, которое используется во втором, можно рассматривать как попытки ликвидировать ту заметную недосказанность в вопросе положения имени числительного по отношению к существительному и прилагательному, которая присутствовала в работах Ломоносова, а в извещной степени – и Адодурова.

В разделе «О сочинении имен числительных с существительными» обоих изданий учебника содержится одно из первых описаний падежного контраста русских числительных, причем, по моему мнению, – удачно и довольно точно представляющее вопрос (1788: 77–78; 1792: 188–189)²⁷⁰. Соколов указывает, что числительные *два, три, четыре*, «когда стоят в именительных падежах, требуют после себя имени существительного в родительном падеже единственного числа», числительные типа *двое, трое, четверо* а также типа *пять, шесть, одиннадцать* и т. д. – в родительном множественного, а далее пишет: «Все сии числительные, кроме *сорокъ, сто, тысяча*, в косвенных падежах согласуются со своими существительными именами, числом же различествуют, напр.: *пятью пальцами; шести недѣль; въ шесть недѣль; по шести недѣляхъ* и проч.» (Соколов 1792: 188–189; подчеркнуто мной. – М. Д.). Соколов продемонстрировал разную (управляющую либо «согласующуюся») роль имени числительного в словосочетаниях с существительным в зависимости от того, в каком падеже выступает такое словосочетание. Однако следует помнить, что ни в первом, ни во втором издании учебника падежный контраст не является обязательным условием того, чтобы слово можно было рассматривать в качестве имени числительного. Даже «основательные» – т. е. та разновидность

²⁷⁰ В обоих изданиях оно сходно. Далее цитируется второе издание.

числительных, среди которых Соколов отмечает слова с падежным контрастом, – содержат не только слова, обладающие падежным контрастом, но и такие, для которых эта черта совершенно не характерна (напр. *тьма*, во втором издании также, напр., *двойка*, *пяток* и т. д.).

6. Академическая грамматика 1802 г.

Петр Соколов, автор описанного выше учебника 1788 и 1792 гг. издания, был одним из соавторов академической грамматики «Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою академиею»²⁷¹. Как следствие, у этих работ много общего. В частности, описание основных типов имени в академической грамматике напоминает представленное в первом издании учебника (1788), а описание разрядов числительного во многом повторяет представленное во втором его издании (1792).

Об имени и его видах в академической грамматике сказано следующее: «Имя есть первая склоняемая часть речи, коим называются все лица, вещи, также их принадлежности и количество, напр.: *человѣкъ разумный*, *земля плодоносная*, *два дня* и проч.» (РГРА 1802: 42–43)²⁷².

Авторы пишут, что «имя разделяется на три вида: на существительное, прилагательное и числительное»²⁷³ (РГРА 1802: 43). Однако то, как далее характеризуется числительное, противоречит утверждению о существовании в русском языке трех видов имени, во всяком случае, – на первый взгляд. Первые слова в главе VI второй части грамматики, посвященной «словопроизведению» (морфологии) числительного, таковы: «Имя числительное бывает

²⁷¹ Модзалевский пишет, что с Д. М. Соколовым и И. И. Красовским «он составил, по поручению Академии, „Российскую грамматику“, 1-е издание которой вышло в СПб. в 1802 г. (изд. 2-е – 1809, изд. 3-е – 1819 г.) и за которую он получил от Александра I бриллиантовый перстень» (Модзалевский 1909: 64).

²⁷² Во втором издании, исправленном и дополненном, это определение претерпело лишь некоторые изменения: «Имя есть первая склоняемая часть речи, которым называются лица и вещи, и означаются их принадлежности, качество и количество, напр.: *человѣкъ разумный*, *земля плодоносная*, *два года* и проч.» (РГРА 1809: 46).

²⁷³ Определения видов имени в целом традиционны: существительное имя «означает лицо или вещь, и познается по вопросу *кто* или *что?*, напр.: *столъ*, *книга*, *перо* и проч.», прилагательное «означает качество или состояние лица или вещи, и познается по вопросу *какой?* напр.: *столъ деревянный*; *книга полезная*, *человѣкъ богатый*, *счастливый* и проч.», а числительное – «означает число вещей и познается по вопросу *сколько?* или *коликій?*, напр.: *два*, *три*, *тысяча*, *первый*, *второй* и проч.» (РГРА 1802: 43).

прилагательное и существительное» (РГРА 1802: 43). То, что имеют здесь в виду авторы, немного проясняет следующий фрагмент:

Прежде, нежели приступим к показанию примеров на склонения имен числительных, заметить нужно, что многие из них в изменении падежей сходятся со склонениями имен существительных и прилагательных, а именно: 1) числительные имена, кончающиеся на *ый* или *ий*, каковы суть: *первый, второй, другй, третй* и проч., склоняются как имена прилагательные, сии же буквы в окончании своем имеющие, 2) числительные имена простые, кончающиеся на *ь*, напр.: *треть, четверть, пять, шесть, десять* и проч. склоняются по примеру имен существительных, к четвертому склонению принадлежащих. 3) Имена числительные, на *ь* и *о* кончающиеся, каковы суть: *пятокъ, десятокъ, сорокъ, сто* и проч., относятся ко второму склонению имен существительных. 4) Имена же числительные, в окончании своем буквы *а* или *я* имеющие, каковы суть: *пара, тысяча, тма, сотня* и проч., склоняются по примеру имен существительных первого склонения (1802: 134–135)²⁷⁴.

Такая постановка вопроса, по большому счету, означает, что в академической грамматике 1802 г., с позиций сегодняшнего дня, выражен самый крайний взгляд на числительное. В ней, по сути, утверждается существование числительного как смысловой группы и отрицается существование ее как группы с особыми грамматическими чертами²⁷⁵.

Более того, в данной грамматике мы, фактически, имеем дело с двояким пониманием как «существительного», так и «прилагательного». Оказывается, что существительное в грамматическом смысле – не всегда то же самое, что существительное в семантическом. Напр., *тысяча* – грамматическое существительное, в смысловом же оно является числительным (по смысловым определениям типов имени, существительным оно быть не может). Очевидно, однако, что есть и слова, являющиеся существительными как в грамматическом, так и в семантическом отношении: *человек, книга* и т. д. То же самое относится и к прилагательному. Числительное же понимается исключительно согласно своему смысловому определению (при этом в грамматическом оно – или существительное, или прилагательное). В целом, проблема сводится к тому, что семантически определено не только числительное, но и все подвиды имени, причем в случае числительных имеется в виду именно смысловая группа, а в случае существительных и прилагательных – нечто другое (учитываются как

²⁷⁴ Далее авторы приводят парадигмы склонения ряда числительных, которые сложно отнести к какому-либо определенному типу существительных либо прилагательных.

²⁷⁵ Поскольку отмеченное противоречие в определениях имеет место в рамках раздела о морфологии, можно предполагать, что авторы имели в виду прежде всего именно морфологические черты прилагательных, существительных и числительных имен.

смысловой, так и грамматический аспект свойств имен, которые при таком описании не всегда совпадают).

Как уже упоминалось, сходным образом к описанию числительного подходил Шахматов в «Синтаксисе русского языка», и, по моему мнению, это вряд ли случайное совпадение.

Если речь идет о разделении числительного на подвиды, то здесь много общего со вторым изданием учебника Соколова (1792), однако есть и определенные отличия. Они в основном сводятся к следующему:

1. Авторы академической грамматики отошли от старой терминологии, предложив новые названия для двух разрядов числительного: «основательные» стали «количественными» (как у Сырейщикова), а «частные» (разделительные) стали «дробными». Необходимо подчеркнуть, что эти названия закрепились в русской лингвистической терминологии и используются в ней до сих пор. Множительные же лишились в академической грамматике своего названия и стали, «числительными, означающими сложность» (при этом определение разряда сохранилось в ней в прежнем виде).
2. Понятие дробных по сравнению с понятиями частных или разделительных, которые применялись в учебнике Соколова, несколько расширилось. Оно теперь охватывает не только часть целого, но и «целое с дробью», в результате расширился и их состав.

Ср.:

Соколов:

Частные/разделительные «показывают часть целого, напр. *треть, четверть, половина, осьмуха*» (1792: 71).

Академическая грамматика:

«Имена числительные дробные суть те, кои означают часть целого или целое с дробью, таковы суть: *полъ или половина, полтора, полтретья, полпята, треть, четверть, осьмуха* и проч.» (РГРА 1802: 134).

Как видим, в дробные попадают не только те существительные, которые в учебнике Соколова считались разделительными числительными, но и семантический тип *полтора, полтретья* – числительные, которые в учебнике считались «основательными». Собственно, в «семантических» классификациях числительного, которые используются и по сей день, в вопросе числительного *полтора* заметен определенный разнобой: одни ученые считают его количественным

(‘один и половина второго’), а другие – дробным. Лексема же *пол*, насколько мне известно, в качестве числительного упоминается в академической грамматике впервые среди русских грамматических работ.

3. В качестве имен числительных, «означающих сложность» (ранее – множительных) в академической грамматике приведены прилагательные совершенно иного типа, хотя определение группы полностью совпадает с тем, которое использовалось в учебнике Соколова.

Ср.:

Учебник Соколова:

«Множительные суть те, которые показывают количество вещей, на известное число помноженное, напр. *двоякий, тройкий, четвероякий, многократный* и проч.» (1792: 71).

Академическая грамматика:

«Имена числительные, означающие сложность, показывают количество вещей, на известное число помноженное, таковые суть: *сугубый, двойной, тройный, тройственный, седмичный, сторичный, многократный* и проч.» (РГРА 1802: 133).

Сложно сказать, с чем это связано, но в целом у всех ученых той поры (начиная от Шванвица, Лебедева, Теплова, а затем Барсова) заметны сомнения относительно того, каковы же точные значения образованных от количественных числительных прилагательных всех этих типов. Нередко один и тот же тип (напр., *двоякий*) в одной работе считается передающим один смысл, а в работе другого автора – иной.

4. В академической грамматике нет выделенного в учебнике Соколова порядочного неопределенного числительного (*последний*). Общие же определения порядочных в этих работах сходны.

Ср.:

Соколов:

«Порядочные числительные суть те, кои показывают порядок, в каковом одна вещь находится в рассуждении другой...» (1792: 70).

Академическая грамматика:

«Числительные имена порядочные суть те, кои означают порядок, в каковом следует одна вещь за другою...» (РГРА 1802: 133).

В случае количественных (в учебнике Соколова называемых основательными) никаких существенных изменений не было внесено, за исключением того, что слова типа *полтора*, *полтретья* были перенесены в разряд дробных.

Количественные имена числительные означают число лиц или вещей, и соответствуют всегда вопросу *сколько?* наприм.: *Сколько у человека чувствъ? Пять. Сколько заповѣдей? Десять* (1802: 132).

Сохранилось и деление на определенные и неопределенные, а сегодняшние собирательные приводятся в одном ряду с количественными в современном понимании: «Определенные количественные имена показывают известное число лиц или вещей, напр.: *одинъ, два, двое; оба, три, трое...*» (1802: 132).

Слова *двойка, тройка, четверка, шестерка, пятокъ, десятокъ, пара, дюжина* и проч. по-прежнему включаются в числительное (в разряд определенных количественных). Кроме того, среди примеров числительных этого разряда появляются и существительные *четверня, шестерня*.

Таким образом, в академической грамматике 1802 г. фигурируют четыре разряда числительного, понимаемые приблизительно так же, как и в учебнике Соколова. Наибольшие же отличия наблюдаются в смысловом определении и составе дробных, а также в составе «означающих сложность» числительных²⁷⁶.

В академической грамматике определенное внимание уделено и синтаксису словосочетаний числительных²⁷⁷. Авторы отмечают, что числительные *два, оба, три, четыре* в именительном и винительном требуют от существительного родительного единственного числа, а все «первообразные» начиная от *пяти* – множественного. Однако в прочих падежных формах числительное рассматривается отдельно, вне связи с существительным. Форма числительного представлена как управляемая внешним контекстом словосочетания (числительные «...смотря по тому, какой вопрос употреблен будет, поставляются в соответственных оному падежах...», напр.: *на сколько? – на сто рублей* [РГРА 1802: 271; подчеркнуто мной. – М. Д.]), а вопрос формы существительного (ее связи с формой числительного или внешним контекстом) и роли существительного в словосочетании, выступающем в косвенных падежах, совершенно не затронут. Как следствие – важнейшая черта числительных, проявляющая себя именно на уровне словосочетаний с существительными, в академической грамматике

²⁷⁶ Фрагменты «Российской грамматики, сочиненной Императорскою Российскою академиею», которые были здесь рассмотрены и процитированы, во втором издании, 1809 г., исправленном и дополненном, а также в третьем, 1819 г., не претерпели никаких существенных изменений. Все вышесказанное в равной мере относится и к этим изданиям.

²⁷⁷ Он рассматривается в главе «О сочинении и употреблении имен числительных» в третьей части книги – «О словосочинении (Syntaxis)» (РГРА 1802: 269–272).

не была выявлена. В этом аспекте работа проигрывает сравнению с учебниками Соколова²⁷⁸, в которых разделы о синтаксических связях числительного и существительного содержат наблюдения, удачно демонстрирующие падежный контраст числительного.

7. Школа «универсальной грамматики» в России первого десятилетия XIX в. Работы ученых Харьковского университета

В России начала XIX в. появился ряд работ, написанных в рамках школы «универсальных» («всеобщих», «рациональных», «философских») грамматик²⁷⁹. Это труды ученых Харьковского университета: «Введение в круг словесности, сочиненное в Императорском Харьковском университете» И. С. Рижского, опубликованное в 1806 г., «Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных» И. Орнатовского, изданное в 1810 г., и «Опытный способ к философическому познанию русского языка» И. Ф. Тимковского, увидевший свет в 1811 г.²⁸⁰ Кроме того, в 1812 г. вышло «Начертание всеобщей грамматики» Л. Г. Якоба²⁸¹.

В. П. Даниленко пишет, что эти ученые «привнесли в русскую грамматику ономасиологический дух, заимствованный ими из «всеобщих» грамматик, восходящих к грамматике Пор-Рояля» (Даниленко 2009: 47).

Представители этой грамматической школы считали, что, поскольку язык является инструментом передачи мыслей, в его строении, в грамматической структуре отражается структура человеческого рассудка, человеческой логики, человеческого мышления. Если логика у всего человечества одна, то и граммати-

²⁷⁸ Это замечание в равной степени относится ко второму и третьему изданию академической грамматики: здесь форма числительного в косвенных падежах также представлена зависимой от «вопроса, который употреблен будет» (т. е. непосредственно от внешнего контекста: предлогов и т. д.), а проблема существительного опускается (РГРА 1809: 278–281; РГРА 1819: 211–214).

²⁷⁹ Об универсальных грамматиках вообще см., напр.: Алпатов 2005: 42–51; Амирова, Ольховиков, Рождественский 2005: 157–230; Кондрашов 1979: 25–27; Лоя 1968: 31–35. Об универсальных грамматиках в России см.: Смирнов 1980, Даниленко 2009.

²⁸⁰ Тимковский в своей работе оперирует понятием имени числительного, но вопрос теории частеречной классификации вообще, а также вопрос того, что следует считать числительным и как именно его понимать (как отдельную часть речи, как часть имени, как разновидность прилагательного или как что-то еще) у него не затронут, поэтому я ограничусь лишь упоминанием об этой книге. Рассматриваться далее она не будет.

²⁸¹ Л. Г. Якоб (1759–1827) много лет работал профессором Галльского университета в Германии. В 1806 г. он был приглашен в Россию. С 1807 по 1809 г. Якоб читал лекции в Харьковском университете, а с 1809 по 1816 г. занимался юриспруденцией в Петербурге (Даниленко 2009: 48).

ческие категории в любом языке должны быть в той или иной мере одинаковы, а то, чем конкретные языки различаются, не основано на общих рациональных предпосылках, не регулируется рациональными принципами, не вытекает из общих логических законов, привнесено «обычаем». В грамматических категориях следует искать отражение категорий логики, рассудка. Грамматику следует описывать, опираясь на категории рассудка и мышления.

Самой известной из универсальных грамматик, давшей начало этому направлению лингвистической мысли, была так называемая грамматика Пор-Рояля, первое издание которой увидело свет в Париже в 1660 г.

В российской лингвистической науке XVIII в. школа «универсальной грамматики» не получила значительного распространения. Причины были, скорее всего, практические. Перед учеными того времени стояла задача не столько теоретической разработки русской грамматики, сколько кодификации литературного русского языка и отделения того, что следует считать русским, от того, что является церковнославянским, т. е. задача зафиксировать специфику русского языка и определить его норму. Подход, предлагаемый универсальными грамматиками, для ее выполнения не слишком подходил. Поиск универсалий, общих черт человеческих языков, не располагает к углублению в индивидуальные особенности конкретного языка. То, что тем или иным естественным языкам несвойственно или свойственно лишь некоторым из них, при таких установках оказалось бы на втором плане.

В XIX же веке ситуация несколько изменилась. Как указывает Смирнов (1980: 43), философская грамматика в течение многих лет (с 1804 г., в результате реформ Александра I в народном образовании, по примерно 1817–1818 гг.) была обязательным предметом изучения в гимназиях, в связи с чем появился ряд учебных пособий (в частности, упомянутые выше книги Орнатовского и Тимковского) (Смирнов 1980: 43). О русских лингвистических трудах той поры, написанных в русле школы универсальной грамматики, С. Смирнов пишет: «Философская грамматика рассматривалась как основание всех грамматик и всех языков. Поэтому в качестве законодательного начала брались логические категории и по ним измерялись грамматические формы русского языка» (1980: 43).

В кратких обзорных описаниях истории разработки вопроса русского числительного, содержащихся в книгах Супруна (1959, 1964) и Дьячковой (2010), работы типичных представителей этой школы начала XIX в. (Рижского, Орнатовского, Тимковского) обходятся молчанием. Однако в контексте истории лингвистической идеи числительного тексты, написанные в русле «универ-

сальной» школы не менее важны, чем работы представителей «ломоносовского» направления русской лингвистики.

В вопросе теории частей речи различия между «национальной» и «универсальной» школами XVIII–XIX вв. оказываются не настолько велики, как можно было бы предполагать с учетом различий в принятых методологических установках и целях. Следует обратить внимание на то, что, по большому счету, в работах того времени чисто лингвистические критерии при разделении лексики на части речи используются довольно редко, по крайней мере в случае знаменательных частей речи. Обычно критерии – смысловые, а вернее – в той или иной мере «философские». В этом отношении «универалистская» и национальная «ломоносовская» концепции демонстрируют большое сходство. Часть речи – это отражение в языке определенной философской категории, обобщенного философского понятия: категории бытия (скорее это имеется в виду «традиционной» школой) или же категории мышления и рассудка («универсальная грамматика»). Части речи как понятия определяются посредством того, что сообщается словами, которые входят в ее состав (у Ломоносова это относится только к знаменательным частям речи, прочие же определяются по преимуществу через отношение к ним). В грамматическом труде Ломоносова при определении «знаменательных частей речи» речь идет об идее вещи и идее деяния (по-видимому, онтологические понятия), а в грамматике Арно и Лансло – об обозначениях того, что происходит в человеческом сознании, – «объектах мыслей» и «форме и образе мыслей»:

Ломоносов:

Слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому. И так понимает он на свете и сообщает другому идеи вещей и их деяний. Изображения словесные вещей называются *имена*, напр.: *небо, вѣтрѣ, очи*; изображения деяний – *глаголы*, напр.: *синѣетъ, вѣет, видятъ*. Итак, понеже они всегда вещь или деяние знаменуют, по справедливости *знаменательные части слова* названы быть могут.

Сии знаменательные части слова должны иметь между собою соответствие, чтобы мы изобразить могли наши мысли. К сему служат особливые части, знаменующие первых друг к другу принадлежность, и называются *Предлоги* и *Союзы*. Предлоги для знаменования обстоятельств, к вещам или к переменам принадлежащих, предлагаются именам и глаголам раздельно, напр., *у дѣла*, или слитно, напр., *удѣльное*. Союзы самых понятий соответствие между собою показывают. Пример первого: *Змей вѣется по травѣ*. *По* – предлог, значит обстоятельство места. Пример второго: *Хоть вижу, да не разумѣю*. *Хоть, да* – союзы, показывают взаимность видения и разумения (1755: 23–24).

Грамматика Арно и Лансло:

...Люди, нуждаясь в знаках для обозначения того, что происходит в их сознании, должны были неизбежно прийти к наиболее общему разделению слов, из которых одни обозначали бы объекты мыслей, а другие – форму и образ мыслей, хотя часто последние не могут сами по себе обозначать таковые вне сочетания со словами, обозначающими объекты мыслей...

К первому типу относятся слова, обычно называемые именами (noms), артиклями (articles), местоимениями (pronoms), причастиями (participes), предлогами (prepositions) и наречиями (adverbes), ко второму – глаголы (verbes), союзы (conjonctions) и междометия (interjections). Все они возникли в необходимой последовательности из естественного способа выражения мыслей... (Грамматика Пор-Рояля 1999: 93).

7. 1. «Введение в круг словесности» И. С. Рижского (1806)

И. С. Рижский написал работу, в которой представлены его рассуждения о различных свойствах языка вообще (явление происхождения одних слов от других, явление заимствования слов из одного языка в другой, рождение новых «наречий» и языков из одного исходного языка и т. д.). То, что свойственно всем языкам (а следовательно – и русскому), описывается, прежде всего, с опорой на русский языковой материал. Этот труд не сводится к грамматике²⁸²; это, скорее, эквивалент современного введения в языкознание (по тематике), по форме изложения и используемым терминам напоминающий философский трактат. Рижский выделяет языковые «произвольные», или «частные»²⁸³, правила конкретного языка и «естественные», или «общие всех вообще языков» (1806: 50).

²⁸² От грамматических описаний того времени он отличается не только тематически, по содержанию, но и по структуре текста. Грамматики прошлого, начиная Ломоносовской и заканчивая грамматикой Академии наук 1802 г., отличались заметным единообразием в плане последовательности изложения различных вопросов (напр., синтаксические идут за морфологией; в морфологии сначала идут именные части речи, причем существительное описывается перед прилагательным и числительным и т. д.), деления грамматики на разделы, главы.

²⁸³ Иллюстрируя частные правила данного языка, «ему одному принадлежащие», Рижский в качестве примера приводит особенности в словосочетаниях русских числительных и существительных: «Такая, наприм., странность находится в нашем языке в рассуждении согласования некоторых имен числительных с их существительными. Иные числительные, по существу своему означая множество, не имеют числа единственного, но склоняясь во множественном, требуют однако, чтобы согласуемое с ними существительное было в единственном числе; наприм.: два человека; иные напротив сего числительные, знаменуя множество, сами склоняются только в единственном, а существительного требуют во множественном числе; наприм.: пятью человеками» (55–56).

Даниленко пишет:

Новаторскую позицию занимал И. С. Рижский в морфологии. Вплоть до XIX в. европейские грамматисты оставляли неизменным состав частей речи, который был выведен еще в грамматике Дионисия Фракийского, если не считать, что междометие в их число было введено римскими последователями александрийцев.

Это имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз и междометие. К этим восьми частям речи добавлялся артикль, если он имелся в описываемом языке. И. С. Рижский был в числе первых, кто осмелился на некоторый пересмотр традиционной классификации слов по частям речи. В чем он выразился? Во-первых, существительные и прилагательные он стал рассматривать как «особливые» части речи, а не особые разряды одной части речи – имени; во-вторых, количественные числительные он отнес к существительным, а порядковые – к прилагательным... (Даниленко 2009: 43).

Следует, однако, подчеркнуть, что на самом деле Рижский упомянул лишь о том, что существительные и прилагательные он считает двумя разными частями речи. Вопрос же принадлежности «порядковых» и «количественных» числительных у него не оговаривается, да и вопрос числительного затронут лишь в самых общих чертах. Приведем фрагмент, посвященный существительному, прилагательному и числительному:

И так давно уже замечено, что в речь, употребляемую человеком для изображения целой мысли, входят разного рода речения, соответствующие различным родам выражаемых ими понятий. Сии разные отделения речений известны всем под общим именем частей речи. Первою из оных почитаются так называемые имена. Они суть те слова, которые служат к наименованию всякого рода существ, то есть имеющих как действительное бытие, так и существующих в одном только нашем уме. [Здесь у Рижского добавлен следующий комментарий: «Скажет может быть кто-нибудь, что сие определение относится к одним только именам существительным, исключая прилагательные. Ответствуем, что действительно так; потому что здесь прилагательные... принимаются за особливую часть речи» (1806: 63) – М. Д.]. По сей причине новейшие грамматики разделяют их на имена вещей чувственных, и на имена существ отвлеченных или умственных, которые суть не что иное, как названия свойств, кои мысленно отделяя от вещей, представляем так, будто они не в вещах, но сами собою существуют. Следовательно, те имена, которые называем числительными, когда бы мы их воображали без приложения к какому-нибудь имени чувственной вещи, должны будут принадлежать также к именам существ отвлеченных: поелику они в сем случае означали бы также качество чувственных вещей, отделенное в мыслях от оных вещей. Когда же такое имя отвлеченного существа бывает употреблено как наименование свойства чувственной вещи, и соединено с именем сей последней, тогда называется словом прилагательным, и делает другую часть речи (Рижский 1806: 63–64; подчеркнуто мной. – М. Д.).

Рижский, по-видимому, называет числительным лишь те слова, которые можно рассматривать как определенный вид абстрактных существительных («существ отвлеченных или умственных»), т. е., например, *пять*²⁸⁴ он трактует как слово, в философском плане сходное со словами типа *краснота*, *прилежание* и т. д. Если числительные – это вид существительного и только существительного, «порядковые» в него вряд ли могут попасть (*краснота* существительное, *красный* прилагательное, *прилежание* существительное, *прилежный* прилагательное; *пять* – существительное <числительное>, *пятый* – прилагательное <по-видимому, не числительное>). Такое числительное – далеко не то же самое, что слова, охватываемые этим понятием, например, в грамматике Академии наук 1802 г., где прилагательные из числительного не исключаются и входят в состав этой группы именных слов наравне с существительными (т. е. одно числительное может быть прилагательным, а другое – существительным). Однако за неимением конкретных примеров в тексте Рижского, иллюстрирующих его рассуждения насчет имени существительного, имени числительного и прилагательного слова, я отнюдь не уверен, что такая интерпретация верна. Из текста следует лишь то, что существительное и прилагательное – это отдельные части речи и что определенный вид существительных назван числительными. Вопрос того, есть ли числительные среди слов, которые названы прилагательными, в тексте не затронут.

Необходимо отметить, что точный состав числительного у Рижского не указан, поэтому неясно, например, следует ли считать числительными (в его понимании) слова типа *пяток*, *дюжина*, при том, что по частеречной принадлежности это существительные, и т. д.

7. 2. «Новейшее начертание правил российской грамматики» И. Орнатовского (1810)

Как следует из названия книги И. Орнатовского «Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных...» (1810), ученый пытался описать русский язык, применяя принципы общей грамматики, т. е., как пишет Даниленко, следуя по пути от абстрактного к конкретному (2009: 43). По структуре же разделов, порядку, в котором описываются грамматические вопросы, и т. д. – это типичная российская грамматика того времени.

²⁸⁴ То, что в разряд числительных в понимании Рижского входят числительные типа *два*, *пять*, подтверждает комментарий 9 на с. 55, где ученый, рассматривая некоторые их особенности, использует данный термин.

И. Орнатовский выделил числительное в отдельную часть речи, и это произошло впервые в русской лингвистике. Существительное и прилагательное также считаются им отдельными частями речи. (Последнее крайне важно, так как, по-видимому, эта идея и предопределила во многом идею об отдельном частеречном статусе числительного: вряд ли последняя могла опередить идею об отдельности прилагательного и существительного; вряд ли одно было бы возможно без другого.) До этого, как известно, частью речи считалось имя. Оно объединяло в себе все эти лексико-грамматические классы, причем числительное обычно смешивалось с существительными или прилагательными, или имело неопределенный по отношению к ним статус. Идея, что числительное не является ни прилагательным, ни существительным, ни группой, в которую входят некоторые существительные и некоторые прилагательные, появилась у Сырейщикова (1787) более чем за 20 лет до этого, однако у Сырейщикова все эти группы еще по-прежнему принадлежали одной части речи – имени. Рижский считал разными частями речи существительные и прилагательные, а числительное, по-видимому, считал принадлежащим классу существительных, во всяком случае отдельной частью речи в его работе оно не названо.

В вопросе осознания того, что числительное является частью речи, Орнатовский опередил свое время, фактически, на несколько десятилетий. Следующая известная работа, в которой утверждается отдельный частеречный статус русского числительного и после которой этот взгляд укоренился в русской лингвистике, вышла лишь в 1850 г. – через целых 40 лет после публикации труда Орнатовского. Это были «Филологические наблюдения над составом русского языка» Г. П. Павского. И. Дьячкова ошибочно считает, что «впервые квалификация нумеративов как самостоятельного грамматического класса» появляется именно в последней (Дьячкова 2010: 43).

Разбиение лексики на части речи представлено у Орнатовского в главе «Об отношении слов к понятиям и о разделении оных на части». Синтаксис, рассматриваемый в грамматическом труде Орнатовского, как и во всех работах его предшественников (Барсова, Соколова и т. д.)²⁸⁵ – это «словосочинение», т. е. синтаксис словосочетаний. Именно ему посвящен один из разделов работы. Однако части речи – во всяком случае, основные, существительное и прилагательное, – Орнатовский пытается определить по тому, какую синтаксическую роль они играют в предложении, (в строении которого отражается структура мысли). И, собственно, предложение и связанные с ним понятия подлежаще-

²⁸⁵ У Ломоносова некоторые вопросы синтаксиса предложений рассматриваются не в грамматике, а в «Кратком руководстве к красноречию».

го, сказуемого и связи в работе Орнатовского упомянуты именно в разделе, посвященном частям речи. Орнатовский пишет о «понятиях», выражаемых словами, и «суждениях», выражаемых предложениями, которые состояются из слов²⁸⁶. Основная часть суждения для него – подлежащее, а не сказуемое.

Фрагмент, где изложены важные для понимания частей речи у Орнатовского мысли, я считаю нужным привести целиком:

Слово есть понятие, членораздельными звуками произнесенное, или письменными знаками изображенное. Совокупление двух или трех понятий, по какому-нибудь их между собою отношению, составляет суждение, которое, будучи выражено живым голосом, или письмом, называется предложением. Как весь круг действий, свойственных разуму, основывается на суждениях, так вся речь человеческая, и, следовательно, весь язык состоит из предложений. Части суждения суть: первое – понятие главного предмета, занимающего наш ум, или (подлежащее); второе – понятие его свойств или состояний (сказуемое) и третье – понятие связи между предметом и свойствами или состоянием его, или связь. По сему всякое предложение и всякая речь имеет также три части, и целый язык должен бы состоять из сих трех знаменательных частей слова. Сему древние грамматики в самом деле следовали, разделяя все слова на имя (Nomen), глагол (Verbum) и союзы (Conjunctiones) (Орнатовский 1810: 47–48).

Как видим, современная идея «частей речи» и идея «членов предложения» у Орнатовского несколько смешаны. Части речи для него – это слова, которые специализируются в выражении разных частей суждения (выражаемого предложением). Далее Орнатовский обосновывает, почему частей речи в языке на самом деле больше, чем три вышеупомянутые, и это обоснование обращается, фактически, к объектам внеязыковой действительности (которые на уровне нашего суждения выражаются понятием-подлежащим) и к тому, как эти объекты могут представляться в наших суждениях, что и как о них можно говорить:

...Поелику всякая вещь, которую только видеть, или ощущать, или о которой рассуждать можно, т. е. всякий предмет, занимающий мысль нашу, может быть рассматриваем с весьма различных сторон, *напр.* Солнце может быть рассматриваемо так, как предмет, существующий на свете и занимающий нашу душу, *напр.* солнце; или так, как предмет, имеющий в себе многие свойства и отличительные признаки,

²⁸⁶ Г. Фрайдхоф указывает: «Самым важным исходным пунктом для различия между предложением и суждением во всеобщих грамматиках несомненно является Грамматика Пор-Рояля («Le jugement que nous faisons des choses, comme quand je dis; la terre est ronde, s'appelle PROPOSITION»).... Данное различие является общим как в универсальных грамматиках Франции и Германии, так и в России» (Фрайдхоф 1990:17).

напр. безмерное, величественное; или так, как состоящий из многих других предметов себе подобных, *напр.* одно солнце, два солнца, три, четыре солнца, и проч.; или так, как предмет, говорящий о себе, или к которому говорится, или о котором говорится, *напр.* я не солнце, ты не солнце, то солнце, которое находится в средоточии нашего мира; или так, как предмет, имеющий какое-нибудь положение, производящий действия или принимающий оные от других, *напр.* солнце сияет, освещает Землю, движется силою творческою; или как предмет, имеющий свойства и действия в меньшей или большей степени, в известном месте, в известное время и вообще в различных обстоятельствах, *напр.* солнце везде видимо; солнце вчера взошло ранее, нежели ныне; солнце безмерно великое, солнце скоро течет; или как предмет, имеющий разные отношения с другими, *напр.* Солнце светит на праведных и на злых; на солнце приметны пятна; или как предмет, составляющий с другим предметом одно подлежащее, или одно сказуемое, или подверженный вдруг двум суждениям, *напр.* солнце и луна освещают землю, но солнце своим, а луна чужим светом. Если бы солнце затмилось, то бы не могло освещать земли.

То по сим понятиям все слова разделяются собственно на восемь или более частей, смотря по образованию и совершенству языка... <...>

Российский язык имеет девять таких частей речи:

- I. Имя (Nomen substantivum).
- II. Слово прилагательное (Vox adiectiva).
- III. Слово числительное (Vox numerativa).
- IV. Местоимение (Pronomen).
- V. Глагол (Verbum).
- VI. Наречие (Adverbium).
- VII. Предлог (Praepositio).
- VIII. Союз (Conjunctio).
- IX. Междометие (Interjectio)

(Орнатовский 1810: 48–50).

При определении частей речи используются понятия, принадлежащие сфере синтаксиса предложений (в предложении отражается суждение): подлежащее, сказуемое²⁸⁷ и т. д. Имя определено как слово, которое означает

²⁸⁷ Термины «подлежащее» и «сказуемое» использовались Ломоносовым в «Кратком руководстве к красноречию»: «...сложенные идеи по-логически называются рассуждениями, а когда словесно или письменно сообщаются, тогда их предложениями называют. Оне имеют две части – подлежащее и сказуемое. Оное значит вещь, о которой рассуждаем, а сие показывает самое то, что рассуждаем о подлежащем» (Ломоносов 1952: 117). Эти понятия используются и в грамматике Императорской Академии наук при объяснении того, когда может использоваться краткая форма прилагательных. О полных и кратких формах: «Имена прилагательные употребляются усеченно тогда, когда они в логическом предложении означают сказуемое без имени существительного <...>. А когда имя прилагательное означает подлежащее в предложении, или находится вместе со своим

предмет, существующий «в самой природе» (*человѣкъ, Богъ, рѣка, дерево, левъ*), или же которое «представляет свойства предметов существующими как бы сами собою» (*крѣпость, льнность, нѣжность, слабость, порокъ*), и является подлежащим суждения. Имя (т. е. современное существительное) – самая главная часть речи, все прочие слова относятся именно к нему, а без него «не составляют никакого суждения или речи» (Орнатовский 1810: 50–51). Имя Орнатовский разделяет на «существительные» (в сегодняшнем понимании – существительные, обозначающие конкретные предметы) и «отвлеченные имена» (в сегодняшнем понимании – существительные, обозначающие абстрактные понятия): «И так существительное имя есть такое слово, которое означает лицо или вещь, существующую в самой видимой природе, напр. *солнце, дерево, человеѣкъ*... Отвлеченным именем называется слово, означающее свойства предметов существенных, которые свойства ум наш представляет отдельно от вещей существующими, напр. *льнность, правда, скудость, вѣчность*. Сии свойства сами собою без вещей не существуют; но здесь представлены существующими» (1810: 56–57; курсив мой. – М. Д.).

Прилагательное также представлено философско-синтаксически. Орнатовский подчеркивает связь прилагательного с существительным, их отдельность, а также логическую необходимость, предопределенность существования обеих частей речи в языке:

Слово прилагательное есть такое слово, которое изображает свойство или качество, находящееся в предметах существующих, и которое без имени существительного не употребляется, и составляет сказуемое оно, напр. *добрый (человѣкъ), милосердый (Богъ), глубокая (рѣка), зеленое (дерево), страшный (левъ)* и проч.

Имена без слова прилагательного не могли бы быть определительными; ибо под одним именем, напр.: *дерево, человеѣкъ*, заключается много предметов; но посредством изображения качеств различаем один предмет от другого, напр. *высокое, зеленое, желтое, крѣпкое, душистое дерево. Добрый, худой, умный, глупый человеѣкъ* и проч. (1810: 51; курсив мой. – М. Д.).

Синтаксическая подчиненность прилагательного имени существительному ученым полностью осознается и подчеркивается. Поскольку у имени (существительного) – а это, по мнению Орнатовского, основа языка – есть грамма-

существительным, тогда оно употребляется в полном своем окончании...» (РГРА 1802: 82–83). Определения подлежащего и сказуемого даны в сноске к этому фрагменту: «Подлежащее в предложении означает понятие или предмет, о котором рассуждаем, говорим что утвердительно или отрицательно. – Сказуемое есть то самое, что приписывается подлежащему или от одного отъемлется» (РГРА 1802: 82–83).

тические категории падежа, рода и числа²⁸⁸, то прилагательное, которое определяет названный именем предмет и без связи с каким-либо предметом, названным существительным, в языке не используется, должно эти категории дублировать:

Поелику слова прилагательные относятся ко всякому имени, которого качество они означают так, что без сих имен сами по себе быть не могут, по сему самому они должны следовать переменам имени, то есть, иметь роды, числа и падежи. Слово прилагательное, стоящее при имени мужеского рода, бывает рода мужеского, стоящее при имени женского рода, бывает женского рода, а поставленное при имени среднего, бывает среднего рода...; то же должно разуметь о числах и падежах (1810: 92–93).

Определение числительного дано без тех явно выраженных синтаксических элементов, которые присутствуют в определениях существительного и прилагательного. Однако общий смысл, приписываемый словам, входящим в числительное («обозначение количества предметов»), предопределяет и их соединимость с названиями исчисляемых предметов – именами. Определяя числительное, Орнатовский также указывает на практическую необходимость существования класса слов, выражающих число, в языке, т. е., по-видимому, именно таким образом пытается обосновать его частеречный статус:

Слово числительное означает количество предметов, т. е. сколько предметов одного наименования заключается в нашей речи, напр. *пять деревъ, шесть человекъ, семь рыкъ, нъсколько дней, пятой годъ* и проч.

Без слова числительного мы не могли бы представить иначе многих предметов одного роду вместе, как чрез толико-кратное повторение имени существительного, колико нужно было бы изъяснить предметов: вместо *трех дерев*, напр., говорили бы: *дерево, дерево, дерево* (Орнатовский 1810: 51–52; курсив мой. – М. Д.)²⁸⁹.

²⁸⁸ Орнатовский отмечает, что категории рода и числа у существительного не зависят от контекста, в отличие от категории падежа: «Изменения имени или собственно зависят от его значения, или от его связи с другими словами; к первым принадлежат роды и числа, а к последним падежи» (1810: 58). «Изменения имени», зависящие от значения (род, число), Орнатовский представляет по-разному. Имена **принадлежат** к одному из трех родов. Роды отличаются в сочетаемости с одним из слов: *сей, сия, sie* (т. е. род существительного проявляет себя синтаксически). Ср. *сія Россіянка* vs **сей Россіянка*. С другой стороны, некоторые принадлежат к одному из родов – мужскому или женскому – в зависимости от того, какое лицо обозначают; принадлежность к конкретному роду проявляется в сочетании с местоимением *сей* или *сія*: «ворожея, плакса, ханжа, пустомеля (*сей* и *сія*)» (Орнатовский 1810: 63; подчеркнуто мной. – М. Д.). В случае числа имя **обладает** «переменной окончания слова по значению количества» (Орнатовский 1810: 64; выделено мной. – М. Д.)

²⁸⁹ Сходную аргументацию использовал Ломоносов для демонстрации необходимости существования в языке грамматической категории числа: «Вещи изображаем по их числу в уме нашем: то есть одну или многие. Здесь также явствует склонность человеческая к сокращению слова.

И далее, при описании словоизменения числительного, показано, насколько специфична функция числительного в языке и насколько необходимо языку его существование:

Ничто по наименованию предметов, самих по себе существующих, и по различении качеств их не могло содействовать к большей определительности речи и ограничению тех предметов, о коих говорим мы между собою, как изъяснять круги, или числа многих предметов, принадлежащих к одному роду. Слова, коими показываем мы другим, сколько предметов известного рода заключается в нашем понятии, называются числительными словами (1810: 101).

В целом, нельзя не отметить, что в результате избавления от собирательного понятия «имени», присущего ранним грамматикам, и выделения вместо него трех отдельных частей речи – имени, слова прилагательного и слова числительного – грамматическое описание языка, конечно, выигрывает (по крайней мере, в случае прилагательных и существительных). Оно становится ближе к реальному положению дел в языке и существующим в нем лексико-грамматическим классам, которые грамматическое описание и должно отражать. В общем, существительные и прилагательные воспринимались как разные классы уже и в ранних грамматиках, хотя в них разграничение слов этих двух именных типов не дошло до своего логического завершения.

О глаголе же Орнатовский пишет:

Глагол, как самое наименование показывает, *соединяет в себе сказуемое и связь*, поелику же сказуемое состоит или в состоянии вещей, или в их действии и страдании, или в свойствах их, по сему глагол есть *часть речи, означающая состояние, действие, или страдание* предметов, и вообще приписывающая подлежащему сказуемое, напр. *дерево стоит*. Громъ *разколол* дерево. Гора *обрушена* громомъ. *Смерть есть* страшна. Из сего видно, что глагол есть слово, близкое к прилагательному с тем только различием, что прилагательное означает свойства или качества, не составляя само собою суждения, а глагол не только связывает различные состояния и свойства с предметами их, но ограничивает самое время и обстоятельства (53; выделено мной. – М. Д.).

Ибо просто бы поступая, изобразить должно одну вещь именовав однажды, а многие многократным того же имени повторением. Например, говоря об одном, сказать: *Камень*, а о многих, *камень, камень, камень* и далее. Но найден краткий способ, и от *единственного* числа отличается *множественное* не скучным того же и многократным повторением, но малою отменю букв: *камни* (Ломоносов 1755: 29).

Интересно то, как Орнатовский представляет в своей грамматике разряды числительного. Их всего три: «Число предметов может быть рассматриваемо трояким образом: или определительно, или неопределенно, или относительно: по сему и слова числительные разделяются на *определятельные*, или *количественные* (*definitivi numeri*), *неопределятельные* (*indefinitivi*) и *относительные*, или *порядочные* (*relativi*)» (101).

То, что имя числительное – это слова с именным словоизменением, предшественниками Орнатовского из «ломоносовской» школы всегда подразумевалось как само собой разумеющееся. Имя числительное было частью класса, в который входили существительные (как правило – склоняемые слова) и всегда склоняемые прилагательные. Его разряды в этих грамматиках были представлены в части о словоизменении имени. Теперь же, когда числительное стало самостоятельной частью речи, а из ее полного названия исчезло слово «имя» (*Nomen*)²⁹⁰, воображение о числительных как о чисто именных словах перестает предопределять состав класса. У Орнатовского в «слове числительном» фактически слиты «числительные имена» и «числительные наречия» (понятия, которые использовались, например, Ломоносовым). Числительное как часть речи само становится собирательным понятием (как ранее – имя), с моей точки зрения – чересчур широким по сравнению с реально существующей в русском языке частью речи. Это отражается, в частности, в составе разряда количественных числительных²⁹¹. Кроме уже традиционно приводимых в примерах в одном ряду количественных (*два*) и собирательных (*двое* и т. д.), слов *оба*, *тысяча* и т. д., в состав количественных (определятельных) у Орнатовского вошел целый ряд наречий, а также конструкция «предлог + числительное» (напр., *по пяти*):

Определятельные числительные слова означают известное число лиц или вещей и отвечают на вопрос *сколько?* Таковы суть, напр., *одинъ, два, двое, оба, три, трое, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, сорокъ, пятьдесятъ, шестьдесятъ, семьдесятъ, восемьдесятъ, девяносто, сто, двѣсти, триста*; также *тысяча, тьма, миллионъ...*

Сюда ж принадлежат:

- 1) числительные в виде существительных употребляемые, напр. *двойка, тройка, четверка и четверня, шестерка и шестерня, пятокъ, десятокъ, пара, дюжина*;

²⁹⁰ У Орнатовского числительное – это не «имя», а «слово» (*Vox numerativa*). С другой стороны, «словом» теперь является и прилагательное. Термин «имя» у Орнатовского зарезервирован для обозначения существительных (в современной терминологии).

²⁹¹ Орнатовский называет их также определятельными.

- 2) все слова, означающие части целых чисел, напр. *полфунта, полтора, полтретья, четверть, треть* и проч.;
- 3) означающие разделение предметов на известные количества, как то: *по два, по три, по четыре, по пяти* и проч.;
- 4) слова, означающие количество действий, напр. *дважды, трижды, четырежды, пятью, шестью, семью* и проч.; *вдвое, втрое, вчетверо* и проч. (102; курсив мой. – М. Д.).

Все слова, которые Орнатовский назвал определительными (или количественными) и перечислил в пунктах, были так или иначе упомянуты в качестве числительных в ранних русских грамматиках:

1) *двойка, тройка, дюжина* и т. д. – появлялись, например, в учебнике Соколова (1792) в качестве «определенных основательных» и в РГРА 1802 в качестве «определенных количественных»; тип *пара, дюжина* выделялся также у Шванвица (1745) и Теплова (1787) в качестве «собирательных числительных»;

2) *полтора, полтретья* – «основательные» у Соколова (1792), «дробные» в РГРА 1802; *треть, четверть, половина* и т. д. – «частные»/«разделительные» у Соколова (1792), «дробные» в РГРА 1802;

3) *по два, по три, по четыре, по пяти* – русские эквиваленты немецких, латинских и французских «разделительных» числительных в книгах Шванвица (1745), Лебедева (1808) и Теплова (1787);

4) *дважды, трижды, четырежды, пятью, шестью, семью* – выделялись Ломоносовым (1755) и Соколовым (1788, 1792), но не в качестве числительного имени, а в качестве числительного наречия; *вдвое, втрое, вчетверо* приведены как русский перевод соответствующих немецких и латинских «пропорциональных» числительных у Шванвица (1745) и Лебедева (1808).

Решение, принятое Орнатовским в вопросе частеречной принадлежности слов *дважды, вдвое* и т. д., довольно дискуссионно. Их, по моему мнению, следовало все же отнести к наречиям. Во-первых, из общего определения числительного, которое предложил Орнатовский, следует, что слово числительное должно указывать число предметов. Таким образом устанавливается и то, с какими словами оно должно сочетаться в предложении (прежде всего – с «именем»). Слова же типа *вдвое* соединяются со словами, выражающими «сказуемое» (предикатами: *вдвое превышать, вдвое больший*), показывая их свойства, и соответствуют общему определению наречия, предложенному Орнатовским:

Наречие есть слово, ограничивающее свойства и степень сказуемого, т. е. показывающее различные обстоятельства и степени свойства, состояния, действия и страдания предметов, следовательно, полагаемые пред словами прилагательными и глаголами... (Орнатовский 1810: 53–54).

Решение включить такие наречия в состав числительного не вытекало из принятой ученым теоретической системы. В рамках ее оно скорее произвольно. Вообще, как уже неоднократно подчеркивалось в нашей работе, наречие настолько далеко в морфосинтаксическом плане от ядра числительных (*два, три, четыре* и т. д.), у него настолько иная сочетаемость, настолько иные типичные для него синтаксические роли, что объединение слов этих двух типов в один лексико-грамматический класс вряд ли можно было бы считать верным. Поэтому даже если общее определение числительного было бы скорректировано с учетом включения в него наречий, проблемы выделения части речи это не решило бы: она все равно оказалась бы шире искомой (существующей в языке). На мой взгляд, слияние в одной части речи столь разных в грамматическом отношении типов слов – самая слабая сторона теоретических рассуждений Орнатовского о числительном в аспекте его частеречности. Смысл числа возобладал над прочими соображениями. Специализация этих слов в обозначении свойств той или иной части суждения (подлежащего или сказуемого) не учитывается. Следует упомянуть, что слова *однажды, дважды, трижды, четырежды* приведены не только в качестве числительных, но и среди наречий, означающих «количество или повторение действия и порядка» (1810: 207), т. е., фактически, одна и та же лексема отнесена к двум частям речи сразу.

Вторая группа числительного, выделенная Орнатовским, – «неопределенные количественные слова»: «Неопределенные количественные слова показывают неизвестное число лиц или вещей, таковы суть: *нѣсколько, много, мало, сколько* и проч.» (1810: 102; курсив мой. – М. Д.). Как видим, их Орнатовский избегает называть числительными – возможно, из-за нетипичной для прочих, более широкой сочетаемости (ср. *сколько / много / мало радости*). В результате того, что числительное перестает считаться именным классом, возможно и появление среди слов этой группы слов *много/мало*, которые до этого, как правило, считались наречиями.

Третья группа – «числительные относительные, или порядочные» (в сегодняшней терминологии – порядковые). Орнатовский пытается осознать механизм того типа счета, который отражают порядковые. По этому механизму они у него и получают свое название – относительные числительные:

Числительные относительные, или порядочные, суть те, кои не означают определительного числа предметов, но показывают один предмет в относительном его количестве к другим, или лучше означают порядок, каким следует одна вещь за другою, таковы суть: *первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, двенадцатой...* (1810: 102–103; курсив мой. – М. Д.).

Кроме того, в примечании Орнатовский указывает, что существуют и близкие к прилагательным слова, у значения которых есть связь с числом и количеством: «Некоторые слова числительные показывают количество вещей, на известное число помноженное, таковые суть: *сугубый, двойной, тройной или тройственный, седмиричный, сторичный, многократный и суть более приближены к словам прилагательным, нежели числительным*» (103; выделено мной. – М. Д.). Этот фрагмент содержит полемику с восприятием таких слов в качестве числительных, характерным для многих российских грамматиков того времени. Орнатовский, считая, что слова такого типа ближе к прилагательным, нежели числительным, не перечисляет их среди разрядов последних. Насколько мне известно, вопрос того, что считать числительным, а что – прилагательным, в столь явной форме в русской лингвистике был поднят впервые.

Здесь, однако, заметна некоторая непоследовательность из-за факта включения в числительное порядковых. Вопрос того, что такое прилагательное, что такое числительное и где же граница между ними, Орнатовский, по всей видимости, рассматривает преимущественно со смысловой точки зрения (вспомним, что школа, к которой он принадлежит, ищет в языке отражение категорий логики, рассудка), а не грамматической (в частности, синтаксической). Порядковые считаются ближе к числительным, по-видимому, именно на этом основании. С другой стороны, говоря о «прилагательности» слов типа *двойной*, Орнатовский, скорее всего, имел в виду именно их форму, а не передаваемый ими смысл. Таким образом, одни прилагательные включаются в числительное на смысловом основании, другие же – в прилагательные на формальном.

Таким образом, можно сказать, что разделение имени числительного у Орнатовского происходит по понятийному критерию: в первой группе объединены слова, которые указывают определенное число чего-либо (предметов, частей, действий и т. д.), во второй – неопределенное количество, в третьей – слова, указывающие результат подсчета места предмета относительно каких-либо других предметов. Теоретически эти слова должны соединяться с «подлежащим» (именем), но есть и такие, которые соединяются со «сказуемыми» (глаголами и прилагательными), отличаясь в этом плане от безусловного ядра

числительных (слов ряда *два, десять* и т. д.), что, в принципе, ставит под вопрос целесообразность объединения этих двух типов слов в одной части речи.

Вообще, вряд ли выделение числительного как части речи у Орнатовского произошло на грамматических основаниях. Скорее всего он отметил, что у слов со сходством в семантике имеются разные грамматические особенности, и как целое их нельзя считать ни существительным, ни прилагательным, ни наречием. То есть класс могла предопределять семантика.

Тенденция понимать эту часть речи ровно так же (чисто семантически, выхолащивая само понятие части речи) прослеживается и в некоторых современных работах. Но если критика последних за подобный подход мне представляется полностью обоснованной, то критиковать Орнатовского, труд которого вышел в свет более чем 200 лет тому назад, по-моему, не следует.

В работе Орнатовского отмечаются факты падежного контраста, но наблюдения касаются лишь некоторых числительных, а именно четырех лексем: *два, три, четыре, оба*. Интерпретация же данного явления у Орнатовского, на мой взгляд, вряд ли может считаться верной (если оценивать ее с позиции синхронического описания языка). По мнению ученого, в случае этих лексем имеет место некое смешение древнего и нового способа склонения, т. е. при числительном в именительном (и иногда винительном) падеже, в отличие от прочих падежей, используется двойственное число существительного, но того же падежа, что и числительное (именительного или винительного). Иными словами, в существительных, выступающих при числительных *два, три, четыре, оба* в именительном, а в случае неодушевленных существительных – также винительном, наблюдается древнее употребление формы именительного двойственного числа (или – при числительном в винительном падеже – сходного с именительным винительного одушевленных), а не форма родительного п. единственного ч. (В качестве родительного падежа ед. ч. этот случай интерпретируется Адодуrowым²⁹², Барсовым, Соколовым, а также традиционными

²⁹² В грамматике 1731 г. Адодуrow писал: «Если коснуться *правил сочетания слов* (Syntaxi), здесь можно отметить, что *количественные числительные два, три, четыре* управляют *родительным падежом в единственном числе*: например, *два попа* (zweene Popen), *три колодезя* (drey Brunnen), *четыре лошади* (vier Pferde).

Пять, шесть и все остальные, напротив, сочетаются с *родительным падежом множественного числа*, как, например, *шесть человекъ* (sechs Menschen) и т. д. Поэтому говорят: *два ста* (zweyhundert), *три тысячи* (dreytausend), *четыре миллиона* (vier Millionen), *пять сотъ* (f'urf hundred), *шесть тысячъ* (sechs tausend), *семь миллионов* (sieben Millionen) и т. д.

Далее из этого становится очевидным, что все, кто признают в русском языке наличие *двойственного числа*, ошибаются, неправильно понимая примеры *два попа, три рва, четыре колодезя* и т. д., которые вполне могли ввести их в заблуждение» (Адодуrow 2014: 153, 155).

современными грамматиками.) В прочих же падежах существительные «следуют обычному порядку склонения». Ученый пишет:

Числительные слова *два, оба, три, четыре* в именительном и винительном падеже требуют после себя имени вещей невоодушевленных в сих же падежах, но по древнему употреблению, свойственному только словам *два* и *оба*, в двойственном числе, напр. *три дуба, два ручья*. А имена вещей воодушевленных имеют сие свойство только в именительном падеже, напр. Имен. *три воина*. Винит. *трехъ воиновъ; четыре богатыря, четырехъ богатырей*; во всех же других падежах имена, стоящие с сими числительными словами, следуют обыкновенному порядку склонения, напр. *трехъ воиновъ, тремъ воинамъ, трехъ воиновъ, тремя воинами, о трехъ воинахъ* (Орнатовский 1810: 233).

Относительно числительных типа *пять* (а также *пятеро*) в работе Орнатовского отмечено лишь то, что они, выступая в именительном падеже, требуют от существительного родительного падежа множественного числа. Вопрос косвенных падежей отдельно не оговаривается и иной характер связи между числительным и существительным, наблюдаемый в косвенных падежах, здесь не подчеркивается.

По сути, приведенные выше замечания Орнатовского затрагивают лишь некоторые числительные, которым свойственен падежный контраст (*два, три, четыре, оба*), а интерпретация формы существительного, выступающего в соединении с числительным в именительном и винительном, вызывает определенные сомнения²⁹³.

Подводя итоги, следует обратить внимание, что осознание числительного в качестве отдельной части речи не характерно ни для «ломоносовского» направления русской лингвистики XVIII – начала XIX в., ни для российской школы общей грамматики того времени. У Орнатовского идея числительного как части речи является выражением его индивидуального взгляда на этот вопрос, хотя вряд ли это его «изобретение» (возможно, что такой взгляд уже выражался в каких-либо иностранных грамматиках универалистского направления, изданных в XVII–XVIII вв.). Так или иначе, часть речи была выделена, и те слова, по отношению к которым имеет смысл использовать это понятие, в нее вошли. С учетом контекста того времени это можно считать определенным шагом вперед в осознании частеречного статуса числительных и их дальнейшем изучении.

²⁹³ Так как вместо синхронического их анализа Орнатовский проводит диахронический.

7. 3. «Начертание всеобщей грамматики» Л. Г. Якоба (1812)

Всеобщая грамматика Л. Г. Якоба (1812) была написана по-русски, однако, согласно своему названию, посвящена теоретическому описанию языка вообще.

Как верно отмечает Даниленко, «в целом классификация частей речи у Л. Якоба синтаксоцентрична, т. е. сориентирована на роль той или иной части речи в предложении» (Даниленко 2009: 52). В этом отношении у Якоба есть определенное сходство с работой Орнатовского, но при этом имеется множество различий в деталях, в частности в описании числительного, о чем пойдет речь далее.

О частях речи Якоб пишет, что их следует находить, определяя то, какие именно понятия выражаются в речи:

Всего вернее найти можно все возможные части речи чрез рассматривание понятий, выражаемых посредством речи. Сии понятия по своему содержанию суть: или мысли, или чувствования, следственно все слова суть или слова мыслей, или слова чувствований (1812: 19).

«Слова чувствований» – это междометия, а «слова мыслей» – следующие четыре группы частей речи:

- 1) существительные и местоимения (они выражают подлежащие);
- 2) прилагательные и наречия (первые определяют подлежащие, а другие – сказуемые);
- 3) глаголы (они выражают сказуемые);
- 4) предлоги и союзы (они обозначают отношения – либо между отдельными членами предложения, либо между целыми предложениями)

(Якоб (1812: 19–21) в изложении Даниленко (2009: 52).

Определение понятий, с которыми связаны «слова мыслей» (все части речи, кроме междометия), напоминают те, которые использовал Орнатовский, и восходят они, прямо или опосредованно, к Грамматике Пор-Рояля:

Язык служит к выражению мыслей. Так как мы при рассматривании мыслей различаем: 1) действия разума порознь, и 2) их соединение в одно целое, подобным образом каждый язык должен иметь: 1) некоторые известные начала (*elementa*), служащие к означению особенных мыслей и их изменений и 2) образ и способ, как сии особенные составные части языка соединяются и приводятся в одно целое. <...>

Начала мыслей (*elémenta*) основательно познаются из разложения суждения. Суждение состоит: 1) из подлежащего, 2) из сказуемого, 3) связи; но все эти три части могут быть представлены или (*implicite*) сокровенно, то есть чрез сопряже-

ние всех их определений в одно действование мышления; или (explicite) явственно, прибавляя в суждении одно определение к другому. Таким же образом можно себе представлять понятия, или даже и целые предложения в их особенных между собою отношениях, и многообразно сопрягать одно с другим (Якоб 1812: 20).

Якоб считает, что в языке существуют слова, форма которых говорит о том, что их следует представлять в качестве подлежащего. «Словом подлежащего» являются существительные и местоимения. Они отделяются друг от друга по смыслу:

Все воображаемое, т. е. все понятия можно представлять себе подлежащими. Но ежели уже форма слова заключает в себе признак, по которому какое-либо понятие должно себе представлять подлежащим, то слово, оное выражающее, называется *словом подлежащего* (выражающим подлежащее Subjectswort). Форма, по которой слово подлежащего узнается таковым, может состоять или в окончании, или в собственном слову члене, или в возможности оное склонять, или в другом каком-нибудь правиле. <...>

Слова подлежащего суть или имена некоторых удобомыслимых предметов, означающие вместе качества сих предметов, или выражают только подлежащие, о коих говорится вообще, и указывают только на те имена. Первые слова называются *существительными именами*, а последние *местоимениями*.

Поелику сперва должно назвать вещь, о которой надлежит рассуждать, потому одни существительные имена сообщают смысл предложениям; без них не могло бы состоять никакое суждение о различных вещах. Для сего-то называются они также *главными словами* (Hauptwörter) (Якоб 1812: 25–26).

Как видим, этот класс слов («часть речи») отождествляется с определенной синтаксической ролью, выражение этой роли связывается с набором словоизменительных или других формальных черт, который должен быть этим словам присущ и эту роль отражает и сигнализирует. Такая часть речи может разбиваться на подвиды на смысловой основе. Описание некоторых частей речи у Якоба напоминает описание синтаксической структуры предложения и, в какой-то мере, им и является.

Существительное и прилагательное, два подвида «имени» в традиционных российских частеречных классификациях XVIII в., в «синтаксической» классификации Якоба попадают в разные «части речи». В его классификации прилагательное на синтаксических основаниях объединено с наречием: первое является «сказуемым подлежащего», а второе – «сказуемым сказуемого»²⁹⁴.

²⁹⁴ Следует помнить, что «сказуемое» у Якоба означает предикат в широком смысле. У Якоба

Якоб считает «словами, означающими сказуемое» (часть речи), такие слова, в форме которых (морфологии) отражается их предрасположенность быть «сказуемым сказуемого» или «сказуемым подлежащего»:

Подлежащее можно представлять себе содержащимся в другом подлежащем так, что одно подлежащее представляется сказуемым другого подлежащего. И потому слова, означающие подлежащее, можно употреблять для означения сказуемых.

Но ежели сказуемые выражают одни только части или признаки понятия, то они посредством особой формы слов должны быть представляемы токмо как составные части другого понятия, которые сами по себе вовсе не могут состоять; в сем случае называются они словами, означающими сказуемое (*pradicatswörter*), не по своему веществу, но по своей форме.

<...>

Сказуемые подлежащих называются прилагательными именами, поелику они прилагаются к существительному имени для пояснения, или точнейшего определения и способствуют к составлению части имени.

Связка (*copula*), собственно говоря, всегда одинакова. [Имеется в виду глагол *быть* и, возможно, нулевая связка <Он врач>]. Ближайшие определения всегда можно почитать относящимися к подлежащему или сказуемому. Но поелику для связки необходимо нужны подлежащее и сказуемое, то глаголы обыкновенно выражают всеобщее подлежащее и вместе определенное сказуемое. И так, когда слово придается для ближайшего определения глагола, то оно служит не столько к ближайшему определению связки, сколько к определению подлежащего или сказуемого, выраженного глаголом. Посему все слова, присовокупляемые к глаголам, имеют форму или прилагательных, или слов, означающих сказуемое и к прилагательным относящихся, которые называются наречиями.

<...>

И так все слова, выражающие сказуемое, можно разделить на сказуемые подлежащих или сказуемых. Те называются прилагательными именами, а сии наречиями (Якоб 1812: 36–38).

Глаголы, по мнению Якоба, обычно выражают суждение целиком, «всеобщее подлежащее и вместе определенное сказуемое», поэтому они у него названы «словами, означающими суждение». Глагол, выражающий одну лишь

понятие «сказуемого» (как, впрочем, и «подлежащего») относится прежде всего к сфере логики (а к лингвистике – постольку, поскольку в языке отражаются логические суждения). Показательно, что понятия «подлежащего», «сказуемого» и «связующего» (в качестве элементов «безусловных рассуждений») Якоб вводит в своем учебнике всеобщей логики:

«Понятие о предмете, который посредством рассуждения должен быть определен, называется *подлежащим* (*subjectum*); а понятие или признак, коим он должен быть определен, *сказуемым* (*praedicatum*); то, что показывает соотношение (есть, не есть) обоих сих представлений, *связующим* (*copula*)» (Якоб 1811: 35–36).

связку (copula), или «чистое действие суждения», Якоб называет чистым глаголом (*verbum purum*)²⁹⁵, остальные являются смешанными (*verba mixta*) (1812: 37, 40–41).

Как же обстоит дело с числительным? Якоб подчеркивает, что существование числительных слов (понимаемых как слова с определенным значением) предопределено тем, что на уровне грамматики язык может выражать число лишь в очень ограниченных пределах (обычно выражается '1' – единственное число, 'больше одного' – множественное, иногда '2' – двойственное). По «форме» же такие слова принадлежат разным частям речи – существительным, прилагательным и наречиям, отдельной же части речи у Якоба они не составляют ни в целом, ни в какой-то своей части:

Некоторые языки имеют особенную форму для того, что существует в природе попарное, означая тем вообще *двойственное число* (*dualis*). Но ни в каком известном языке нет форм для трех или более определенных чисел. В таком случае помогают *числительные слова* (*Zahlwörter*), находящиеся во всех языках и носящие на себе форму то существительных, то прилагательных, то наречий (Якоб 1812: 49).

Как следует из приведенного выше фрагмента, Якоб не пришел к мысли, что в конкретных естественных языках некоторые словам с числовым значением может быть присущ ряд грамматических (морфосинтаксических) особенностей, которые не позволяют отнести их (однозначно, полностью отождествив в описании) ни к существительным, ни к прилагательным, ни к наречиям, а это – обоснованный повод считать их в плане частеречной принадлежности чем-то особым. (Одновременно с ними в языке могут существовать и такие связанные с выражением числа слова, которые можно и даже следует отнести к существительным, прилагательным либо наречиям.) Обобщенная рационально-синтаксическая концепция (суждения и его отражения в языке), по-видимому, не располагала к поиску явлений, объяснение которых выходило бы за ее рамки.

С позиции сегодняшнего дня некоторые применяемые Якобом принципы частеречной классификации (в частности, попытка отождествлять части речи и члены предложения) крайне дискуссионны. Однако Якоб показал, что при выделении частей речи следует обращать внимание не только на смысловую сторону и словоизменение, но и на предрасположенность слов играть ту или

²⁹⁵ Якоб пишет: «...слово, выражающее оное понятие, первоначально во всех языках означает смешанное [у автора – *смешанное*. – М. Д.] действие суждения, и для означения чистой связи избрали смешанный глагол, означавший сказуемое, которое было всеобщим признаком существования, н. п. *est, ist, есть* и так далее. Сей глагол первоначально значит *онъ есть*» (41–42).

иную роль в синтаксической структуре предложения и соединяться со словами определенных типов. В синтаксической стороне (на уровне предложения или словосочетания) также может проявляться особенность того или иного лексико-грамматического класса, который существует в данном языке. В общей грамматике Якоба теоретическая возможность существования числительного как части речи в естественных языках еще не осознается. В этой работе считается, что существуют слова, значение которых связано с числом, однако принадлежат они разным частям речи; возможность же существования отдельной части речи, которая целиком состояла бы из некоторых слов этой группы, – не указывается. Трудно не отметить родство такого подхода с тем видением вопроса, который можно найти, например, у Ломоносова. Как уже отмечалось, в его работе числительное по своей частеречной принадлежности бывает и именем (объединяющим в себе прилагательные и существительное), и наречием, и не является отдельной частью речи – есть лишь имена и наречия, связанные с выражением числа.

8. «Пространная русская грамматика» Н. Греча (1827)

В «Пространной русской грамматике» Н. Греча, впервые опубликованной в 1827 г.²⁹⁶, также ощущается влияние идей общей грамматики о непосредственной зависимости устройства языка от устройства мышления. Как Орнатовский за 17 лет до него, Н. Греч пытается применить их к описанию русского языка.

Понимание частей речи в «Пространной русской грамматике» связано с традиционным для общих грамматик представлением о языке как инструменте для выражения человеческого мышления. Части речи отражают те или иные компоненты устройства мыслительного, логического процесса. Устройство мышления они и предопределены (предопределено было их появление). Основные понятия этой рационально-языковой, логико-синтаксической теории у Греча описаны довольно детально:

Предметы вещественные действуют на внешние чувства человека, предметы умственные на внутреннее его чувство. Постигать те или другие посредством чувств называется *чувствовать*. Впечатления, производимые предметами в чувствах, именуются *ощущениями*, или *чувствованиями*.

²⁹⁶ Второе издание этого труда, исправленное и дополненное, вышло в 1830 г. Именно им мы и будем пользоваться. Следует отметить, что фрагменты, которые нас интересуют, не претерпели в нем существенных изменений по сравнению с изданием 1827 г.

<...> Ум человека составляет из ощущений, принятых чувствами, *представления*, или, в общем смысле, *понятия*. – Соединение в уме двух понятий, по взаимным их соотношениям, именуется *суждением*. Следствие же, выведенное из взаимных соотношений двух или более суждений, называется *заключением*; – например: *роза, дубъ суть представления; цветокъ, дерево, растение* – понятия. *Дерево растетъ, все растущее разрушается* – суждения. *Дерево растетъ, слѣдственно дерево со временемъ разрушится* – заключение. – Сии действия ума человеческого вообще именуются *мыслями*, составлять же понятия, суждения и заключения – называется *мыслить* (1830: 1).

Греч считает, что части речи появлялись в языке постепенно. Первым появилось междометие, затем – качественное имя, «еще неясное, неотделенное от междометия, изображавшее предмет отличительным его качеством или действием», перешедшее в «существительное, которое сначала было не нарицательное, а собственное, означавшее отдельный предмет, и впоследствии уже сделалось нарицательным» (1830: 7–12). Постепенно выделились «условные» знаки: знаки существ (имена существительные: *дерево*), и знаки ощущений (имена качественные: *зеленое*). Имена качеств – это имена прилагательные, обозначающие качества или признаки «пребывающие в предмете», и причастия, обозначающие качества или признаки, которые являются «действующими в самом предмете или исходящими из него, движущимися и действующими видимо и на другие предметы» (*зеленеющее*). Но эти средства выражают лишь возможность существования, возможность наличия признаков. Человеку потребовалось средство выражения «действительности, существования, бытия предметов» – и был изобретен глагол *быть*. Затем в языке появляются наречия и совокупные глаголы и т. д. (1830: 13–15). Можно сказать, что Греч обосновывает существование частей речи некоей необходимостью, вытекающей из строения бытия и постепенно развивающегося мышления о нем. Подобные рассуждения можно найти и в «Грамматике Пор-Рояля», авторы которой часто представляют язык (или те либо иные его стороны) как «рукотворное» явление. Напр.: «Так как имена прилагательные по своей природе относятся ко многим предметам, люди решили, что необходимо сделать речь более ясной и украсить ее многообразием окончаний. Для этого они сделали прилагательные отличными друг от друга в зависимости от тех существительных, к которым они относятся в речи» (Грамматика Пор-Рояля 1999: 101).

Н. Соколова (2008: 93) обращает внимание на то, как Греч определяет функции предлогов и союзов. Греч пишет: «Отношения выражаются вообще частями: отношения понятий между собой предлогами, а отношения рассуждений

союзами» (Греч 1830: 106). Исходной точкой здесь служит не сам язык, а категории логики, логические операции. Ср., напр., с типичным современным определением служебных слов (союзов, предлогов, частиц) со стороны языковых явлений, предложенным в «Русской грамматике» под ред. Шведовой: «Служебные слова употребляются для связи слов, предложений или частей предложения, а также служат для выражения разных оттенков субъективного отношения говорящего к содержанию сообщения» (Грамматика 1980: 456). Глаголы у Греча делятся на глагол *быть* и глаголы совокупные. О последних он пишет: «...глагол совокупный заключает в себе смысл причастия действительного усеченного и глагола *быть*, и заменяет в предложении связку и сказуемое» (1830: 250). Здесь нельзя не отметить сходство с делением глаголов на чистые и смешанные, примененное у Якоба.

«Пространная русская грамматика» Греча оперирует понятиями части речи и частицы речи. Части речи – это слова, «означающие существо или качество одного»: имена существительные, слова качественные (имена прилагательные, причастия), наречия качественные, деепричастия, глаголы (самостоятельный *быть* и совокупные)²⁹⁷. Междометие («звуки, выражающие одни ощущения») – это не часть и не частица речи. Частицы речи – это слова, означающие «отношение существ или качеств между собою» (Греч 1830: 107). В их состав входят предлоги, союзы и «первоначальные наречия». Местоимение может быть и частью, и частицей речи. Частицы, по мнению Греча, отличаются от частей речи не только на смысловом уровне, но и в том, что одновременно принадлежат как лексической, так и морфологической системам языка:

Корень слова есть слог, служащий к образованию или произведению слов: а) *главный* корень служит к наименованию предмета или его качества; б) *придаточный* же к выражению отношений, могущих быть между предметами или их качествами; придаточный корень может быть *предыдущий* (предлог) или *последующий*.

<...>

Слова, происшедшие от главных корней, именуются *частями речи*, а корни придаточные, отдельно употребляемые в языке, называются *частицами* (1830: 95).

Например, многие частицы являются одновременно и «придаточными предыдущими корнями» (т. е., в современной терминологии, приставками):

²⁹⁷ В «Грамматике Пор-Рояля», как уже упоминалось ранее, выделялись слова, обозначавшие объекты мыслей и слова, означавшие форму и образ мыслей. К последним относятся глаголы, союзы и междометия, предлоги же отнесены к первому типу (1990: 93).

Придаточные предыдущие корни суть следующие: *без, в, воз, вы, до, за, из, на, у, низ, о, от, по, под, пре, пред, при, про, раз, с, у, чрез*. Оные можно найти в следующих словах: *без-дна, в-ходъ, воз-растъ, вы-носъ, до-водъ, за-мокъ, ис-пугъ, над-смотръ, низ-вергъ, о-кругъ, от-поръ, по-зоръ, под-валъ, пре-столъ, пред-метъ, при-мѣръ, про-сторъ, раз-доръ, с-пускъ, у-четъ, чрез-мѣрно* (1830: 97).

Имя существительное, по определению Греча, «есть словесное изображение предмета, или существа, произведенного совокуплением необходимым (существенных) качеств; например: *дерево, человекъ, душа, радость, желаніе*» (1830: 108).

Имя прилагательное объединено с причастием в одну часть речи, называемую «словом качественным»²⁹⁸. Причастия «изображают силу, движение, действие, в пределах ли существа или вне оных» (*плодъ растущій, корень питающій*). Прилагательные же – это «словесное изображение качества, пребывающего в существе без движения, без действия; например: *красный кафтанъ, старое дерево, глиняная чаша*» (1830: 187).

Каково же место числительного в частеречной классификации, используемой Гречем? Он пишет:

Единство предмета означается именем существительным в числе *единственном*, множество однородных предметов – в числе *множественном*; два предмета (в некоторых языках, как то: в греческом и в церковно-славянском) в числе *двойственном*; но для выражения всех других определенных чисел, существуют во всех языках особенные слова, называемые *именами числительными*. <...> Имя числительное есть существительное или прилагательное имя... (1830: 220).

И далее еще явственнее: «Имена числительные собственно не составляют особой части речи...» (221). Фактически Греч повторяет определение Якоба, с тем лишь отличием, что здесь числительное – снова имя, а это означает, что в состав его не входят наречия типа *дважды* и т. д. У числительного нет отдельного частеречного статуса, и это – собирательное понятие, объединяю-

²⁹⁸ Греч называет ее частью речи, однако фактически это нечто другое – название совокупности частей речи, обозначающих «качества». Во «Введении» к разделу «Этимология частная» (1830: 105–106) ученый причисляет к «качественным словам» также наречия (слова, обозначающие качества качеств) и деепричастия («наречие отглагольное, или наименование действующего качества другого качества» [1830: 389]). Кроме того, перечисляя русские частицы и части речи, Греч приводит в списке не «слово качественное», а отдельные включенные в него классы слов (1830: 107).

щее в себе связанные с выражением числа слова двух разных грамматических классов.

Оно представлено в «Прибавлении к двум первым главам» – об имени существительном и имени прилагательном – в разделе «Этимология частная», и это несколько противоречит приведенному выше утверждению. Если слова такого типа можно просто отнести к существительным или прилагательным, зачем описывать грамматику этих слов в отдельной, специально посвященной им главе? Ведь дефектные в словоизменительном отношении слова можно было бы теоретически посчитать либо прилагательными, либо существительными, и представить в рамках соответствующих глав. Как уже неоднократно указывалось выше, фактически «числительное» Греча (числительное в семантическом отношении) состоит из двух типов слов:

- (1) слов, которые действительно являются существительными или прилагательными в грамматическом отношении,
- (2) слов, которые все же трудно отнести к одному из этих классов: в морфосинтаксическом отношении они своего рода гибриды.

Мне кажется, что Греч не вполне осознает наличие в русском языке второй группы («ядра» числительных как части речи) и еще не может ее указать, однако интуитивно мог приближаться к мысли о ее существовании.

Определение смысла числительных у Греча сходно с определениями этих слов, представленными у Барсова, Соколова и т. д. Основные разряды числительного – это количественные и порядковые:

Имя числительное есть существительное или прилагательное имя, коим выражается число предметов или порядок, в коем оные, один за другим, следуют.

<...> Из предыдущего определения явствует, что имя числительное должно быть разделено на следующие два разряда:

1. *Имя числительное количественное*, означающее число предметов: *одинъ домъ, два брата, оба стола, сто рублей, пара сапоговъ, дюжина тарелокъ*.
2. *Имя числительное порядочное*, означающее порядок, в котором один предмет за другим следует; например: *первый шагъ, второй часть, третій домъ, Екатерина Вторая, Карлъ Двѣнадцатый* (1830: 220).

Порядковые («порядочные») осознаются Гречем как прилагательные.

Есть и два дополнительных типа числительного, которые Греч по не вполне понятным причинам описывает в отдельном параграфе (§ 298) – после общего определения числительных и упоминания количественных и порядочных как

двух типов, на которые можно разделить числительное, и соответствующим образом пронумерованных. Это дробные и собирательные:

Число предметов может быть менее единицы, т. е. может быть взята дробь, или часть оной: для сего употребляются имена числительные количественные *дробные*, как-то: *половина, треть, осьмуха, полтора*. Еще должно заметить, что некоторые числительные имена означают известное количество предметов собирательным образом, т. е. как будто бы сии исчисленные предметы составляли нечто целое; таковы: *пара, тройка, десяток, дюжина, сотня, двое, трое, десятеро* и т. д. Сии имена числительные могут быть названы *собирательными*: одни из них (*пара, тройка, дюжина*) употребляются для означения предметов вещественных и бессловесных; другие же (*двое, трое, десятеро*) в отношении к предметам личным (1830: 221).

Возможно, Греч считает собирательные некоей разновидностью количественных. Дробные же названы количественными числительными напрямую. (Отметим, что слова, обозначаемые этими терминами, считались особыми подвидами количественных числительных и у Орнатовского.)

В плане понимания собирательных работа Греча представляет собой промежуточное звено между грамматиками Шванвица, Лебедева и современными лингвистическими работами: у Шванвица и Лебедева собирательными считаются слова типа *пара*, в современных грамматиках – типа *двое*, а у Греча – слова обоих типов, причем Греч приписывает им сходные элементы значения (представление исчисляемых предметов в качестве некоего целого)²⁹⁹. Следует отметить, что выделение слов *двое* среди прочих количественных (или ранее – основательных) числительных не ново: сходным образом этот вопрос представлял, например, Барсов (правда, применяя для обозначения этих слов иной термин). «Неопределенные» подвиды Греч, в отличие от академической грамматики 1802 г., не выделяет, и у него среди числительных нет примеров соответствующих слов.

В плане терминов, применяемых для обозначения разрядов числительного, у Греча в целом нет заметных отличий от его предшественников³⁰⁰.

²⁹⁹ Как уже отмечалось, в современной грамматике слова типа *пара*, как правило, не считаются числительными. У Шахматова же в «Синтаксисе русского языка» числительными считаются и слова типа *двое*, и слова типа *пара*. Однако они воспринимаются Шахматовым как два разных класса (по-видимому, с различной семантикой): первые названы собирательными, вторые – совокупительными (2001: 501).

³⁰⁰ Термины «количественные», «дробные», «порядочные» использовались, например, в академической грамматике 1802 г., а «собирательные» – в грамматиках Шванвица и Теплова, написанных в XVIII в.

Самое же интересное в идее числительного, представленной Гречем, – в грамматике. Черта, по которой Греч относит числительные к существительным или же к прилагательным, – категория рода. Греч считает, что к существительным относятся те слова, которые не изменяются по роду, но род которых проявляется синтаксически: *тысяча* > *одна тысяча*, а не, напр., **один тысяча; добрая половина*, а не **добрый/доброе половина* (причем последний факт – проявления рода слова в соединении с другими словами – явным образом у Греча не определен). Также к существительным относятся слова без рода (не изменяющиеся по роду и не требующие определенного грамматического рода от зависимых слов): *три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять*. К прилагательным относятся числительные, изменяющиеся по роду (подстраивающие свой грамматический род к существительному).

Грамматическое разделение числительного на существительные и прилагательные по критерию грамматического рода в работе представлено следующим образом:

Имена числительные собственно не составляют особой части речи, и суть... существительные или прилагательные:

1. Имя числительное *существительное* имеет одно известное окончание, коим определяется род его; например: *сорокъ, сто, тысяча, миллионъ, пара, половина*. Имена числительные: *три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять* и сложные с сим последним (как то: *одиннадцать, тридцать, пятьдесят*) родов и чисел не имеют. Сии числительные имена суть не иное что, как существительные, означающие предметы или понятия отвлеченные.
2. Имя числительное *прилагательное*, для означения трех (или только двух) родов имеет особые окончания. Таковы из количественных: *одинъ, два, оба*, из дробных: *полтора, полтретья*, и все порядочные, как то: *первый, десятый, сотый* и пр. (221–222).

Категория рода при определении характерных черт числительного считается важнейшей и во многих современных работах, где обычно указывается, что числительное как часть речи его лишено³⁰¹, однако при этом, конечно, всегда упоминаются исключения из этого правила.

До некоторой степени сходный взгляд на числительное был представлен и в других грамматиках XVIII–XIX вв. В последних, однако, смысловые и грам-

³⁰¹ Отсюда и мнение Соколовой, на первый взгляд ошибочное (с учетом порядковых и слов типа *оба/обе*), о том, что в «Пространной русской грамматике» «зафиксирован факт отсутствия рода у числительных». Соколова пишет, что наблюдение об отсутствии рода у числительных сделано Гречем впервые в русской лингвистике (Соколова 2008: 95).

матические отношения между числительным и прочими именными частями речи даны с большей долей противоречивости в теории. Например, в рассмотренной нами ранее академической грамматике 1802 г. (РГРА 1802) при разбиении имени по смыслу были получены две совершенно разные сущности: два грамматических класса (прилагательное и существительное) и один чисто смысловой (числительное, грамматически являющееся прилагательным или существительным). При этом все три считаются разновидностями имени одного уровня.

В других грамматических работах Греча – «Практической русской грамматике» (1827) и в «Начальных правилах русской грамматики» (1828) – понятие числительного представлено без каких-либо существенных отличий от рассмотренной здесь «Пространной русской грамматики»³⁰². Однако в «Практической грамматике» содержится часть о синтаксисе, в «Пространной» отсутствующая. Греч предпринял в ней попытку описать синтаксические свойства числительных в их сочетаниях с существительными. Рассматривая вопрос свойств количественных числительных в косвенных падежах, ученый представляет их как разнообразные: некоторые слова этого разряда (типа *пяток*) ведут себя как существительные, а некоторые – нет. Различия, существующие между широко, семантически понимаемыми количественными числительными, Греч сводит к вопросу грамматического рода, а не к вопросу частеречности:

Имена числительные количественные управляют существительными... по следующим правилам:

1. Имена числительные: *два, оба, три, четыре* (и сложные с оными: *двадцать два, сорок три, сто четыре* и т. п.), *полтора, полтретья*, требуют в имени существительном падежа родительного в числе единственном... Имя числительное *одинъ* (и сложные с ним: *двадцать одинъ, сто одинъ, тысяча одинъ*) согласуется в роде, числе и падеже со своим существительным...
2. В косвенных падежах управляемое имя употребляется всегда во множественном числе, но сочетание оно бывает различное. Если имя числительное имеет род (как например: *пяток, сотня, сорок, сто, тысяча, миллион*), то существительное полагается после оно в родительном падеже...; если же имя числительное есть безродное (как то: *три, четыре, пять, десять, тридцать, восемьдесятъ*), или если оно изменяется по родам, как например *два, оба*, то существительное согласуется с ним в падеже; например: *къ тремъ книгамъ, въ пяти комнатахъ...* (Греч 1827а: 317–318).

³⁰² Следует добавить лишь то, что в «Практической грамматике» и «Начальных правилах» числительное делится на четыре разряда: количественные, порядковые, дробные, собирательные (Греч 1827а: 105–106; Греч 1828: 35–36). В «Пространной» же, как уже отмечалось, последние два разряда приведены скорее как своего рода дополнение к количественным.

Хотя анализ разбит на две характерные части – свойства количественных числительных (1) в именительном и (2) в прочих падежах, представить в нем целостную картину падежного контраста числительных Гречу, по моему мнению, так и не удалось. Ученый перечислил, по сути, несколько возможных типов синтаксической связи между именем числительным и существительным в именительном³⁰³, несколько – в прочих падежах, но не показал, каковы возможные наборы связей (в именительном и других падежах) для отдельных числительных, и как следствие – не обратил внимание, что его «количественные числительные» объединяют слова двух (вернее трех – с учетом *один*) разных типов. Среди его «количественных числительных» есть случаи, когда (1) одна и та же лексема способна управлять падежной формой существительного в именительном и винительном падежах, а в прочих случаях – меняет характер своей синтаксической связи с существительным на согласование; (2) *одинъ* – согласуется с существительным, а также (3) случаи, когда «числительное» всегда управляет существительным (напр. *пяток, сотня, миллион*).

Подводя итоги вышесказанного, следует, все же, отметить, что теория числительных у Греча по сравнению с его предшественниками изложена намного детальнее в вопросе определения статуса этих слов по отношению к существительным и прилагательным. У этой теории есть слабые стороны, однако в целом от многих современных она отличается лишь тем, что группа воспринимается – или представлена – скорее через ее границы, полюса (существительные типа *дюжина*, с одной стороны, и прилагательное типа *пятый* – с другой), а не через «гибридное» ядро (*два, три, четыре* и т. д.), которое так или иначе пытаются определить современные грамматики. Рассматривая «числительные» в отношении рода, Греч к выделению этого ядра (части речи) был довольно близок. На примере числительного видно, что Греч отдавал себе отчет в том, что части речи – это не только соответствующие тем или иным деталям мыслительного механизма классы слов, но классы слов, обладающих характерными грамматическими чертами.

В целом грамматические взгляды Н. И. Греча пользовались широким общественным признанием в 20-30-е и даже 40-е годы XIX в., а затем подверглись критическому пересмотру (Соколова 2008: 95).

³⁰³ В этом случае – далеко не все: в процитированном выше фрагменте говорится исключительно о лексемах *два, оба, три, четыре* и их свойстве требовать от существительного родительного падежа единственного числа, а лексемы типа *пять* и их свойство (в именительном) требовать от существительного принять форму родительного падежа множественного числа – не рассматриваются.

9. «Русская грамматика» А. Востокова (1831)

В конце 20-х годов XIX в. Министерство народного просвещения обратилось к А. Востокову с предложением заняться составлением учебного руководства по русской грамматике. В результате в 1831 г. были опубликованы две книги: «Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях» (СПб.) и ее полная версия: «Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная» (СПб.). Обе были приняты министерством и многократно переиздавались, а за вторую Востоков получил от Академии наук полную Демидовскую награду (Срезневский 1865, XLVIII). Мы будем пользоваться полной версией этой грамматики («Русской грамматикой... полнее изложенной», 1831).

А. Востоков считал, что в русском языке восемь частей речи: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, междометие³⁰⁴. Предложенное универсальными грамматиками выделение частей речи, относящее к понятиям синтаксиса суждения/предложения, – подлежащее, сказуемое и связка – у Востокова не используется. В его работе оно традиционное, в общих чертах сходное с применявшимся у Ломоносова, а затем и в академической грамматике 1802 г. Оно понятийно-философское при определении существительных, прилагательных, глаголов; функциональное, учитывающее синтаксическую роль слов, – при определении предлогов и союзов; смешанное – при определении наречий. Ср., напр.:

Существительное:

«Существительное имя есть название всякого предмета видимого или в уме представляемого» (Востоков 1831: 10).

«Существительное имя означает лицо или вещь, и познается по вопросу кто или что?...» (РГРА 1802: 43).

Глагол:

«Глагол есть разряд слов, выражающий действие или состояние» (Востоков 1831: 97).

³⁰⁴ Напомним, что у Греча выделялись не только прилагательные, но и причастия (эти классы считались разновидностями «слова качественного»). Востоков же о причастии пишет, что оно «есть имя прилагательное, от глагола произведенное, с означением времени, действия или состояния, настоящего или прошедшего», причем рассматривает его в разделе, посвященном «словопроизведению» глагола (1831: 107). Причастие как часть речи выделял, напр., и Ломоносов (1755), причем у него насчитывалось столько же частей речи, сколько у Востокова, поскольку прилагательные и существительные были объединены в одной части речи (имени).

«Глагол есть часть речи, изменяемая чрез наклонения, времена, лица и числа, и означает действие, страдание, положение или состояние лица и вещи...» (РГРА 1802: 148).

Существительное и глагол у Ломоносова: «Изображения словесные вещей называются *имена*... изображения деяний – *глаголы*...» (1755: 23).

Наречие:

«Наречие есть разряд слов, употребляемый при глаголах и именах прилагательных:

- I. Для показания *обстоятельств*, с коими соединено качество, действие или состояние, по вопросам: *какой? сколько раз? когда? где?*
- II. Для определения *подлинности* качества, действия или состояния, по вопросу *действительно ли?*
- III. Для определения *меры* качества по вопросу *в какой мере?*» (Востоков 1831: 207).

«Наречие есть часть слова неизменяемая, при глаголах и при именах прилагательных для изображения обстоятельств, к состоянию или действию чего относительных, поставляемая...» (РГРА 1802: 242).

«Наречие изображает единым речением обстоятельства...» (Ломоносов 1755: 24).

Отдельный частеречный статус прилагательного и существительного к этому времени уже очевиден, однако статус числительных по-прежнему остается дискуссионным. Отказ от собирательного понятия имени привел к следующим классификациям входивших в него слов:

1. Существительное, прилагательное, числительное считаются отдельными частями речи (Орнатовский 1810³⁰⁵).
2. Существительное и прилагательное считаются отдельными частями речи, а имя числительное – некоей собирательной группой слов, которые в грамматическом отношении входят в состав либо одного, либо другого (Греч 1827).
3. Существительное и прилагательное считаются двумя отдельными частями речи, а числительные считаются подвидом существительного (так, по-видимому, представлял себе эти слова Рижский <1806>).
4. Существительное и прилагательное считаются двумя отдельными частями речи, а числительные считаются подвидом прилагательного.

³⁰⁵ Причем у Орнатовского, как уже ранее отмечалось, числительное – это не имя, а «слово», которое включает в себя и некоторые неизменяемые слова, обычно считающиеся наречиями.

Понимание числительного в последнем варианте – как подвида имени прилагательного – представил в своей работе Востоков. Само по себе отождествление числительных с прилагательными к этому моменту – далеко не ново (напомним, что подобным образом эти слова рассматривались у Смотрицкого в грамматике церковнославянского языка, а затем и у Барсова).

Востоков пишет о числительном как об одной из трех смысловых разновидностей прилагательного, определяемого как часть речи также по смысловому признаку. Числительное – это прилагательные, указывающие «счет» как признак предмета/предметов:

Прилагательное имя есть разряд слов, показывающий признаки предмета, кои суть:

- I. *Качество*, то есть каков предмет видом, цветом, вкусом, действием и проч.
- II. *Относительность*, то есть кому или чему предмет принадлежит; *от кого* или *от чего* происходит; *из чего* состоит.
- III. *Счет*, то есть о скольких предметах говорится и о котором из нескольких предметов говорится.

Посему прилагательное имя разделяется на *качественное*, показывающее качество, *притяжательное*, показывающее относительность, *числительное*, показывающее счет (Востоков 1831: 52–53).

Числительные представлены в соответствующей части раздела о морфологии прилагательных. Как и Греч в «Пространной русской грамматике» 1827 г.³⁰⁶, Востоков выделяет два основных разряда числительных:

Имена числительные, содержащие в себе счет предметов, разделяются на *количественные* и *порядочные*.

- I. *Количественные*, показывающие, о скольких предметах говорится, суть *одинъ, два, три, четыре* и т. д.
- II. *Порядочные*, показывающие, о котором из нескольких предметов говорится, суть *первый, второй, третий, четвертый* и т. д. (Востоков 1831: 70).

Терминология здесь традиционная, использовавшаяся уже Сырейшиковым (1787), затем авторами академической грамматики (РГРА 1802), а позднее и Гречем (18276).

³⁰⁶ И в издании 1830 г.

Востоков подчеркивает, что «порядочные» являются производными от количественных. Примеры количественных, приведенные Востоковым, указывают на то, что:

(1) этот класс в его работе определяется, безусловно, лишь смыслом, а не грамматикой (среди примеров этого типа «прилагательных» – слова от *одинъ* до *милліонъ*³⁰⁷),

(2) числительными [т. е. прилагательными] считаются не только слова (лексемы), но и конструкции типа *двадцать одинъ, двѣ тысячи*.

Иными словами, класс количественных у Востокова в целом включает в себя все те слова, которые принято считать «определенно-количественными числительными» в традиционных современных грамматиках.

К вышеуказанным основным двум разрядам Востоков, как и Греч, предлагает несколько дополнений. Во-первых, к количественным именам числительным (прилагательным) относятся имена дробей: «существительное *полъ*, означающее половину, и сложные с оным числительные *полтора, полтретья* и проч.» (1831: 71; подчеркнуто мной. – М. Д.). Во-вторых, к порядочным относятся «имена прилагательные *другой, послѣдній*; *другой* употребляется вместо второй, а *послѣдній* противопоставляется слову *первый*» (1831: 71). (Как уже отмечалось, слово *послѣдній* предлагал относить к числительным Соколов в учебнике 1792 г., однако другими учеными оно в состав порядочных – и числительных вообще – обычно не включается.)

Кроме того, отдельно упомянуты и «количественные производные» (не названные собирательными) – слова типа *двое, четверо* и *двои, четверы*³⁰⁸:

От количественных *два, три, четыре, пять*, и так далее до *десяти*, также от *двадцать* производятся количественные же *двое, трое, четверо, пятеро* и пр., *десятеро, двадцатеро*; *двои, трои, четверы, пятеры* и т. д. (1831: 72).

Как видим, Востоков, в отличие от Греча, не приписывает этим дериватам никакой особой семантики в сравнении с основной группой количественных числительных.

³⁰⁷ Трудно не отметить, что последнее грамматически – явно не прилагательное, в каком грамматическом аспекте оно бы ни оценивалось (чисто словоизменительном или же синтаксическом).

³⁰⁸ Востоков пишет: «*Двое, трое, четверо* и т. д., прилагаются к именам одушевленных предметов мужского и среднего рода; напр. *двое товарищей, четверо дѣтей. Двои, трои, четверы* и т. д. прилагаются к именам неодушевленных и отвлеченных предметов всех родов, употребляемым во множ. числе, напр., *двои часы, трои очки, четверы ворота, пятеры ножницы; десятеры затѣи*» (1831: 82).

Слова *сколько, столько, нѣсколько, оба, много, мало* Востоков отнес к местоимениям (1831: 90–92; 96–97). *Оба* – определительное местоимение, «определяющее объем и количество предметов», *сколько* – вопросительное, *сколько, много, мало, нѣсколько* – указательные количества (1831: 90–92).

Интересно описание словоизменительных свойств числительных. Имена прилагательные – это слова, которые «переменяют окончания свои по родам, числам и падежам, согласно с существительными, к которым приложены (1831: 72). Числительные, как вид прилагательных, Востоков вынужден представить в виде исключения из общего правила, причем лишь в вопросе «перемены окончаний по родам, числам»: «Исключение составляют: <...> Количественные имена, кроме *одинъ, два, сорокъ, сто, тысяча, миллионъ*, окончаниями своими не показывают родов и чисел, принимая перемену только по падежам» (1831: 72). Вопрос того, какие из этих слов подстраиваются своей формой к существительному, какие требуют определенной формы от него, какие ведут себя двояко, Востоков в данном случае обходит молчанием.

У прилагательных Востоков выделяет два склонения: одно – собственно прилагательных (к нему относится и склонение порядочных числительных), а второе – количественных числительных. Очевидно, что «второе склонение» установлено не на основе реальной идентичности словоизменительных парадигм этих слов, а является лишь приемом для упрощения их описания. При этом такое разделение прилагательных по склонению вовсе не объясняет включения в их состав количественных числительных, а наоборот – в какой-то мере противоречит ему. Типов склонений во «втором склонении» прилагательных (количественных числительных) целое множество. Они объединены в два основных «отделения»:

К первому отделению принадлежат количественные первообразные: *одинъ, единъ, два, три, четыре*, и производные *двое, трое, четверо, пятеро* и т. д., кои в окончании падежей сходны с другими прилагательными.

Ко второму отделению принадлежат прочие количественные, начиная от *пяти*, также сложные *полтора, полтретья* и т. д., кои в окончаниях падежей сходны с именами существительными (1831: 80; подчеркнуто мной. – М. Д.).

Востоков утверждает, с одной стороны, что имя числительное вообще (т. е. все числительные) является именем прилагательным, но с другой – некоторые слова и типы этого «прилагательного» при детальном рассмотрении их словоизменения оказываются существительными, о чем иногда прямо говорится

в работе³⁰⁹. Как уже отмечалось, эта досадная противоречивость в описании и квалификации этих слов типична для многих русских грамматик, как вышедших в XVIII в., так и написанных позднее. Непонятно, что же такое часть речи и как именно к ней относится словоизменение (когда оно – определяющее при включении того или иного слова или типа слов в данную часть речи, а когда – нет). У Востокова это, к сожалению, вовсе не единичный случай, а подход, возведенный в систему. Например, к двум частям речи одновременно Востоков относит и некоторые классы слов, которые можно считать прилагательными. Он пишет, что именами прилагательными являются некоторые вопросительные, указательные, относительные местоимения; прилагательными являются и причастия, которые при этом рассматриваются ученым как разновидность глагола (Востоков 1831: 153).

В разделе о синтаксисе Востоков отмечает разное поведение числительных в именительном-винительном и прочих падежах (управляющее и управляемое), но, по-видимому, не придает этому обстоятельству какого-то особого значения:

Количественные *два, три, четыре, полтора, полтретья* и пр. и местоимение *оба* согласны в падеже с существительным, к которому служат определением; но дают сочиненному с ними существительному в падежах именительном и винительном особое окончание числа множественного, сходное с родительным падежом числа единственного, напр. *Два человека. Обь руки. Три лица. Четыре ноги. Полтора рубля.*

Прочие количественные, начиная от *пяти*, также *двое, трое, четверо, пятеро* и т. д., когда поставлены в падежах именительном или винительном, требуют существительного в родительном падеже числа множественного... когда же поставлены в падежах родительном, дательном, творительном или предложном, тогда и существительные, за ними следующие, должны быть в одном с ними падеже (1831: 231)³¹⁰.

Несмотря на то, что Востоков, декларирует «прилагательность» всех числительных (в плане частеречной принадлежности), в анализе их синтаксических черт он как будто бы не ищет у них сходства, а наоборот – одни факты старается вписать в синтаксическую «прилагательность», а другие, по сути сходные, – в «существительность».

³⁰⁹ Напр.: «*Тысяча и миллион* суть имена существительные...» (1831: 84). Ср. также приведенную выше, на с. 224, цитату, в которой Востоков определяет *поль* как существительное, которое является количественным числительным.

³¹⁰ При этом: «Количественные *двои, трои, четверы*, и т. д. согласуются во всех падежах с существительными множественного числа, к коим приложены, напр. *двои часы, двоихъ часовъ, двоимъ часамъ, двоими часами, в двоихъ часахъ*» (1831: 232).

По всей видимости, числительные *два, три, четыре* и числительные типа *полтора*, а также *оба*³¹¹ в интерпретации Востокова – это слова, согласующиеся с существительным во всех падежах. В именительном/винительном падеже эти числительные также согласуются с существительным – однако существительные в этом случае обладают особой формой **именительного/винительного падежа множественного числа**. Она сходна с родительным единственного (но, тем не менее, – это именительный/винительный множественного).

Востоков считает, что слова второй группы – «начиная от *пяти*, также *двое, трое, четверо, пятеро* и т. д.» – всегда главенствуют над существительным в словосочетании, однако в разных падежах требуют от него различные падежные формы: при числительном в именительном/винительном, а также родительном от существительного требуется родительный, при прочих падежах – падеж, соответствующий падежу числительного.

Как видим, сходное поведение числительных обеих групп в родительном, дательном, творительном или предложном падежах представлено как два разных типа их синтаксической связи с существительным: по мнению Востокова, в одном случае (*два* и т. д.) числительное согласуется с существительным, а в другом (*пять* и т. д.) наоборот – существительное согласуется с числительным. Числительному первого типа приписывается подчиненная, а числительному второго – главенствующая роль в словосочетании.

Сходное поведение слов двух вышеназванных групп в именительном/винительном также интерпретируется как два разных синтаксических явления. В одном случае говорится, собственно, об управлении существительного числительным (*пять стульев*), а в другом – о наличии у существительных, способных соединяться со словами *оба, два, три* и т. д., альтернативной формы именительного и винительного падежей множественного числа (т. е., напр.: *стулья* (им. п. мн. ч.) и *стула* – также **им. п. мн. ч.** <в сочетаниях типа *три стула*>), т. е. числительное согласуется с существительным, принимая форму именительного/винительного падежа.

Из вышесказанного следует, что частеречная «прилагательность» числительных не подразумевает у Востокова ни обязательного сходства с синтаксическим поведением, типичным для прилагательных (подчиненности существительному в словосочетании), ни обязательного сходства синтаксического поведения отдельных числительных.

³¹¹ Показательно, что эта лексема, несмотря на ее синтаксическое сходство с числительными, в плане частеречной принадлежности отделена от них и отнесена к местоимениям.

Синтаксические особенности сочетаний «количественных» числительных с существительными более или менее подробно рассматривались и ранее, в работах предшественников Востокова. Характерный для русских числительных синтаксический контраст именительного/винительного и прочих падежей показан у Ломоносова, Барсова и Соколова – в грамматиках XVIII в. Однако на уровне частеречной классификации в этих работах он никак не отражен. Контраст в них был лишь отмечен, так или иначе описан, однако, по моему глубокому убеждению, правильной оценки он в тот период все еще не получил. В последующих же работах – у Орнатовского, Греча, и, наконец, у Востокова – падежный контраст числительного, фактически, вообще не выявляется, поскольку свидетельствующие о нем особенности числительных получают в этих грамматиках иные интерпретации.

Предложение Востокова относительно свойств числительных типа *два, три* в именительном/винительном касается вопроса, однозначное решение которого осложнено рядом противоречивых фактов, поэтому ему следует уделить отдельное внимание. Зализняк в знаменитом «Русском именном словоизменении» (2002)³¹² указывает, что некоторые существительные, этимологически являющиеся субстантивированными прилагательными, при этих числительных выступают в форме множественного числа, а не единственного, как остальные существительные, напр.: *три часовых* (*часовых* – подобно множественному числу родительного; ср. неверное **три часового*), *три столовых* и т. д. По мнению ученого, вопрос требования числительного к форме существительного должен быть решен одинаково в обоих случаях. Формы существительных при словах *два, две, оба, обе, полтора, полторы, три, четыре*, выступающих в именительном/винительном, он предлагает интерпретировать как особый, девятый русский падеж и называет его «счетной формой» (Зализняк 2002: 46–47). Так или иначе, и в такой интерпретации – если это особый, девятый падеж существительного, а не именительный или винительный – речь идет о требовании числительного к падежу существительного: числительное в именительном требует от существительного определенного, в данной трактовке – «счетного», падежа. У Востокова же речь шла о согласовании числительного с именительным или винительным падежом мн. ч. существительного (принимаящих особую форму, которая – вне сочетания с такими числительными – этим падежам совершенно не свойственна).

³¹² Первое издание – 1967 г.

Подводя итоги, можно сказать, что очередная попытка свести числительное к прилагательным, которую Востоков предпринял в своей работе, не кажется мне удачнее попыток его предшественников. По сравнению с их работами грамматика Востокова не внесла ничего существенно нового в понимание числительного. Числительное в узком смысле (искомая часть речи) у Востокова включено в прилагательное наравне со словами типа *третий*, *четвертый*. И если такое решение по отношению к последним оправдано, то в отношении многих количественных вряд ли может считаться верным. Ядро числительных в равной степени удалено и от существительного, и от прилагательного. Следует отметить, что у числительного Востокова нет разрастания в сторону прилагательных (вспомним множество чисто «прилагательных» разрядов числительного, которые были выделены Барсовым), и, кроме того оно не содержит лишних существительных (типа *пара*, *пяток* – как в работах Греча). Но при этом отдельные слова, которые, по моему мнению, в числительное следовало включить (напр., *оба*) у Востокова попали в местоимения. Фактически критерий определения того, что является числительным, а что нет, в работе Востокова по-прежнему чисто смысловой. На практике же состав этого класса, выделенного по обобщенному смысловому критерию, оказывается во многом произвольным.

10. «Основания русской грамматики» В. Белинского (1837)

В опубликованной в 1837 г. книге В. Белинского «Основания русской грамматики» была предпринята еще одна попытка разделить лексику на части речи посредством обращения к основным понятиям всеобщей грамматики: суждению, логическому предложению и его основным элементам – подлежащему, сказуемому и связке.

Общее понимание частей речи у Белинского типично смысловое, а не грамматическое. Он определяет их как крупные разряды слов, предназначенных для выражения определенного круга понятий:

Весь круг человеческих понятий разделяется на множество родов и видов; вследствие этого и все слова, составляющие какой бы то ни было язык, по свойству выражаемых ими понятий и по своему назначению, разделяются на известное число отделов, или разрядов, которые называются *частями речи* и *частицами*. Итак,

Часть речи есть отдел, или разряд, целого рода слов, которые выражают известный круг целого рода понятий.

Примечание. Так, например, слова: *человѣкъ, дерево, перо, рѣка* различны между собою, потому что каждое из них выражает особенное понятие; но все они не что иное, как выражение названий предметов, существующих в природе и, следовательно, принадлежат к тому разряду слов или той *части речи*, которая выражает наименование существ и предметов. Но слова: *хороший, большой, красный, сильный* не будут составлять одного разряда слов или одной *части речи* с словами: *человѣкъ, дерево, перо, рѣка*, потому что выражают собою не *название* предметов, а *качества*, находящиеся в предметах, следовательно, составляют особенную *часть речи*. Равным образом, слова: *читать, говорить, ходить, пѣть* выражают собою не *название* и не *качества*, но *действия* предметов, следовательно, составляют собою особенный разряд слов или *часть речи*, особенную от двух первых частей речи.

Частицы суть такие отделы, или разряды, слов, которые не выражают собою никаких понятий, а служат только для выражения различных отношений между словами, выражающими понятия (Белинский 1953: 589).

Следует отметить, что в приведенном выше фрагменте Белинский, полемизируя с грамматиками «ломоносовской» школы, объединявшими прилагательные и существительные в одну часть речи, подчеркивает, что на смысловом уровне это разные классы слов, одной частью речи не являющиеся.

Белинский считает, что частеречный состав конкретных языков может быть разным, но есть несколько «основных» частей речи, которые должны присутствовать в каждом языке. Связано это с тем, что каждый язык служит выражению суждений, а структура суждения у людей одна и та же³¹³. Существование основных частей речи необходимо для отражения структуры суждения и предопределено им, более того – их наличие является условием существования языка. Эти части речи: имя (призванное выражать подлежащее), определительное слово (призванное выражать сказуемое) и связка (глагол *быть*):

Число частей речи и частиц бывает не равно во всех языках, т. е. в одном языке их может быть больше, в другом меньше, но, несмотря на это, некоторые части речи составляют неперменное условие каждого языка, почему и называются *основными*, или *элементарными*.

Чтобы узнать, сколько частей речи должно быть во всяком языке вообще и сколько их находится в русском собственно, должно сперва рассмотреть, из каких начал состоит мысль человеческая.

Мысль, или *суждение* нашего ума, состоит из трех частей: *предмета*, о котором мы мыслим или судим, из *качества*, которое мы придаем или приписываем этому

³¹³ Белинский пишет: «Способность мыслить называется *разумом*, и потому *мышление* есть действие, или акт *разума*; произведение, или плод этого действия разума, называется *суждением*... способность выражать суждения ума... называется *словом*, или *языком*» (1953: 579).

предмету или которое мы отрицаем от этого предмета, и, наконец, из *связи*, которую мы скрепляем это суждение, утверждая или отрицая существование судимого нами предмета с каким-нибудь качеством.

Предмет, о котором мы судим, называется *подлежащим*; *качество*, которое мы даем подлежащему или отрицаем от него, называется *сказуемым*; *связь*, которую мы скрепляем наше суждение, называется *связкою*; а всё суждение, выраженное словами, называется *логическим предложением*.

<...> *Логическое предложение* есть первообразное и простое выражение нашего суждения: в каждой фразе, т. е. в каждом сборе слов, имеющих смысл, заключается *логическое предложение*. Поэтому всякий разговор, как бы он ни был велик, всякая книга, как бы она ни была велика, могут быть раздроблены на множество предложений, потому что они состоят из множества предложений. Предложением мы можем выразить всякую мысль; следовательно,

Из скольких частей состоит предложение, столько должно находиться и *основных*, или *элементарных*, частей речи во всяком языке.

Логическое предложение состоит из *трех* частей – подлежащего, сказуемого и связи, следовательно, и главных частей речи во всяком языке должно быть *три*, из которых каждая должна соответствовать одной из частей предложения.

Подлежащему должна соответствовать часть речи, выражающая название предметов видимого и умственного мира. Эта часть речи называется *именем*.

Сказуемому должна соответствовать часть речи, определяющая предметы видимого и умственного мира, или *имена*, по их качеству: эта часть речи называется *определятельною*, или *прилагательною*.

Связке, как выражению *бытия* или *существования*, соответствует глагол *быть*. Этот глагол называется *существительным*, *простым* и *самостоятельным*, потому что выражает сам собою, без помощи других частей речи, понятие о существовании, или бытии предметов во времени (1953: 589–590).

Подлежащее и сказуемое в естественных языках может выражаться разным образом, поэтому частей речи оказывается больше:

Этих трех частей речи, т. е. *имени*, *определятельной* и *глагола существительного*, достаточно, при помощи частиц, для выражения всех возможных суждений нашего ума и, следовательно, для составления языка. Но во всяком языке бывает более трех частей речи, потому что *подлежащее* и *сказуемое*, т. е. понятие о предмете и его принадлежности или атрибуте, выражается, по большей части, более нежели одною частию речи; а притом, вторая из этих частей речи, т. е. *определятельная*, подразделяется на несколько отделов или видов, которые принимаются за особенные части речи и носят особенные названия. Так и в русском языке, а именно:

Подлежащие, или названия предметов, существующих в природе, физической и нравственной, заменяются, для краткости и для избежания частого повторения одного и того же слова, особенною частию речи, которая называется *местоимением*.

Так, например, в речи: «*Земля есть планета: она обращается вокруг солнца, а луна обращается вокруг нея, потому что она есть ея спутникъ*», – слова: *она, нея, она, ея* суть местоимения, которые заменяют слова: *земля, земли, луна, земли*, потому что без этих местоимений надобно было бы сказать: «*Земля есть планета: земля обращается вокруг солнца, а луна обращается вокруг земли, потому что луна есть земли спутникъ*».

Сказуемое выражается не одною *определятельною* частию речи, но еще и *глаголом* *совокупным*, который, собственно, есть ее вид, потому что, заключая в себе *глагол* *существительный*, или понятие о *связке*, он заключает в себе и *определятельное слово*, или понятие об *атрибуте*; так, например, в предложении: *птица летаетъ*, подлежащее есть *птица*, а сказуемое и *связка* заключаются в слове *летаетъ*, потому что *летаетъ* есть то же, что *есть летающая*, а целое предложение: *птица летаетъ*, в простой логической форме, будет: *птица есть летающая* (Белинский 1953: 591).

Частицы же – предлог и союз – служат «для выражения различных отношений между частями речи, составляющими *суждение* (предложение), и между суждениями, составляющими *умозаключение*» (Белинский 1953: 592).

Таким образом, в русском языке частей и частиц речи оказывается шесть. Это 1) имя; 2) местоимение; 3) глагол; 4) определятельное слово; 5) предлог; 6) союз.

Нельзя не отметить определенного сходства этой части работы Белинского (общего описания частеречной классификации) с рассуждениями, представленными у Якоба (1812), а в какой-то степени – и у Греча (18276). Однако полученное Белинским разбиение слов на части речи отличается и от первой, и от второй грамматической работы.

В контексте интересующего нас числительного наиболее интересны имя и определятельное слово. Имя у Белинского определяется как «словесное выражение, или название предметов, существующих в природе физической и нравственной» (1953: 592) и, в целом, соответствует существительному в современном понимании.

В определятельном же слове Белинский объединяет сегодняшнее прилагательное, причастие, числительное³¹⁴ и наречие. Трудно не заметить, что такой класс, конечно же, далек от «части речи» в прямом смысле этого слова.

Определятельные слова служат «второстепенными частями» предложения. Эти слова употребляются «для большей ясности и определенности в смысле

³¹⁴ Сюда же, разумеется, попадает и числительное, в узком, грамматическом понимании, предложеном в нашей работе.

предложения, но не составляют необходимой его принадлежности и потому могут и не быть в предложении, не разрушая его смысла» (1953: 604)³¹⁵.

Определительное разбивается Белинским на несколько подвидов, причем в их названиях ученых отказался от термина «прилагательное», а термины «числительное», «наречие», «причастие» сохранились. Современному прилагательному примерно соответствуют определительные качественные и один из разрядов обстоятельственных определительных: притяжательные. Определительные и качественные определительные выделяются по смысловому критерию с обращением к грамматике (словоизменению):

Определительное слово, или определительная часть речи, как самое ее название показывает, определяет понятия по их признакам, как-то: свойству, качеству, действию, принадлежности, числу или количеству.

Определительные слова разделяются на *качественные* и *обстоятельственные*.

Качественные суть те, которые выражают качество, в самом предмете заключающееся и потому неотъемлемое от него; но главным отличительным признаком *качественных* определительных слов от *обстоятельственных* служит то, что первые бывают двух окончаний – *полного* и *усеченного*, и имеют три *степени сравнения* – *положительную*, *сравнительную* и *превосходную*, тогда как последние бывают только *полного* окончания и совсем не имеют *степеней сравнения*; например, определительное *добрый* имеет два окончания: *полное* – *добр-ый*, и *усеченное* – *добр-ь*; потом, определительное слово *добрый* имеет три *степени сравнения*: *положительную* – *добр-ый*, *добр-ь*; *сравнительную* – *добр-ьийшй*, *добр-ье* и *превосходную* – *самый добрый*, *самый добрьийшй*, *очень*, *весьма добрь*; следовательно, определительное *добрый* есть *качественное*, как и все другие определительные, которые имеют два окончания – *полное* и *усеченное*, и три *степени сравнения* – *положительную*, *сравнительную* и *превосходную*. Но определительное *золотой* есть *обстоятельственное*, потому что оно показывает только вещество, из которого предмет сделан, следовательно, качество постороннее, относительное (так как предмет мог бы сделан быть и из другого вещества), а не в нем самом заключающееся, и еще потому, что оно имеет только одно *полное* окончание (так как нельзя сказать *золоть*) и не имеет *степеней сравнения* (так как нельзя сказать *золотьийшй* или *золотье*).

<...> Определительные *обстоятельственные* суть те, которые выражают качество, не в самом предмете заключающееся, но какое-нибудь условное, относительное, случайное или зависящее от какого-нибудь постороннего обстоятельства – так, например: *золотистый*, *серебристый*, *каменистый* суть определительные

³¹⁵ Это утверждение (об отсутствии необходимости в данных словах в предложении) несколько противоречит представленным выше рассуждениям Белинского о том, что определительное слово является одной из трех элементарных частей речи, соответствующих трем частям «логического предложения» (имя соответствует подлежащему, определительное слово соответствует сказуемому, а глагол *быть* – связке).

качественные, потому что они выражают качество *цвета и вкуса*, непременно и безусловно заключающееся во всяком чувственном предмете и, следовательно, находящееся в нем самом, и поэтому они имеют *усеченное* окончание – *золотистъ, серебристъ, каменистъ*; и *степени сравнения* – *золотистѣе, серебристѣе, каменистѣе*; но *золотой, серебряный, каменный* суть определительные *обстоятельственные*, потому что означают качество *вещественности*, которого предмет может и не иметь, следовательно, качество условное, относительное, обстоятельственное, и потому они не имеют ни *усеченного* окончания, ни *степеней сравнения*. Таковы же: *божій, человѣческій, деревянный, масляный, отцовъ, нятый* и пр. Так как определительные *обстоятельственные* не имеют *усеченного* окончания, то и не могут служить сказуемыми в предложении (1953: 605–607).

Определительные обстоятельственные разбиваются на притяжательные (определительные принадлежности), причастия (определительные действия) и числительные (определения числа). Притяжательные означают «...зависимость, происхождение или принадлежность определяемого предмета от того, название которого заключается в них, образованное из имени, например: *царскій дворецъ* значит *дворецъ царя*, т. е. *дворецъ, принадлежащий царю...*» (1953: 607), причастия «показывают действие в форме качественности, почему имеют свойства и глаголов и определительной части речи» (608), числительные же выражают «понятие о количестве или числе» (608).

Предложенная Белинским синтаксоцентричная частеречная классификация при дальнейшем углублении в числительное сталкивается с проблемой различных морфосинтаксических свойств, грамматической раздробленности числительных (имеется в виду числительное в традиционном смысловом, широком, понимании, которое практикуется и Белинским). С точки зрения, предложенной в нашей работе, числительное у Белинского включает в себя и отдельную часть речи, и прилагательные (порядковые и слово *один*), и существительные (*двойка, миллион* и т. д.). В вопросы грамматики этого, фактически смыслового и функционального, класса Белинский мог бы и не углубляться, однако, поскольку числительное, как и прочие классы, описывается в разделе о словоизменении («Изменение частей речи»), ученому все же приходится учитывать ее хотя бы в общих чертах³¹⁶. И здесь оказывается, что многие числительные, отнесенные ученым к определительным обстоятельственным

³¹⁶ Кроме того, Белинский планировал написать две части грамматики, посвященные синтаксису (см. примечание 1 к изданию 1953 г.: Белинский 1953: 757–758). Частеречная классификация могла в той или иной мере отразиться на описании синтаксиса словосочетаний и типов синтаксических связей между словами, поэтому в ней должны были – хотя бы теоретически – учитываться и соответствующие особенности числительных.

(т. е. – в один класс с прилагательными и причастиями), на словоизменительном и «согласовательном» уровнях проявляют сходство с существительными. Кроме того, оказалось, что количественные числительные отличаются от определительных и в смысловом отношении («как выражения совокупности, а не качества»). Протицируем фрагмент, в котором Белинский представляет числительное в качестве типа определительных обстоятельственных:

Числительные, или определения числа, выражающие понятие о количестве или числе. Они разделяются на

а) *Количественные, или совокупные, которые выражают понятия о количестве или совокупности числа предметов и о дробности этих количеств и совокупностей, например: одинъ, два, три, четыре, пять, семь, десять, двадцать, пятьдесятъ, сто, тысяча, миллионъ; двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, десятеро; двойка, тройка, пятокъ, десятокъ, дюжина, сотня; половина, треть, четверть, полтора, полторы, полтретья, полдюжины, полсотни. Все количественные принадлежат к именам, а не к определительным, как выражения совокупности, а не качества, и, по своим свойствам в изменении и согласовании (что будет показано в синтетической грамматике), они больше сходны с именами, нежели с определительными, хотя и с этими последними имеют нечто общее.*

б) *Порядковые, показывающие порядок, в котором следуют предметы один за другим; они бывают простые и сложные; первые изменяются, а во вторых изменяется последнее число: первый, второй, третій, десятый, пятнадцатый, двадцатый, сороковой, пятдесятый, сотый, тысячный, миллионный, двадцать-первый, тридцать-четвертый, сто-третій. Числительные порядковые имеют все свойства определительных обстоятельственных (1953: 608; подчеркнуто мной. – М. Д.).*

Как видим, о количественных числительных Белинский пишет (противореча своим же собственным утверждениям касательно принадлежности числительных обстоятельственным), что они являются не определительными обстоятельственными словами, а именами; свойства же определительных обстоятельственных имеют лишь порядковые числительные. По сути, Белинский противопоставляет друг другу количественные и порядковые числительные, однако не решается их разделить на два отдельных в частеречном плане класса³¹⁷.

³¹⁷ Возможно, Белинский стремился следовать уже установившейся традиции. Во всех проанализированных нами русских грамматиках XVIII–XIX вв. порядковые всегда включаются в состав числительного (соответствующий разряд упоминается под тем или иным названием, или соответствующие лексемы приводятся среди примеров числительного), и, таким образом, никогда не отделяются от количественных. (Мы не учитываем работы, в которых числительное оговаривается лишь в общих чертах, а его состав и разряды не определяются: Рижский 1806, Якоб 1812.)

Одним из разрядов определительного у Белинского считается и наречие: «*Наречие* есть вид определительной части речи, особенная ее форма, и служит к определению действия и даже самого *качества*, а не имени» (Белинский 1953: 609). Оно также подразделяется на качественные (происходящие от качественных определительных – прилагательных, напр. *хороший* – *хорошо*) и обстоятельственные, а среди разрядов последних (смысловых разрядов) упомянуты и числительные:

Числительные, показывающие разные численные отношения, при которых может совершаться действие, как-то: порядок, в котором действия следуют одно за другим, их совокупность, многократность, например: *впервые, разъ, вмѣстѣ, совокупно, разомъ, впервыхъ, вовторыхъ, втретъихъ* и т. д., *однажды, дважды, трижды, четырежды, пятью, шестью* и т. д., *вдвое, втрое, вчетверо, восто, втысячу* и т. д. (1953: 610).

Подводя итоги, можно сказать, что понятие числительного у Белинского, несмотря на некоторые особенности частеречной классификации, сходно с работами его предшественников. У него выделяется «именное» и «наречное» числительное (причем они попадают в одну, синтаксически выделенную, часть речи – определительное). Именное числительное в целом слишком разнообразно в грамматическом отношении, однако Белинский не решает переосмыслить вопрос и оставляет все связанные с ним противоречия (замеченные у него и на уровне текста) не устраненными.

11. «Филологические наблюдения над составом русского языка» Г. П. Павского (1841–1842; 1850)

В 1841–1842 гг. увидел свет обширнейший, трехтомный труд протоиерея Г. П. Павского «Филологические наблюдения над составом русского языка». Эта работа затрагивает вопросы синхронной грамматики, однако ими далеко не ограничивается. Павский рассматривает в работе вопросы развития языка, происхождения тех или иных слов, грамматических явлений и т. д., сопоставляет русский язык с другими европейскими языками. Таким образом, труд Павского представляет собой детальное описание тех или иных грамматических вопросов в синхронном, в историческом и в сравнительном аспектах. Импера-

торская Академия наук по рекомендации академика А. Х. Востокова присудила Г. Павскому за этот труд Демидовскую премию (Вольский 1902). В 1850 г. увидело свет второе, четырехтомное, исправленное и дополненное издание работы. Во втором издании был добавлен том, содержащий рассуждения Павского о русском местоимении, прилагательном и числительном (в первом же можно найти лишь общие замечания об этих частях речи – Павский упоминает их, рассматривая частеречную разбивку русской лексики, во «Втором рассуждении. Об именах существительных»). Вторым изданием труда мы здесь и будем пользоваться.

Г. Павский разделяет внешнюю сторону языка (звуки) и внутреннюю (слова, выражающие понятия и чувства) (1850а: 1). В той перспективе, в которой Павский рассматривает язык (сравнительно-исторической), разделение слов на первообразные и производные оказывается важнее разделения на части речи, поэтому оно и описывается первым: «В первообразных скрывается то первое понятие, какое угодно было человеку соединить с известным звуком. Напр. *огонь, вода, земля* суть слова первообразные. В производных словах к первоначальному понятию присоединяется нечто новое. Так, если бы я сказал: *огонек, водица*, то к понятию об огне и воде присоединил бы уже новое понятие о *малости* или о малом количестве огня и воды» (1850а: 1).

В отличие от разработанных в русле общих грамматик классификаций Греча, Белинского и т. д., частеречная классификация у Павского не синтаксическая. Однако основания для нее Павский, так же, как и представители школы общей грамматики, видит не столько в языковых, грамматических явлениях, сколько в «ходе человеческих мыслей»:

Все первообразные и производные слова обыкновенно разделяют на несколько классов, которые называются *частями речи*. У латинских грамматиков насчитано восемь частей речи: *имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз и междометие*. Греческие грамматики присчитывают еще новую часть речи: *член*. Против этого разделения слов ничего основательного сказать не можно. Впрочем, не худо показать, на чем оно основывается, и найти порядок в частях речи более сообразный с ходом человеческих мыслей (1850а: 5).

Павский, как и многие ученые того времени, считает, что язык появлялся постепенно, постепенно появлялись в нем и слова, относящиеся к разным частям речи. Первой частью речи является междометие:

В человеке свободно мыслящая сила не вдруг обнаруживается. Сперва весь он состоит под влиянием природы и управляется слепой чувственностью. Оттого и первые слова в языке человеческого выражают по инстинкту невольные порывы чувств радости, печали, удивления, страха и пр. Этот первоначальный язык состоит из отрывистых звуков: *ахъ, охъ, ой, ба* и т. п. (1850а: 5).

И далее о междометиях: «...они одинаковы у всех народов, потому что изображают звуки природы, которые везде одни и те же» (1850а: 8), а также: «Бесспорно междометия явились в человеческом языке прежде всех слов...» (1850а: 12).

Затем появляются имена – местоимения, существительные, прилагательные и числительные. Местоимения при этом выражают наиболее общие, важнейшие понятия, и, фактически, считаются первоначальным и самым главным из имен (сначала родилось понятие первого лица и выражающее его слово):

Когда человек почувствует себя существом отдельным от природы, и осмелится противопоставить себя ей, назвав себя *я*, а ее *не я*, тогда начнется в нем новая жизнь, состоящая под влиянием свободно размышляющего разума. В сей период свободного размышления с невольными звуками уст своих человек произвольно соединяет известное понятие, и прилагает их к лицам и вещам, чтоб они служили постоянными именами их или их качеств. На основании звуков, доставленных ему природою, потом он далее и далее расширяет область имен, потому что имеет в себе силу соединять понятия, разделять, отвлекать, подводить их под разряды, и всем сим разрядам, составленным в уме и воображении, давать особенные *имена*. Между именами, сотворенными свободно мыслящим умом, первейшее имя есть *я*, которым мыслящее существо назвало себя в отличие от всей окружающей его природы; второе по нем имя есть *ты*, т. е. ближайшее *не я*; третье *он*, т. е. дальнейшее *не я*. Под эти три разряда подходят все вообще имена существ. Первый разряд *я* включает в себе самое то лицо, которое размышляет и рассматривает природу, вне его находящуюся, или одно или в сообществе с другими лицами; второй разряд *ты* состоит из немногих лиц ближайших к размышляющему лицу, к которым оно обращает речь свою; третий разряд чрезвычайно обширен, потому что заключает в себе все возможные лица и вещи, кроме *я* и *ты*, и даже их качества (1850а: 6–7).

Разделение имен у Г. Павского нетипично, так как связано не только со смысловыми различиями этих слов, но и с их отношением к категории лица, а также рода. Ученый считает имя числительное отдельной именной частью речи, близкой прочим именным частям речи – местоимению, прилагательному, существительному – в том или ином аспекте:

И так все имена подходят под следующие разряды:

1. *Заглавное имя* 1-го, 2-го и 3-го лиц, которое древние грамматики не совсем прилично называли *местоимением*.
2. Имя, подчиненное 3-му лицу, отличное или неотличенное членом *ѣ, а, о* (=онъ, она, оно). Такое имя постоянно и определенно *именует существа* одного которого-нибудь из трех родов, или мужского, или женского, или среднего, и за то называется *именем существительным*.
3. Имя менее определенное, которое можно *прилагать* к существам всех лиц и всех трех родов. Оно изображает внешние или внутренние *качества* существ, *усвоение* им, также *отношение* их к времени, месту и пр. Оно известно под названием *прилагательного имени*.
4. Имя, по своей общности близкое к местоимению, а по другим своим качествам состоящее в родстве с существительными и прилагательными именами. Оно изображает *число* и *количество* вещей, и называется *числительным именем* (1850а: 7).

Не совсем ясно, что именно имеется в виду под «общностью» числительного. Возможно, речь идет о том, что какая-то их часть может соединяться с любым исчисляемым существительным, любого рода, категорией рода при этом не обладая и по роду не изменяясь (*десять учеников, пять деревьев, двадцать чаек*).

О разделении имен по лицам, о важнейшем статусе местоимения, о постепенном появлении имен, связанных с понятием того или иного лица, Павский также пишет:

Из имен первое место принадлежит местоимениям; потому что у размышляющего человека прежде всего родилось понятие о самом себе т. е. о первом лице, потом о втором и третьем. Третье лицо включает в себе все существа, кроме *я* и *ты*. Поэтому все почти имена ходят в языке под печатью местоимения 3-го лица *онъ, она, оно*, или, что то же, *ѣ, а, о* (1850а: 12).

Глагол у Павского считается главной частью речи в языке, при том, что ученый, по-видимому, считал глагол появившимся после имен:

В числе слов человеческого языка главное место занимает то слово, которым выражается приговор ума, принадлежит или не принадлежит такое-то качество известному лицу или вещи. Это слово названо в грамматике *глаголом*, т. е. словом по преимуществу. Поелику в глаголе выражается суждение лица и его приговор о разных предметах и их принадлежностях, как то: о действовании, страдании, явлении, представляющихся лицу в разные времена на большем или меньшем пространстве, то с глаголом необходимо соединено понятие о времени и простран-

стве. И потому глагол во всех языках принял на себя обязанность, известными знаками указывать время существования и действия лиц и вещей.

<...>

Глагол отличается от имен многими ясными признаками. Очевидное отличие его от имен есть то, что он не подчиняется члену *ъ*, *а*, *о*, и в нем вместе выражено и действие и действующее лицо, время и пространство действия. Если же все это разобрать порознь, то в нем найдется много общего с именами. Тогда глагол может явиться в виде имени существительного, членного и бесчленного, и в виде имени прилагательного, одночленного и двучленного. Когда в глаголе выражено только действие, а действующее лицо не определено, тогда он походит на имя существительное и называется *неопределенным наклонением* (напр., *читать*), или глагольным именем (*чтение*). Когда же обозначается действующее лицо, а не называется, которое оно, 1-е, 2-е или 3-е, тогда глагол имеет вид прилагательного имени и называется *причастием*: напр. *читающий, читаль, читавший*. В полном виде глагол является уже тогда, когда знаки 1-го, 2-го и 3-го лица с ним слиты, или к нему присоединены, и когда в нем выражено полное суждение о лице и его состоянии. Поелику в слове *читаю* означено и лицо, и действие его в известное время, и приговор о нем, то это слово можно назвать полным глаголом (1850а: 9–10).

Глагол «в полном виде», «неопределенное наклонение» (т. е. инфинитив, считающийся у Павского отдельной частью речи), причастие и деепричастие являются «изображением мыслей», тогда как имена (местоимение, существительное, прилагательное, числительное) – «изображением понятий» (1850а: 11–12).

Частицы Павский понимает как *неизменяемые слова*. Они служат «сокращению речи» (1850а: 11)³¹⁸. В результате частицей у Павского считается и наречие:

Кроме междометий, имен и глаголов есть в языке слова, служащие сокращением речи. Слова сии произошли от тех же имен и глаголов, но, быв отнесены к одному какому-либо обстоятельству, или быв приписаны к известному имени, сделались неподвижными, или, по выражению грамматиков, несклоняемыми и неспрягаемыми. Их можно назвать не частями речи, а *частицами*. К частицам принадлежат: 1) *наречия*, которыми коротко выражаются общие понятия о существах и их качествах, как-то время, место, образ существования, количество, качество и состояние вещей: напр., *вместо: в какое время, в каком месте, каким образом, употребляем кратчайшие слова: когда, гдѣ, какъ*; 2) *предлоги*, которые служат для указания взаимного отношения вещей, размещенных в пространстве и времени. Они называются предлогами, потому что большей частью стоят *пред* именами и глаголами; 3) *союзы*, которые устанавливают связь между словами и предложениями (1850а: 11).

³¹⁸ Представители же школы «общей» грамматики, напр. Греч и Белинский, считают частицами слова с определенной синтаксической функцией (функцией соединения слов в предложении, соединения предложений).

В целом, классификация частей речи у Павского оказывается типично смешанной. Используется и смысловой, и словоизменительный критерий, а в некоторых случаях – и критерий функции в предложении. Например, прилагательные отделяются от существительных и по смыслу, и грамматически, наречия отделяются от имен и глаголов на том основании, что являются несклоняемыми и неспрягаемыми словами, союзы же выделяются среди прочих неизменяемых слов по своей синтаксической функции в предложении (они устанавливают «связь между словами и речениями»).

В числительное в классификации Павского попадают лишь те слова, которые можно считать именными. От прочих же именных частей речи числительное отличается тем, что выражает число. Несмотря на то, что имя выделено на смысловом основании, и на том же основании числительное отделено от прочих имен, на эту группу так или иначе накладывается определенное ограничение грамматического свойства, и некоторые слова, связанные с выражением числа, в нее войти не могут. Тем не менее, предложенное Павским понимание числительного по-прежнему дает этой группе слишком большой объем. От именного числительного отделены неизменяемые наречия, связанные с выражением числа, однако упорядочить группу внутри именных частей речи, отделив друг от друга связанные с понятием числа прилагательные, существительные и собственно числительное, предложенное Павским определение не позволило.

Числительное названо у Павского частью речи, но фактически это грамматически разнородная группа имен, выделенная исключительно по смыслу.

Показательно, как Павский описывает различия и сходства между числительными и прочими именами. Внимание ученого концентрируется исключительно на смысловых различиях между именными частями речи, а не на их грамматических особенностях:

Числительные имена не далеки от прилагательных, потому что и они означают не единичные вещи, представляющиеся чувствам и уму в беспредельном пространстве мира, а только особым образом становятся их в известный порядок. Прилагательные имена означают качества вещей, более или менее свойственные многим из них, и посредством таких отличительных признаков обрисовывают и обобщают вещи. Числительные имена тоже обобщают вещи, разлагая их по большим или малым группам, или указывая их большее или меньшее расстояние от единицы. Отличаются же имена числительные от прилагательных тем, что числительные имена изображают не *качества* вещей внешние или внутренние, как это свойственно именам прилагательным, а только указывают на *количество* их и расстояние от единицы. С другой стороны, числительные имена, изображая вещи, разложенные по группам, подходят близко и к именам существительным, наипаче к собирательным, каковы:

пара, группа, куча, толпа, полкъ, стая и пр. Кроме сего, числительные имена близки и к местоимениям. Напр., числительные имена *одинъ, другой, оба* употребляются нередко в значении местоимений: *нѣкто, нѣкоторый, иной, тотъ* и *другой* (18506: 179–180; подчеркнуто мной. – М. Д.).

Об отождествлении «семантической» группы с частью речи свидетельствует и ее состав, предложенный Павским. Кроме стандартных количественных и порядковых (со всем их морфосинтаксическим различием), в его числительное входят, например, прилагательные *двукратный, троекратный, троечастный, одинакій, двоякій, троякій*, названные в работе «числительными прилагательными именами» (18506: 214), существительные *треть, осьмушка* и т. д. (18506: 242).

Слово, которое принадлежит другой части речи, оказывается числительным, если использовано в соответствующем, числовом, значении: «Местоимение *самъ* тоже может быть числительным, когда оно означает *одинъ*. Напр., *самъ другъ* – сам и другой с ним, *самъ третей* – сам и два с ним, *самъ четвертъ* – сам и три с ним и т. д.» (18506: 214; текстовое оформление изменено мной. – М. Д.).

Нельзя полностью отрицать, что определенные грамматические основания выделения числительного как части речи Павский все же рассматривает. Однако у него весь вопрос сводится к аргументации против отождествления числительного с прилагательными, которое было предложено, в частности, в грамматике А. Востокова. Павский указывает, что некоторые слова, входящие в числительное, в грамматическом (морфосинтаксическом) отношении следует отождествлять с существительными, а не с прилагательными (непонятно, правда, почему, в таком случае, все эти прилагательные и существительные <слова, которые можно отождествлять с прилагательными или существительными> составляют отдельную часть речи). Полемизируя со взглядами А. Востокова³¹⁹, смешивавшего числительное с прилагательными, Павский пишет:

Но, говоря о склонении имен числительных, не мог же он [А. Востоков – М. Д.] не встретить там имен; пять, шесть, десять, сорокъ, девяносто, сто, тысяча, миллионъ, треть, четверть, которых никаким образом не подведешь под разряд имен прилагательных. Они и склоняются как имена существительные, и сочетаются с другими именами по обычаю имен существительных, требуя после себя род. падежа. Напр., пять, шесть, десять, сорокъ, сто *рублей* (18506: 180).

³¹⁹ На протяжении всего тома Павский ошибочно пишет «Г. Востоков», хотя речь идет об Александре Христофоровиче Востокове, авторе «пространной» грамматики (напр., 18506: 179). Также есть ошибки и в инициалах Николая Греча: напр., «Г. Греч» вместо «Н. Греч» на с. 245.

Грамматику числительного Павский видит, прежде всего, сквозь призму типов склонения (в меньшей степени – в перспективе того, как они влияют на грамматическую форму существительного, с которым соединяются). Однако сам по себе тип склонения не определяет, что слово является числительным. Числительные для Павского – слова, дающие конкретную информацию о числе (сколько именно? который именно?), поэтому, например, слово *сколько*, морфосинтаксически будучи сходным с некоторыми числительными, в числительное не входит, а является местоимением, и наоборот – некоторые числительные не входят в состав местоимений, хотя морфосинтаксически сходны со *сколько*:

Числительное имя прикосновенно к имени существительному, прилагательному, местоимению точно так же, как и всякая другая часть речи соприкосновенна с прочими. В глаголе есть и существительное имя (дѣлать), и прилагательное (дѣлающій, ая, ея), и наречие (дѣлая); но от этого глагол не делается ни существительным, ни прилагательным именем, ни наречием. <...> С местоимением *сколько* сходны числительные имена: одинъ, два, три, пять, десять, сто; с местоимением *который* сходны: первый, второй, третій, пятый, десятый, но разница между ними та, что числительное имя определяет *сколько именно, который именно*. Эта-то *поименная* определительность и составляет отличие числительных имен от всех других имен и местоимений (1850б: 180–181).

Нельзя не заметить, что в числительное при этом входят и явные прилагательные (порядковые). Если отдельный частеречный статус числительного на грамматическом уровне определяется словами, которые в прилагательное включить невозможно, то как же быть со словами, грамматически являющимися прилагательными? Если они столь существенная часть числительного, что из его состава не исключены, то нужно ли было отказываться от трактовки числительного в качестве прилагательных, предложенной Востоковым? Может быть числительное – действительно просто прилагательные, регулярные, и, так сказать, дефектные, а слова, полностью тождественные существительным, – вовсе числительными не являются? Можно предполагать, что рассматривать числительное в качестве части речи Павский предложил, в частности, затем, чтобы сохранить «традиционный» состав этой группы в полном объеме, не исключая из них ни типичных прилагательных (порядковых), ни существительных типа *миллион*. Сохранить же полный объем он стремится, скорее всего, потому, что видит эти слова как целое все-таки со смысловой точки зрения. Реальной части речи среди этих слов он, фактически, не разглядел.

Грамматическое понимание числительного у Павского не отрицается впрямую, но двоякое, противоречивое использование терминов числительного, прилагательного и существительного, известное нам и из работ его предшественников, красноречиво свидетельствует о том, что Павский, определяя числительное в качестве части речи, от грамматического понимания был все же довольно далек.

Среди числительных есть слова, которые Павский напрямую называет прилагательными или существительными. Например, о числительном *одинъ* Павский пишет: «Это числительное имя относится к числу одноклренных прилагательных, и в женском роде изменяется на *одна*, в среднем на *одно*»³²⁰ (1850б: 181; подчеркнуто мной. – М. Д.). Количественные числительные начиная от *пять* Павский называет «по форме» существительными, а порядковые – прилагательными:

Числительные порядковые имена, все кроме первого, сходны по корням своим с количественными. Различие состоит в том, что порядковые становятся в форму прилагательных имен, между тем как количественные имена, кроме первых четырех, приняли вид имен существительных (1850б: 201–202).

В оценке частеречной принадлежности некоторых слов, которые у многих других ученых считаются числительными, Павский колеблется, иногда называя числительными, а иногда приписывая им черты других частей речи. Например, слова типа *двое*, *трое* ученый рассматривает в качестве прилагательных, произведенных от количественных числительных (1850б: 211–212). Почему они здесь считаются «близкими» числительным прилагательными, а не включаются в состав числительного – совершенно непонятно, особенно на фоне решения, принятого Павским относительно так называемых порядковых числительных. Слова, означающие количества меньше единицы, Павский считает «ближайшими к числительным» существительными (т. е. существительными, все же не включенными в их состав):

Для дробления образовались только два особенных имени: треть ($\frac{1}{3}$) и четверть ($\frac{1}{4}$). При дальнейшем дроблении, как-то $\frac{1}{5}$, $\frac{2}{5}$, $\frac{3}{5}$ употребляем слово *доля* или *часть*, указывая только посредством количественных и порядковых чисел сколько именно долей, напр. одна пятая доля ($\frac{1}{5}$), двѣ пятыхъ ($\frac{2}{5}$) и т. д. Вместо двѣ пятыхъ долей короче говорим двѣ пятыхъ. Для половины единицы ($\frac{1}{2}$) имеем особенное

³²⁰ Одноклренными формами прилагательных Павский называет краткие формы, а двучленными – полные.

имя *поль*. Для исчисления единиц с дробями употребляем полтора ($1\frac{1}{2}$), полтретья ($2\frac{1}{2}$), полчетверта ($3\frac{1}{2}$) и т. д. (1850б: 211).

В тексте заметны колебания в трактовке частеречной принадлежности слов тех или иных типов. Уже в разделе о словоизменении числительных слова типа *треть* напрямую названы числительными:

Числительные имена, по значению своему подобные числу *поль*, как-то: половина, треть, четверть, пятая, шестая, седьмая и т. д. доля, осмуха, осмушка склоняются и соединяются с прилагательными точно так же, как существительные, и потому не имею нужды для склонения их выставлять образец (242).

Подобная ситуация имеет место и в случае слов типа *двое*. В частности, Павский сравнивает склонение слов *обое*, *двое*, *трое*, *четверо* и т. д. и находит у них как общие черты, так и различия. Однако частеречные характеристики этих слов производят впечатление полной неопределенности и хаотичности, так как у них наблюдаются черты трех частей речи сразу:

Правда и то, что *двое* стало прилагаться к лицам и означает количество их: но все это не дает права числит. имена *обое*, *двое*, *трое*, *четверо* называть прямо множ. числом и признавать их именами мужеского рода. Они не что иное суть, как собира- тельные прилагательные имена среднего рода, получившие все качества существитель- ных имен. Поэтому они требуют после себя род. падежа. Сколько здѣсь челоуѣкъ? *двое*, *трое*, *четверо*. Как заглавное местоимение количественных числительных имен *сколько* стоит в среднем роде, так и отвечающие ему числительные *двое*, *обое*, *трое*, *четверо* стоят в среднем же роде (1850б: 243; подчеркнуто мной. – М. Д.).

Ученый имеет в виду разные черты этих слов. По одним они подходят в числительные, по другим – в прилагательные. Есть и определенные сходства с существительными. Павский, по-видимому, не мог принять окончательного решения относительно того, какую из черт принять в качестве основной и куда эти слова все-таки отнести. С другой стороны, рассмотрение этих слов в разделе о числительном, в главе о склонении слов этой части речи, свидетельствует все же в пользу того, что ученый был близок к тому, чтобы трактовать их как числительные (отделить от прилагательных и существительных, что в данном случае – безусловно верное решение).

Следует добавить, что слова типа *пятью*, *шестью* (в выражениях *пятью пять* (5х5), *шестью шесть* (6х6) и т. д.) Павский считает наречиями (1850б: 245–246).

Довольно много внимания Павский уделяет этимологии отдельных числительных и их описанию в сравнительно-историческом аспекте. Эти рассуждения мы здесь рассматривать не будем. Но все же следует упомянуть о том, что, в отличие от Ломоносова, Павский считает, что некоторые «основательные» (количественные) числительные произошли от порядковых, а не наоборот: «...числа два, три, четыре имеют все права на звание основных, но пять, шесть и т. д. очевидно произошли от порядковых пятый, шестой и т. д.» (1850б: 190).

Немало внимания уделено появлению названий десятков, сотен и т. д. (образованию их от слов *одинъ* – *десять*). Некоторые рассуждения кажутся интересными и с позиции современности. Например, различия формы «десять» в составе сложных числительных *двадцать*, *тридцать* и *пятьдесят*, *шестьдесят* и т. д. объясняются так:

В... числах двадцать (=двадесать), тридцать, *два* и *три* суть имена прилагательные, и потому стоящее при них имя десять могло оставаться в одном с ними падеже. Но имена *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*... по склонению своему принадлежат к существительным, и оттого следующее за ними имя десять должно было стать в падеже родительном, и при том в родительном множ. числа, поелику пять, шесть, семь, восемь включают в себе множество (1850б: 191).

И далее:

В числах *триста*, *четыреста* имя сто поставлено во множ. числе, как и следовало при именах количественных прилагательных три, четыре. В дальнейших числах *пятьсотъ*, *шестьсотъ* и т. д. имя сто поставлено в род. падеже мн. числа. Подобное сему мы видели в десятичных числах *пятдесятъ*, *шестьдесятъ* (1850б: 196).

Вообще, и слова типа *пятьдесят* (образованные от двух числительных первого десятка *пять* и *десять*), и словосочетания типа *пять тысяч* считаются у Павского одним и тем же явлением: составными количественными числами. Все эти образования описаны в соответствующей главе (1850б: 190–199).

В описании склонения числительных у Павского можно встретить много интересных замечаний. Павский не просто дает образцы склонения числительных, но и пытается показать, откуда в русском языке того времени появились те или иные формы, сравнивая современный ему язык с древнерусским/старорусским или со старославянским.

Например, о склонении слова *два* он пишет:

В этом склонении смешано двойственное число со множественным. Именительный и винительный падежи сохранили старинное окончание *два* (муж.), *двъ* (жен.) (сравни лат. *duo, duae*), а в род. и предл. падежах к старинному окончанию двойственного числа *дву* приложено еще другое окончание мн. числа *хъ*, и вышло *двухъ*. Остальные падежи дательн. *двумъ* и твор. *двумя* соответствуют одному старинному двойственному *двѣма* (1850б: 220).

А касательно числительных *три*, *четыре* указывает:

Род. падеж должен быть *трій*, *четырь* или *четырей*, и в древних рукописях это склонение нередко является. <...> Но когда прилагательное и местоименное склонения дали такое же окончание родительному падежу множ. числа, какое принадлежит предложному, тогда стали говорить и писать *трехъ*, *четырехъ*.

Твор. падеж должен быть *треми*, *четыреми* или *четырьми*, как это и держится в древнем языке. Но в нынешнем языке три и четыре во многом стали подражать предшествующему числу два, и по соседству с ним приняли его окончание творительного падежа. Два твор. *двумя*, три – *тремя*, четыре – *четырма* (1850б: 223–224).

Существующую в русском языке морфосинтаксическую двойственность числительных (контраст в падежах) Павский так или иначе отмечает, однако никакого особого значения этому факту не придает³²¹. Например, рассматривая особенности поведения числительных в соединении с предлогом *по*, Павский обращает внимание на то, что у некоторых из них в соединении с предлогами (т. е. в косвенных падежах), за исключением предлога *по*, можно наблюдать поведение, характерное для прилагательных:

Предлог *по* подчиняет себе все другие числа, поставляя их в дательном падеже, а над числами два, три, четыре, и двое, трое, четверо не имеет никакой силы. При них он стоит в виде наречия. Еще странность предлога *по*: имена числит. пять, шесть и т. д. при нем остаются существительными и требуют после себя падежа родительного, тогда как при других предлогах они сочетаются с именами на праве прилагательных. Напр., по пяти рублей, къ пяти рублямъ, съ пятью рублями. Как объяснить эти странности? (1850б: 214–215).

Переход некоторых слов, которые, как пишет Павский, изначально были прилагательными (*два*, *три*, *четыре*), в числительное, заключается в том, что в именительном они, фактически, стали существительными. С синхронической точки зрения – они требуют от существительного, с которым соединяются,

³²¹ Во всяком случае на состав класса эта характеристика влияния не оказывает.

родительного падежа единственного числа³²². Однако в историческом плане – это именительный падеж исчезнувшего из языка двойственного числа. Данная форма смогла сохраниться в языке лишь благодаря тому, что была сходна с родительным падежом единственного числа:

...удивительно, что числа два, три, четыре, по-видимому прилагательные, требуют после себя род. падежа, подобно как пять, шесть и пр. Вот как одно заблуждение повело за собою множество других. Поводом к заблуждению было то, что старинный двойственный имен. падеж наших имен во многом походил на родительный един. числа. И потому, когда исчезло из языка двойственное число имен, тогда число два, двѣ, не могли однакож обойтись без двойственного, привязало к себе род. падеж муж. и жен. рода, как подобный себе. Но, привязавши к себе род. падеж, и само оно не могло уже оставаться прилагательным именем потому, что прилагательные имена не требуют после себя род. падежа. Сделавшись существительным именем, число два стало наравне с дальнейшими числами *пять, шесть* и т. д., которые и сами из старинных прилагательных преобразовались в существительные, и требуют после себя род. падежа множ. числа (18506: 225–226).

Павский пишет, что *три* и *четыре* подражали в этом смысле числительному *два* «без всякой нужды», лишь из-за их непосредственного соседства. И далее отмечается падежный контраст в поведении этих слов: данные прилагательные стали существительными лишь в номинативе и сходном с ним винительном, а в прочих падежах – они (в морфосинтаксическом отношении) по-прежнему прилагательные. Павский пишет:

Впрочем, числа два, три, четыре стали, наряду с существительными, именами только в именительном падеже и в подобном ему винительном, а в прочих падежах они остаются прилагательными, и с существительными именами сопрягаются в одном падеже на праве прилагательных. Напр., двумя, тремя, четырьмя рублями, къ двумъ, тремъ, четверемъ рублямъ и т. д. (18506: 226).

О слове *пять* и прочих «простых и составных числах, кончающихся на *ь*, как то шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать и т. д.», Павский пишет, что они склоняются по одному образцу (18506: 226), и при этом у них наблюдается поведение существительных в именительном (или в подобном ему винительном), и поведение прилагательных – в прочих падежах. Интересно замечание Павского о том, что подобное поведение характерно для числительных не только в русском (или церковнославянском) языке, но и в санскрите. Этот фрагмент я приведу целиком:

³²² Или – по Зализняку – «счетной формы» (см. раздел «Как определять числительное»).

Уподобившись по своему склонению существительным именам женского рода, числа *пять* и т. д. сделались именами женского рода. Напр., в Остромировом Евангелии Матѣ. 25, 16: и приобрѣте *другую пять* талантѣ. Этот обычай считать имена пять и далее за имена существительные женского рода соблюдался и в санскр. языке. Там имя *vinsati*, двадцать, по окончанию походит на имя существительное *matī*, мысль, а потому и в склонении подражает именам женского рода и стоит в числе имен женского рода. Но как в санскритском же языке другие числа, напр. панчан, пять, дасан, десять и т. п. считаются существ. именами ед. числа только в именительном и вин. падежах, а в прочих падежах считаются прилагательными именами и склоняются по числу множественному: так было и у нас, что видно во многих местах словенской Библии. В Библии видно такое склонение: им. и вин. пять, род. и предл. пятихъ, дат. пятимъ, твор. пятьми. Напр., по днѣхъ *осмихъ*. Иоан. 20, 26; отъ *пятихъ* хлѣбъ, Иоан. 6, 13; *десятимъ* дѣвамъ, Матѣ. 25, 1... <...> Нынешний наш русский язык из старинных законов принял только следующие: склонять числит. имена пять и т. д. по примеру существительных собирательных имен 4-го склонения и сочетать их с другими именами на праве существительных, но только в именительном падеже и в винительном, в прочих же падежах, не давая им внешнего вида имен прилагательных, признавать их прилагательными. Пять серебряныхъ рублей (пять – имя сущ.), въ пяти серебряныхъ рубляхъ, пятью серебряными рублями, къ пяти серебрянымъ рублямъ (пять – имя прилаг.) (1850б: 227–229).

Особенности склонения выражений типа *пять десять* ('50') Павский объясняет падежным контрастом, отмеченным им у простых числительных типа *пять*:

В этом склонении уже видимо господствует тот закон, о котором я сейчас упомянул. Числительное имя пять в им. и вин. падежах считается существительным и требует после себя род. падежа *десять*, а в других падежах оно на праве прилагательных имен стоит в одном падеже с приложенным к нему именем: *пяти десяти, пятью десятью* (1850б: 229).

То же самое отмечается и в случае составных со *сто* (существительным)³²³: «Когда же число сто становится после других числительных имен два, три,

³²³ Павский, фактически, выделяет две лексемы *сто*. Одну из них можно условно назвать *сто*-существительным, а вторую – *сто*-числительным. Они различаются по склонению:

	Существительное		Числительное
	Единств.	Множ.	
Им. и вин.	сто	ста	сто рублей
Род.	ста	сотъ	ста рублей
Дат.	сту	стамъ	ста рублямъ
Твор.	стомъ	стами	ста рублями
Предл.	стѣ	стахъ	ста рубляхъ

четыре, пять и т. д., которые требуют множ. числа, тогда оно допускает множ. число, в им. и вин. падежах на праве имени существительного, а в других падежах на праве прилагательного» (231). В этих выражениях первая часть (числительное) в именительном требует от существительного *сто* родительного множественного (*пять* и далее) либо родительного единственного (до *четырёх*), а в прочих – ведет себя как прилагательное, сходное со *сто* по словоизменительной форме:

Им. и вин.	двѣсти	три ста	четыре ста
Род.	двухъ сотъ	трехъ сотъ	четырехъ сотъ
Дат.	двумъ стамъ	тремъ стамъ	четыремъ стамъ
Твор.	двумя стами	тремя стами	четырьмя стами
Пред.	двухъ стахъ	трехъ стахъ	четырехъ стахъ

Им. и вин.	пять, шесть, семь и т. п. сотъ
Род.	пяти сотъ
Дат.	пяти стамъ
Твор.	пятью стами
Предл.	пяти стахъ

(1850б: 232).

Отмеченные Павским факты можно отнести к объяснению строения современных сложных числительных типа *пятьсот* и особенностей их склонения.

Подводя итоги, следует отметить, что в работе Павского во второй раз в истории русской лингвистики числительное получило статус отдельной части речи. Однако ее состав и способ выделения указывают на то, что это по-прежнему просто смысловая группа с различной грамматикой. Искомая часть речи, безусловно, составляет какую-то ее часть. Однако в «числительное» Павского включаются и такие слова, которые принадлежат другим частям речи. В плане объема понятие числительного у Павского все же ближе числительному как части речи, чем тот вариант, который был предложен Орнатовским. У Орнатовского в состав «числительного» входили, кроме всего прочего, и наречия, связанные с выражением числа, у Павского же числительное понимается не столь широко. Поэтому работу Павского можно считать важным шагом вперед в вопросе осознания частеречного статуса числительных.

12. «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» И. И. Давыдова (1852)

Как отмечалось выше, в работе И. Орнатовского (1810) впервые в русской лингвистике было предложено считать числительное частью речи. Однако в то время эта идея так и не нашла своих сторонников и вернулась в русскую лингвистическую литературу только спустя целых три десятилетия – в рассмотренной нами работе Павского. Окончательно обосновать идею выделения этой части речи, убедительно сформулировать, в чем же именно заключается частеречность числительного, ни Орнатовскому, ни Павскому, по моему мнению, так и не удалось (однако и в современной лингвистике этот вопрос, по большому счету, тоже до конца не решен). Тем не менее, после публикации работы Павского идея о числительном как отдельной части речи не канула в Лету, а начала распространяться среди лингвистов, пусть и в таком незаконченном и далеко не идеальном виде³²⁴. Судьба же работы Орнатовского показывает, что такой поворот событий вовсе не очевиден. Поэтому уже само утверждение числительного в качестве части речи и дальнейшее распространение этой идеи в лингвистической литературе можно было бы считать определенным продвижением вперед в вопросе изучения данных слов.

Академик Петербургской академии наук И. И. Давыдов³²⁵ в своей работе «Опыт общесравнительной грамматики русского языка»³²⁶ в понимание числительного не внес, по сути, ничего существенно нового, однако он поддержал идею о его отдельном частеречном статусе, поэтому мне кажется важным рассмотреть этот текст хотя бы в общих чертах.

В «Предисловии к первому изданию» И. И. Давыдов характеризует свой труд как попытку описать русскую грамматику «по плану Беккеровой Грамматики немецкого языка» (1853: III). Он пишет:

Идея организма, объемлющая слово и проникающая его во всех отношениях, должна быть путеводною идеею всякого языкознания. Показать *общие* законы слова

³²⁴ Как уже отмечалось, и у Орнатовского, и у Павского она содержала в себе те или иные противоречия (с точки зрения частеречного статуса). Напр., у Орнатовского в числительное входили и слова именного, и слова наречного типов.

³²⁵ Академиком по Отделению русского языка и словесности он был избран в 1841 г. Некоторое время Давыдов был деканом историко-филологического факультета Московского университета, с 1831 по 1847 г. возглавлял кафедру русской словесности (Булахов 1976: 89–90).

³²⁶ Первое издание грамматики увидело свет в 1852 г., второе же, измененное, которым мы будем пользоваться, – вышло в 1853 г.

человеческого, на началах мышления, и частные особенности, объясняемые *сравнением* отечественного языка с языками однородными и соплеменными – вот, по моему мнению, цель отечественной Грамматики *общесравнительной* (1853: III–IV).

В современной научной литературе работа Давыдова оценивается довольно прохладно с точки зрения вклада ее в науку. Так, например, крайне критично ее оценивает В. П. Даниленко, подчеркивая ее вторичность и компилятивный характер «по отношению к К. Беккеру, Н. И. Гречу, М. В. Ломоносову и др.» (2009: 72), и фактически обвиняя Давыдова в том, что некоторые фрагменты его работы являются прямым плагиатом трудов вышеупомянутых авторов³²⁷. А. Е. Супрун же указывает, что грамматика Давыдова в лучшем случае подводит итоги одному этапу изучения грамматики русского языка, но не раскрывала новых перспектив (1971: 17–18). Компилятивный характер своей книги подчеркивает и сам Давыдов, причем имена ученых, работами которых пользовался, он перечисляет во вступлении:

Я не смею ничего присваивать себе в этом труде: воспользовавшись глубокими исследованиями о русском языке во всем его составе заслуженных наших грамматиков, *Греча* и *Востокова*, филологическими наблюдениями *Павского*, синтаксисом *Перевлесского*, некоторыми частными замечаниями *Лангениельда*, *Буслаева*, *Каткова*, *Басистова*, я привел в систему готовые сокровища по той мысли, какую положил в основание по Беккеру, вследствие многолетнего опыта (Давыдов 1853: IX).

Рассмотрим принятую Давыдовым классификацию частей речи и то положение, которое отводится в ней числительному. Глагол, существительное (у Давыдова используется термин «имя») и прилагательное считаются у Давыдова знаменательными частями речи, а числительное – отделено от них и рассматривается, наряду с союзами, предлогами и местоимениями, в качестве служебных слов³²⁸.

³²⁷ Даниленко, в частности, пишет: «В книге „Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков“ (Т. 1. СПб., 1910. 169 с.) Н. К. Грунский даёт параллельные выдержки из „Начертания русского синтаксиса“ П. М. Перевлесского и „Общесравнительной грамматики...“ И. И. Давыдова, которые показывают, что последний „списывал“ у первого. Подобным образом он обращался и с „Организмом языка“ К. Беккера. В теоретической части грамматики И. И. Давыдова мы обнаруживаем почти буквальные переводы книги К. Беккера. При этом „переводчик“ даже не делает ссылок на первоисточник. <...> Я назвал книгу И. И. Давыдова, о которой шла речь, компиляцией. Следует уточнить: это компиляция с изрядной долей откровенного плагиата» (2009: 72–73).

³²⁸ Кроме вышеупомянутых частей речи, у Давыдова также выделяются наречие и междометие. Наречие «занимает середину между знаменательными и служебными» и названо знаменательно-служебной частью речи (Давыдов 1853: 64); междометия «не выражают ни понятий, ни отноше-

В основных частях речи – существительном и глаголе – отражается устройство «вещественного мира», самое главное в котором – «действие и бытие, или сила и вещество» (1853: 62). Вещественный же мир воссоздается в языке:

Как в мире вещественном мы видим действие и бытие, так и в языке, представляющем духовное воссоздание этого мира посредством слова, находим две стихии: *глагол* и *имя*; один означает деятельность, другое бытие, т. е. предмет видимый, или умственно представляемый. Из этих двух понятий – действия и предмета, приведенных в единство, образуется *мысль* (1853: 62).

Прочие части речи, как пишет Давыдов, развиваются из двух основных членов предложения: подлежащего и сказуемого. Например, «качество подлежащего означают прилагательные, а качества сказуемого – наречия» (1853: 62–63). Предлоги выражают «отношения предметов в пространстве», а союзы – «последовательность действий во времени» (1853: 63).

Местоимение необходимо для «обособления», а числительное – для выражения количественных характеристик подлежащего и сказуемого:

Кроме определения качества, подлежащее и сказуемое имеют надобность в определении количества и в обособлении: предложение достигает этого посредством *числительных* и *местоимений*. Таково определение количества и обособления в предложении: *эта одна роза цвѣтеть довольно долго* (1853: 63).

В целом, части речи Давыдов отождествляет с той или иной функцией в предложении. Они нужны для выражения «полной мысли». Как уже отмечалось, части речи Давыдов разбивает на знаменательные и служебные. Под первыми понимаются такие части речи, которые выражают «понятия», а под вторыми – части речи, выражающие «отношения понятий»:

Все эти части речи, из которых слагается полная мысль, выражают или понятия, или отношения понятий: поэтому они разделяются на два рода слов – на слова понятий, или *знаменательные*, и на слова отношений, или *форм* – *служебные*. К первым относятся: глагол, имя, прилагательное; ко вторым: местоимение, числительное, предлог, союз (1853: 64).

Почему местоимения и числительные считаются «выражающими отношения» частями речи (наравне с предлогами и союзами, т. е. противопоставлены им понятий), поэтому не относятся ни к знаменательным, ни к служебным словам, находясь за пределами этого деления (1853: 64; 261).

прилагательным и существительным)? Фрагменты работы, посвященные «значению» (или функции) местоимений и числительных свет на этот вопрос, как мне кажется, не проливают. Местоимению Давыдов приписывает «значение определения предметов указанием, присвоением, ограничением» (1853: 205). Сведение значения местоимений к использованию местоимений вместо существительного и определение с помощью такой характеристики этого класса слов Давыдов считает неверным:

Местоимение неправильно называют частью речи, поставляемой вместо имени предмета: все тропы, н. п. часть вместо целого, причина вместо действия, особливо все метафорические выражения должны бы относиться к местоимениям; и наоборот, местоимения указательные, притяжательные и неопределенные не принадлежали бы к этой части речи (1853: 205–206).

В числительном Давыдов видит часть речи, близкую местоимениям (с точки зрения «служебности»?). Он пишет, что они не выражают понятия бытия (как существительные) и действия (как глаголы)³²⁹, и, по всей видимости, ученый считает их служебными словами именно поэтому:

Из всех служебных частей речи, по значению, *числительные имена* (numeralia) ближе подходят к местоимениям. Числительные не выражают понятия бытия или действия, но означают только количественные отношения (1853: 236).

Говоря же о различиях между числительными и местоимениями, Давыдов указывает, что некоторые местоимения, в отличие от числительных, все же выражают «самое бытие», напр. *я, ты, кто*. Числительные же «... всегда показывают числовое отношение выраженного или умственно представляемого предмета, н. п. *три яблока, десять деревьев*» (1853: 237–238). (То есть числительные оказываются более «местоименными», более «служебными» <отдаленными от слов, выражающих бытие>, чем некоторые местоимения. В этом фрагменте рассуждения становятся еще более запутанными и неясными.)

Нельзя не отметить, что данное понимание числительного отличается от представленного в работах ближайших предшественников Давыдова. У Павского числительное – именная часть речи, находящаяся в одном ряду с существительными, прилагательными и местоимениями. В синтаксоцентричной классификации частей речи Белинского имя числительное и числительные

³²⁹ Прилагательное же, по мнению Давыдова, «занимает средину между глаголом и именем» и выражает «качественность предмета» (1853: 173).

наречия – это подвиды «определяющего слова», причем, кроме числительных, в эту «часть речи» входят прилагательные, причастия и наречия (в современном понимании). Востоков считает числительные (те именные типы, которые он выделяет, в том числе и сегодняшние количественные) разновидностью прилагательных. Греч же считал, что «имена числительные собственно не составляют особой части речи, и суть... существительные или прилагательные» (Греч 1830: 221). Сложно сказать, является ли Давыдов автором идеи о принадлежности числительного служебным, а не знаменательным, словам. Возможно, она была заимствована Давыдовым из работ Беккера (в частности, из «Организма языка», на который он ориентируется при составлении своей грамматики)³³⁰, но вовсе не исключено и то, что она принадлежит ему самому.

Подобный подход, который, вполне возможно, был заимствован у Давыдова, использовался позднее в работе Ф. И. Буслаева «Историческая грамматика русского языка». Первое издание этого труда увидело свет в 1858 г. У Буслаева, как и у Давыдова, применялось деление частей речи на служебные и знаменательные. В. П. Даниленко отмечает о нем следующее:

Распределение частей речи на знаменательные и служебные у него [Ф. И. Буслаева – М. Д.] проведено в достаточной мере неожиданно. <...>
В состав служебных частей речи у него попали не только предлог и союз, но также местоимение и числительное. Какого-либо обоснования своей классификации слов по частям речи он не даёт...: она у него представлена так, будто речь идёт о чем-то общепринятом, не нуждающемся в комментариях (Даниленко 2009: 90; подчеркнуто мной. – М. Д.).

Все же с учетом того, что подобную классификацию предлагал и Давыдов, это свойство частеречной классификации Буслаева вряд ли можно назвать «неожиданным» (возможно лишь, что оно, как и у Давыдова, в недостаточной мере объяснено)³³¹.

В плане представления типов числительного Давыдов использует разработки своих предшественников. Этот класс слов у него не расширен и не сужен по сравнению с работами последних. В этом смысле в работе Давыдова не случилось ни прогресса (им было бы приближение к реальной части речи, т. е. сужение

³³⁰ Работы Беккера, к сожалению, мне недоступны, поэтому проверить, верно ли это, мне не удалось.

³³¹ Ф. И. Буслаев был студентом И. И. Давыдова на словесном факультете Московского университета, и последний был одним из тех профессоров, которые оказали на него особенно большое влияние (Базилевич 1968: 91). Также следует упомянуть, что в период с 1842 г. (по данным Л. И. Базилевича – с 1843 г.) по 1847 г. Буслаев работает помощником профессоров русской словесности Московского университета И. И. Давыдова и С. П. Шевырева (Базилевич 1968: 91; Булахов 1976: 47; Полевой 1888: 204).

слишком широкого, семантически выделенного огромного и разнообразного класса на грамматической основе), ни заметного регресса (регрессом было бы, например, нахождение новых типов «числительного» или слов со значением числа и трактовка их в качестве числительного без учета их грамматики). Она повторяет основные недочеты, заметные в работах предшественников ученого.

Давыдову, в частности, не удалось отделить от числительных типичные существительные со значением числа: *пара, тройка, дюжина* и т. д., что, в свою очередь, приводит к не совсем обоснованным и противоречивым выводам. Например, Давыдов пишет, что «господствующая форма склонения» у числительных – форма имен существительных, и из-за этого «в предложениях числительные имена заступают место имен существительных» (1853: 237). Однако в его числительное входит и тип «порядковых», черты которых противоречат такому утверждению и в отношении склонения, и в отношении способности заменять существительное в предложении. Кроме того, в числительное у Давыдова входят и некоторые наречия (напр., тип *дважды*). Числительное у Давыдова – часть речи не именная³³², т. е. его числительное ближе к части речи, представленной у Орнатовского, а не той, которую описывал Павский (у последнего числительное – именная часть речи).

Следует добавить, что у Давыдова используется понятие определенных и неопределенных числительных, причем среди последних встречаются и слова, являющиеся прилагательными по своим грамматическим характеристикам:

Числительные, выражающие определенное число предметов, н. п. *три, четыре, пять* и т. д., называются *определенными*; те же числительные, которые выражают множество без различия неделимых, называются *неопределенными*, н. п. *одни – другие, многие – немногие*. Определенные числительные выражают или просто число предметов, н. п. *одинъ, три, десять*, или порядок, в каком один предмет следует за другим, н. п. *первый, третій, десятый*. Первые суть числительные *количественные* (*numeralia cardinalia*), вторые *порядковые* (*numeralia ordinalia*) (1853: 238–239; подчеркнуто мной. – М. Д.).

Подобное разделение числительных встречалось и ранее (Соколов 1792, РГРА 1802, Орнатовский 1810).

³³² Он почему-то называет ее «именем числительным», однако такому названию части речи не соответствует ее состав.

При этом основными и первообразными³³³ считаются первые десять количественных числительных, а прочие числительные (кроме *сто*, *тысяча*, *миллионъ*) представлены как их дериваты:

Между количественными числительными только первые десять составляют основные и первообразные числительные имена; все прочие, кроме *сто*, *тысяча*, *миллионъ*, от них происходят: н. п. двадесять или двадцать, тридесать или тридцать, пятьдесят или пятьдесять, девяносто или девяносто. Порядковые числительные образуются из количественных, н. п. *третій*, *пятый*, *десятый* (1853: 239).

Затрагивая вопросы словообразования числительных (1853: 239–242), Давыдов не выделяет отдельного типа числительных, состоящих из двух основ (*четырнадцать*, *двадцать*, *двести* и т. д.). «Сложными числительными» ученый называет конструкции типа *двадцать один* (упоминание их встречается при рассмотрении склонения элементов «порядковых числительных, соответствующих числительным сложным» типа *двадцать первый* (Давыдов 1853: 242).

Можно предполагать, что общую частеречную специфику числительного Давыдов видит не столько в морфологии или морфосинтаксисе, сколько в выражаемых словами этого класса «количественных отношениях». Характеризуя числительные «с внешней стороны», он отмечает у многих из них принадлежность другим частям речи: «С внешней стороны определенные числительные являются в виде *существительных* имен, *прилагательных* и *наречий*: н. п. *десяток*, *десятый*, *трижды*» (239).

Давыдов пишет, что, кроме количественных и порядковых, в русском языке «употребляются происходящие от них числительные дробные». Дробные Давыдова имеют «вид существительных или прилагательных» и, с моей точки зрения, фактически этим частям речи и принадлежат: *половина*, *треть*, *четверть*, *осьмуха*, *полтора*, а также *половинный*, *третний*, *четвертной*, *осьмушный*, *полуторный* (1853: 242–243).

Следует отметить, что прилагательные типа *половинный*, образованные от слов типа *половина*, ранее в состав числительного не включались. Эта (неудачная, как мне кажется) идея, принадлежала, по всей видимости, самому Давыдову.

Выражения типа *одна третья* Давыдов рассматривает как смысловые эквиваленты дробных числительных: «Впрочем, вместо этих числительных [вышеперечисленных дробных – М. Д.], говорят: одна вторая (т. е. доля), одна

³³³ Под «первообразными» Давыдов понимает слова, «не происходящие от других» (Давыдов 1853: 44). Под основными числительными понимаются, по всей видимости, названия базовых элементов десятичной счетной системы: чисел 1–10.

третья, одна четвертая, одна восьмая, одна и одна вторая» (243; подчеркнуто мной. – М. Д.). Давыдов не объясняет, трактует ли он эти эквиваленты в качестве числительных, или же, например, считает сочетаниями двух слов (и на этом основании к числительным не относит).

Кроме количественных, порядковых, дробных числительных, Давыдов выделяет еще три разряда: числительные в виде «собираательных» существительных, числительные в виде прилагательных, числительные в виде наречий.

Слова типа *пара, дюжина* Давыдов выделяет в разряд числительных «в виде собираательных существительных», причем определение этих слов («собираательности») автор не дает: «В виде существительных собираательных употребляются числительные: пара, двойка, тройка, четверка, шестерка, десятокъ, дюжина, сотня» (1953: 243).

Среди числительных «в виде прилагательного», «составленных из количественных», Давыдов, на мой взгляд, неоправданно смешивает друг с другом слова, которые по их морфосинтаксическим характеристикам действительно необходимо было бы отнести к числительным (*двое, трое*), а не прилагательным, и слова, которые в грамматическом отношении являются просто прилагательными, связанными с числительными в семантическом и словообразовательном отношениях, но не тождественные им в частеречном плане:

В виде прилагательных из количественных составляются числительные: двое и двойной, трое и тройной, четверо и четверной, десятеро и десятерной, сотеро и сотенный, также двоякій, троякій, вторичный, третичный, двойственный, тройственный (1853: 243).

Тип *двои, трои*, упоминаемый Давыдовым, следовало бы отнести к прилагательным (они не управляют формой существительного, когда конструкция выступала в номинативе)³³⁴. «Для означения числа предметов в именах, употребляемых в одном множественном числе, русский язык имеет особые числительные: *двои, трои, четверы*: двои часы, трои сани, четверы ножницы» (243).

Числительные «в виде наречий» отвечают на вопрос *сколько раз* (*однажды, дважды, трижды, четырежды*³³⁵), и *во сколько раз* (*вдвое, втрое, вчетверо*,

³³⁴ Различия в морфосинтаксическом поведении между словами типов *двое* и *двои* в русском языке XVIII в. (так называемый падежный контраст у первых и полное согласование с формой существительного – у вторых) упоминаются, в частности, в работе Востокова (1831: 231–232).

³³⁵ Давыдов указывает, что «в дальнейшем счислении к количественным прибавляется слово *разъ*: пять *разъ*, десять *разъ*» (244).

въ пять, десять разъ и проч.) (1853: 244). Многие из этих слов в разделе о числительном представлены в качестве примеров числительных, а в разделе о наречии – среди примеров наречий (*однажды, вдвое, втрое* и т. д.) (1853: 203), т. е. в этом случае ряд лексем относится к двум частям речи сразу.

В целом, Давыдов повторяет основные недочеты в описании числительного, характерные для его предшественников. Одной из основных проблем является двойственность используемой частеречной классификации: слово, считающееся одной частью речи по данному признаку, по другому в той же работе причисляется к иной части речи – в рамках одной и той же частеречной классификации.

Подводя итоги, следует отметить, что Давыдов принимает – скорее всего вслед за Павским, об использовании работы которого Давыдов пишет во вступлении к своей грамматике, – идею того, что числительное является отдельной частью речи. Возможно, именно это следует считать наибольшей его заслугой в плане изучения русского числительного. К этой мысли можно прийти, учитывая контекст эпохи: впервые числительное было возведено в ранг части речи за много лет до Павского и Давыдова – в работе Орнатовского. Однако взгляд этот в русской лингвистике того времени не прижился и вновь появился (в несколько ином виде) лишь в работе Павского. Павский показал многие особенности числительных, но, по моему мнению, отдельные замечания у него так и не сложились в целостную, исчерпывающую картину, отражающую реально существующую в русском языке часть речи. В ней все еще много лишнего (в частности, порядковые числительные). Существование числительного смутно ощущается, но все еще убедительно не показано. Поэтому могла повториться та же ситуация, какая имела место с работой Орнатовского, т. е. мысль Павского о числительном как об отдельной части речи могла остаться незамеченной современниками (во всяком случае – на какое-то время). Давыдов же поддержал этот взгляд, близкий к истинному положению дел в русском языке того времени. Таким образом, вне зависимости от оценок, которые даны ученому в современной лингвистике, его работа все же сослужила изучению числительного определенную службу.

VIII. Заключение

Термин «числительное», заимствованный из грамматик церковнославянского языка (прежде всего – из труда М. Смотрицкого), используется во всех проанализированных нами русских текстах, начиная с самых первых (М. Ломоносов и т. д.). Однако обозначает он понятия с неодинаковым содержанием. Во всех описываемых грамматиках числительное определяется по смыслу: это слова, означающие число или порядок предметов при счете. Как правило, речь шла о словах именного типа и только о них³³⁶, и это был своего рода грамматический критерий, по которому слово могло попасть или не попасть в состав числительного (в числительное обычно включались лишь имена – склоняемые слова – с определенным значением). Статус числительных среди прочих именных слов на уровне грамматической схемы или не определялся вовсе, или определялся недостаточно точно. С точки зрения выделения типов имени в XVIII–XIX вв. вряд ли существовало такое грамматическое описание, которое можно было бы назвать полностью соответствующим реальному положению вещей в языке. В состав числительного попадало много лишних слов и тогда, когда оно, наряду с прилагательными и существительными, считалось отдельным типом имени или же отдельной частью речи (в этом случае лишними были, напр., «порядковые числительные», т. е. слова, которые следовало бы отнести к прилагательным), и тогда, когда оно рассматривалось как вид прилагательного (сведению к прилагательным противоречили, например,

³³⁶ В некоторых работах наравне с «именем числительным» выделялись и «числительные наречия», однако последние отделены от имен в частеречном плане <это наречия, связанные с выражением числа> (Ломоносов 1755, Соколов 1788, 1792 и т. д.). Имена числительные объединялись в общем классе с неименными словами в относительно редких случаях: у Орнатовского в «слове числительном» (Орнатовский 1810), у Давыдова в «имени числительном» (Давыдов 1853).

существительные типа *тысяча*)³³⁷, и тогда, когда оно рассматривалось как группа прилагательных и существительных (в этом случае лишние – собственно числительные, ни прилагательными, ни существительными не являющиеся). Если в первом случае описание было неверно по отношению к словам, по существу являющимся прилагательными или существительными³³⁸ (напр., *пара, третий* и т. д.), то в двух последних – по отношению к ядру числительного, т. е. словам, не являющимся ни прилагательными, ни существительными (напр., определенно-количественные или собирательные числительные типа *три, трое*).

Что лучше? Включить в прилагательные слова иной части речи, совершенно не замечая ее существования в языке? Или же включить в числительное лишнее – некоторые прилагательные или существительные (речь идет о спорных словах и определении границ между частями речи, при том, что сами части речи обозначены)? Оба варианта неудачны, но из них последний с точки зрения развития науки был все же более предпочтителен (выделение числительного в качестве отдельной части речи или, в крайнем случае, как отдельного подтипа имени).

В русских грамматических работах XVIII–XIX вв. можно отметить следующие представления о статусе числительных на фоне имени и его типов (позднее – на фоне именных частей речи), на фоне других частей речи вообще:

- М. В. Ломоносов (1755) выделяет числительные имена и числительные наречия. Статус числительного среди имен не совсем ясен. Ломоносов не решает напрямую назвать числительное ни отдельным, третьим типом имени, ни прилагательным, ни существительным, ни именами любого из двух основных типов (прилагательными либо существительными) со значением числа или порядка.
- Имя числительное считалось видом имени прилагательного в работах В. Е. Адодурова (2014 <1731>)³³⁹, А. А. Барсова (1981 <1783–1788>),

³³⁷ Это замечание относится и к работе Белинского. Числительные в его грамматике не считались прилагательными, однако относились к одному классу с традиционными прилагательными и причастиями («определятельные обстоятельственные»). При этом, по собственным словам ученого, «все свойства определятельных обстоятельственных» имеют лишь порядковые числительные, а количественные «принадлежат к именам, а не к определятельным, как выражения совокупности, а не качества, и, по своим свойствам в изменении и согласовании... они больше сходны с именами, нежели с определятельными» (Белинский 1953: 608).

³³⁸ Или же наречиями (как уже упоминалось, они попадают у Орнатовского в часть речи «слово числительное» и у Давыдова – в часть речи «имя числительное» – *вдвое, дважды* и т. д.).

³³⁹ Текст Адодурова в плане определения статуса числительного нельзя все же считать однозначным.

А. Х. Востокова (1831). Принятое решение предопределяет и состав числительного. К «порядковым», включаемым в числительное во всех работах того времени³⁴⁰, Адодуров добавляет еще один «прилагательный» разряд (*Numeralia Multiplicativa*: тип *двожкйй/двойный*), а Барсов – целых 3 разряда, состоящих из прилагательных (разделительные типа *трегубый/трожкий*; умножительные типа *двукратный/двоекратный*; соразмерные типа *четверной/четверичный*). Отождествление числительного с прилагательными у Востокова (причем прилагательные у него – уже отдельные части речи, а не часть собирательного «имени») интересно в контексте взглядов, общепринятых на момент издания этой работы. Дело в том, что начиная с 80-х годов XVIII в. числительное, как правило, считалось группой, объединяющей в себе слова, в частеречном смысле принадлежащие либо прилагательным, либо существительным (см. ниже).

- И. С. Рижский (1806), по всей видимости, считал числительное видом существительного. Позиция его по отношению к так называемым «порядковым» не совсем ясна (возможно, они прилагательные). О разрядах числительных Рижский не упоминает.
- Отдельным, третьим видом имени (но все еще не отдельной частью речи) числительное считается в учебной грамматике Е. Б. Сырейщикова (1787) и в первом издании учебника П. И. Соколова (1788)³⁴¹. Это понимание близко сегодняшнему, оно от него в одном шаге: достаточно лишь назвать подтипы имени отдельными частями речи.
- Как некая выделенная по смыслу группа имен, объединяющая в себе и слова, относящиеся к прилагательным, и слова, относящиеся к существительным, числительное представлено во втором издании учебника П. И. Соколова (1792). Основными подвидами имени (как части речи) являются существительные и прилагательные (в качестве отдельных частей речи все еще не рассматриваются), числительное же не названо третьим его типом. Отдельно от имен даны числительные наречия. Похожий взгляд на числительное выражен Л. Г. Якобом (1812), который считал, что слова со значением числа в естественных языках принадлежат разным частям речи (это слова, «носящие на себе форму то существи-

На то, что числительное считается прилагательным, указывает структура главы о склонении. Однако прямое утверждение этого отсутствует.

³⁴⁰ Не вполне ясна лишь позиция по этому вопросу Рижского.

³⁴¹ У Соколова, кроме имен числительных, говорится и о числительных наречиях, однако последние рассматриваются отдельно (в разделе о наречиях).

тельных, то прилагательных, то наречий»). Возможности существования для таких слов отдельной части речи Якоб еще не видит.

- В «Российской грамматике, сочиненной Императорскою Российскою академиею» (1802) числительное, с одной стороны, считается одним из трех основных видов имени (выделенных по смыслу). С другой же – каждое числительное, по мнению авторов, грамматически является либо прилагательным, либо существительным. Это приводит, фактически, к двоякому пониманию сути имен разного типа. Например, существительное в грамматическом смысле, в смысловом может являться числительным (*пара*). Существование числительных в грамматическом плане в этой классификации все еще не замечается.
- Разделение прилагательных и существительных на две отдельные части речи вовсе не означало автоматического возведения в ранг части речи и числительного. Даже в тех классификациях, которые рассматривают прилагательные и существительные в качестве отдельных частей речи, числительное зачастую понималось по-старому: как группа слов со значением числа, объединяющая в себе слова разных частей речи.

Такой подход можно отметить у Н. Греча в «Пространной русской грамматике» (первое издание – 1827 г., второе – 1830 г.). Греч выделяет две отдельные именные части речи: имя существительное и имя прилагательное. (Имя перестает пониматься как часть речи и становится понятием общего типа разных – именных – частей речи.) Об именах числительных, понимаемых как существующие во всех языках слова, используемые для выражения определенных чисел, он пишет: «Имя числительное есть существительное или прилагательное имя...» (1830: 220). И далее еще явственнее: «Имена числительные собственно не составляют особой части речи...» (1830: 221).

- В классификации частей речи В. Белинского (1837 <1953>) числительные принадлежат части речи «определятельные слова». Числительные в этом описании близки прилагательным и наречиям³⁴². При описании же морфологии Белинский не очень последовательно указывает, что «все количественные принадлежат к именам, а не к определятельным, как выражения совокупности, а не качества, и, по своим свойствам в изменении и согласовании... они больше сходны с именами, нежели с определятельными, хотя и с этими последними имеют нечто общее» (1953: 608).

³⁴² Наречные и прилагательные слова объединяются в одну собирательную часть речи «определятельных», но все же рассматриваются отдельно друг от друга, как два разных ее типа.

(Имя у Белинского примерно соответствует существительным в современном понимании.) Определительными по сути оказываются лишь порядковые числительные.

- Возможно, впервые в русской лингвистике числительное получает статус отдельной части речи в работе И. Орнатовского (1810). Следует обратить внимание, что здесь это не имя числительное (*Nomen numerativum*), а слово числительное (*Vox numerativa*). Оно включает в себя, кроме всего прочего, и наречия со значением числа (значение «количества действия»: *дважды, вчетверо* и т. д.). Поэтому вряд ли можно считать, что решение Орнатовского определили грамматические наблюдения над языком³⁴³. Скорее это решение чисто теоретического характера. По всей видимости, Орнатовский считал, что число является одним из ключевых понятий человеческого мышления (таким, как предмет, признаки предмета, действие и т. д.), поэтому слова, связанные с обозначением числа, следует представлять как часть речи. Одним из первых в русской лингвистике, более чем за 20 лет до Греча, Орнатовский назвал отдельными частями речи прилагательное и существительное.
- Имя числительное считается частью речи также у Г. Павского (1842³⁴⁴; 1850), причем частью речи именной. Существительное и прилагательное – также отдельные части речи. Павский, по-видимому, был ближе к пониманию того, что среди числительных есть группа слов с такой грамматической спецификой, которая отличает их и от существительных, и от прилагательных. Однако основной критерий выделения числительного у него – по-прежнему смысловой, а группа – по-прежнему чрезмерно разнообразна по своим грамматическим свойствам. Фактически у Павского, как и у его предшественников, в состав числительного входят именные слова, связанные с обозначением числа, но обладающие разными грамматическими свойствами: существительные (напр., *тысяча, четверть* и т. д.), прилагательные (напр., порядковые) и слова, которые не являются ни тем, ни другим. Павский, по моему мнению, довольно ясно отдает себе отчет в существовании слов последнего типа и видит, насколько

³⁴³ Если класс выделялся бы по грамматическим критериям (словоизменительным, синтаксическим), у него был бы другой состав, и, в частности, тип *дважды* не объединялся бы в нем с *два*.

³⁴⁴ В первом издании «Филологических наблюдений» Г. Павского вопрос числительного затронут лишь во вступительной части тома о существительном, где ученый представляет разделение русской лексики на части речи (Павский 1842: 8, 12). Обширное рассмотрение числительных появляется во втором издании труда (Павский 1850б).

они специфичны по сравнению с прилагательными и существительными. У него, в частности, довольно много внимания уделяется вопросу падежного контраста. Однако на общий состав числительных заметного влияния это наблюдение не оказывает.

- Давыдов выделяет часть речи, названную «числительными именами», однако это понятие в его работе, по сравнению с работой Орнатовского и с трудом Павского, довольно размыто. Характерно, например, что в состав «имен числительных» включен разряд неименных числительных «в виде наречий», отвечающих на вопрос *сколько раз* (*однажды, дважды, трижды, четырежды*), и *во сколько раз* (*вдвое, втрое, вчетверо, в пять, десять раз* и проч.) (244). Разряды числительного у Давыдова определены на основе неоднородных критериев: напр. количественные определяются на основе смыслового, а вышеупомянутые наречные числительные – по формально-грамматическому критерию³⁴⁵.

В грамматиках интересующего нас периода можно наблюдать, таким образом, следующие трактовки (имени) числительного³⁴⁶:

- (1) Подвид имени с неопределенным статусом (Ломоносов);
- (2) Подвид прилагательного, которое, в свою очередь, понимается как (а) подвид части речи «имя» (Адодуров; Барсов), или же (б) как отдельная часть речи (Востоков);
- (3) Подвид существительного (предположительно), понимаемого как отдельная часть речи (Рижский);
- (4) Один из трех подвидов «имени» как части речи (наравне с существительным и прилагательным) (Сырейщиков; Соколов 1788);
- (5) Противоречивая, двоякая трактовка в качестве подвида части речи «имя»: числительное – это равноправный, третий подвид имени, но при этом каждое числительное грамматически является либо прилагательным, либо существительным <принадлежит двум другим подвидам имени> (Академическая грамматика 1802 г.);

³⁴⁵ Добавим, что при включении наречий в числительное могли приниматься во внимание не только смысловые, но и деривационные соображения: Давыдов пишет, что такие «числительные» образованы от количественных (1853: 244).

³⁴⁶ Нас интересуют классы, в состав которых входила искомая русская часть речи (т. е. числительное в понимании, принятом в нашей работе). «Числительные наречия», выделяемые некоторыми учеными (как подтип наречия), мы здесь не рассматриваем.

- (6) Смысловая группа внутри части речи «имя» (группа слов с определенной семантикой, являющихся либо существительными, либо прилагательными именами) (Соколов 1792);
- (7) Смысловая группа, объединяющая в себе принадлежащие двум отдельным частям речи слова: существительные или прилагательные (Греч);
- (8) Смысловая группа, объединяющая в себе слова разных частей речи – существительных, прилагательных, наречий (Якоб);
- (9) Разновидность синтаксоцентричной части речи «определительные слова». В эту часть речи, наравне с прилагательными и наречиями, входят «определительные обстоятельственные числительные» (*два, триста* и т. д.)³⁴⁷ и «определительные числительные наречия» (*вдвое, втрое, вчетверо, востро, втысячу, впервыхъ, вовторыхъ, впервые* и т. д.) (Белинский);
- (10) «Собирательная» часть речи, включающая в себя именные и неименные слова (Орнатовский, Давыдов);
- (11) Именная часть речи (Павский).

Можно сказать, что к середине XIX в. русская лингвистическая наука пришла к интуитивному осознанию существования числительного как особой части речи, но все еще не в состоянии была определить, в чем же именно состоит ее грамматическая специфика, и предложить четкие критерии, которые позволили бы установить ее границы. Несмотря на то, что в работах Орнатовского, Павского и Давыдова числительное названо частью речи, на самом деле это по-прежнему группа, которая выделяется по смыслу из слов именного типа либо из лексики вообще. Главные различия в отношении границ «частей речи» «числительное» в этих работах основываются на том, какое решение было принято данным ученым. Он мог ограничить состав числительного словами исключительно именного типа, или же включить в него и такие слова, которые обозначали «количество действий» и в своем наиболее типичном использовании характеризовали глагол (*двукратно подскочить* и т. д.). Показательно, что эти числительные, названные «частями речи», по своему составу (разряды и конкретные слова) в общих чертах очень напоминают числительное у дру-

³⁴⁷ Как уже упоминалось, Белинский включает числительное в класс определительных обстоятельственных, при этом сам же утверждает, что количественные числительные, в отличие от порядковых, к определительно-обстоятельным не принадлежат.

гих авторов, частью речи его не считавших. Проблема, в частности, состоит в том, что и тогда, когда существительное, прилагательное или числительное считались типами имени (одной частью речи), и тогда, когда они стали трактоваться в качестве отдельных частей речи, главной их чертой оказывалось, по сути, то, что эти слова обозначают, а не специфика их грамматических свойств. И у Адодурова в XVIII в., рассматривавшего числительное как вид прилагательного, которое, в свою очередь было одним из подвидов имени, и у Павского в XIX в., считавшего числительное отдельной частью речи, числительное определялось в первую очередь по обозначаемому им понятию числа (или порядка предметов при счете).

Следует отметить, что в разное время разными учеными в состав числительного (числительного имени или собирательного числительного, охватывавшего как именную, так и неименную лексику) включался ряд слов и выражений, в современной лингвистике в качестве числительных уже, как правило, не рассматриваемых (и ими не являющихся). Например:

- Слова типа *двоакій / двойный, троякій / тройный* – кратные Адодурова³⁴⁸;
- Тип *четверичный, пятеричный* – соразмерные у Барсова;
- Тип *двукратный* и *двоекратный* – умножительные у Барсова;
- Слово *многократный* – среди множительных у Соколова (1792);
- *Многочисленный, весь* – неопределенные основательные во втором издании учебника Соколова (1792);
- *Последний* – «порядочное» числительное у Соколова (1792);
- Тип *тройственный* – среди «означающих сложность» числительных в РГРА 1802, затем, например, у Давыдова (1853) в качестве числительных «в виде прилагательных»;
- Существительные *двойка, тройка, четверка, пятокъ, десятокъ, пара, дюжина* – в ряду определенных основательных числительных у Соколова (1792), а затем в РГРА 1802, у Орнатовского (1810), Греча (1830) и др.;
- *Сотня* – основательное числительное в РГРА 1802, у Греча (1830) и др.;
- *Четверня, шестерня* – приводятся в качестве основательных числительных в РГРА 1802³⁴⁹ и у Орнатовского;

³⁴⁸ *Двойной* – соразмерные, а *троякій* – разделительные в разрядах числительного, предложенных Барсовым; *троякій* – множественные у Соколова (1792). Слова этих типов встречаются и в работах других авторов, например *двойной* – среди числительных «в виде прилагательных» у Давыдова (1853).

³⁴⁹ Эти слова, а также слова предыдущей группы приводятся в качестве числительного и Орнатовским.

- Выражения типа *по два, по три, по четыре, по пяти* – числительные, «означающие разделение предметов на известные количества» в работе Орнатовского;
- Тип *дважды, трижды, четырежды* и проч., и тип *вдвое, втрое, вчетверо* и проч. – числительные, «означающие количество действий» у Орнатовского;
- *Троечастный* – «числительное прилагательное имя» у Павского (18506);
- *Половинный, третной, четвертной, осьмушный, полуторный* – в ряду дробных у Давыдова (1853);
- *Вторичный, третичный* – числительные в виде прилагательных у Давыдова;
- Выражения *въ пять, десять разъ* – считаются числительными «в виде наречий» Давыдовым (1853).

Можно ли было вообще прийти к выделению числительного как особой части речи в XVIII–XIX вв.? Была ли у слов, которые мы сегодня назвали бы числительными, какая-либо грамматическая специфика? Существовали ли в русском языке слова, которые можно считать гибридом существительного и прилагательного в морфосинтаксическом отношении (т. е. слова, которые нельзя однозначно считать ни тем, ни другим)? И, в частности: существовали ли в русском языке того времени слова, которые характеризовались бы контрастом в номинативе (а точнее – в именительном и сходном с ним винительном) и в прочих падежах? Безусловно, вышеупомянутый падежный контраст, присущий сочетаниям числительного с существительными, проявлялся уже и в то время (во всяком случае, существовал ряд слов, для которых он был характерен). Ср., например, материал XVII в.:

а до меня... были... два алхимиста <алхимист – в форме род. п. ед. ч.> (1645) vs *В заемном моем вине в двух бочках* (1660)

спустя одиннадцать недѣль (1609) vs *прислал въ одиннадцати мышкахъ руды* (1645); *будучи надъ одиначатью хоругвями полковникомъ* (1649)

сорокъ девять соболей (1607) vs *Ловятъ рыбу сорокою восьмью баграми* (1647); в *сорокъ верстахъ* (1648)³⁵⁰.

Поэтому, по моему мнению, грамматические предпосылки к тому, чтобы выделять числительное как часть речи, в то время уже существовали. Однако резкая граница между числительным и прочими именными частями речи в рус-

³⁵⁰ Примеры взяты из книги А. Богуславского «Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim» (Bogusławski 1966: 79–155). Там же указаны и их источники.

ских грамматических работах исследуемого периода так и не была начертана. В частеречных классификациях, в которых числительное названо частью речи, в его состав входят и порядковые прилагательные, и существительные, и слова, которые на самом деле составляли отдельную часть речи (числительное), иногда и наречия.

То же самое наблюдается и в тех грамматических работах, в которых статуса части речи числительное еще не получило: оно всегда содержало в себе и саму искомую часть речи (в некоторых работах, возможно, в неполном составе), и некоторые излишние типы слов, которые на деле следовало относить к другим видам имени (а соответствующие лексемы – к наречиям).

Проблема места числительного среди русских частей речи, проблема критериев, по которым слово может быть отнесено к этой части речи, проблема разрядов числительного и то, как следует их выделять, в XIX в. так и не нашла своего окончательного решения. Первые серьезные попытки определять числительное по грамматическим чертам были предприняты лишь в XX в., однако такой подход в русской лингвистике и сегодня до конца не возобладали (во многих работах последних лет русское числительное по-прежнему определяется именно по смыслу). Границы числительного до сих пор остаются спорными.

В завершение следует отметить, что результаты анализа развития идеи числительного, предпринятого в этой работе, еще раз демонстрируют: смысл числа выражается довольно разнообразной в плане частеречной принадлежности группой лексики. Числительными же (отдельной частью речи) являются лишь некоторые из этих слов. Они характеризуются особыми грамматическими чертами, несвойственными существительным, прилагательным, наречиям и словам иных частей речи в русском языке.

IX. Библиография

- Адельфотес 1591 = ΑΔΕΛΦΟΤΗΣ. *Γραμματικά dobrozlagolivaго еллино-словенского языка*, Львов: Братская тип.
- Адодуров В. Е., 2014, «*Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache*» или «Первые основания русского языка», под ред. К. А. Филиппова и С. С. Волкова, Санкт-Петербург: Наука, Нестор-История.
- Аксаков К. С., 1875, *Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. Буслаева (Москва, 1859)*, [в:] Аксаков К. С., *Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова*. Т. II. (Сочинения филологические. Ч. I), Москва: Университетская тип. (Катков и К°).
- Алипий 1991 = Иеромонах Алипий (Гаманович), 1991, *Грамматика церковно-славянского языка*. Репринт. воспр. изд. 1964 г., Москва: Художественная литература.
- Алпатов В. М., 2005, *История лингвистических учений*. Учеб. пособие, изд. 4-е, испр. и доп., Москва: Языки славянской культуры.
- Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В., 2005, *История языкознания*, под ред. С. Ф. Гончаренко, изд. 2-е, стереотипн., Москва: Издат. центр «Академия».
- Бабайцева В. В., Николина Н. А., Чеснокова Л. Д. и др., 2008, *Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц*. Учеб. для студ. высш. учеб. завед. в 2 ч. Ч. 2. *Морфология. Синтаксис*, под ред. Е. И. Дибровой, изд. 3-е, Москва: Издат. центр «Академия». (2-е изд., испр. и доп., – 2006.)
- Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д., 1993, *Русский язык. Теория*. Учеб. для 5–9 кл. общеобразоват. учеб. завед., изд. 2-е, Москва: Просвещение. (1-е изд. – 1992.)
- Бабина С. А., Белоглазова Е. В., Белоусова В. И., Мазуренко О. В., 2014, *Теоретические основы начального курса русского языка*. Курс лекций для студ. фак-та пед. и художеств. образования, Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т.
- Базилевич Л. И., 1968, Федор Иванович Буслаев, «Русская речь», № 6, с. 90–96.

- Баранов М. Т., Григорян Л. Т., Кулибаба И. И., Ладыженская Т. А., Тростенцова Л. А., 1974, *Русский язык*. Учеб. для 5–6 кл., под научн. ред. Н. М. Шанского, Москва: Просвещение.
- Баранов М. Т., Григорян Л. Т., Ладыженская Т. А., Тростенцова Л. А., Кулибаба И. И., 2000, *Русский язык*. Учеб. для 6 кл. общеобразоват. учрежд., под научн. ред. Н. М. Шанского, изд. 22-е, Москва: Просвещение.
- Барсов 1981 = Успенский Б. А. (ред.), 1981, *Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова*, подгот. текста и текстов. коммент. М. П. Тоболовой, под ред. и с предисл. Б. А. Успенского, Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Бархударов С. Г., Крючков С. Е., 1962, *Учебник русского языка*. Ч. 1. Фонетика и морфология для 5 и 6 кл., изд. 9-е, Москва: Учпедгиз.
- Белинский В. Г., 1953, *Основания русской грамматики для первоначального обучения, составленные Виссарионом Белинским*. Ч. 1. Грамматика аналитическая (этимология), [в:] Белинский В. Г., *Полное собрание сочинений*. Т. II, ред. В. А. Десницкий, подгот. текста Л. Р. Ланского, Москва: Изд-во АН СССР, с. 577–690. (Комментарии к «Основаниям русской грамматики» – В. С. Нечаева при участии Е. А. Земской и Н. В. Трунева.)
- Белошапкова В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А., Милославский И. Г., Новиков Л. А., Панов М. В., 1989, *Современный русский язык*, под ред. В. А. Белошапковой, изд. 2-е, испр. и доп., Москва: Высшая школа. (1-е изд. – 1981.)
- Бернштейн С. И., 1941, А. А. Шахматов как исследователь русского литературного языка, [в:] Шахматов А. А., *Очерк современного русского литературного языка*, изд. 4-е, вступ. статья проф. С. И. Бернштейна, Москва: Учпедгиз, с. 3–55.
- Богородицкий В. А., 1904, *Общий курс русской грамматики. (Из университетских чтений)*, Казань: Типолиграфия Имп. ун-та.
- Борковский В. И., Кузнецов П. С., 2006. *Историческая грамматика русского языка*, изд. 3-е, стереотипн., Москва: КомКнига. (1-е изд. – 1963.)
- Буланин Л. Л., 1976, *Трудные вопросы морфологии*. Пособие для учителей, Москва: Просвещение.
- Булахов М. Г., 1976, *Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь*. Т. I. Минск: Изд-во БГУ.
- Булаховский Л. А., 1952, *Курс русского литературного языка*. Т. I, изд. 5-е, Киев: Гос. уч.-пед. изд-во «Радянська школа».
- Булаховский Л. А., 1953, *Курс русского литературного языка*. Т. II. (Исторический комментарий), изд. 4-е, испр. и доп., Киев: Гос. уч.-пед. изд-во «Радянська школа».
- Булич С. К., 1904, *Очерк истории языкознания в России*. Т. 1, Санкт-Петербург: Тип. М. Меркушева.
- Буслаев Ф. И., 1855, *Извлечение из русской грамматики профессора Барсова*, [в:] В воспоминание 12-го января 1855 г. Учено-литературные статьи профессоров и преподавателей

Императорского Московского университета, изданные по случаю его столетнего юбилея, Москва: Унив. тип., с. 3–16.

- Буслаев Ф. И., 1858, *Опыт исторической грамматики русского языка*. Учеб. пособие для препод. Ч. I. *Этимология*, Москва: Университетская тип.
- Валгина Н. С., 2003, *Современный русский язык. Синтаксис*, изд. 4-е, испр., Москва: Высшая школа.
- Ветушко-Калевич А. А., Коришев М. В., Манёрова К. В. (сост.), 2014, *Индекс грамматических терминов «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» В. Е. Адогурова*, [в:] Адогуров В. Е., «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» или «Первые основания российского языка», под ред. К. А. Филиппова и С. С. Волкова, Санкт-Петербург: Наука, Нестор-История, с. 186–188.
- Виноградов В. В. (ред.), 1960, *Грамматика русского языка*. Т. 1. *Фонетика и морфология*, Москва: Изд-во АН СССР.
- Виноградов В. В., 2001, *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, под ред. Г. А. Золотовой, изд. 4-е, Москва: Русский язык. (1-е изд. – 1947.)
- Волков С. С., 2014, В. Е. Адогуров: *Несколько дополнительных замечаний к традиционной биографии*, [в:] Адогуров В. Е., «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» или «Первые основания российского языка», под ред. К. А. Филиппова и С. С. Волкова, Санкт-Петербург: Наука, Нестор-История, с. 17–29.
- Волков С. С., Карева Н. В., Филиппов К. А., 2014, «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» В. Е. Адогурова, [в:] Адогуров В. Е., «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» или «Первые основания российского языка», под ред. К. А. Филиппова и С. С. Волкова, Санкт-Петербург: Наука, Нестор-История, с. 5–16.
- Вольский А., 1902, *Павский, Герасим Петрович*, [в:] *Русский биографический словарь*. Изд. под наблюдением председателя Имп. Русского исторического общества А. А. Половцова. Т. 13. *Павел, преподобный – Петр (Илейка)*, Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, с. 103–109.
- Востоков А. Х., 1831, *Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная*, Санкт-Петербург: Тип. И. Глазунова.
- Вуяновский С., 1772, *Немецкая Грамматика из различных авторов, наипачеже Готшедовых книг собранна, и... на славеносербском языке изяснена Стефаном Вуяновским...*, Вена: Тип. Иосифа Курцбека.
- Галаева О. В. (сост.), 1997, *Русский язык. Справочник школьника*, под ред. В. В. Славкина, Москва: Филолог. об-во «Слово», АСТ, Ключ-С, Центр гуманитар. наук при фак-те журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Галкина-Федорук Е. М. (ред.), 1964, *Современный русский язык*. Ч. II. *Морфология. Синтаксис*, Москва: Изд-во Московского ун-та.

- Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М., 1958, *Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология*, изд. 2-е, испр., Москва: Учпедгиз. (1-е изд. – 1957.)
- Гвоздев А. Н., 1973, *Современный русский литературный язык. Ч. I. Фонетика и морфология*, изд. 4-е, Москва: Просвещение. (1-е изд. – 1955.)
- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А., 1981, *Историческая грамматика русского языка*, Москва: Высшая школа.
- Грамматика 1980 – См. Шведова 1980.
- Грамматика Пор-Рояля 1990 = Степанов Ю. С. (ред.), 1990, *Грамматика общая и рациональная, содержащая основы искусства речи, изложенные ясным и естественным образом, толкование общего в языках и главные различия между ними, а также – многочисленные новые замечания о французском языке, написанная Антуаном Арно и Клодом Лансло. С прил. заметок Ш. Дюкло, пер. с французского, коммент. и послесл. д-ра филол. наук Н. Ю. Бокадоровой, общ. ред. и вступ. статья чл.-корр. АН СССР Ю. С. Степанова*, Москва: Прогресс.
- Греч Н., 1827а, *Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем*, Санкт-Петербург: Тип. Имп. Санкт-Петербургского воспитательного дома.
- Греч Н., 1827б, *Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Т. 1*, Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча.
- Греч Н., 1828, *Начальные правила русской грамматики, изданные Николаем Гречем*, Санкт-Петербург: Тип. Имп. Санкт-Петербургского воспитательного дома.
- Греч Н., 1830, *Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Т. 1*, изд. 2-е, испр., Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча.
- Грицкевич Ю. Н., 2003, *Историческая грамматика русского языка. Пособие для студ. заочн. отд.*, Псков: Псковский гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова.
- [Давыдов И. И.], 1852, *Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук*, Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук.
- [Давыдов И. И.], 1853, *Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук. Изд. 2-е*, Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук.
- Даль В., 1882, *Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля*, изд. 2-е, испр. и знач. умнож. по рукоп. авт. Т. 3. П, Санкт-Петербург – Москва: Тип. М. О. Вольфа.
- Даниленко В. П., 2009, *История русского языкознания. Курс лекций*, Москва: Флинта, Наука.
- Долин Ю. Г., 2004, *Слово о «Синтаксисе русского языка» академика А. А. Шахматова*, «Вестник Оренбургского гос. ун-та», № 11, с. 118–121.

- Донат Э., 2003, *Малая грамматика. О частях речи*, пер. и коммент. Д. В. Бубнова, «Вестник Пермского ун-та. История», вып. 4, с. 120–144.
- Дьячкова И. Н., 2010, *Числительные в русском литературном языке XVIII века*, под ред. д-ра филол. наук, проф. Л. В. Савельевой, Петрозаводск: Изд. ПетрГУ.
- Дьячкова И. Н., 2015, *Имя числительное в «Российской грамматике» А. А. Барсова*, «Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та», № 3 (148), т. 2, с. 56–60.
- Дюбо Б. А., 2013, *Изменение роли немецкой традиции в грамматическом описании русского языка во второй половине XVIII в. (на примере глагольных грамматических категорий)*, [в:] *Филологическое наследие М. В. Ломоносова: коллект. моногр.*, отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. Санкт-Петербург: Нестор-История, с. 265–284.
- Жолобов О. Ф., 2001, *Древнеславянские числительные как часть речи*, «Вопросы языкознания», № 2, март – апрель, с. 94–109.
- Жолобов О. Ф., 2006а, *Историческая грамматика русского языка*, под ред. В. Б. Крысько. Т. IV. *Числительные*, Москва: Азбуковник.
- Жолобов О. Ф., 2006б, *Морфосинтаксис древнеславянских числительных*, [в:] *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003. Доклады российской делегации*, отв. ред. А. М. Молдован, Москва: Индрик, с. 162–177.
- Зализняк А. А., 1980, *Грамматический словарь русского языка. Словоизменение*, изд. 2-е, стереотипн., Москва: Русский язык. (1-е изд. – 1977.)
- Зализняк А. А., 2002, *Русское именное словоизменение*, [в:] Зализняк А. А., «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию, Москва: Языки славянской культуры, с. 1–370.
- Захарова Ю. Г., 2012, *История русского языка. Учеб. пособие для практич. занятий*, Москва: Флинта, Наука.
- З[изаний] Л., 1596, *Грамматика словенска съвершенна[о] искусства осми частей слова и иных нуждных*, Вильна: Братская тип.
- Зизаний Л., 2000, *Грамматика словенска*, [в:] *Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого*, сост. Е. А. Кузьминова, Москва: Изд-во Московского ун-та, с. 27–128.
- Игнатъева Т. В., Тарасова Л. Е., 2012, *Русский язык. Все правила. 1–4 кл.*, изд. 2-е, стереотипн., Москва: Экзамен.
- Иванов В. В., 1964, *Историческая грамматика русского языка*, Москва: Просвещение.
- Иванов В. В., 1990, *Историческая грамматика русского языка*, изд. 3-е, перераб. и доп., Москва: Просвещение.
- Карева Н. В., 2011, *Становление традиции грамматического описания русского языка (1730–1750-е гг.)*, [в:] *Литературная культура России XVIII века*, под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева, А. Ю. Тираспольской, вып. 4, Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, с. 90–109.

- Карева Н. В., 2014, *В. Е. Адоодуров и формирование грамматической традиции в России первой половины XVIII века*, [в:] Адоодуров В. Е., «*Anfangs-Gründe der Russischen Sprache*» или «*Первые основания русского языка*», под ред. К. А. Филиппова и С. С. Волкова, Санкт-Петербург: Наука, Нестор-История, с. 30–36.
- Карева Н. В., Сергеев М. Л., 2016, *Первая печатная русская грамматика французского языка (1752): к вопросу о переводческих принципах* В. Е. Теплова, «Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика», вып. 1, с. 58–69.
- Ковалевская Е. Г., 1992, *История русского литературного языка*, изд. 2-е, перераб., Москва: Просвещение. (1-е изд. – 1978.)
- Ковтунова И. И., 1976, *Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения*, Москва: Просвещение.
- Колесов В. В., 1989, *Древнерусский литературный язык*, Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та.
- Колесов В. В., 2009, *Историческая грамматика русского языка*. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед., Санкт-Петербург: Фак-т филологии и искусств СПбГУ; Москва: Издат. центр «Академия».
- Кондрашов Н. А., 1979, *История лингвистических учений*, Москва: Просвещение.
- Кузнецов П. С., 1953, *Историческая грамматика русского языка. Морфология*. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Кузьминова Е. А., 1996, *Грамматика Лаврентия Зизания в Московской Руси в первой половине XVII в. Типы адаптации*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Москва. (На правах рукописи, интернет-источник: <http://cheloveknauka.com/v/476244/a/#?page=1> – доступ 26.01.2018).
- Кузьминова Е. А., Ремнёва М. Л., 2000, *Предисловие*, [в:] *Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого*, сост. Е. А. Кузьминова, Москва: Изд-во Московского ун-та, с. 3–24.
- Лебедев В. И., 1746, *Сокращение грамматики латинской, в пользу учащегося латинскому языку российского юношества переведено чрез Василия Лебедева, переводчика при Академии наук*, Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук.
- Лебедев В., 1808, *Краткая грамматика латинская, в пользу учащегося латинскому языку российского юношества переведенная Академии наук переводчиком Василием Лебедевым*, изд. 10-е, Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук.
- Ломоносов М. В., 1755, *Российская грамматика Михайла Ломоносова*, Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук.
- Ломоносов М. В., 1952, *Полное собрание сочинений*. Т. 7. *Труды по филологии 1739–1758 гг.*, Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Ломтев Т. П., 1956, *Очерки по историческому синтаксису русского языка*, Москва: Изд-во Московского ун-та.

- Ломтев Т. П., 1961, *Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков*, Москва: Высшая школа.
- Лоя Я. В., 1968, *История лингвистических учений*. Материалы к курсу лекций, Москва: Высшая школа.
- Лукин М. Ф., 1987, *К вопросу о лексико-грамматическом статусе числительных в современном русском языке*, «Вопросы языкознания», № 6, с. 43–51.
- Лыков А. В., 2007, *Составные количественные числительные в современном русском языке*, «Вестник Таганрогского гос. пед. ин-та», № 2 (Гуманитар. науки), с. 86–90.
- Лыков А. В., Лыкова Т. В., 2006, *К вопросу об отношении современных русских числительных к частям речи*, «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки», Спецвыпуск, с. 63–66.
- Макеева В. Н., 1961, *История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова*, Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Мельчук И. А., 1985, *Поверхностный синтаксис русских числовых выражений*, Wien: Institut für Slavistik der Universität Wien.
- Модзалевский Б., 1909, *Соколов Петр Иванович*, [в:] *Русский биографический словарь*. Изд. под наблюдением председателя Имп. Русского исторического общества А. А. Половцова. Т. 19. *Смеловский – Суворин*, Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Общественная польза», с. 63–65.
- Німчук В. В., 1980, *Систематичний підручник церковнослов'янської мови «Граматіка словенська» Л. Зизанія*, [в:] *Зизаній Л., Граматика словенська, підготовка факсимільного видання та дослідження пам'ятки В. В. Німчука*, Київ: Наукова думка, с. 5–55.
- Німчук В. В., 1985, *Мовознавство на Україні в XIV—XVII ст.*, Київ: Наукова думка.
- Орнатовский И., 1810, *Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных, сочиненное Иваном Орнатовским*, Харьков: Университетская тип.
- Павский Г. П., 1842, *Филологические наблюдения протоиерея Г. Павского над составом русского языка. Второе рассуждение. Об именах существительных*, Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук.
- Павский Г. П., 1850а, *Филологические наблюдения над составом русского языка протоиерея Г. Павского. Рассуждение второе. А. Отделение первое. Об именах существительных*, изд. 2-е, Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук.
- Павский Г. П., 1850б, *Филологические наблюдения над составом русского языка протоиерея Г. Павского. Рассуждение второе. Б. Отделение второе. Об именах прилагательных, числительных и местоимениях*, Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук.
- Петерсон М. Н., 1925, *Русский язык. Пособ. для препод.*, Москва – Ленинград: Госиздат.
- Пешковский А. М., 1956, *Русский синтаксис в научном освещении*, изд. 7-е, Москва: Учпедгиз. (1-е изд. – 1914.)

- Полевой П., 1888, Ф. И. Буслаев. По поводу 50-летия его ученой деятельности, «Исторический вестник», т. 34, № 10, с. 202–214.
- Поляков В. Г., Чистяков В. М., 1950, *Русский язык*. Учеб. для 4-го кл. начальной школы, изд. 6-е, Москва: Учпедгиз. (Интернет-версия: <http://www.oldskola1.narod.ru/Ru4.htm> – доступ 26.01.2018.)
- РГРА 1802 = *Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою академиею*, 1802, Санкт-Петербург: Имп. тип.
- РГРА 1809 = *Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою академиею*, 1809, изд. 2-е, вновь испр. и доп., Санкт-Петербург: Имп. тип.
- РГРА 1819 = *Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою академиею*, 1819, изд. 3-е, Санкт-Петербург: Тип. Имп. Российской академии.
- Рижский И. С., 1806, *Введение в круг словесности, сочиненное в Императорском Харьковском университете, и служившее руководством бывших в оном 1805-го года публичных чтений, предшествовавших науке красноречия*, Харьков: Университетская тип.
- Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П., 1998, *Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию*, изд. 2-е, испр., Москва: ЧеРо.
- Рыбченкова Л. М., Александрова О. М., Глазков А. В., Лисицын А. Г., 2014, *Русский язык. 5 класс*. Учеб. для общеобразоват. организ. Ч. 2, изд. 4-е, испр., Москва: Просвещение.
- Сахно С. Л., 1983, *Приблизительное именование в естественном языке*, «Вопросы языкознания», № 6, с. 29–36.
- Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800*. Т. 1–5, 1962–1975, Москва: Изд-во Гос. библиотеки СССР.
- Смирнов С. В., 1980, *Философские грамматики в России*, [в:] *Сравнительно-исторические исследования русского языка*, под ред. Л. И. Баранниковой, Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, с. 41–48.
- Смирновский П. В., 1915, *Учебник русской грамматики для младших классов средних учебных заведений*. Ч. I. *Этимология*, изд. 26-е, Москва: Тип. Я. Оренштейна.
- Смотрицкий М., 1619, *Грамматики Славенския правильное Синтагма...*, Евье.
- Смотрицкий М., 2000, *Грамматики Славенския правильное Синтагма*, [в:] *Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого*, сост. Е. А. Кузьмина, Москва: Изд-во Московского ун-та, с. 129–517.
- Соколов П., 1788, *Начальные основания российской грамматики, в пользу учащегося в гимназии при Императорской Академии наук юношества составленные*, Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук.
- Соколов П., 1792, *Начальные основания российской грамматики, в пользу учащегося в гимназии при Императорской Академии наук юношества составленные, во многих местах при сем новом издании иным порядком расположенные и исправленные, многими новыми правилами дополненные и обогащенные*, Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук.

- Соколова Т. И., 2008, «Пространная русская грамматика» Н. И. Греча, «Русская речь», № 3, с. 92–96.
- Срезневский И., 1865, *Обозрение научных трудов Востокова, между прочим и неизданных*, [в:] *Филологические наблюдения А. Х. Востокова*, издал, по поручению 2-го отд. Академии наук, И. Срезневский, Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук.
- Стронская И. М., 2009, *Справочник по русскому языку для учащихся 5–9 классов*, Санкт-Петербург: Издат. Дом «Литера».
- Супрун А. Е., 1959, *О русских числительных*, Фрунзе: Киргизский гос. ун-т.
- Супрун А. Е., 1962, *Обозначение неточных (приблизительных) количеств при помощи определенно-количественных числительных*, [в:] *Вопросы лексики и грамматики русского языка*. Уч. зап. филолог. фак-та Киргизского гос. ун-та. Вып. 8, Фрунзе: Киргизский гос. ун-т, с. 5–14.
- Супрун А. Е., 1964, *Имя числительное и его изучение в школе*, Москва: Учпедгиз.
- Супрун А. Е., 1969, *Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи*, Минск: Изд-во БГУ.
- Супрун А. Е., 1971, *Части речи в русском языке*, Москва: Просвещение.
- [Сырейщиков Е. Б.], 1787, *Краткая российская грамматика, изданная для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй*, Санкт-Петербург: Тип. Гека.
- Теплов В. Е., 1787, *Французская грамматика, собранная из разных авторов господином Ресто, а на российский язык переведенная Василием Тепловым*, изд. 4-е, Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук.
- Тимковский И., 1811, *Опытный способ к философическому познанию русского языка, сочиненный Илиею Тимковским*, изд. Имп. Харьковским ун-том, Харьков: Университетская тип.
- Тоболова М. П., 1981, *Принципы воспроизведения текста*, [в:] *Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова*, подгот. текста и текстол. коммент. М. П. Тоболовой, под ред. и с предислов. Б. А. Успенского, Москва: Изд-во Московского ун-та, с. 31–34.
- Успенский Б. А., 1975, *Первая русская грамматика на родном языке. Доломоновский период отечественной русистики*, Москва: Наука.
- Успенский Б. А., 1981, *Предисловие*, [в:] *Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова*, подгот. текста и текстол. коммент. М. П. Тоболовой, под ред. и с предислов. Б. А. Успенского, Москва: Изд-во Московского ун-та, с. 3–30.
- Успенский Б. А., 1983, *Диглоссия и двуязычие в истории русского литературного языка*, “International Journal of Slavic Linguistics and Poetics”, vol. XXVII, p. 81–126.
- Успенский Б. А., 1988, *Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI–XVII вв.)*, [в:] *Литература и искусство в системе культуры*, сост. Т. Б. Князевская, отв. ред. В. Б. Пиотровский, Москва: Наука, с. 208–224.

- Успенский Б. А., 1997, *Доломоновские грамматики русского языка. Итоги и перспективы*, [в:] Успенский Б. А., *Избранные труды*. Т. III. *Общее и славянское языкознание*, Москва: Школа «Языки русской культуры», с. 437–572.
- Успенский Б. А., 2002, *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, изд. 3-е, испр. и доп., Москва: Аспект Пресс.
- Устинов И. В., 1959, *Очерки по русскому языку*. Ч. 1. *Историческая грамматика русского языка*, Москва: Московский гос. пед. ин-т.
- Ушаков Д. Н., 1929, *Краткое введение в науку о языке*, изд. 9-е, Москва: Работник просвещения. (1-е изд. – 1913.)
- Фортунатов Ф. Ф., 1956, *Сравнительное языковедение. Обиций курс*, [в:] Фортунатов Ф. Ф., *Избранные труды*. Т. 1, отв. ред. М. Н. Петерсон, Москва: Учпедгиз, с. 23–197.
- Фрайдохф Г., 1990, *К вопросу о значении логики и грамматики в русских всеобщих грамматиках начала XIX в.*, «Вопросы языкознания», № 3 (май – июнь), с. 11–20.
- Хлебникова Г. Ф., 2011, *Русский язык. 5–11 классы. Правила, таблицы, схемы*, изд. 2-е, испр. и доп., Москва: Оникс.
- Чернобородова Ю. О., 2005, *Функционирование собирательных и количественных числительных при обозначении лиц в современной русской речи. На материале местной периодической печати*. Дис. ... канд. филол. наук, Нижний Новгород. (Машинописный текст; фрагменты: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/funkcionirovanie-sobiratelnyh-i-kolichestvennyh-chislitelnyh-pri-obochnachenii-lic.html> – доступ 23.01.2018.)
- Черных П. Я., 1952, *Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк*, Москва: Учпедгиз.
- Черных П. Я., 1962, *Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк*, изд. 3-е, Москва: Учпедгиз.
- Шанский Н. М., Тихонов А. Н., 1987, *Современный русский язык*. Учеб. для студ. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русский язык и литература». Ч. II. *Словообразование. Морфология*, изд. 2-е, испр. и доп., Москва: Просвещение. (1-е изд. – 1981.)
- Шапиро А. Б., 1956, А. М. Пешковский и его «Русский синтаксис в научном освещении», [в:] Пешковский А. М., *Русский синтаксис в научном освещении*, Москва: Учпедгиз, с. 3–6.
- Шахматов А. А., 1941, *Очерк современного русского литературного языка*, изд. 4-е, со вступ. статьей проф. С. И. Бернштейна, Москва: Учпедгиз.
- Шахматов А. А., 2001, *Синтаксис русского языка*. Вступ. статья д-ра филол. наук, проф. Е. В. Клобукова, ред. и коммент. проф. Е. С. Истриной, изд. 3-е, Москва: Эдиториал УРСС. (Стереотипн. воспроизв. 2-го изд., 1941 г.)
- [Шванвиц М.], 1730, *Немецкая грамматика, из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана от учителя немецкого языка при Санкт-Петербургской гимназии*, Санкт-Петербург: Акад. наук.

- [Шванвиц М.], 1745, *Немецкая грамматика, собранная прежде из разных авторов, а ныне для употребления Санкт-Петербургской гимназии вновь пересмотренная и во многих местах исправленная*, Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук.
- Шведова Н. Ю. (отв. ред.), 1970, *Грамматика современного русского литературного языка*, Москва: Наука.
- Шведова Н. Ю. (гл. ред.), 1980, *Русская грамматика*. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология, Москва: Наука.
- Шелякин М. А., 2006, *Справочник по русской грамматике*, изд. 5-е, стереотипн., Москва: Дрофа.
- Щерба Л. В. (ред.), 1946, *Грамматика русского языка*. Ч. I. Фонетика и морфология. Учеб. для 5 и 6 кл. семилетней и средней шк., изд. 7-е, Москва: Учпедгиз. (1-е изд. – 1938.)
- Ягич И. В., 1885–1895, *Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке*, собрал и объяснил орд. акад. И. В. Ягич, [в:] *Исследования по русскому языку*. Т. I, Санкт-Петербург: Отд-ния русск. яз. и словесн. Имп. Академии наук, с. 289–1070.
- Якоб Л. Г., 1811, *Курс философии для гимназий Российской империи, сочиненный доктором Лудвигом Генрихом Якобом. Часть первая, содержащая Начертание всеобщей логики*, Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук.
- Якоб Л. Г., 1812, *Курс философии для гимназий Российской империи, сочиненный доктором Лудвигом Генрихом Якобом, коллежским советником и кавалером. Часть вторая, содержащая Начертание всеобщей грамматики*, Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук.
- Якубинский Л. П., 1953, *История древнерусского языка*, Москва: Учпедгиз.
- Янович Е. И., 2011. *Историческая грамматика русского языка*, изд. 2-е, испр. и доп., Минск: БГУ. (1-е изд. – 1986.)
- A Key to the French Language; or, Pocket-companion for Those who wish to Speak, Spell, Write, and Translate, With Ease, Expedition, and Correctness. In three parts*, 1782, London: J. Bew.
- Bartula Cz., 2004, *Podstawowe wiadomości z gramatyki staro-cerkiewno-słowiańskiej na tle porównawczym*, wyd. 7, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Bogusławski A., 1966, *Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim*, Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- [Felbiger J. I. von], 1777, *Anleitung zur deutschen Sprachlehre. Zum Gebrauche der deutschen Schulen in den kaiserlich-königlichen Staaten*, Wien – Freiburg im Breisgau: Verlag der Normalschule.
- Groening M., 1750, *Россійская грамматика. Thet är Grammatica russica, eller Grundeligh handledning til ryska språket; jemte et tilräckeligt vocabularium, ryska och swenska samtal, samt efter ryska språkets egenskap inrättade små historier til öfning: i läsande. Utgifwen af Michael Groening*, Stockholm: Kongl. Tryckeriet, Hos Directeuren Pet. Momma.

- Jodłowski S., 1960, *Kryteria klasyfikacji wyrazów na części mowy*, „Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego”, z. XIX, s. 50–97.
- Laskowski R. 1998. *Zagadnienia ogólne morfologii*, [w:] *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*, pod red. R. Grzegorzczkovej, R. Laskowskiego, H. Wróbla, wyd. drugie, zmienione, Warszawa: Wydaw. Naukowe PWN, s. 2–86.
- Ludolf H. W., 1696, *Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam Slavonicam...*, Oxonii [Oxford]: E Theatro Sheldoniano.
- Perrin J., 1783, *A Grammar of the French Tongue: Grounded Upon the Decisions of the French Academy; Wherein All the Necessary Rules, Observations, and Examples are Exhibited in a Manner Entirely New by John Perrin*, 4th edition, London: B. Law.
- Sohier J., 1987, *Grammaire et méthode Russes et Françaises. 1724*, факсимильн. изд. под ред. и с предисл. Б. А. Успенского, vol. I–II, München: Otto Sagner.
- Statorius-Stojeński P., 1568, *Polonicae grammatices institutio. In eorum gratiam, qui eius linguae elegantiam cito & facile addiscere cupiunt*, Cracoviae [Kraków]: Maciej Wirzbięta.
- Worth D. S., 1959, *Grammatical and Lexical Quantification in the Syntax of the Russian Numeral*, “International Journal of Slavic Linguistics and Poetics”, vol. I/II, p. 117–132.

X. Bibliography (Transliteration)

- A key to the French language; or, pocket-companion for those who wish to speak, spell, write, and translate, with ease, expedition, and correctness: In three parts.* (1782). London: J. Bew.
- Adel'fotes [ADELPHOTÈS]. (1591). *Grammatika dobroglagolivago ellino-slovenskago iazyka*. L'vov: Bratskaia tip.
- Adodurov, V. E. (2014). "Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache" ili "Pervye osnovaniia rossiiskogo iazyka" (K. A. Filippov & S. S. Volkov, Eds.). Sankt-Peterburg: Nauka, Nestor-Istoriia.
- Aksakov, K. S. (1875). Kriticheskii razbor "Opyta istoricheskoi grammatiki russkogo iazyka" F. Buslaeva (Moskva, 1859). In K. S. Aksakov, *Polnoe sobranie sochinenii Konstantina Sergeevicha Aksakova: Vol. 2. Sochineniia filologicheskii* (Pt. 1). Moskva: Universitetskaiia tip. (Katkov i K°).
- Alipii [Ieromonakh Alipii (Gamanovich)]. (1991). *Grammatika tserkovno-slavianskogo iazyka*. Moskva: Khudozhestvennaia literatura.
- Alpatov, V. M. (2005). *Istoriia lingvisticheskikh uchenii: Ucheb. posobie* (4th rev. ed.). Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Amirova, T. A., Ol'khovikov, B. A., & Rozhdestvenskii, Iu. V. (2005). *Istoriia iazykoznaniiia* (S. F. Goncharenko, Ed.) (2nd ed.). Moskva: Izdat. tsentr "Akademiia".
- Babaïtseva, V. V., & Chesnokova, L. D. (1993). *Russkii iazyk: Teoriia: Uch. dlia 5–9 kl. obshcheobrazovat. ucheb. zaved.* (2nd ed.). Moskva: Prosveshchenie. (1st ed. 1992).
- Babaïtseva, V. V., Nikolina, N. A., Chesnokova, L. D., et al. (2008). *Sovremennii russkii iazyk: Teoriia: Analiz iazykovykh edinits: Ucheb. dlia stud. vysh. ucheb. zaved. v 2 ch.: Pt. 2. Morfologiia, sintaksis* (3rd ed.). Moskva: Izdat. Tsentr "Akademiia".
- Babina, S. A., Beloglazova, E. V., Belousova, V. I., & Mazurenko, O. V. (2014). *Teoreticheskie osnovy nachal'nogo kursa russkogo iazyka: Kurs leksii dlia stud. fak-ta ped. i khudozhestv. obrazovaniia*. Saransk: Mordovskii gos. ped. in-t.
- Baranov, M. T., Grigorian, L. T., Kulibaba, I. I., Ladyzhenskaia, T. A., & Trostentsova, L. A. (1974). *Russkii iazyk: Ucheb. dlia 5–6 kl.* (N. M. Shanskiĭ, Ed.). Moskva: Prosveshchenie.

- Baranov, M. T., Grigorian, L. T., Ladyzhenskaia, T. A., Trostentsova, L. A., & Kulibaba, I. I. (2000). *Russkii iazyk: Ucheb. dlia 6 kl. obshcheobrazovat. uchrezhd.* (N. M. Shanskii, Ed.) (22nd ed.). Moskva: Prosveshchenie.
- Barkhudarov, S. G., & Kriuchkov, S. E. (1962). *Uchebnik russkogo iazyka: Pt. 1. Fonetika i morfologiya dlia 5 i 6 kl.* (9th ed.). Moskva: Uchpedgiz.
- Barsov, A. A. (1981). *Rossiiskaia grammatika Antona Alekseevicha Barsova* (B. A. Uspenskii, Ed.). Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta.
- Bartula, C. (2004). *Podstawowe wiadomości z gramatyki staro-cerkiewno-słowiańskiej na tle porównawczym* (7th ed.). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Bazilevich, L. I. (1968). Fedor Ivanovich Buslaev. *Russkaia rech'*, 1968(6), 90–96.
- Belinskii, V. G. (1953). Osnovaniia russoi grammatiki dlia pervonachal'nogo obucheniia, sostavlennye Vissarionom Belinskim: Pt. 1. Grammatika analiticheskaia (ëtimologiya). In V. G. Belinskii, *Polnoe sobranie sochinenii* (V. A. Desnitskii, Ed.) (Vol. 2, pp. 577–690). Moskva: Izd-vo AN SSSR.
- Beloshapkova, V. A. (Ed.). (1989). *Sovremennyi russkii iazyk* (2nd rev. ed.). Moskva: Vysshiaia shkola. (1st ed. 1981).
- Bernshtein, S. I. (1941). A. A. Shakhmatov kak issledovatel' russkogo literaturnogo iazyka. In A. A. Shakhmatov, *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* (4th ed., pp. 3–55). Moskva: Uchpedgiz.
- Bogoroditskii, V. A. (1904). *Obshchii kurs russoi grammatiki: Iz universitetskikh chtenii.* Kazan': Tipolitografiia Imp. un-ta.
- Bogusławski, A. (1966). *Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim.* Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Borkovskii, V. I., & Kuznetsov, P. S. (2006). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka* (3rd ed.). Moskva: KomKniga. (1st ed. 1963).
- Bulakhov, M. G. (1976). *Vostochnoslavianskie iazykovedy: Biobibliograficheskii slovar'* (Vol. 1). Minsk: Izd-vo BGU.
- Bulakhovskii, L. A. (1952). *Kurs russkogo literaturnogo iazyka* (5th ed., Vol. 1). Kiev: Gos. uch.-ped. izd-vo "Radii's'ka shkola".
- Bulakhovskii, L. A. (1953). *Kurs russkogo literaturnogo iazyka: Vol. 2. Istoricheskii kommentarii* (4th rev. ed.). Kiev: Gos. uch.-ped. izd-vo "Radii's'ka shkola".
- Bulanin, L. L. (1976). *Trudnye voprosy morfologii: Posobie dlia uchitelei.* Moskva: Prosveshchenie.
- Bulich, S. K. (1904). *Ocherk istorii iazykoznaniiia v Rossii* (Vol. 1). Sankt-Peterburg: Tip. M. Merkusheva.
- Buslaev, F. I. (1855). Izvlechenie iz russoi grammatiki professora Barsova. In *V vospominanie 12-go ianvaria 1855 g.: Ucheno-literaturnye stat'i professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, izdannye po sluchaiu ego stoletnego iubiliea* (pp. 3–16). Moskva: Univ. tip.

- Buslaev, F. I. (1858). *Opyt istoricheskoi grammatiki russkogo iazyka: Ucheb. posobie dlia prepod.: Pt. 1. Ètimologiya*. Moskva: Universitetskaia tip.
- Chernoborodova, Iu. O. (2005). *Funktsionirovanie sobiratel'nykh i kolichestvennykh chislitel'nykh pri oboznachenii lits v sovremennoi russkoi rechi: Na materiale mestnoi periodicheskoi pechati* (Doctoral dissertation). Retrieved from <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/funkcionirovanie-sobiratelnyh-i-kolichestvennyh-chislitelnyh-pri-oboznachenii-lic.html>
- Chernykh, P. Ia. (1952). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka: Kratkiĭ ocherk*. Moskva: Uchpedgiz.
- Chernykh, P. Ia. (1962). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka: Kratkiĭ ocherk* (3rd ed.). Moskva: Uchpedgiz.
- [Davydov, I. I.]. (1852). *Opyt obshchesravnitel'noi grammatiki russkogo iazyka, izdannyĭ Vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk*. Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
- [Davydov, I. I.]. (1853). *Opyt obshchesravnitel'noi grammatiki russkogo iazyka, izdannyĭ Vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk* (2nd ed.). Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
- Dal', V. (1882). *Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka Vladimira Dalia: Vol. 3. P* (2nd rev. ed.). Sankt-Peterburg: Tip. M. O. Vol'fa.
- Danilenko, V. P. (2009). *Istoriia russkogo iazykoznaniia: Kurs lektsii*. Moskva: Flinta, Nauka.
- D'iachkova, I. N. (2010). *Chislitel'nye v russkom literaturnom iazyke XVIII veka* (L. V. Savel'eva, Ed.). Petrozavodsk: Izd. PetrGU.
- D'iachkova, I. N. (2015). Imia chislitel'noe v "Rossiiskoi grammatike" A. A. Barsova. *Uch. zap. Petrozavodskogo gos. un-ta*, 2015(3/2(148/2)), 56–60.
- Diubro, B. A. (2013). Izmenenie roli nemetskoi traditsii v grammaticheskom opisanii russkogo iazyka vo vtoroi polovine XVIII v. (na primere glagol'nykh grammaticheskikh kategorii). In P. E. Bukharkin, S. S. Volkov, & E. M. Matveev (Eds.), *Filologicheskoe nasledie M. V. Lomonosova: Kollekt. monogr.* (pp. 265–284). Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia.
- Dolin, Iu. G. (2004). Slovo o "Sintaksise russkogo iazyka" akademika A. A. Shakhmatova. *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta.*, 2004(11), 118–121.
- Donat, È. (2003). Malaia grammatika. O chastiakh rechi (D. V. Bubnov, Trans.). *Vestnik Permskogo un-ta. Istoriia*, 2003(4), 120–144.
- [Felbiger, J. I. von]. (1777). *Anleitung zur deutschen Sprachlehre: Zum Gebrauche der deutschen Schulen in den kaiserlich-königlichen Staaten*. Wien: Verlag der Normalschule.
- Fortunatov, F. F. (1956). Sravnitel'noe iazykovedenie: Obshchii kurs. In F. F. Fortunatov, *Izbrannye trudy* (M. N. Peterson, Ed.) (Vol. 1, pp. 23–197). Moskva: Uchpedgiz.
- Fraïdkhof, G. (1990). K voprosu o znachenii logiki i grammatiki v russkikh vseobshchikh grammatikakh nachala XIX v. *Voprosy iazykoznaniia*, 1990(3), 11–20.
- Galaeva, O. V. (1997). *Russkii iazyk: Spravochnik shkol'nika* (V. V. Slavkin, Ed.). Moskva: Filolog. ob.-vo "Slovo"; AST; Kliuch-S; Tsentr humanitar. nauk pri fak-te zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova.

- Galkina-Fedoruk, E. M. (Ed.). (1964). *Sovremennyi russkii iazyk: Pt. 2. Morfologiya, sintaksis*. Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta.
- Galkina-Fedoruk, E. M., Gorshkova, K. V., & Shanskiĭ, N. M. (1958). *Sovremennyi russkii iazyk: Leksikologiya, fonetika, morfologiya* (2nd rev. ed.). Moskva: Uchpedgiz. (1st ed. 1957).
- Gorshkova, K. V., & Khaburgaev, G. A. (1981). *Istoricheskaya grammatika russkogo iazyka*. Moskva: Vysshaya shkola.
- Grech, N. (1827a). *Prakticheskaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolaem Grechem*. Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Sankt-Peterburgskogo vospitatel'nogo doma.
- Grech, N. (1827b). *Prostrannaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolaem Grechem* (Vol. 1). Sankt-Peterburg: Tip. N. Grecha.
- Grech, N. (1828). *Nachal'nye pravila russkoĭ grammatiki, izdannye Nikolaem Grechem*. Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Sankt-Peterburgskogo vospitatel'nogo doma.
- Grech, N. (1830). *Prostrannaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolaem Grechem* (2nd rev. ed., Vol. 1). Sankt-Peterburg: Tip. N. Grecha.
- Gritskovich, Iu. N. (2003). *Istoricheskaya grammatika russkogo iazyka: Posobie dlia stud. zaoch. otd*. Pskov: Pskovskii gos. ped. in-t im. S. M. Kirova.
- Groening, M. (1750). *Rossiiskaya grammatika: Thet är Grammatica russica, eller Grundelig handledning til ryska språket; jemte et tilräckeligt vocabularium, ryska och swenska samtal, samt efter ryska språkets egenskap inrättade små historier til öfning: I läsande: Utgifwen af Michael Groening*, Stockholm: Kongl. Tryckeriet, Hos Directeuren Pet. Momma.
- Gvozdev, A. N. (1973). *Sovremennyi russkii literaturnyi iazyk: Pt. 1. Fonetika i morfologiya* (4th ed.). Moskva: Prosveshchenie. (1st ed. 1955).
- Iagich, I. V. (1885–1895). *Rassuzhdeniia iuzhnoslavianskoĭ i russkoĭ stariny o tserkovnoslavianskom iazyke*. In I. V. Iagich (Ed.), *Issledovaniia po russkomu iazyku* (Vol. 1, pp. 289–1070). Moskva: Tip. Imp. Akad. nauk.
- Iakob, L. G. (1811). *Kurs filosofii dlia gimnaziĭ Rossiiskoi imperii, sochinennyĭ doktorom Ludvigom Genrikhom Iakobom: Chast' pervaya, sodержaiushchaya Nachertanie vseobshcheĭ logiki*. Sankt-Peterburg: Imp. Akad. nauk.
- Iakob, L. G. (1812). *Kurs filosofii dlia gimnaziĭ Rossiiskoi imperii, sochinennyĭ doktorom Ludvigom Genrikhom Iakobom, kollezhskim sovetnikom i kawalerom: Chast' vtoraya, sodержaiushchaya Nachertanie vseobshcheĭ grammatiki*. Sankt-Peterburg: Imp. Akad. nauk.
- Iakubinskiĭ, L. P. (1953). *Istoriia drevnerusskogo iazyka*. Moskva: Uchpedgiz.
- Ianovich, E. I. (2011). *Istoricheskaya grammatika russkogo iazyka* (2nd rev. ed.). Minsk: BGU. (1st ed. 1986).
- Ignat'eva, T. V., & Tarasova, L. E. (2012). *Russkii iazyk: Vse pravila: 1–4 kl* (2nd ed.). Moskva: Ėkzamen.
- Ivanov, V. V. (1964). *Istoricheskaya grammatika russkogo iazyka*. Moskva: Prosveshchenie.
- Ivanov, V. V. (1990). *Istoricheskaya grammatika russkogo iazyka* (3rd rev. ed.). Moskva: Prosveshchenie.

- Jodłowski, S. (1960). Kryteria klasyfikacji wyrazów na części mowy. *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, 1960(19), 50–97.
- Kareva, N. V. (2011). Stanovlenie traditsii grammaticheskogo opisania russkogo iazyka (1730–1750-e gg.). In P. E. Bukharkin, E. M. Matveev, & A. Iu. Tiraspol'skaia (Eds.), *Literaturnaiia kul'tura Rossii XVIII veka* (Vol. 4, pp. 90–109). Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.
- Kareva, N. V. (2014). V. E. Adodurov i formirovanie grammaticheskoi traditsii v Rossii pervoi poloviny XVIII veka. In V. E. Adodurov, *"Anfangs-Gründe der Russischen Sprache" ili "Pervye osnovaniia rossiiskogo iazyka"* (K. A. Filippov & S. S. Volkov, Eds.) (pp. 30–36). Sankt-Peterburg: Nauka, Nestor-Istoriia.
- Kareva, N. V., & Sergeev M. L. (2016). Pervaia pechatnaia russkaia grammatika frantsuzskogo iazyka (1752): K voprosu o perevodcheskikh principakh V. E. Teplova. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta: Ser. 9. Filologiiia, Vostokovedenie, Zhurnalistika*, 2016(1), 58–69.
- Khlebinskaia, G. F. (2011). *Russkii iazyk: 5–11 klassy: Pravila, tablitsy, skhemy* (2nd rev. ed.). Moskva: Oniks.
- Kovalevskaia, E. G. (1992). *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka* (2nd rev. ed.). Moskva: Prosveshchenie. (1st ed. 1978).
- Kovtunova, I. I. (1976). *Sovremennyi russkii iazyk: Poriadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniia*. Moskva: Prosveshchenie.
- Kolesov, V. V. (1989). *Drevnerusskii literaturnyi iazyk*. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta.
- Kolesov, V. V. (2009). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka: Ucheb. posobie dlia stud. vyssh. ucheb. zaved.* Sankt-Peterburg: Fak-t filologii i iskusstv SPbGU.
- Kondrashov, N. A. (1979). *Istoriia lingvisticheskikh uchenii*. Moskva: Prosveshchenie.
- Kuznetsov, P. S. (1953). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka: Morfologiia*. Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta.
- Kuz'minova, E. A. (1996). *Grammatika Lavrentiia Zizaniia v Moskovskoi Rusi v pervoi polovine XVII v.: Tipy adaptatsii* (Doctoral dissertation). Retrieved from <http://cheloveknauka.com/v/476244/a/#?page=1>
- Kuz'minova, E. A., & Remnëva, M. L. (2000). Predislovie. In E. A. Kuz'minova (Ed.), *Grammatika Lavrentiia Zizaniia i Meletiia Smotritskogo* (pp. 3–24). Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta.
- Laskowski, R. (1998). Zagadnienia ogólne morfologii. In R. Grzegorzczakowa, R. Laskowski, & H. Wróbel (Eds.), *Gramatyka współczesnego języka polskiego: Morfologia* (2nd rev. ed., pp. 2–86). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Lebedev, V. I. (1746). *Sokrashchenie grammatiki latinskoï, v pol'zu uchashegosia latinskomu iazyku rossiiskogo iunoshestva perevedeno chrez Vasil'ia Lebedeva, perevodchika pri Akademii nauk*. Sankt-Peterburg: Imp. Akad. nauk.
- Lebedev, V. (1808). *Kratkaia grammatika latinskaia, v pol'zu uchashegosia latinskomu iazyku rossiiskogo iunoshestva perevedennaia Akademii nauk perevodchikom Vasiliem Lebedevym* (10th ed.). Sankt-Peterburg: Imp. Akad. nauk.

- Loia, Ia. V. (1968). *Istoriia lingvisticheskikh ucheniĭ: Materialy po kursu leksiĭ*. Moskva: Vysshaia shkola.
- Lomonosov, M. V. (1755). *Rossiiskaia grammatika Mikhaila Lomosova*. Sankt-Peterburg: Imp. Akad. nauk.
- Lomonosov, M. V. (1952). *Polnoe sobranie sochineniĭ: Vol. 7. Trudy po filologii 1739–1758 gg.* Moskva: Izd-vo AN SSSR.
- Lomtev, T. P. (1956). *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo iazyka*. Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta.
- Lomtev, T. P. (1961). *Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika vostochnoslavianskikh iazykov*. Moskva: Vysshaia shkola.
- Ludolf, H. W. (1696). *Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam Slavonicam...* Oxonii: E Theatro Sheldoniano.
- Lukin, M. F. (1987). K voprosu o leksiko-grammaticheskom statuse chislitel'nykh v sovremennom russkom iazyke. *Voprosy iazykoznanii*, 1987(6), 43–51.
- Lykov, A. V. (2007). Sostavnye kolichestvennye chislitel'nye v sovremennom russkom iazyke. *Vestnik Taganrogskego gos. ped. in-ta: Gumanitar. nauki*, 2007(2), 86–90.
- Lykov, A. V., & Lykova, T. V. (2006). K voprosu ob otnoshenii sovremennykh russkikh chislitel'nykh k chastiam rechi. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedeniĭ: Severo-Kavkazskii region: Ser. "Obshchestvennye nauki"*, 2006, 63–66.
- Makeeva, V. N. (1961). *Istoriia sozdaniia "Rossiiskoi grammatiki" M. V. Lomonosova*. Moskva: Izd-vo AN SSSR.
- Melchuk, I. A. (1985). *Poverkhnostnyi sintaksis russkikh chislovykh vyrazheniĭ*. Wien: Institut für Slavistik der Universität Wien. <https://doi.org/10.3726/b12909>
- Modzalevskii, B. (1909). Sokolov Petr Ivanovich. In A. A. Polovtsov (Ed.), *Russkii biograficheskii slovar': Vol. 19. Smelovskii – Suvorin* (pp. 63–65). Sankt-Peterburg: Tip. t-va "Obshchestvennaia pol'za".
- Nimchuk, V. V. (1980). Systematichnyi pidruchnyk tserkovnoslov'ians'koï movy "Grammatika slovenska" L. Zyzaniia. In Lavrentii Zyzaniĭ, *Grammatyka slovens'ka* (V. V. Nimchuk, Ed.) (pp. 5–55). Kyiv: Naukova dumka.
- Nimchuk, V. V. (1985). *Movoznavstvo na Ukraïni v XIV–XVII st.* Kyiv: Naukova dumka.
- Ornatovskii, I. (1810). *Noveishee nachertanie pravil rossiiskoi grammatiki, na nachalakh vseobshchei osnovannykh, sochinennoe Ivanom Ornatovskim*. Khar'kov: Universitetskaia tip.
- Pavskii, G. P. (1842). *Filologicheskie nabliudeniia protoiereia G. Pavskogo nad sostavom russkogo iazyka: Vtoroe rassuzhdenie: Ob imenakh sushchestvitel'nykh*. Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
- Pavskii, G. P. (1850a). *Filologicheskie nabliudeniia nad sostavom russkogo iazyka protoiereia G. Pavskogo: Rassuzhdenie vtoroe: A: Otdelenie pervoe: Ob imenakh sushchestvitel'nykh* (2nd ed.). Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akad. nauk.

- Pavskii, G. P. (1850b), *Filologicheskie nabludeniiia nad sostavom russkogo iazyka protoiereia G. Pavskogo: Rassuzhdenie vtoroe: B: Otdelenie vtoroe: Ob imenakh prilagatel'nykh, chislitel'nykh i mestoimenniakh*. Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akad. nauk
- Peterson, M. N. (1925). *Russkii iazyk: Posob. dlia prepod.* Moskva: Gosizdat.
- Perrin, J. (1783). *A grammar of the French tongue: Grounded upon the decisions of the French Academy; wherein all the necessary rules, observations, and examples are exhibited in a manner entirely new by John Perrin* (4th ed.). London: B. Law.
- Peshkovskii, A. M. (1956). *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* (7th ed.). Moskva: Uchpedgiz. (1st ed. 1914).
- Poliakov, V. G., & Chistakov, V. M. (1950). *Russkii iazyk: Ucheb. dlia 4-go kl. nachal'noi shkoly* (6th ed.). Moskva: Uchpedgiz. Retrieved from <http://www.oldskola1.narod.ru/Ru4.htm>
- Polevoi, P. (1888). F. I. Buslaev: Po povodu 50-letii ego uchenoi deiatel'nosti. *Istoricheskii vestnik*, 34(10), 202–214.
- Rizhskii, I. S. (1806). *Vvedenie v krug slovesnosti, sochinennoe v Imperatorskom Khar'kovskom universitete, i sluzhivshee rukovodstvom byvshikh v onom 1805-go goda publichnykh chtenii, predshestvovavshikh nauke krasnorechiia*. Khar'kov: Universitetskaia tip.
- Rossiiskaia grammatika, sochinennaia Imperatorskoiu Rossiiskoiu akademieiu [RGRA]. (1802). Sankt-Peterburg: Imp. tip.
- Rossiiskaia grammatika, sochinennaia Imperatorskoiu Rossiiskoiu akademieiu [RGRA]. (1809). (2nd rev. ed.). Sankt-Peterburg: Imp. tip.
- Rossiiskaia grammatika, sochinennaia Imperatorskoiu Rossiiskoiu akademieiu [RGRA]. (1819). (3rd ed.). Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Rossiiskoï akademii.
- Rozental', D. È., Dzhandzhakova, E. V., & Kabanova, N. P. (1998). *Spravochnik po pravopisaniiu, proiznosheniiu, literaturnomu redaktirovaniu* (2nd rev. ed.). Moskva: CheRo.
- Rybchenkova, L. M., Aleksandrova, O. M., Glazkov, A. V., & Lisitsyn, A. G. (2014). *Russkii iazyk: 5 klass: Ucheb. dlia obshcheobrazovat. organiz.* (4th rev. ed., Pt. 2). Moskva: Prosveshchenie.
- Sakhno, S. L. (1983). Priblizitel'noe imenovanie v estestvennom iazyke. *Voprosy iazykoznaniia*, 1983(6), 29–36.
- Shanskii, N. M., & Tikhonov, A. N. (1987). *Sovremennii russkii iazyk: Ucheb. dlia stud. ped. in-tov po spec. no. 2101 "Russkii iazyk i literatura": Pt. 2. Slovoobrazovanie, morfologiia* (2nd rev. ed.). Moskva: Prosveshchenie. (1st ed. 1981).
- Shakhmatov, A. A. (1941). *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* (4th ed.). Moskva: Uchpedgiz.
- Shakhmatov, A. A. (2001). *Sintaksis russkogo iazyka* (3rd ed.). Moskva: Èditorial URSS. (Reprint from 2nd ed. 1941).
- Shapiro, A. B. (1956). A. M. Peshkovskii i ego "Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii". In A. M. Peshkovskii, *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* (pp. 3–6). Moskva: Uchpedgiz.

- Shcherba, L. V. (Ed.). (1946). *Grammatika russkogo iazyka: Ucheb. dlia 5 i 6 kl. semiletnei i srednei shk.: Pt. 1. Fonetika i morfologiya* (7th ed.). Moskva: Uchpedgiz. (1st ed. 1938).
- Sheliakin, M. A. (2006). *Spravochnik po russkoj grammatike* (5th ed.). Moskva: Drofa.
- [Shvanvits, M.]. (1730). *Nemetskaia grammatika, iz raznykh avtorov sobrana i rossijskoj iunosti v pol'zu izdana ot uchitelia nemetskogo iazyka pri Sankt-Peterburgskoj gimnazii*. Sankt-Peterburg: Akad. Nauk.
- [Shvanvits, M.]. (1745). *Nemetskaia grammatika, sobrannaia prezhde iz raznykh avtorov, a nyne dlia upotrebleniia Sankt-Peterburgskoj gimnazii vnov' peresmotrennaia i vo mnogikh mestakh ispravlennaia*. Sankt-Peterburg: Imp. Akad. Nauk.
- Shvedova, N. Iu. (Ed.). (1970). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka*. Moskva: Nauka.
- Shvedova, N. Iu. (Ed.). (1980). *Russkaia grammatika: Vol. 1. Fonetika, fonologiya, udarenie, intonatsiya, slovoobrazovanie, morfologiya* [Grammatika]. Moskva: Nauka.
- Smirnov, S. V. (1980). Filosofskie grammatiki v Rossii. In L. I. Barannikova (Ed.), *Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniia russkogo iazyka* (pp. 41–48). Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta.
- Smirnovskii, P. V. (1915). *Uchebnik russkoj grammatiki dlia mladshikh klassov srednikh uchebnykh zavedenii: Pt. 1. Ètimologiya* (26th ed.). Moskva: Tip. Ia. Orenshteina.
- Smotritskii, M. (1619). *Grammatiki slavenskiia pravilnoe sintagma...* Ev'e (n.p.).
- Smotritskii, M. (2000). Grammatiki slavenskiia pravilnoe sintagma. In E. A. Kuz'minova (Ed.), *Grammatiki Lavrentiia Zizaniia i Meletii Smotritskogo* (pp. 129–517). Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta.
- Sohier, J. (1987). *Grammaire et méthode Russes et Françaises, 1724* (B. A. Uspenskii, Ed.) (Vols. 1–2). München: Otto Sagner.
- Sokolov, P. (1788). *Nacha'nye osnovaniia rossijskoj grammatiki, v pol'zu uchashchegosia v gimnazii pri Imperatorskoj Akademii nauk iunoshestva sostavlennye*. Sankt-Peterburg: Imp. Akad. nauk.
- Sokolov, P. (1792). *Nacha'nye osnovaniia rossijskoj grammatiki, v pol'zu uchashchegosia v gimnazii pri Imperatorskoj Akademii nauk iunoshestva sostavlennye, vo mnogikh mestakh pri sem novom izdanii inym poriadkom raspolzhennye i ispravlennye, mnogimi novymi pravilami dopolnennye i obogashchennye*. Sankt-Peterburg: Imp. Akad. nauk.
- Sokolova, T. I. (2008). "Prostrannaia russkaia grammatika" N. I. Grecha. *Russkaia rech'*, 2008(3), 92–96.
- Sreznevskii, I. (1865). Obozrenie nauchnykh trudov Vostokova, mezhdu prochim i neizdannyykh. In I. Sreznevskii (Ed.), *Filologicheskie nabliudeniia A. Kh. Vostokova*. Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
- Statorius-Stojeński, P. (1568). *Polonicae grammatices institutio: In eorum gratiam, qui eius linguae elegantiam cito & facile addiscere cupiunt*. Cracoviae: Maciej Wirzbięta.
- Stepanov, Iu. S. (Ed.). (1990). *Grammatika obshchaia i ratsional'naia, sodержashchaia osnovy iskusstva rechi, izlozhennye iasnym i estestvennym obrazom, tolkovanie obshchevo v iazykakh*

- i glavnye razlichii mezhd u nimi, a takzhe – mnogochislennye novye zamechaniia o frantsuzskom iazyke, napisannaia Antuanom Arno i Klodom Lanslo* (N. Iu. Bokadorova, Trans.) [Grammatika Por-Roialia]. Moskva: Progress.
- Stronskaia, I. M. (2009). *Spravochnik po russkomu iazyku dlia uchashchikhsia 5–9 klassov*. Sankt-Peterburg: Izdat. Dom “Litera”.
- Suprun, A. E. (1959). *O russkikh chislitel’nykh*. Frunze: Kirgizskii gos. un-t.
- Suprun, A. E. (1962). Oboznachenie netochnykh (priblizitel’nykh) kolichestv pri pomoshchi opredelenno-kolichestvennykh chislitel’nykh. In *Voprosy leksiki i grammatiki russkogo iazyka* (8th ed., pp. 5–14). Frunze: Kirgizskii gos. un-t.
- Suprun, A. E. (1964). *Imia chislitel’noe i ego izuchenie v shkole*. Moskva: Uchpedgiz.
- Suprun, A. E. (1969). *Slavianskie chislitel’nye: Stanovlenie chislitel’nykh kak osoboĭ chasti rechi*. Minsk: Izd-vo BGU.
- Suprun, A. E. (1971). *Chasti rechi v russkom iazyke*. Moskva: Prosveshchenie.
- Svodnyi katalog russkoĭ knigi grazhdanskoĭ pechato XVII veka. 1725–1800* (Vols. 1–5). (1962–1975). Moskva: Izd-vo Gos. biblioteki SSSR.
- [Syreishchikov, E. B.]. (1787). *Kratkaia rossiiskaia grammatika, izdannaiia dlia narodnykh uchilishch Rossiiskoi imperii po vysochaishemu poveleniiu tsarstvuiushchei imperatritsy Ekateriny Vtoroi*. Sankt-Peterburg: Tip. Geka.
- Teplov, V. E. (1787). *Frantsuzskaia grammatika, sobrannaia iz raznykh avtorov gospodinom Resto, a na rossiiskii iazyk perevedennaia Vasiliem Teplovym* (4th ed.). Sankt-Peterburg: Imp. Akad. nauk.
- Timkovskii, I. (1811). *Opytnyi sposob k filosoficheskomu poznaniuiu rossiiskogo iazyka, sochinennyi Iliuiu Timkovskim*. Khar’kov: Universitetskaia tip.
- Tobolova, M. P. (1981). Printsipy vosproizvedeniia teksta. In M. P. Tobolova & B. A. Uspenskii (Eds.), *Rossiiskaia grammatika Antona Alekseevicha Barsova* (pp. 31–34). Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta.
- Ushakov, D. N. (1929). *Kratkoe vvedenie v nauku o iazyke* (9th ed.). Moskva: Rabotnik prosveshcheniia. (1st ed. 1913).
- Uspenskii, B. A. (1975). *Pervaia russkaia grammatika na rodnom iazyke: Dolomonosovskii period otechestvennoi rusistiki*. Moskva: Nauka.
- Uspenskii, B. A. (1981). Predislovie. In M. P. Tobolova & B. A. Uspenskii (Eds.), *Rossiiskaia grammatika Antona Alekseevicha Barsova* (pp. 3–30). Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta.
- Uspenskii, B. A. (1983). Diglossiia i dvuiazychie v istorii russkogo literaturnogo iazyka. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 1983(27), 81–126.
- Uspenskii, B. A. (1988). Otnoshenie k grammatike i ritorike v Drevnei Rusi (XVI–XVII vv.). In T. B. Kniazevskaia & V. B. Piotrovskaia (Eds.), *Literatura i iskusstvo v sisteme kul’tury* (pp. 208–224). Moskva: Nauka.

- Uspenskiĭ, B. A. (1997). Dolomonosovskie grammatiki russkogo iazyka: Itogi i perspektivy. In B. A. Uspenskiĭ, *Izbrannye trudy* (Vol. 3, pp. 437–572). Moskva: Shkola “Iazyki russkoĭ kulʹtury”.
- Uspenskiĭ, B. A. (2002). *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)* (3rd rev. ed.). Moskva: Aspekt Press.
- Ustinov, I. V. (1959). *Ocherki po russkomu iazyku: Pt. 1. Istoricheskaiia grammatika russkogo iazyka*. Moskva: Moskovskii gos. ped. in-t.
- Valgina, N. S. (2003). *Sovremennyĭ russkii iazyk: Sintaksis* (4th rev. ed.). Moskva: Vysshiaia shkola.
- Vetushko-Kalevich, A. A., Koryshev, M. V., & Manërova, K. V. (2014). Indeks grammaticheskikh terminov “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” V. E. Adodurova. In V. E. Adodurov, “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” ili “Pervye osnovaniia rossiiskogo iazyka” (K. A. Filippov & S. S. Volkov, Eds.) (pp. 186–188). Sankt-Peterburg: Nauka, Nestor-Istoriia.
- Vinogradov, V. V. (Ed.). (1960). *Grammatika russkogo iazyka: Vol. 1. Fonetika i morfologiiia*. Moskva: Izd-vo AN SSSR.
- Vinogradov, V. V. (2001). *Russkii iazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* (G. A. Zolotova, Ed.) (4th ed.). Moskva: Russkii iazyk. (1st ed. 1947).
- Volkov, S. S. (2014). V. E. Adodurov: Neskolʹko dopolnitelʹnykh zamechanii k traditsionnoi biografii. In V. E. Adodurov, “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” ili “Pervye osnovaniia rossiiskogo iazyka” (K. A. Filippov & S. S. Volkov, Eds.) (pp. 17–29). Sankt-Peterburg: Nauka, Nestor-Istoriia.
- Volkov, S. S., Kareva, N. V. & Filippov K. A. (2014). “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” V. E. Adodurova. In V. E. Adodurov, “Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache” ili “Pervye osnovaniia rossiiskogo iazyka” (K. A. Filippov & S. S. Volkov, Eds.) (pp. 5–16). Sankt-Peterburg: Nauka, Nestor-Istoriia.
- Volʹskii, A. (1902). Pavskii, Gerasim Petrovich. In A. A. Polovtsov (Ed.), *Russkii biograficheskii slovarʹ: Vol. 13. Pavel, prepodobnyi – Petr (Ileika)* (pp. 103–109). Sankt-Peterburg: Tip. I. N. Skorokhodova.
- Vostokov, A. Kh. (1831). *Russkaia grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniiu ego zhe sokrashchennoi grammatiki polnee izlozhennaia*. Sankt-Peterburg: Tip. I. Glazunova.
- Vuianovskii, C. (1772). *Nemetskaia Grammatika iz razlychnykh avtorov, naipachezhe Gotshedovykh knig sobranna, i... na slavenoserbskom iazyke iziasnena Stefanom Vuianovskim....* Vena: Tip. Iosifa Kurtsbeka.
- Worth, D. S. (1959). Grammatical and lexical quantification in the syntax of the Russian numeral. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 1959(1–2), 117–132.
- Zakharova, Iu. G. (2012). *Istoriia russkogo iazyka: Ucheb. posobie dlia praktich. zaniatii*. Moskva: Flinta, Nauka.
- Zalizniak, A. A. (1980). *Grammaticheskii slovarʹ russkogo iazyka: Slovoizmenenie* (2nd ed.). Moskva: Russkii iazyk.

- Zalizniak, A. A. (2002). Russkoe imennoe slovoizmenenie. In A. A. Zalizniak, "Russkoe imennoe slovoizmenenie" s priloženiem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu iazyku i obshchemu iazykoznaniiu (pp. 1–370). Moskva: Iazyki slavianskoï kul'tury.
- Zholobov, O. F. (2001). Drevneslavianskie chislitel'nye kak chast' rechi. *Voprosy iazykoznanii*, 2001(2), 94–109.
- Zholobov, O. F. (2006a). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka: Vol. 4. Chislitel'nye* (V. B. Krysko, Series Ed.). Moskva: Azbukovnik.
- Zholobov, O. F. (2006b). Morfosintaksis drevneslavianskikh chislitel'nykh. In A. M. Moldovan (Ed.), *Slavianskoe iazykoznanie: XIII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov, Liubliana, 2003: Doklady rossiiskoi delegatsii* (pp. 162–177). Moskva: Indrik.
- Z[izaniĭ], L. (1596). *Grammatika slovenska s"vershennag[o] iskustva osmi chastiĭ slova i inykh nuzhdnykh*. Vil'na: Bratskaia tip.
- Zizaniĭ, L. (2000). Grammatika slovenska. In E. A. Kuz'minova (Ed.), *Grammatika Zizaniia i Meletiia Smotritskogo* (pp. 27–128). Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta.

Lingwistyczna koncepcja liczebnika w gramatykach rosyjskich XVIII–XIX wieku

Autor:

dr Maksim Duszkin,
Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, Warszawa
E-mail: mduszkin@ispan.waw.pl

Autor deklaruje brak konfliktu interesów.

Streszczenie

W pracy przedstawiono analizę rozwoju koncepcji liczebnika w rosyjskich gramatykach XVIII–XIX wieku.

Przedstawienie pojęcia liczebnika w pierwszych rosyjskich pracach gramatycznych różniło się od współczesnego. W gramatyce Wasilija Adodurowa z 1731 roku były one traktowane jak typ przymiotnika, który z kolei stanowił jeden z dwóch podstawowych typów „imienia”. W późniejszych pracach koncepcja liczebnika ulegała zmianom. W gramatyce Michaiła Łomonosowa (1755) liczebniki są grupą wyrazów należących do części mowy określanej jako „imię”, natomiast ich status wobec rzeczownika i przymiotnika (dwóch podstawowych typów imienia wyodrębnionych przez Łomonosowa) nie zostaje jednoznacznie ustalony. W niektórych pracach powstających po ukazaniu się gramatyki Łomonosowa liczebnik bywa traktowany jako imię związane z oznaczaniem liczby i należy albo do grupy przymiotników, albo do grupy rzeczowników. W części zaś prac liczebnikom przypisuje się dwojaki status. Na podstawie cech znaczeniowych liczebniki zostają wyodrębnione jako trzeci typ imienia (obok rzeczowników i przymiotników). Jednocześnie na podstawie cech gramatycznych stwierdza się, że należą one do grupy rzeczowników bądź przymiotników.

Na początku XIX wieku w gramatyce Iwana Ornatowskiego przedstawione zostaje rozumienie liczebnika jako odrębnej części mowy (oprócz liczebnika status części mowy otrzymują tu również rzeczowniki oraz przymiotniki).

W niniejszej pracy zostają przeanalizowane zmiany kryteriów wyodrębniania liczebników i ich typów w języku rosyjskim, jak również proponowane w literaturze lingwistycznej rozwiązania problemu statusu liczebnika na tle innych rosyjskich wyrazów imiennych.

Słowa kluczowe: liczebnik, gramatyki rosyjskie, lingwistyka rosyjska XVIII–XIX wieku, części mowy

Volume 143 of the series *Prace Slawistyczne. Slavica*
 [Monographs in Slavic Studies. Slavica]

The linguistic concept of the numeral in Russian grammars of 18th–19th centuries

Author of the volume:

Dr Maksim Duszkin,

Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, Warszawa, Polska

[Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland]

Correspondence: mduszkin@ispan.waw.pl

Competing interests: The author declares that he has no competing interests.

Summary

This monograph undertakes to analyze the evolution of the numeral as a concept in Russian grammars over the course of the 18th and 19th centuries.

The concept of the numeral presented in the first Russian grammatical studies was much different from how it is seen nowadays. In Vasilii Adodurov's grammar, published in 1731, the numeral was treated as a type of adjective which, in turn, was considered as one of the two fundamental types of the nominal. In later works, the concept of the numeral underwent a number of changes. Mikhail Lomonosov in his grammar (1755) assigned numerals to the part of speech called the "nominal". He nevertheless did not define explicitly their status in relation to the noun and adjective (two basic nominal types distinguished by Lomonosov). In some linguistic monographs which appeared after Lomonosov's grammar, the numeral was sometimes treated as a nominal which denotes a specific number and belongs to the category of either adjectives or nouns. In some linguistic works, however, a dual status was assigned to numerals. Based on semantic features, numerals were distinguished as the third type of the nominal (beside nouns and adjectives). At the same time, based on grammatical features, numerals were considered to belong to the class of either nouns or adjectives.

At the beginning of the 19th century, a notion of the numeral as a distinct part of speech was introduced in Ivan Ornatovskii's grammar (apart from the numeral, the status of a part of speech was attributed also to nouns and adjectives).

This monograph examines the changes in criteria of identifying numerals and their types in Russian as well as in solutions to the problem of the numeral's status in relation to other Russian nominal words that were proposed by the respective linguistic literature.

Keywords: numeral, Russian grammars, 18th–19th century Russian linguistics, parts of speech